С. Г. ГРИГОРЬЕВ



ВОКРУГ ЮЖНОГО ПОЛЮСА



УЧПЕДГИЗ МОСКВА 1937

Проф. С. Г. ГРИГОРЬЕВ

ВОКРУГ ЮЖНОГО ПОЛЮСА

ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ
НЕПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Утверждено Наркомпросом РСФСР

Издание 3-е
переработанное и дополненное
В. Я. ЯКУБОВИЧЕМ

С примечаниями проф. Ю. М. ШОКАЛЬСКОГО



ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • 1937

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отв. редакторы *С. В. Чефранов* и *П. Г. Терехов*
Редактор карт *В. П. Максимяк*
Техн. редактор *Е. Г. Доскач*
Сдано в набор 3/VIII 1936 г. Подписано к печати 15/X 19..6 г.
Форм. бум. 62×93/16. Бум. Камского Бумкомбината
Тираж 10 000 экз.
Изд. листов 16¹/₄. Бум. листов 8³/₄. Авт. листов 16,18
В 1 бум. листе 86016 типогр. зн.
Цена 2 руб. 45 коп., перепл. 60 коп.
Учпедгиз № 8383. У—2. Заказ № 5465. Уполн. Главлита № Б-30 634.

Сматрицировано в 1-й Образцовой тип. Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига» Москва, Валовая, 28.

Отпечатано с матриц в 5-й тип. Трансжелдориздата НКПС. Москва, Каланчевский туп., дом 3/5 по заказу 5253.

ЮЖНЫЙ МАТЕРИК И ЕГО ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Антарктика и Антарктида. Дирк Герриц (1599). Джемс Кук (1772 - 1775). Натаниэль Пальмер (1818—1819). Уильям Смит (1819). Русская экспедиция Ф. Беллингсгаузена (1819—1821). Джемс Уэддель (1823- 1824). Джон Биско (1831 - 1832). Дюмон-Дюрвилль (1838—1840). Чарльз Уилькс (1839 - 1840) Джемс Кларк Росс (1840—1843).

Арктика и Антарктика. Север и юг. Два полюса. Два разных мира. Арктика — это океан со множеством островов, связанных льдом, и окруженный сушей: Европой, Азией и Америкой. Антарктика, в огромной своей части — суша, которую ученые называют Антарктидой, сверху покрытая ледяной оболочкой, достигающей местами сотен метров толщины.

О берега Антарктиды разбиваются волны Тихого, Атлантического и Индийского океанов. Громадные водные пространства отделяют ее от Австралии на 2500 *км*, Африка отстоит в 3900 *км* и даже до наиболее близко расположенной к ней Южной Америки насчитывается, по прямой линии, около 1360 *км*.

Изучение материка подтверждает предположение, что некогда здесь был мягкий климат. Об этом говорят ископаемые деревья и угли, повествуя о жизни, уничтоженной нашествием льдов в более поздний период, после чего Антарктида превратилась в колоссальный холодильник, влияющий на климат всего южного полушария.

Суровые холода держатся в Антарктиде почти круглый год. «Страна снегов, холодов, красок и молчания» — так назвал Антарктиду один из смельчаков, рискнувших путешествовать по этой стране.

Обычно глубокая тишина окутывает Антарктиду, но случаются дни, когда грохочет полярный шторм, когда трещат лавины и ледники, и айсберги (ледяные горы), плавающие у берегов Антарктиды, раскалываются на множество кусков, сталкиваясь с ледяными барьерами.

Во всех частях земного шара бывают бури, но ни одна из них не может сравниться с антарктическим штормом.

Этот неописуемый по своей силе ураган обычно сопровождается резким понижением температуры. Маусон вспоминает о нем как о «беспощадном вихре, который ударяет, колотит и замораживает. Он внезапно приобретает огромную силу, достигает быстроты в 100—150 *км* в час, сметает комкообразный снег с ледяных полей и наполняет воздух ослепляющими вихрями. От их действия полируются скалы, металлы, дерево».

С 22 апреля по 22 августа полярная ночь стоит над страной. Полярное сияние заполняет небо перебегающими полосами и волнами света зелеными, желтыми, розовыми, которые то вспыхивают, то погасают, то вновь разгораются. Летом под яркими лучами солнца также часто возникают разнообразные воздушные видения и световые эффекты. В это время Антарктида — чудесный мир оптических обманов. Оранжевые, темносиние, фиолетовые, красные полосы бороздят небо, длинные пурпуровые тени ползут по льду. Облака принимают причудливые очертания, солнце окружено венцом, луна коробится. Миражи появляются на горизонте. Иногда они принимают характер фата-морганы, представляя собой замечательное зрелище башен, замков, дворцов, висящих в воздухе.

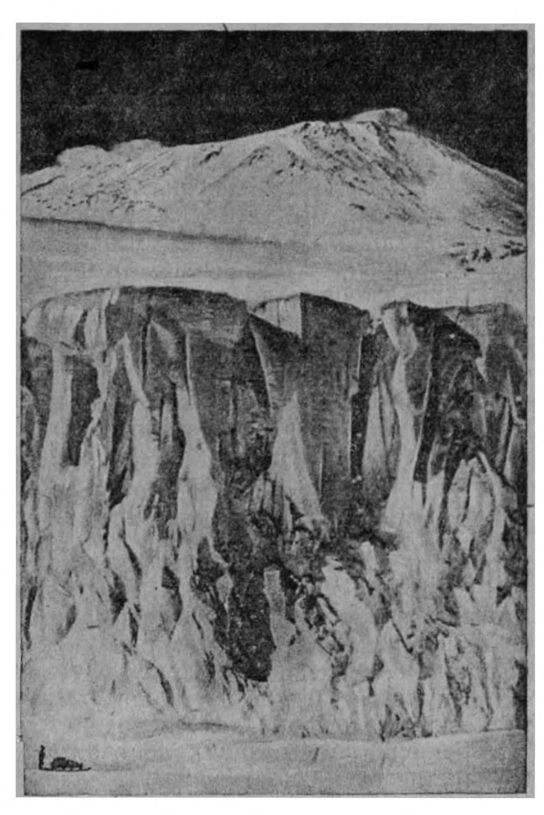
Антарктида — материк площадью около 14 млн. *кв. км* с обширным плато и высокими горными цепями. Центральная часть, лежащая вокруг южного полюса, — громадное нагорье, приподнятое на высоту 3000 *м* над уровнем моря и окруженное горами, отдельные вершины которых достигают 4500 *м*. Берега Антарктиды во многих местах покрыты ледниками, они спускаются с гор и, подобно языкам, вытягиваются в море на многие километры. От языков и барьеров откалываются ледяные горы, имеющие нередко десятки километров в длину.

На современной карте Антарктики мы видим большое белое пятно неисследованной земли, окруженное тонкой линией участков суши, заснятых многочисленными экспедициями. Два глубоких выреза расположены почти друг против друга, — это море Росса и море Уэдделя. На карту нанесены лишь грубые очертания и незначительная часть материка, обширные пространства которого еще ждут исследователей.

* *

Чем привлекает Антарктика путешественников? Какой магнит притягивает их в эти негостеприимные края? Почему они добровольно идут на лишения, терпят физические страдания, подвергают себя смертельной опасности?

Ссылаясь на слова Бэрда, Хеуорд так отвечает на эти вопросы: «В неизвестном заключается беспрерывный вызов любознательности человека. Пока на земном шаре будет существовать еще что-нибудь неизвестное относительно его



Великий барьер Росса и вулкан Эребус.

формы, истории, природных сил, всегда найдутся люди, которые не остановятся ни перед чем, чтобы заполнить пробел в знаниях». На вопрос, какую же пользу может извлечь человечество из научных исследований Антарктики, Маусон дает ответ, что полярные области, так сказать, «вымощены фактами, наука же представляет собой однородное целое, вследствие чего неизвестность фактов, касающихся какой-либо части мира, тормозит общее развитие науки».

Географов не может не привлекать белое пятно на карте южного полушария. Нанесение точных границ Антарктиды, протянувшихся более чем на 13 тыс. *км*, определение очертаний внутренних областей и горных цепей представляют собой заманчивую цель для исследователей.

Работы геологов и гласиологов (исследователей ледников) в Антарктиде смогут пролить свет на климатическую историю материка до наступления современного периода. Им предстоит установить топографические особенности по-

гребенной под льдами страны. Наука обладает неопровержимыми данными, подтверждающими, что Антарктика в доледниковый период имела более теплый климат, чем теперь.

Существует предположение, что Антарктида медленно освобождается из-под ледяного покрова. Некоторые ученые представляют Антарктиду как плацдарм сражения могущественных сил: с одной стороны, осадки и мороз, с другой — процесс обнажения. Осадки в виде снега питают льды, но значительное количество их сдувается ветром в море; оно поглощает и ледяные массы, постепенно спускающиеся с возвышенных пунктов материка. Если гипотеза о сокращающемся в Антарктиде снегопаде подтвердится, то можно будет с уверенностью сказать, что обнажающие силы берут верх. Освободится ли Антарктида подобно Европе и Северной Америке из ледяного плена — на этот вопрос смогут ответить гласиологи лишь после тщательного изучения Антарктики.

Пласты и скалы, погребенные подо льдом, таят историю материка, прочесть которую предстоит геологам. Обрывки этой истории уже собраны. Они говорят о потрясающей картине грандиозной катастрофы, происшедшей некогда в южном полушарии и отделившей Антарктиду от Южной Америки, Австралии и Новой Зеландии.

Антарктика интересна и для физиков, изучающих электрические явления, и для специалистов по оптике.

В морях, окружающих ее открыто большое поле деятельности для естествоиспытателей, биологов и океанографов.

Нельзя еще с уверенностью сказать, какие богатства скрыты в недрах Антарктиды, но даже те немногие изыскания, которые были произведены за последние годы, дают основания предполагать наличие угля, золота и даже нефти.

Преждевременно еще говорить и об экономической эксплоатации природных богатств Антарктиды. Прежде всего Антарктику нужно исследовать и изучить. Ведь до сих пор — она только белое пятно на картах и пробел в отделах многих наук. В этом отношении Антарктика резко отличается от Арктики.

Северный полюс и земли, его окружающие, уже с начала девятнадцатого века представляли объект неутомимого исследования путешественников всех стран и национальностей.

Судьба южных околополярных стран иная.

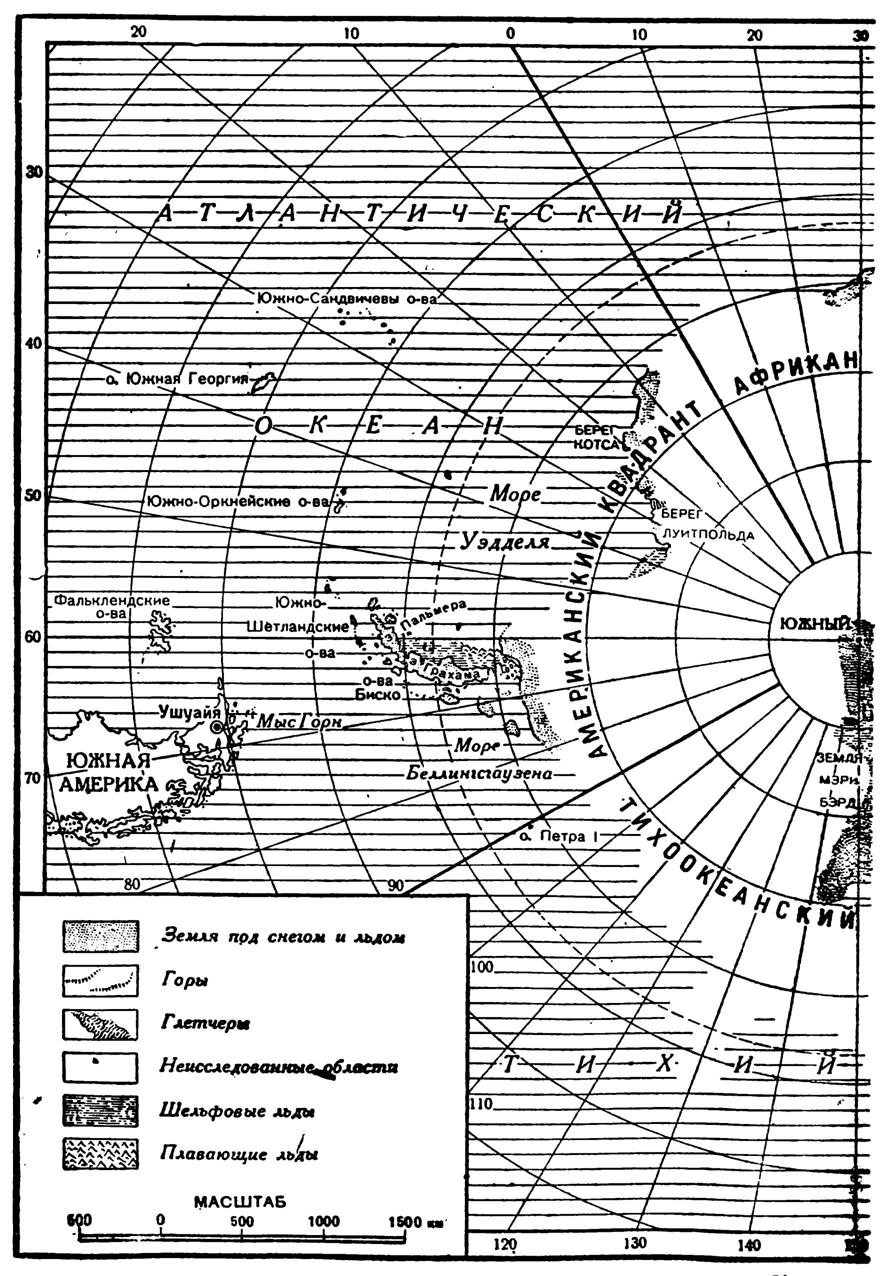
За исключением небольшого периода в 40-х годах прошлого столетия до конца XIX в. на земли вокруг южного полюса не было обращено никакого внимания. Если же за последнюю четверть XIX ст. и получались от времени



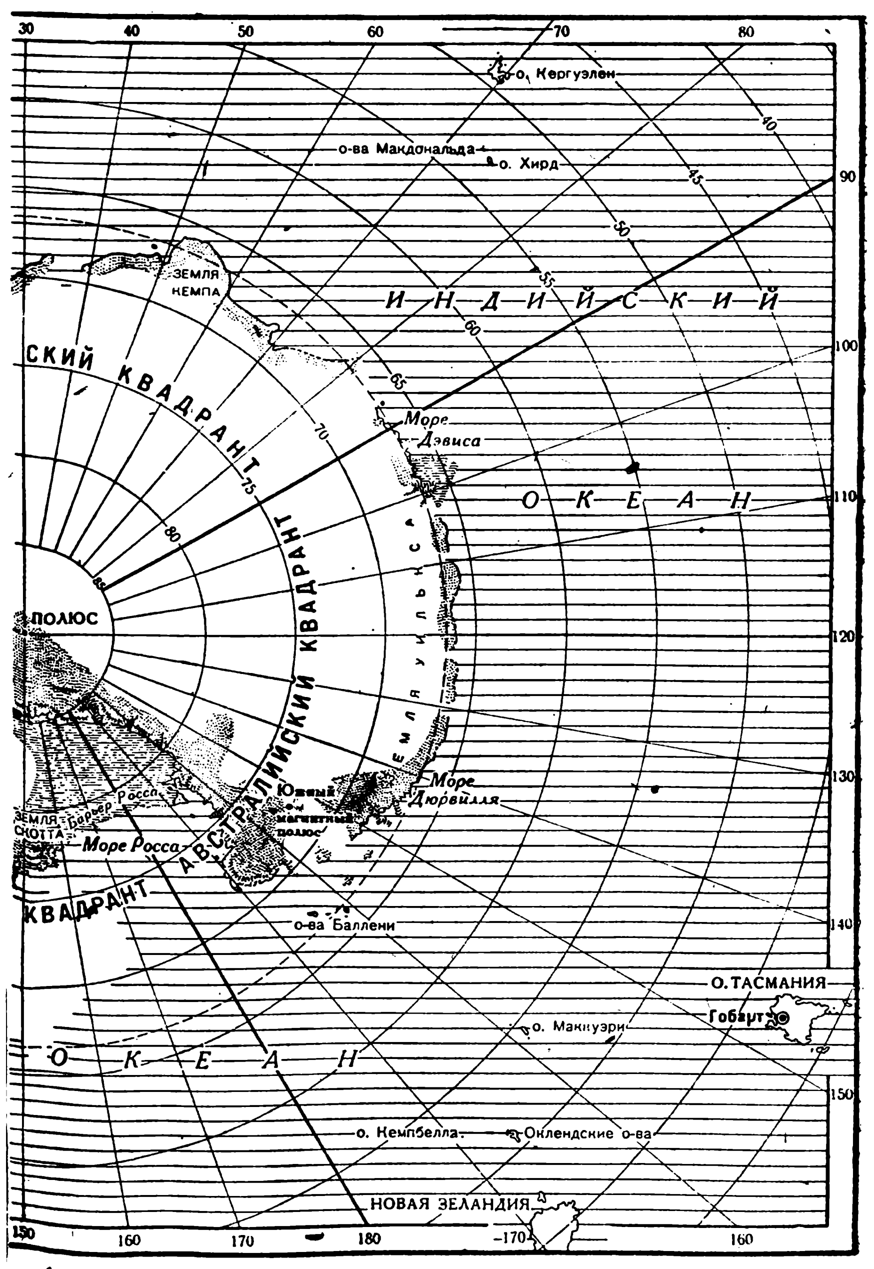
Блинчатый лед в море Росса.

до времени сведения о том или другом уголке южной полярной области, то они носили совершенно отрывочный характер и доставлялись случайными посетителями антарктических стран, заходившими туда, так сказать, «по дороге». Это были по большей части или китобои, или научные экспедиции, в задачи которых входило изучение океанов южного полушария, а вовсе не открытие новых земель. Например, английская экспедиция Г. Нэрса на корабле «Челленджер» или германская экспедиция К. Куна на корабле «Вальдивия».

Только в самом конце прошлого века началось исследование южного полярного мира, которое с небольшими перерывами весьма энергично ведется и до сих пор: англичане, норвежцы, бельгийцы, шведы, германцы, французы, англо-австралийцы, американцы, японцы со всех сторон осаждают южный полюс, одни с большим, другие с меньшим успехом. Иные по два и по три раза отправлялись в антарктические страны, возвращаясь каждый раз с богатыми результатами. Другие находили здесь безвременную, часто героическую кончину. В настоящее время южный географический полюс так же, как и магнитный полюс уже достигнут, или, как принято говорить, «открыт» рядом экспедиций. Тем не менее, тайна, окутывающая южнополярный материк, еще далеко не рассеялась, самое существование единого антарктического материка все еще под-


А—Т—Л—А—Н—Т—И—Ч—Е—С—К—И—Й
О—К—Е—А—Н
Южно-Сандвичевы о-ва
о. Южная Георгия
Южно-Оркнейские о-ва
Фальклендские о-ва
Южно-Шетландские о-ва
о-ва Биско
Пальмера
Грахама
Ушуайя
Мыс Горн
ЮЖНАЯ АМЕРИКА
Море Уэдделя
Море Беллинсгаузена
БЕРЕГ КОТСА
БЕРЕГ ЛУИТПОЛЬДА
АМЕРИКАНСКИЙ КВАДРАНТ
АФРИКАН
ТИХООКЕАНСКИЙ
ЮЖНЫЙ
ЗЕМЛЯ МЭРИ БЭРД
о. Петра I
Т—И—Х—И—Й
Земля под снегом и льдом
Горы
Глетчеры
Неисследованные области
Шельфовые льды
Плавающие льды
МАСШТАБ
500 0 500 1000 1500 км

Карта



о. Кергуэлен
о-ва Макдональда
о. Хирд
ЗЕМЛЯ КЕМПА
И—Н—Д—И—Й—С—К—И—Й
СКИЙ КВАДРАНТ
Море Дэвиса
О—К—Е—А—Н
ПОЛЮС
АВСТРАЛИЙСКИЙ КВАДРАНТ
Земля Уилкса
Море Дюрвилля
Южный магнитный полюс
Барьер Росса
ЗЕМЛЯ СКОТТА
Море Росса
КВАДРАНТ
о-ва Баллени
О. ТАСМАНИЯ
Гобарт
о. Маккуэри
О—К—Е—А—Н
о. Кемпбелла
Оклендские о-ва
НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Антарктики.

вергается некоторому сомнению, и целый ряд крупных научных вопросов, связанных с изучением южнополярных стран, еще ждет своего разрешения.

Изложению последнего периода антарктических путешествий, начавшегося в 90-х годах минувшего века, посвящена настоящая книжка. Однако, прежде чем рассказывать о подвигах современных исследователей, необходимо узнать о том, что сделано их предшественниками, и что вообще нам известно о южных полярных странах.

В 1599 г., во время борьбы голландцев с испанцами за их заморские колонии, из Голландии отправилась в Тихий океан эскадра для захвата испанских владений на берегах Тихого океана. Эскадра благополучно миновала Магелланов пролив, но при выходе из него ее застигла жестокая буря, и одно из судов, находившееся под командой Дирка Геррица, отнесло далеко на юг. Здесь Дирк Герриц увидел землю, покрытую высокими, одетыми снегом горами, которая очень напоминала ему берега Норвегии. Не приближаясь к этой земле, Дирк Герриц повернул на север и вскоре потерял ее из вида.

Что это за земля, — вопрос спорный: по мнению одних ученых, это был один из Южно-Шетландских о-вов, лежащих под 64° ю. ш. и открытых 200 с лишком лет спустя; по мнению других, в том числе С. Руге и А. Вихмана, написавшего специальную книгу о Дирке Геррице и его путешествии, последний не спускался на юг дальше 56° ю. ш. В таком случае это был один из западных островов архипелага Огненной Земли.

Не только открытие, но даже имя Дирка Геррица было надолго забыто. Лишь впоследствии, когда стали действительно открывать земли к югу от мыса Горн, вспомнили про это плавание и все острова южнее Огненной Земли начали именовать архипелагом Дирка Геррица.

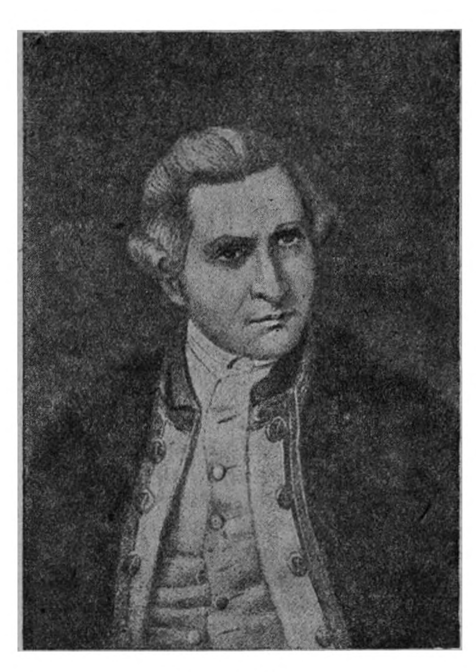
Первый путешественник, который побывал за Южным полярным кругом, был знаменитый английский мореплаватель Джемс Кук.

Произошло это благодаря следующим обстоятельствам.

Еще со времен Птоломея (со II в. нашей эры) в науке существовало убеждение, что в южном полушарии, доходя чуть не до экватора, лежит обширный материк, соединяющий, между прочим, тропическую Африку с южной Азией. От древних, через арабов, это воззрение перешло в Европу. На средневековых картах этот материк обозначался с различными подробностями — береговыми островами, заливами, реками, городами и т. п. В конце XV в. десятки кораблей бороздили морскую гладь в тех местах, которые на картах

были обозначены южным материком. Пришлось внести поправки, и на новых картах этот материк или совсем исчез, или сохранился со значительно изменившимися очертаниями. Открытие Южной Америки, в особенности ее южных частей, и морского пути в Индию вокруг Африки заставило отодвинуть в области Атлантического и Индийского океанов еще дальше на юг границы этого таинственного материка. Но сомнений в его существовании не было. Открытие в начале XVI в. в Америке и на южноазиатских островах значительных, иногда даже очень больших, более или менее культурных государств вызывало у путешественников желание открыть так же и предполагаемый южный материк и присоединить его к владениям своей страны. С этих пор на большинстве глобусов и карт XVI, XVII и половины XVIII вв. вокруг южного полюса изображается громадная масса суши, занимающая чуть не больше половины всего южного полушария. Суша эта на различных картах носит разные названия, но чаще всего — Terra australis (Южная Земля) с прибавлением «неизвестная» или «еще неизвестная», «открытая, но еще не исследованная», и т. п. Многие путешественники отправляются на поиски таинственной земли и все вновь открываемые к югу от экватора участки суши объявляются частями и выступами неизвестного Южного материка. Правда, обычно через некоторое время обнаруживалось, что вновь найденные земли со всех сторон окружены морем (так было, например, с Огненной Землей, с Новой Зеландией, с Новой Гвинеей и даже Австралией) и границы Южной Земли отодвигались все дальше и дальше к югу; тем не менее вера в существование обширного обитаемого материка твердо удержалась до последней четверти XVIII в.

Так в течение XVIII ст. в южных частях Атлантического и Индийского океанов различными, преимущественно французскими, моряками было открыто несколько островных групп околополярного характера. В 1739 г. французский адмирал Лозье Бувэ открыл к югу от Африки небольшой остров, названный впоследствии его именем. В 1756 г. испанское торговое судно «Леон» натолкнулось в южной части Атлантического океана на значительный участок суши, названной Сан-Педро. По некоторым данным землю эту видел еще раньше, в 1675 г. начальник гамбургской торговой экспедиции Антоний де-ля-Роше, а может быть даже известный португальский мореплаватель Америго Веспуччи (1501), но, во всяком случае, к средине XVIII в. данные эти, далеко не бесспорные, были основательно забыты. В 1772 г. перед экспедицией Кука, француз Марион дю-Френь открыл в Южном Индийском океане группы мелких островов Эдуарда и Крозет, а другой фран-



Джемс Кук.

цузский капитан — Кергуэлен — к югу от Индии — довольно крупный архипелаг, получивший впоследствии его имя. Все эти острова были малодоступны, окружены туманами или пловучими льдами, покрыты снежными горами со спускающимися к самому морю глетчерами. Как и следовало ожидать, все они вначале были приняты за выступы таинственной Южной Земли.

Джемс Кук, обойдя в 1769—1771 гг. значительную часть Австралии и доказав островной характер Новой Гвинеи и Новой Зеландии, которая тогда считалась полуостровом Южной Земли, решил окончательно выяснить вопрос об этом таинственном материке. В течение 1772—1775 гг. он на кораблях «Адвенчюр» и «Ризолюшен» обошел полярные страны кругом, вдоль границы сплошного пловучего льда. Зимою он поднимался за 55° к северу, а летом спускался южнее, за полярный круг. В юго-восточной части Тихого океана ему удалось достичь весьма значительной широты — 70° 10′ (на западной долготе 106° 54′, в Тихом океане). Во время плавания в южной части Атлантического океана Кук открыл архипелаг Южных Сандвичевых о-вов и большой — более 100 *км* длиною — о. Южная Георгия (впоследствии оказавшийся тождественным с упомянутым выше

Сан-Педро), а кроме того обследовал открытые ранее о-ва Кергуэлен и принца Эдуарда в Индийском океане. Все эти земли, несмотря на их более или менее ярко выраженный полярный характер, лежали под сравнительно низкими широтами — самая южная из них, — южная оконечность архипелага Сандвич, лежит под 59° 26′ ю. ш., т. е. на полградуса дальше от южного полюса, чем Ленинград (59° 57′ с. ш.) от северного полюса.

За полярным кругом Кук земли нигде не видел, хотя нередко натыкался на сплошные массы ледяных гор, которые образуются только на берегах полярных островов и материков. Путешествия Кука сразу разрушили мнение о таинственной Южной Земле, и именно после него в географии распространился взгляд, что за южным полярным кругом лежит море.— Южный Ледовитый океан. Взгляд этот настолько укрепился, что несмотря на многие противоречившие ему данные, держался в науке очень долгое время.

После Кука почти на 45 лет об антарктических странах как будто забыли.

Оживление в это дело внесли тюленебои, промышлявшие морского зверя в водах, окружающих южную оконечность Южной Америки. Первыми здесь были, повидимому, испанские колонисты, предки теперешних аргентинцев. В 1818 г.



Молодой тюлень — крабоед.

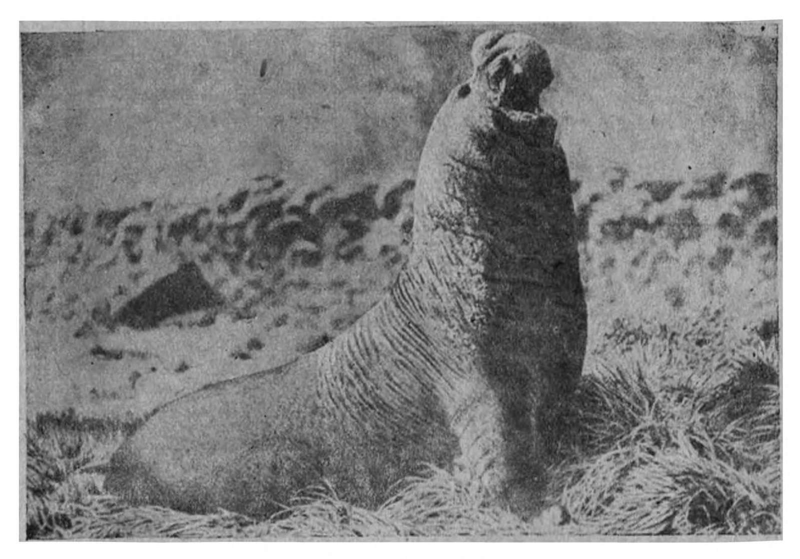
молодой американский моряк Натаниэль Пальмер, оставшийся на некоторое время на Фальклендских островах, чтобы сделать запас продовольствия для промыслового судна «Герсилия», на котором он был помощником капитана, увидел пришедшее из Буэнос-Айреса испанское судно «Эспирито Санто» и из разговоров узнал, что оно отправляется за добычей куда-то на юг, где водится несметное количество тюленей. Опасаясь конкуренции, капитан «Эспирито Санто» тщательно скрывал от Пальмера конечный пункт следования корабля. Когда «Герсилия» под командой капитана Шеффильда вернулась на Фальклендские о-ва, Пальмер предложил отправиться вслед за «Эспирито Санто», который ушел уже три дня тому назад. Шеффильд охотно согласился и несколько дней спустя они открыли новые острова (впоследствии названные Южно-Шетландскими), а вскоре затем нашли и «Эспирито Санто», команда которого была занята охотой на тюленей.

Испанцы, никак не ожидавшие появления чужого судна в месте их лова, были настолько восхищены ловкостью Пальмера, что даже помогли экипажу «Герсилии» погрузить на судно собранную богатейшую добычу (10 тыс. великолепных шкур).

Ничего не зная об открытии Пальмера, почти одновременно с ним, 6 февраля 1819 г. капитан английского торгового судна Уильям Смит, огибая мыс Горн и зайдя слишком далеко на юг, открыл к югу от Огненной Земли группу гористых островов, названных Южно-Шетландскими. На этих островах он встретил множество тюленей, среди которых были два в высшей степени ценные вида — огромный морской слон, дающий массу ворвани, и южный морской котик, известный своим мягким теплым мехом. Смит проверил свое открытие в следующее лето вместе с английским морским офицером Брансфильдом, который произвел съемку большей части вновь открытого архипелага. Именем Брансфильда назван пролив между Южно-Шетландскими о-вами и лежащей к югу от них сушей, именем Пальмера — один из крупнейших антарктических архипелагов к югу от Южной Америки.

Совершенно независимо от Пальмера и Смита осенью 1819 г. американский тюленебой Фанниг, в поисках «охотничьих участков» направился к юго-западу от Южной Георгии и в феврале 1820 г. тоже нашел один из Южно-Шетландских о-вов, весьма богатый тюленями.

Открытия Пальмера, Смита и Фаннига стали немедленно известны и другим американским и английским тюленебоям, которые учли возможность богатой добычи. На следующий год целые флотилии промысловых судов появились в Южно-Шетландских водах. Благодаря обилию добычи, тюленебои



Морской слон.

ограничились на первых порах Южно-Шетландскими о-вами (61—63° ю. ш.) и не спускались дальше к югу.

За полярным кругом суша впервые была открыта русской экспедицией, во главе которой стоял Беллингсгаузен.

В июле 1819 г., когда Смит открыл Южно-Шетландские о-ва, из Кронштадтского порта вышли два корабля «Восток» и «Мирный» со специальной задачей проникнуть как можно дальше на юг и узнать, что находится в неведомом южнополярном океане.

Начальником этой экспедиции был капитан, впоследствии адмирал Фаддей Фаддеевич (Фабиан Готлиб) Беллингсгаузен, опытный моряк, принимавший в 1803—1806 гг. участие в первом русском кругосветном путешествии под начальством Крузенштерна. Беллингсгаузену было предписано употребить «всевозможное старание и величайшее усилие для достижения сколь возможно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли и не оставить сего предприятия иначе, как при непреодолимом препятствии...» «...ежели усилия его останутся бесплодными, он должен возобновить свои покушения, не упуская ни на минуту из виду главную и важную цель, для коей он отправлен будет, повторяя сии покушения ежечасно как для открытия земель, так и для приближения к южному полюсу». Кроме этой главной задачи у экспедиции была большая программа океано-



Ф. Беллингсгаузен.

графических и естественно-научных наблюдений помимо съемки и описания берегов вновь открытых или малоизвестных земель, которые могут встретиться на пути. Полярную зиму Беллингсгаузен должен был проводить в более теплых широтах Тихого океана в поисках и описаниях новых островов.

Экспедиция отправлялась на двух парусных судах по тогдашнему «шлюпах», «Восток» и «Мирный». Оба судна были деревянные, в подводной части с медной обшивкой, по теперешним понятиям совершенно непригодные для серьезной борьбы с полярными льдами и более слабые сравнительно с судами Кука.

Кроме запаса провианта и необходимого снаряжения, на шлюпы погрузили запас дров (угля у нас во флоте тогда не употребляли) для отапливания трюма и кают.

«Востоком» командовал сам Беллингсгаузен, «Мирным» — лейтенант Лазарев. Всего на обоих шлюпах было 189 человек, в том числе астроном — профессор Казанского университета Симанов и художник — академик Михайлов. Кроме того, для собирания коллекций и наблюдений по естественным наукам к экспедиции должны были присоединиться два немецких натуралиста, которые, в самую последнюю минуту, когда корабли уже прибыли в Копен-

гаген, отказались от плавания. И пришлось самому Беллингсгаузену с товарищами, людьми, конечно, совершенно неподготовленными по естественной истории, «набирать по сей части все встречающееся, и по возвращении нашем представить людям знающим, отличить известное от неизвестного». И действительно, просматривая результаты экспедиции, приходится только удивляться, как много эти люди сделали при бывших в их распоряжении средствах; особенно надо отметить помощника Беллингсгаузена, капитана Завадовского, собравшего большую коллекцию морских птиц.

4 июля (ст. стиля) шлюпы вышли из Кронштадта и направились в Копенгаген, а затем в Портсмут, в Англию, где предстояло сделать различные закупки.

Пребывание в Англии продолжалось более месяца и только 29 августа корабли ушли на юг, направляясь сначала на Канарские о-ва, а затем в Бразилию, в Рио де-Жанейро.

Уже на первых переходах выяснилось, насколько «Мирный» слабее «Востока». «Разница в ходе была такова, что не следовало бы их употреблять вместе, тем более при столь важном предназначении к многотрудному плаванию». И, действительно, во время плавания «Мирный» все время отставал, являясь постоянным тормозом для «Востока», который, конечно, не мог бросить своего во всех отношениях более слабого товарища[1].

2 ноября шлюпы пришли в Рио де-Жанейро. Проверивши инструменты и возобновивши запасы продовольствия и пресной воды (опреснители тогда еще не были изобретены), 22 ноября Беллингсгаузен дал приказ сняться с якоря и идти на юг, в неведомые страны, предварительно условившись с Лазаревым, как поступать, если буря или какое-либо другое обстоятельство разъединит корабли.

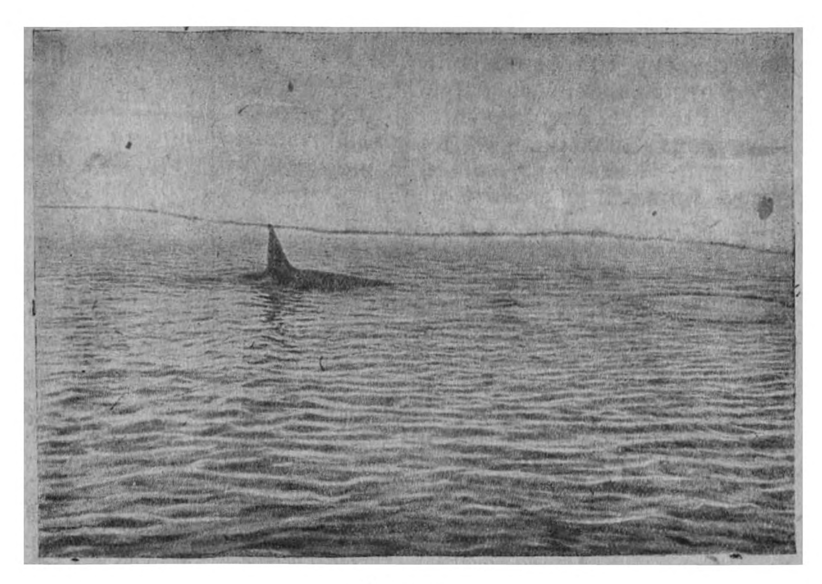
Сперва направились к о-ву Южной Георгии, очертания которого не были еще точно установлены Куком. Уже первое вступление в более прохладные воды ознаменовалось появлением громадных альбатросов, множеством буревестников («бурных птиц») и китообразных: «большие рыбы от 15 до 16 фут. величиною, из рода китов — вероятно косатки, судя по дальнейшему описанию, — окружали наши шлюпы». 11 декабря заметили в море первых пингвинов, с золотистыми хохолками на голове.

Под утро 15 декабря завидели о. Южную Георгию.

Когда рассвело, и небо несколько расчистилось, взорам путешественников представились высокие горы о-ва Южной Георгии и Валлиса — небольшого острова, лежащего у за-

---

[1] Несмотря на эти условия, корабли ни разу не теряли один другого, тогда как в экспедиции Кука корабли два раза разлучались и во второй раз капитан Фюрно бросил Кука и ушел один в Англию.—*Ю. Ш.*



Косатка.

падной оконечности Южной Георгии. Горы были покрыты снегом и вершины их терялись в облаках.

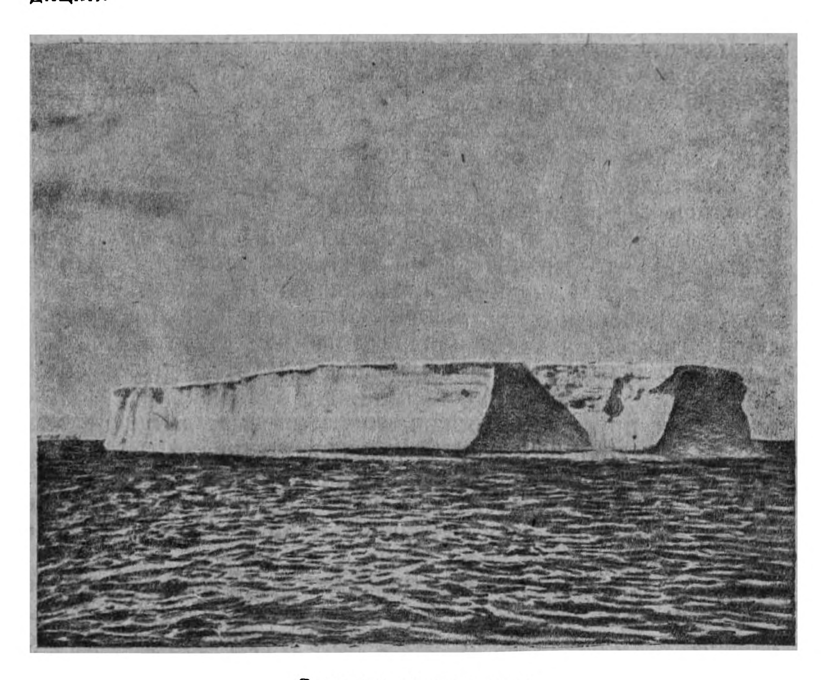
Три дня шли корабли Беллинсгаузена, производя съемку еще неописанного юго-западного берега Южной Георгии. Берег был однообразен и горист; всюду снег и лед. «Одни только крупные скалы, на коих снег и лед не могут держаться, имеют цвет темный». У берега то тут, то там попадались глыбы плавающего льда, вероятно оторвавшиеся от береговых ледников.

Неподалеку от Южной Георгии Беллингсгаузен открыл новый остров, названный им в честь одного из спутников о-вом Анненкова; он имел почти круглую форму и подобно Южной Георгии состоял «из каменных гор, коих вершины покрыты снегом, а ложбины и ущелины наполнены льдом. Хотя мы шли близко от берега, однако ж тщетно зрительными трубами надеялись увидеть какое-либо растение; кроме местами желтозеленеющего мха не видели ничего».

У берега Южной Георгии Беллингсгаузен встретился с английскими тюленебоями, которые уже несколько месяцев промышляли здесь, но останавливаться или высаживаться не стал: погода крайне неблагоприятствовала высадке — дул крепкий ветер, было пасмурно и шел снег. Некогда было дожидаться хорошей погоды, приходилось торопиться на юг, чтобы не упустить антарктического лета. Экспедиция направилась к земле Сандвича, едва намеченной Куком на карте.

Погода не улучшалась: было холодно, меньше +2° Р. Неунимавшийся ветер часто заставлял итти совсем не в том направлении, куда лежал путь. Киты и морские птицы попадались попрежнему в большом количестве. 20 декабря под широтой 56°4' встретилась первая ледяная гора — «ледяной остров», как ее называет Беллинсгаузен, в окружности около 10 *км*, высотою от поверхности воды 55 *м*. С этого дня лед стал попадаться все чаще и чаще не только более или менее крупными глыбами, но и целыми горами громадных размеров.

22 декабря после пасмурного и снежного утра, когда несколько прояснилось, открылся неизвестный остров, и выглянувшее солнце позволило определить его географическое положение. «Остров имеет вид хребта горы, высунувшейся из океана... ...длиною несколько менее двух миль» (15 *км*); «южная часть оканчивается небольшим, на сахарную голову похожим возвышением, которое издалека кажется отдельным: весь остров покрыт снегом и льдом». Остров этот, один из северных в группе Южно-Сандвичевых, до тех пор был неизвестен и потому ему как вновь открытому дали название о. Лескова, в честь одного из членов экспедиции.



Столовая ледяная гора.

На следующий день, когда «пасмурность и снег прекратились» открылся другой остров, с высокой горой посредине, совершенно неприступный; вершина горы была покрыта снегом. Беллинсгаузен назвал его Высоким.

Дальше путешественников ждало новое, более поразительное открытие: «...прошед несколько, увидели остров; по приближении рассмотрели на юго-западной стороне жерло, из которого беспрерывно поднимались густые, смрадные пары».

Остров этот с действующим вулканом получил имя Завадовского в честь помощника Беллинсгаузена. Пока с кораблей делали съемку и определяли высоту вулкана, оказавшуюся равной 366 *м*, Завадовский с астрономом Симановым и несколькими другими офицерами в яликах отправились на берег. Возвратившись, они рассказали, что пристали хорошо, между каменьями, и нашли «множество пингвинов, которые сидели на яйцах и не уступали дороги иначе, как по ударении их хлыстом».

Добравшись почти до половины горы, путникам пришлось возвратиться назад, вследствие необычайно неприятного запаха от помета пингвинов, покрывавшего гору; грунт везде был вязкий. С собой они привезли несколько пингвинов и «перегорелых камней», т. е. кусков лавы и лапиллей.

Далее Беллинсгаузен направился к Земле Сандвича и обошел все острова, виденные Куком. Это были небольшие острова, скалистые и неприступные, с высокими, часто обрывистыми берегами, причем один из них о. Сандерс, подобно о-ву Завадовского, оказался действующим вулканом.

Благодаря тому, что «пасмурность» и «мрачность» чередовались с ясной погодой, Беллинсгаузену удалось снять острова на карту и определить размеры. При этом обнаружилось, что значительный участок берега, названный Куком Землей Сандвича, представляет на самом деле несколько небольших островов: «Капитан Кук по причине дурных погод держался неблизко к о-вам Тюле и Монтегю, а потому льды между оных показались ему берегом». Беллинсгаузен, чрезвычайно щепетильно относившийся к работам своих предшественников, сохраняя имя, данное Куком, назвал всю группу Южно-Сандвичевыми о-вами.

3 января 1820 г., покинув крайний из Южно-Сандвичевых о. Тюле, Беллинсгаузен пошел к югу, и с этого дня началась упорная, продолжавшаяся более двух месяцев, борьба со льдами.

Первые полтора месяца Беллинсгаузен неизменно стремился к югу, стараясь пробиться через пловучие льды: шлюпы шли вдоль края сплошного пловучего льда к востоку, углубляясь на юг везде, где представлялась к этому возможность. Трудность проникания во льды увеличива-

лась еще тем, что корабли были парусные, и, в случае если не было попутного ветра, приходилось лавировать, делая огромные обходы. Несколько раз удавалось Беллингсгаузену спускаться за полярный круг, три раза он заходил за 69° ю. ш., но земли не было нигде видно, и всюду путь преграждала сплошная масса пловучего льда. 15 февраля Беллингсгаузен решил оставить бесплодные попытки пробиться к полюсу и итти прямо на восток, держась тех широт, где дуют попутные ветры, имея в виду «обозреть ту часть Ледовитого океана, в которой никто еще не бывал». Держась приблизительно широты 61—63°, Беллингсгаузен шел к востоку, затем постепенно стал уклоняться к северу, пока 13 марта не вышел из области пловучих льдов, направляясь в Сидней. 4 марта, когда корабли плыли уже среди сравнительно редкого льда, где опасность быть раздавленным льдом, более или менее миновала, суда разлучились, чтобы, идя разными путями, исследовать возможно больше неизвестного пространства. Соединились они уже в Сиднее, куда «Мирный», как более слабый, пришел на целую неделю позже «Востока».

Плавание во льдах было очень тяжело. Правда, температура не спускалась особенно низко, всего 3—4° ниже нуля, но вечная сырость, снег, туман отравляли существование. Каюты и трюм приходилось все время топить и по нескольку раз в день обтирать от накопившейся сырости, а помещения для офицеров просушивали раскаленными пушечными ядрами.

Ледяные горы встречались часто (иногда до пятидесяти сразу) и достигали громадной величины (нескольких километров в окружности). Беллингсгаузен пользовался ими для добывания пресной воды, так как лед, даже образовавшийся из морской воды, был сильно опреснен, а большие ледяные горы материкового происхождения, давали, конечно, и вовсе пресную воду. Для этого приходилось выбирать «ледяные острова», которые были уже сильно повреждены таянием, и разбивать из пушек наиболее выдающиеся ледяные утесы; затем матросы высаживались на лед и, раздробляя крупные куски, нагружали лодки обломками, которые затем на корабле складывали в бочки. Если лед почему-либо оказывался солоноватым, более или менее пропитанным морской водой, его оставляли на палубе в кусках: он несколько подтаивал, морская вода стекала, и лед делался годным к употреблению.

Эти же «ледяные острова» и другие пловучие льды служили Беллингсгаузену для ловли пингвинов, которые своим мясом разнообразили стол; так, например, 7 января «остановились в дрейфе у одного низменного ледяного острова, на котором сидело множество пингвинов. Симанов и Де-

мидов отправились на ялике к острову ловить пингвинов; когда одних ловили руками и клали в мешки, другие спокойно сидели, а некоторые бросались в воду и, не дождавшись отхода ялика, при помощи волн вскакивали на льдину. Добыча наша состояла из 30 пингвинов; я приказал несколько раздать в артели для употребления в пищу и несколько обратить в чучелы, а остальных оставить на шлюпе живыми и кормить свежею свининою, но пища сия, как видно, для них вредна, ибо они скоро похудели, и на третьей неделе околели. Служители сдирали шкуры, делали себе фуражки; жир или сало употребляли для смазывания сапог. К офицерскому столу изжарили пингвина и мы удостоверились, что от нужды они годятся в пищу, особенно ежели продержать несколько суток в уксусе... Ловля пингвинов всех занимала и доставляла свежую пищу... ...мясо пингвинов служители охотно ели».

Кроме пингвинов, которые появлялись не очень часто, суда окружали всевозможные буревестники и альбатросы. Реже появлялись крачки с вильчатым, как у ласточек, хвостом. Из млекопитающих во множестве попадались киты и различные дельфины — те и другие всегда стадами. Раза два «Восток» натыкался на мертвых китов, окруженных несметным множеством птиц, слетевшихся на богатую добычу.

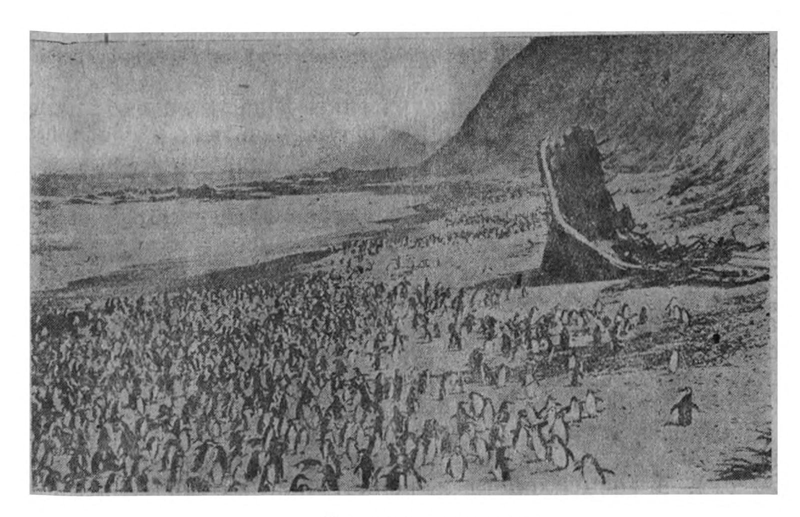
С приближением антарктической осени по ночам стало появляться полярное сияние.

Как ни заботился Беллингсгаузен о своей команде, как ни разнообразил ей пищу, все же за несколько дней до прибытия в Сидней у двух матросов обнаружились явственные признаки цынги — синие пятна на ногах и недомогание. Характерно, что у взятых с собой в качестве живого запаса провианта баранов и свиней тоже обнаружились цынгоподобные заболевания, и некоторые из них даже пали во время пути. Впрочем в заливе Порт-Джексоне (близ Сиднея) больные скоро поправились.

Отдохнувши, исправивши небольшие повреждения, полученные в борьбе со льдами, проверивши инструменты и запасшись всем необходимым, 8 мая 1820 г. Беллингсгаузен со своими судами вышел в Тихий океан, чтобы использовать антарктическую зиму для плавания в более низких широтах.

Посетивши берега Новой Зеландии, Беллингсгаузен направился в наименее изученную юго-восточную часть тропического Тихого океана и открыл там целый ряд новых островов в группах Туамогу, Манихики и Тонга, а к 9 сентября был опять в Порт-Джексоне, чтобы с наступлением антарктического лета продолжать свои изыскания в южнополярных водах.

За два месяца, которые Беллингсгаузен провел в зна-



Колония пингвинов.

комстве с тогдашней Австралией, ее природой и бытом, суда успели приготовиться к полярному плаванию, экипаж — отдохнуть, и 31 октября шлюпы вышли из Порт-Джексона, направляясь на юг.

Первая земля, которую они увидели, был о. Маккуэри, лежащий приблизительно под одной широтой с о-вом Южной Георгии, но уже вне области летних пловучих льдов.

Остров Маккуэри, открытый в 1811 г., в отличие от других южных островов сравнительно невысок (около 45 *м*). Еще при приближении к нему, в зрительную трубу было видно, что он весь порос яркой зеленью, а взморье его покрыто огромными тюленями — морскими слонами — и пингвинами; всевозможные морские птицы носились над берегом.

Беллингсгаузен решил сделать здесь высадку, чтобы запастись пресной водой, а также познакомиться с островом, который почти не был описан.

Сначала для разведки отправились на ялике офицеры Завадовский и Демидов с художником Михайловым и проф. Симановым. Они вскоре вернулись, привезя с собой несколько штук убитых чаек двух или трех видов, разного рода травы, камни, несколько шкур молодых морских слонов и живых пингвинов новых, незнакомых Беллингсгаузену видов.

На острове оказалось несколько человек промышленников, тюленебоев из Сиднея, живших здесь уже несколько месяцев для вытапливания ворвани из морских слонов. Завидев шлюпы, тюленебои на лодках вышли судам навстре-

чу. Они обещались на следующий день указать места, где много воды.

Ночью произошло землетрясение. Два довольно сильных подземных удара, которые ощущались как на острове, так и на шлюпах, привели моряков в большое смятение.

На следующий день запаслись водою, а Беллингсгаузен и Лазарев с художником Михайловым ездили на берег познакомиться с природой острова и с промыслом морских слонов.

На морских слонов промышленники охотились с дубинами, конец которых окован железом и обит острыми гвоздями. Дубинами бьют зверя прямо в переносье. «Больших слонов, кроме сего удара прокалывают еще копьем в сердце, чтоб они оставались на месте».

«Старые самцы, которых мы видели, были величиной около 20 фут. (6 *м*). Они имели хобот длиною около 8 дм (20 *см*), в конце хобота ноздри. Выплывают из воды по большей части на траву и лежат в ямах, как нам казалось, собственною их тяжестью выдавленных, ибо грунт земли весьма рыхлый. Самки и молодые самцы мордою несколько похожи на мосек и хобота не имеют; на ластах, служащих им вместо передних ног, по пяти соединенных пальцев с когтями; промышленники употребляют сии ласты в пищу и говорят, что от молодых весьма вкусны. Слоны хвоста не имеют, глаза у них большие, черные, кожа годна на обивку сундуков или баулов...»

«Убив спящего зверя, обрезывают ножами жир, кладут в котлы, поставленные на камнях, так чтобы было довольно места снизу для огня, который разводят посредством нескольких кусков того же жира, и переливают оный в бочки».

Питались промышленники морскими птицами и их яйцами, птиц били палками, так как они не боялись человека. Кроме того, в пищу употреблялось растение, обладающее противоцынготными свойствами. Из млекопитающих, кроме морских слонов на острове водились лишь одичалые собаки и кошки, завезенные европейцами; они обыкновенно скрывались в густой траве, покрывающей возвышенности.

«На берегу встречались раньше морские котики, но их в короткое время уже успели истребить».

Зато птиц бесконечное множество: три вида пингвинов, всевозможные буревестники, чайки, альбатросы. К великому изумлению Беллингсгаузен встретил здесь множество мелких попугаев[1].

---

[1] По новейшим данным (экспедиция Маусона 1910—1911 гг.) никаких попугаев на о-ве Маккуэри нет. Не истребили ли их одичавшие кошки и собаки?

20 ноября шлюпы оставили берега о-ва Маккуэри и пошли на юг, навстречу полярным льдам. План Беллингсгаузена был такой же, как в прошлом году, — проникнуть на юг возможно дальше, а затем итти к востоку, при первом же случае заворачивая насколько возможно к югу.

* Около о-ва Маккуэри Беллингсгаузен сделал первую в истории океанографии попытку произвести промер глубины океана; попытка была неудачна, но намерение ее сделать показывает, что плавали на судах недюжинные моряки.*[1]

К несчастью, скоро обнаружилась большая неприятность: у «Востока» в носовой части, несмотря на сделанный в Сиднее ремонт, где-то под медной обшивкой оказалась течь, — «вода входила так сильно, что слышно было оной журчанье», но исправить повреждение не было никакой возможности. Пришлось значительно уменьшить быстроту хода судна, постоянно выкачивая накоплявшуюся воду.

Не успели еще уйти от о-ва Маккуэри, как началась обычная в этих широтах непогода: «Ветер крепкий западный, с шквалами, снегом и градом... Качка была так велика, что мы не могли ходить не держась, день так мрачен, что шлюпа «Мирного» часто не видали, не взирая, что был от нас недалеко (23 ноября)».

Вскоре затем термометр упал до нуля: 27 ноября прошли 60° ю. ш., а на другой день увидели «первые ледяные острова; они были плоски, отрубисты и покрыты снегом; на одном, с южной стороны, стояло подобие памятника».

Опять началось знакомое по прошлому году плавание: «ледяные острова», густой снег, «густая мрачность», жестокие бури, ежеминутная опасность налететь на льдину, жестокая качка, постоянная сырость, усиливавшаяся благодаря тому, что от постоянной тряски и движения шлюпа пазы во многих местах раздались, и в образовавшиеся щели проникала вода.

Ледяных гор и вообще пловучих льдов в этой части океана оказалось больше, нежели в прошлое плавание и сами они превышали своими размерами те, что встречались в прошлом году. Так, например, один «ледяной остров» имел в окружности до 20 *км*. Вот картина полярных льдов из дневника Беллингсгаузена (11 декабря):

«В продолжение суток видели к югу сплошные льды, составленные из кусков, один на другой набросанных в разном положении; внутри сего пространства были затертые ледяные острова разных видов; закраины сего ледяного поля представляли с одной стороны как будто насыпи, а с

---

[1] **Текст, выделенный звездочками, принадлежит проф. Ю. М. Шокальскому.**

другой — множество островов; одни были с обелисками, некоторые казались башнями, а другие имели подобие спящего льва».

Плавание среди ледяных гор на парусном судне было чрезвычайно трудно и опасно.

Ледяные горы при всей своей опасности не служили препятствием для проникновения на юг, но сплошной пловучий лед, — непреодолимая преграда,— оттеснял иногда шлюп довольно далеко на север (один раз даже до 60° ю. ш.); тем не менее Беллингсгаузену удавалось несколько раз проникнуть за 64 и даже за 65° ю. ш.

Китов здесь встречалось гораздо меньше, чем в прошлом году, зато всевозможные океанские птицы попадались иногда в колоссальном количестве.

В январе, быть может, в связи с разгаром полуночного лета, граница сплошных льдов стала отступать, и вместе с тем Беллингсгаузен, неизменно подвигаясь к востоку, достиг очень высоких широт, почти таких же, как в предыдущем году. Признаков суши нигде не было. Совершенно неожиданно 10 января 1821 г. на широте 69°21', в три часа дня впереди увидели «чернеющееся пятно. Я в трубу с первого взгляда узнал, что вижу берег... Солнечные лучи, выходя из облаков, осветили сие место и к общему удовольствию все удостоверились, что видят берег, покрытый снегом; одни только осыпи и скалы, на коих снег удержаться не мог, чернелись. Невозможно выразить словами радости, которая являлась на лицах всех при восклицании: «берег! берег!» Восторг сей был неудивителен после долговременного единообразного плавания в беспрерывных гибельных опасностях, между льдами, при снеге, дожде, слякоти и туманах».

Берег оказался островом, длиною в 9½ и шириною в 4 мили, с высокими горами (по измерениям проф. Симанова высотою 4930 фут., т. е. 1338 *м*). Остров был окружен широкой сплошной каймой пловучего льда, не позволявшей ни высадиться на остров, ни подойти к нему несколько поближе.

Эту первую, найденную далеко за полярным кругом сушу (широта острова 68°57') Беллингсгаузен назвал о-вом Петра I.

Подвигаясь далее на восток, Беллингсгаузен вновь углубился на юг до 69°9'.

17 января в 11 часов при ясной погоде опять увидели берег с большим выступавшим в море мысом. Подступиться и к этой земле из-за окружающих ее льдов тоже не удалось, но благодаря ясной погоде хорошо рассмотрели высокий, уходящий к югу берег, а художник Михайлов даже срисовал его.

Вновь открытую землю, лежащую под широтою 68°45', Беллингсгаузен назвал берегом Александра I.

Как далеко простирается в обе стороны берег Александра I, определить не удалось, так как ветер начал быстро крепчать, и вскоре развел жестокое волнение, а затем небо покрылось тучами и пошел мокрый снег. Так продолжалось целых два дня.

Еще будучи в Сиднее Беллингсгаузен получил известие об открытии Смитом Южно-Шетландских о-вов с севера, со стороны Огненной Земли. Беллингсгаузен решил обойти их с юга.

С этой целью, покинувши берег Александра I, он взял курс на северо-восток, и действительно вскоре появились пингвины, водоросли, обросшие моллюсками и другие признаки близости берега, а 24 января показались первые отвесные скалы и высокие мысы Южно-Шетландских о-вов.

Шесть дней шли корабли вдоль западных берегов этого архипелага, Беллингсгаузен открыл целый ряд островов, которым и дал название в честь различных русских адмиралов и удачных сражений в борьбе с Наполеоном — Бородино, Ватерлоо, Малый Ярославец, и т. п. Названия эти по большей части не сохранились, так как впоследствии оказалось, что острова эти еще раньше Беллингсгаузена открыли и назвали промышлявшие здесь тюленебои.

Берега Южно-Шетландских о-вов были по большей части круты, скалисты и недоступны. Только один раз удалось сделать высадку на острове, названном Беллингсгаузеном Ватерлоо, берег которого был отложе других, хотя и окружен опасными камнями. Астроном Симанов и офицеры Демидов и Лесков отправились в ялике и вернулись к вечеру, привезя камни, мох, водоросли, несколько пингвинов и трех живых котиков. По их рассказам берег состоял из камня, прикрытого рыхлой, сыпучей землей, и порос мхом. На берегу валялись корабельные доски и ободранные трупы котиков. С горы, занимающей часть острова, стекали ручьи пресной воды.

В одном из проливов Беллингсгаузен встретил промысловый бот «Геро» под командой Пальмера. Спущенная с русского судна шлюпка подошла к борту «Геро» с приглашением посетить командира русской экспедиции. Пальмер спустился в катер и был вскоре на «Востоке». Беллингсгаузен расспросил молодого американца о его плавании и узнал о том, что Пальмер нашел к югу от Южно-Шетландских о-вов берег, который не был обозначен ни на одной карте, послал за вахтенным журналом «Геро» и картами и после долгой беседы заявил:

«Я назову землю, которую вы открыли, в вашу честь — Землей Пальмера, но что скажут про меня и что подумают

о моем двухлетнем путешествии в поисках земли, открытой парнем на суденышке, которое немногим больше, чем лодка моего корабля?»

30 января из-за постоянной течи и других повреждений шлюпов Беллингсгаузен решил, наконец, повернуть на север и уйти из негостеприимных южных широт, тем более, что круг около южного полюса был им почти замкнут. Но все же он не пошел прямо на север, а сначала пересек никем до него не посещенную часть океана между Южно-Шетландскими о-вами и Южной Георгией и лишь не доходя несколько миль до этого острова повернул на север, направляясь к берегам Бразилии. 27 февраля «Восток» и «Мирный» стояли уже на рейде Рио де-Жанейро. Почти два месяца пришлось им ремонтироваться, прежде, чем пуститься к берегам Европы.

23 апреля шлюпы вышли из Рио де-Жанейро, а 24 июня «достигли Кронштадта, салютовали крепости и стали на якорь на самом том месте, с которого отправились в путь».

Так окончилось это замечательное путешествие. Помимо обстоятельных сведений о посещенных странах Беллингсгаузен привез богатые коллекции; он открыл двадцать девять новых островов, из них два — о. Петра I и берег Александра I (неправильно называемый теперь Землею Александра I) далеко за полярным кругом. — так далеко, что вторично отыскать их удалось только 88 лет спустя (экспедиции Шарко в 1909 г.).

* Плавание Белингсгаузена замечательно именно по продолжительности и длине пройденного пути за полярным кругом, удивительному обилию собранных физико-географических данных; оно во много раз превосходит в этом отношении плавание Кука и его спутников. Кук провел к югу от 60° ю. ш. всего 75 дней из 1003 дней плавания вообще и во льдах 80 дней. Беллингсгаузен был в южном полушарии всего 535 дней, т. е. на половину меньше Кука, но зато он плавал к югу от 60° ю. ш. 122 дня и 100 дней во льдах. Кук прошел южнее 60° ю. ш. — 125° по долготе и южнее полярного круга — 24° по долготе. Беллингсгаузен к югу от 60° ю. ш. прошел 242° по долготе и к югу от полярного круга — 41° по долготе, т. е. совершил беспримерное плавание на слабых судах, не превзойденное и доныне. Очевидно такое большое протяжение пути в высоких широтах дало возможность обстоятельно описать эти воды. Потому и до сих пор плавание Беллингсгаузена не потеряло своего научного значения, да никогда и не потеряет, так как всегда будет служить источником для сравнения с современными условиями в тех широтах.

Великолепную и совершенно беспристрастную оценку подвигам Беллингсгаузена и Лазарева дает человек, хо-

рошо понимающий условия плаваний в антарктических водах. Капитан Вильд, командир «Квеста», корабля Шекльтона в его последнее плавание в Антарктику, говорит в описании своего плавания на «Квесте»: «Надо признаться, что их достижения (Беллингсгаузена и Лазарева) в этих широтах превыше всех похвал; здесь ветер то дует шквалами, несущими снег, совершенно ослепляющим глаза, то он дует не так свежо, чтобы дать кораблю под парусами достаточно силы пробиваться во льдах. Тем временем зыбь из открытого моря к северу проникает в пояс пловучих льдов, заставляя тереться одно ледяное поле о другое с непереставаемым шумом. Я имел все-таки за собою постоянное утешение — возможность поднять пары в машине, тогда как вышеупомянутые два полярных мореплавателя вполне зависели от парусов». *

Успех Смита соблазнил очень многих, — как мы уже видели, во время путешествия Беллингсгаузена в Южно-Шетландском архипелаге промышляли англичане и американцы (в 1821 г. при Беллингсгаузене там было 18 промысловых судов). В первые же годы в поисках добычи были обследованы и сняты на карту все Южно-Шетландские о-ва и открыт (в 1821 г.) соседний, лежащий несколько далее к северо-западу Южно-Оркнейский архипелаг.

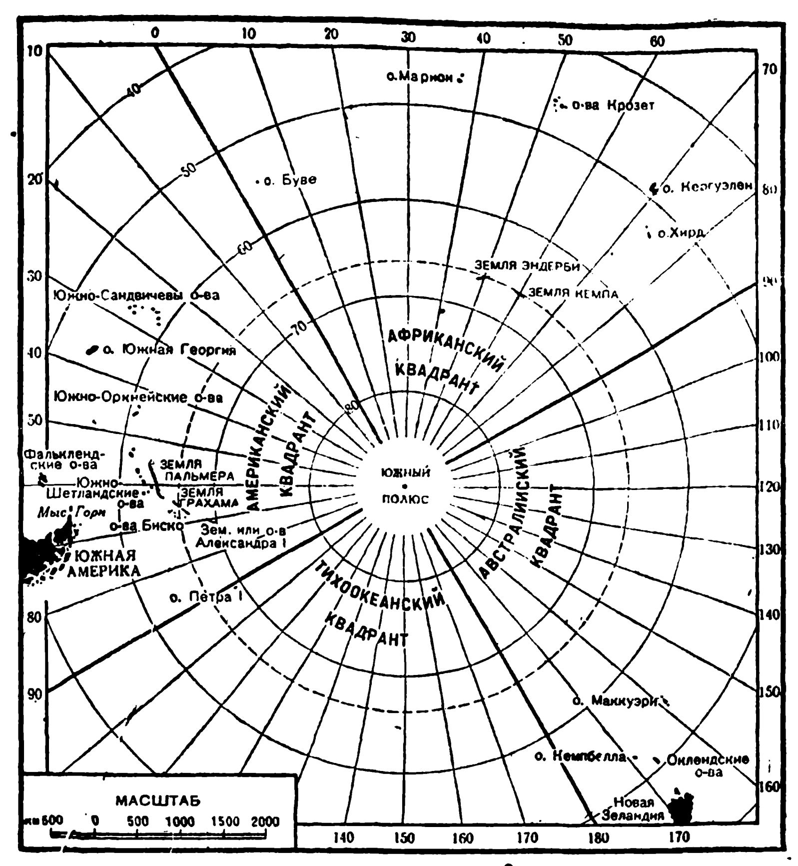
Новая, нетронутая еще человеком суша, оказалась баснословно богатой морским зверем, — один из крупных островов Южно-Шетландского архипелага получил даже название о-ва Слонов от изобилия этих крупных тюленей. Кроме морских слонов, дававших массу ворвани, и котиков, обладавших высокоценным мехом, в антарктических водах встречалось еще несколько видов тюленей, например, белый южнополярный тюлень и пятнистый морской леопард, которые также могли служить предметом промысла. Тюлени эти встречались огромными массами и совершенно не знали и не боялись человека. Наиболее ценные породы — морской слон и, особенно, морской котик не заходили далеко на юг и обитали, главным образом, близ приполярных архипелагов, например, у Южно-Шетландских и Южно-Оркнейских о-вов, где они выводили своих детенышей и потому попадались огромными стадами; достаточно сказать, что на Южно-Шетландских о-вах случалось в один приезд убивать до 2000 морских слонов.

Понятно, что такая богатая добыча привлекала в эти страны промысловые суда различных наций. Крупные фирмы, в особенности английские, начали снаряжать в антарктические воды целые промысловые экспедиции. По мере

того, как благодаря чудовищному истреблению, на Южно-Шетландских и Южно-Оркнейских о-вах зверовые богатства убывали, тюленебои принялись искать новые «охотничьи участки», и прежде всего по соседству, т. е. к югу от Южной Америки. От времени до времени в Европу стали доходить отрывочные известия, что то тут, то там близ Южного полярного круга тюленебои, или заехавшие далеко на юг промысловые суда натыкались среди плавучих льдов на отдельные участки суши, давали им различные названия (например, Земля Пальмера), но установить, были ли это острова или выдающиеся части одного большого материка, не представлялось возможным. К тому же самые сведения о вновь открытых землях были до крайности скудны, нередко ограничивались лишь сообщением факта, что под такими-то градусами долготы и широты, такого-то числа была замечена земля. Случалось, что тюленебои, найдя землю, особенно богатую добычей, умышленно сообщали о ней как можно меньше данных или просто давали ложные сведения, чтобы не привести на это место своих конкурентов.

Из всех промышленников особенно далеко на юг пришлось пробраться английскому китолову Джемсу Уэдделю; лето 1823/24 г. было очень теплое, и мореплавателю удалось к юго-востоку от Огненной Земли проникнуть до 74°15′ ю. ш. Вокруг расстилалось открытое, свободное ото льда море, которое и получило с тех пор название моря Уэдделя. Массы птиц указывали на близость земли. Уэдделю очень хотелось ехать дальше на юг, но плохое состояние кораблей и экипажа и недостаток провианта заставили его повернуть назад.

В 30-х годах XIX в., в связи с катастрофическим уменьшением количества промыслового зверя в архипелаге Дирка Геррица, тюленебои стали искать новых мест уже гораздо дальше, на юге Тихого и Индийского океанов. Один из них, Джон Биско, на бриге «Зула» и катере «Лайвели», в 1831—1832 гг. подобно Куку и Беллингсгаузену, в два приема обошел антарктические страны кругом по совершенно самостоятельному маршруту. Стараясь проникнуть возможно дальше за полярный круг, он открыл к югу от Африки высокий, покрытый снегом и льдом берег, названный им Землей Эндерби (по имени пославшей его промышленной фирмы), а к юго-западу от Южной Америки, в архипелаге Дирка Геррица группу мелких островов и лежащий за ними обширный и высокий участок сплошной суши, — Землю Грахама. По возвращении в Англию, Биско был награжден медалями Лондонского и Парижского географических обществ, а найденные им острова у Земли Грахама получили его имя.



Антарктические земли, открытые до 1837 г

В 1838—1839 гг. три научных экспедиции были командированы различными государствами для изучения южных полярных стран.

К этому времени учение о земном магнетизме достигло значительного развития; северный магнитный полюс был открыт Джемсом Кларком Россом, и теперь предстояла задача открыть южный. И вот три государства — Франция, Соединенные Штаты и Англия почти одновременно снарядили экспедиции для производства наблюдений над земным магнетизмом в южных полярных водах.

Первой выступила французская экспедиция под начальством известного мореплавателя Ж. Дюмон-Дюрвилля, на двух кораблях «Астролябия» и «Прилежный». В январе 1838 г. она покинула Магелланов пролив и отправилась изу-



Дюмон-Дюрвилль.

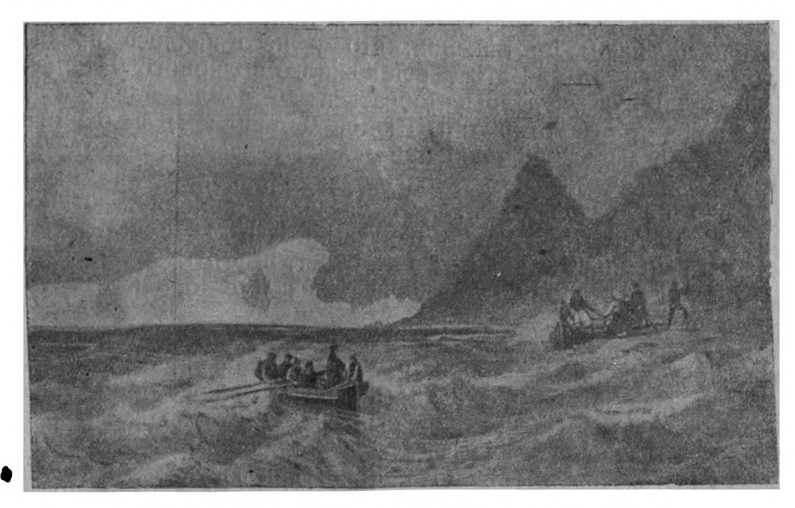
чать воды к юго-востоку от мыса Горн. Ближайшей задачей Дюрвилля было проникнуть на юг дальше Уэдделя. Два месяца боролся он со льдами, пытаясь пробиться сквозь сплошные массы пловучих льдин. Выполнить свою задачу ему не удалось, зато он совершил в высшей степени важное открытие: к западу от моря Уэдделя он наткнулся на обширный участок земли с высокими снеговыми горами, окаймленной целым архипелагом высоких, скалистых островов. Эту сушу Дюрвилль назвал Землей Луи-Филиппа, а пролив, который отделяет его от прилежащих островов, — Орлеанским каналом.

Второе свое путешествие в полярные страны Дюрвилль предпринял два года спустя. В январе 1840 г. он на тех же кораблях выступил из города Гобарта в Тасмании и. направился прямо на юг. Вскоре ему встретились пловучие льды, и по форме их, напоминавшей ту, которую имели льды у Земли Луи-Филиппа, он заключил, что близко должна быть земля. Действительно, вскоре показалась земля, вся погребенная под снегом и покрытая высокими горами. Дюрвилль назвал ее Землей Адели и обследовал ее берега, все подвигаясь на запад; но вскоре он встретил огромную ледяную стену, высотой 30—40 *м*, вертикально обрывавшуюся в море. Состояние его экипажа было настолько плохо, что пришлось немедленно двигаться назад.

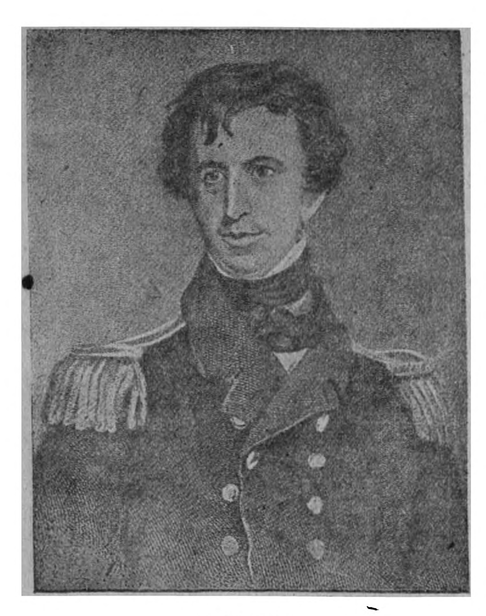
Год спустя после первого выезда Дюмон-Дюрвилля, в феврале 1839 г., от берегов Огненной Земли отплыла эскадра из пяти судов, под начальством Чарльза Уилькса, снаряженная правительством Соединенных Штатов. Уилькс разделил свою эскадру на две части: одна, под его непосредственным начальством, отправилась прямо на юг от мыса Горн, а другая, под начальством капитана Джонсона, на юго-запад, к открытому Беллингсгаузеном берегу Александра I. Сам Уилькс исследовал Южно-Шетландские о-ва к югу от Огненной Земли и, как потом оказалось, дошел до берегов Земли Луи-Филиппа, хотя приблизиться к ней не мог. Корабли адмирала Джонсона тем временем спустились далеко на юг (до 70°) и обнаружили признаки земли близ того места, где в 1774 г. Кук наткнулся на сплошную массу льда. Но путешествие пришлось прекратить, так как наступала антарктическая зима и становилось темно.

На следующий 1840 г. в январе эскадра Уилькса в составе четырех судов (одно погибло летом 1839 г.) опять появилась в южных полярных водах, но уже в другом месте. Дело в том, что как Уилькс, так и Дюмон-Дюрвилль знали о том, что Лондонское королевское общество снаряжает экспедицию под начальством Джемса Кларка Росса для отыскания южного магнитного полюса, который, как предполагали, находится к югу от Австралии. Повидимому, им обоим хотелось предупредить Росса.

Выйдя из Сиднея, эскадра Уилькса направилась прямо на юг; вскоре она разделилась и каждый корабль отправился на розыски самостоятельно. На границе сплошного



Дюмон-Дюрвилль высаживается на остров Уэдделя.



Ч. Уилькс.

льда три корабля опять встретились и затем, в течение всего путешествия, длившегося до конца февраля, они то встречались, то теряли друг друга из виду. За это время все они видели землю, и самому Уильксу пришлось видеть ее на столь большом протяжении, что у него явилось предположение, не есть ли это берег Южного полярного материка. Между прочим, удалось добраться до Земли Адели и до ледяной стены, открытой Дюмон-Дюрвиллем; а один из кораблей, зашедший особенно далеко на запад, даже встретился с кораблями Дюмон-Дюрвилля, но, по какому-то странному недоразумению, немедленно повернул от них прочь и ушел под всеми парусами. Назад все четыре корабля вернулись отдельно; весь берег, ими открытый, вместе с Землей Адели, получил общее название Земли Уилькса.

Пока Дюмон-Дюрвилль и Уилькс плавали, а Росс снаряжался, в Англию возвратился капитан одного промышленного судна, Баллени, который сообщил, что он видел за полярным кругом к югу от Новой Зеландии острова, а также участок суши (Землю Сабрины) к югу от Австралии (т. е. как раз там, где, потом оказалось, нашли землю Дюрвилль и Уилькс). Все это Джемс-Кларк Росс принял к сведению для своего плавания и 30 сентября 1839 г. поки-



Джемс-Кларк Росс.

нул Англию с двумя кораблями, специально выстроенными для полярных путешествий; это были «Террор» и «Эребус», те самые корабли, которые приобрели впоследствии печальную известность. Оба они погибли в 1845 г. в экспедицию Франклина при поисках северо-западного прохода. «Террором» командовал капитан Крозье (тот самый, который впоследствии погиб в ту же злосчастную экспедицию, как и его корабль), а «Эребусом» командовал сам Росс, опытный полярный путешественник. 16 августа Росс прибыл в г. Гобарт, в Тасмании, и здесь узнал, что земли к югу от Австралии уже обследованы Дюмон-Дюрвиллем и Уильксом; последний даже дал Россу набросок карты со своими открытиями. Ввиду этого Росс решил вести свои исследования в восточном направлении, к югу от Новой Зеландии. В эту сторону он и направил свои корабли.

28 декабря показались первые льдины, а 1 января 1840 г. экспедиция уже достигла полярного круга и границы сплошного льда. Восемь дней боролись корабли со льдами, пробивая себе дорогу, пока, наконец, 9 января не выбрались на открытое место. Оказалось, что и здесь, как и в море Уэдделя, за поясом сплошного льда лежит свободное ото льда море. Даже с верхушки мачт на большом расстоянии не виднелось ни одной льдины. Это открытое море получило впоследствии название моря Росса.

Вечером, в тот же день, на юго-западе показалась земля, а на следующее утро уже можно было различить высокий горный хребет, покрытый сверху до низу снегом. По долинам спускались к морю гигантские глетчеры, которые далеко вдавались в море, обрываясь исполинскими стенами. Вершины хребта достигали 2—3 *км* высоты над уровнем океана. У подошвы самой высокой горы, которую Росс назвал Сабайн, в море выдавался высокий мыс, получивший название мыса Эдер; часть этого мыса была свободна от снега и льда. Заехавши за мыс, Росс увидал, что берег дальше направляется прямо на юг; вдоль этого берега и поплыли теперь «Эребус» и «Террор».

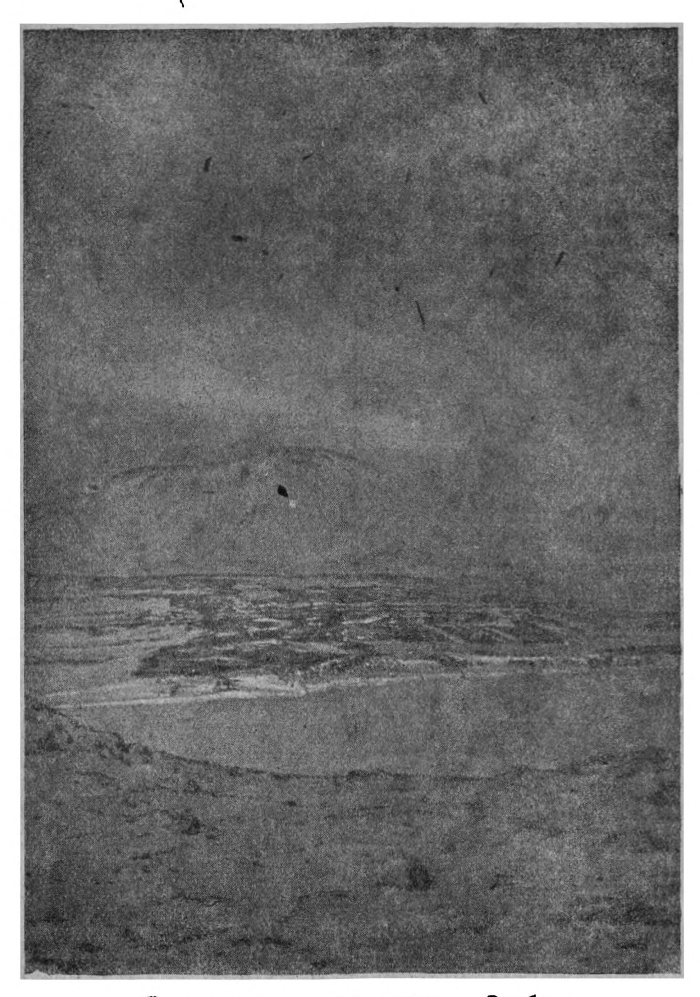
Берег был всюду высок, и у самого берега поднимался огромный хребет, с вершинами от 3 до 4 *км* высоты. Неподалеку встретился ряд небольших островов, состоящих из вулканических пород. Еще дальше на юге показались высокие горы правильной конусообразной формы, из которых одна взрывами выбрасывала пар; ночью в облаке пара был виден отблеск лавы. Этот действующий вулкан получил название Эребус (около 3½ *км* высоты), а другой, потухший, рядом с ним — Террор (немного ниже). Почти от самой подошвы Террора начиналась огромная ледяная стена, преграждавшая путь на юг. Она тянулась с запада на восток и обрывалась совершенно вертикально в море, подобно ледяной стене Дюрвилля и Уилькса, но была гораздо выше ее (по данным Росса от 40 до 60 *м*), совершенно плоская наверху, — по всей вероятности, конец исполинского ледника, сползающего с полярного материка. Из-за стены выглядывала цепь высоких гор, уходящих на юг.

Росс пошел вдоль стены, и на протяжении около 200 *км* она не обнаруживала никаких изменений. Стену эту, преградившую ему путь к югу, Росс назвал Великим барьером. Все попытки пробраться дальше к востоку оказались безуспешными, так как море было покрыто сплошной массой плавучего льда. Несмотря на лето, температура держалась до крайности низкая (—10° в полдень) и постоянно образовывался новый лед, который грозил затереть корабли Росса. Среди снежной бури, старого и нового льда, при жестоком ветре, когда палуба, мачты, такелаж и одежда матросов покрывались ледяной корой, Росс пробился на запад, к берегам покинутой им земли. Он все еще надеялся морским путем добраться до магнитного полюса, а в крайнем случае, хотя бы найти стоянку для зимовки кораблей. С этой целью он исследовал берега открытой им земли (которую назвал Землей Виктории) от подножия Эребуса до мыса Эдер и даже дальше на север. Оказалось, что до магнитного полюса добраться нельзя; он лежит на суше, на запад, за теми горами, которые тянутся вдоль берега Земли

Виктории. Но пристать не удавалось: суша была недоступна, и ни одной сколько-нибудь удобной бухты не оказывалось. Между тем Росс решил использовать весь остаток лета. Подвигаясь на север, он мало-помалу выбрался за полярный круг, а, дойдя до мыса Эдер, повернул к западу, надеясь хотя с этой стороны подступиться к магнитному полюсу. Но проникнуть далеко на запад ему так и не удалось. Оказалось, что с северо-запада к берегу Земли Виктории примыкает такая же ледяная стена, как и к Земле Адели. К тому же полярное лето кончалось, наступали длинные темные ночи и корабли грозило затереть льдом, а бухты для зимовки не нашли. Выбравшись из сплошного пловучего льда, Росс, однако, прошел еще довольно далеко на запад для магнитных наблюдений и только 6 апреля возвратился в Гобарт. Ночи стояли уже настолько длинные и темные, что только благодаря полярному сиянию можно было продолжать плавание. Вернувшись в Гобарт, Росс осмотрел свои корабли. И суда и экипаж были в отличном состоянии, на кораблях не было никаких повреждений, ни один матрос не был болен, а запасов провианта могло еще хватить на долгое время.

30 ноября 1840 г., с наступлением южного полярного лета, Росс снова отправился на юг и в половине декабря его корабли были у границы сплошного пловучего льда. На этот раз Росс хотел узнать, что находится за ледяной стеной к востоку, и поэтому все время, по возможности, держал курс не на юг, а на юго-восток. Только в двадцатых числах февраля Росс опять увидал ледяную стену; здесь, однако, она имела несколько другой вид: она была значительно ниже (до 28 *м*) и край ее был более изрезан, чем близ Земли Виктории. Росс приблизился насколько возможно к стене и в более низких местах с вершины мачты попытался заглянуть на ее поверхность. Там, далеко на самом горизонте слабо маячили вершины высоких гор. Однако дальше на юг пробраться было невозможно. Росс определил долготу и широту и установил, что находится на 78°10'' ю. ш., т. е. он проник так далеко на юг, как никто из его предшественников. Забегая вперед, скажем, что до самого конца XIX в. никому не удавалось достичь таких широт.

Росс сделал безуспешную попытку итти дальше на восток, но этому помешал старый сплошной лед, и, кроме того, начал образовываться новый. Корабли же Росса имели уже повреждения (особенно «Террор»). Пришлось возвращаться назад. Началась жестокая борьба с пловучими льдами. Корабли с трудом выбрались из них. Однажды ночью, во время метели, оба они едва не были расплющены двумя огромными ледяными горами, между которыми им едва удалось



Полярное сияние над вулканом Эребус.

проскользнуть, причем корабли столкнулись друг с другом, и «Эребус» получил значительные повреждения.

Выбравшись из льдов, Росс направился на зимовку к востоку, мимо мыса Горн, на Фальклендские о-ва, в Атлантическом океане; а на следующую весну неутомимый мореплаватель выступил уже в третье полярное путешествие, на этот раз к югу от Огненной Земли. Он думал пройти вдоль восточных берегов Земли Луи-Филиппа и проникнуть как можно дальше на юг, в море Уэдделя. 17 декабря 1843 г. Росс пошел в плавание и 1 января, обсле

довав, и открыв по дороге несколько новых островков, он достиг берегов Земли Луи-Филиппа. Погода стояла превосходная и Россу посчастливилось обследовать северо-восточные берега этой земли, едва намеченные Дюмон-Дюрвиллем, даже определить высоту замеченного Дюрвиллем горного хребта. Выше всех поднимался на 2 *км* потухший вулкан Хаддинтон (в новейшее время, как мы увидим ниже, оказалось, что Хаддинтон стоит на о-ве Росса, отделенном от Земли Луи-Филиппа узким проливом).

Обследовавши насколько возможно берега Земли Луи-Филиппа (где собрал, между прочим, даже несколько видов лишайников и мхов), Росс направился к югу, и вскоре попал в сплошной пловучий лед, среди которого встречались исполинские ледяные горы в 60 *м* высоты и несколько километров в поперечнике. Целый месяц оставались корабли Росса среди этого льда; то их затирало и сдавливало так, что трещали борта, и люди в ужасе ждали гибели, то они вновь освобождались. Наконец Россу удалось выбраться за границу сплошных льдов.

Видя, что у берегов Земли Луи-Филиппа к югу не проникнуть, Росс решил испробовать путь Уэдделя и направился к юго-востоку вдоль границы сплошного пловучего льда, все время пытаясь пробраться на юг. Но пловучего льда было так много, что Росс достиг лишь 71°5′ ю. ш., а между тем наступал конец лета и количество льда значительно увеличилось. Пришлось опять возвращаться обратно, и 25 марта «Эребус» и «Террор» прошли мимо последней ледяной горы. 2 сентября 1843 г. они вернулись к берегам Англии, после почти четырехлетнего отсутствия. При этом корабли и экипаж находились в отличном состоянии, а из 150 человек, отплывших из Англии, не вернулся назад только один, смытый бурей у мыса Горн.

НА КОРАБЛЯХ, СОБАКАХ И ПЕШКОМ...

Э. Далльман (1873—1874). „Челленджер" (1873—1874). Ларзен (1892—1894). Андриенн де-Жерлаш (1897—1899). Карстен Борхгревинк (1898—1900).

Путешествием Росса закончился первый блестящий период исследования полярных стран. В середине 40-х годов XIX ст. было еще несколько небольших антарктических путешествий, отчасти промышленного, отчасти научного характера. Они внесли небольшие поправки в очертания земель, лежащих к югу от мыса Горн. Затем на целые 45 лет о Южном полярном материке как будто забыли. Дело в том, что огромные естественные богатства южных полярных стран к тому времени совершенно истощились. Тюлени, которыми раньше кишели воды Южно-Шетландских о-вов, и других ближайших архипелагов, благодаря хищническому способу охоты (промышленники убивали всех поголовно: и самок, и новорожденных детенышей) были почти истреблены. Морской котик, за которым усиленно охотились из-за меха, исчез окончательно. Морские слоны стали большой редкостью.

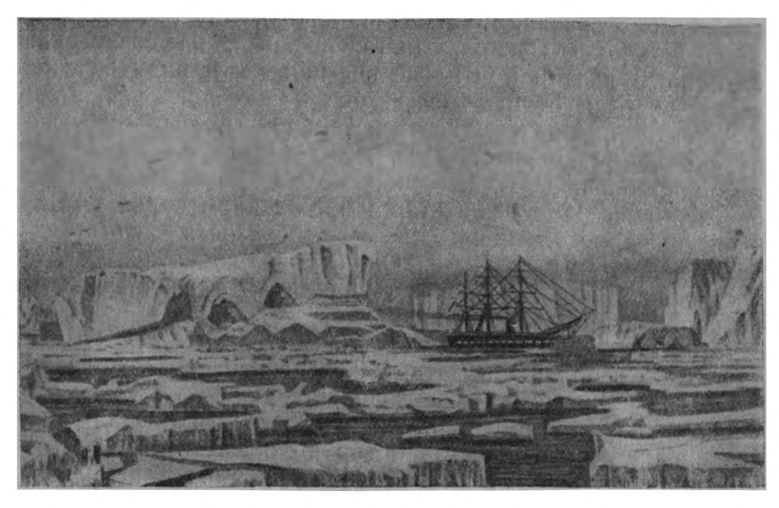
Промысловые экспедиции прекратились, а научные направлялись, главным образом, на север, где достижение полюса казалось легче и вероятнее.

За весь период с 1845 до 1892 г. в антарктических водах побывало только две экспедиции: из них одна, немца Далльмана, добавила кое-какие подробности относительно западных берегов земли к югу от мыса Горн[1]; а другая, знаменитая английская экспедиция для исследования океанов, на корабле «Челленджер» работала и в высоких южных широтах в Индийском океане. «Челленджер» почти на 80° в. д. спускался довольно далеко на юг (до 66°40' ю. ш.), но нигде не встречал никаких признаков земли.

Обе экспедиции, Далльмана и «Челленджера», плавали одновременно, летом 1873/74 г. и после них опять наступил

---

[1] Между прочим Далльман высказал предположение, что Земля Луи-Филиппа есть остров, отделенный от остальной массы антарктической суши проливом, мнение, опровергнутое только новейшими экспедициями Норденшильд, Шарко).



«Челленджер» во льдах.

длинный промежуток почти в 20 лет. Толчок к новым путешествиям, как и в первый раз, дали промышленники.

Вследствие усиленной охоты на китов число их в северных полярных водах настолько уменьшилось, что китобойный промысел быстро начал падать. Тогда вспомнили, что Росс во время своих путешествий (особенно третьего) видел множество китов, причем попадались и громадные экземпляры самого ценного, на севере почти истребленного, гренландского кита или очень близкого к нему вида [1].

И вот различные китобойные компании стали отправлять в южные полярные воды свои суда на поиски исполинских млекопитающих. С 1892 по 1897 г. антарктические воды посетил целый ряд таких промысловых экспедиций. Из них особенно замечательны две: гамбургского судна «Язон» под начальством капитана Ларзена и другого, норвежского судна «Антарктик», на котором плавал молодой натуралист К. Борхгревингк.

Ларзен в течение двух лет (1892—1893 и 1893—1894) исследовал архипелаг Дирка Геррица как с запада со стороны земли Грахама, так и с востока, со стороны моря Уэдделя. Здесь он проник далеко к югу, как ни один из его предшественников, и открыл под 68° ю. ш. землю, которая уходила далеко на юг (а на север, повидимому, направлялась к Земле Луи-Филиппа). Из-за сплошных масс льда нельзя было вплотную подойти к берегу и проследить

[1] Скорее всего, южного кита.

связь его с соседними землями. Эту страну Ларзен назвал Землей короля Оскара. Двигаясь назад, на север, вдоль сплошного льда и почти все время имея в виду на западе землю, Ларзен открыл целый ряд новых островов, причем на двух из них находились действующие вулканы. Из своих путешествий Ларзен привез, между прочим, взятые им с островов образцы горных пород с ископаемыми.

В том же 1894 г. на старом китобойном судне «Антарктик», которое отправилось в море Росса, отбыл натуралист Борхгревингк. Он сперва хотел ехать в качестве пассажира, но когда ему в этом отказали, поступил на корабль простым матросом.

После тяжкой борьбы со льдами, в которых «Антарктик» был неподвижно затерт 38 дней, удалось подойти к мысу Эдер и спуститься довольно далеко на юг, вдоль берегов Земли Виктории. Море Росса было свободно и дальше на юг, но, так как китов не оказывалось, то капитан решил повернуть назад. Никаких новых земель при этом открыто не было, но зато на обратном пути Борхгревингку первому из путешественников удалось высадиться на Южном полярном материке (Росс, Ларзен и другие высаживались только на прибрежных островах) — на низменной полосе у мыса Эдер — и собрать там образцы горных пород и растений — лишайников.

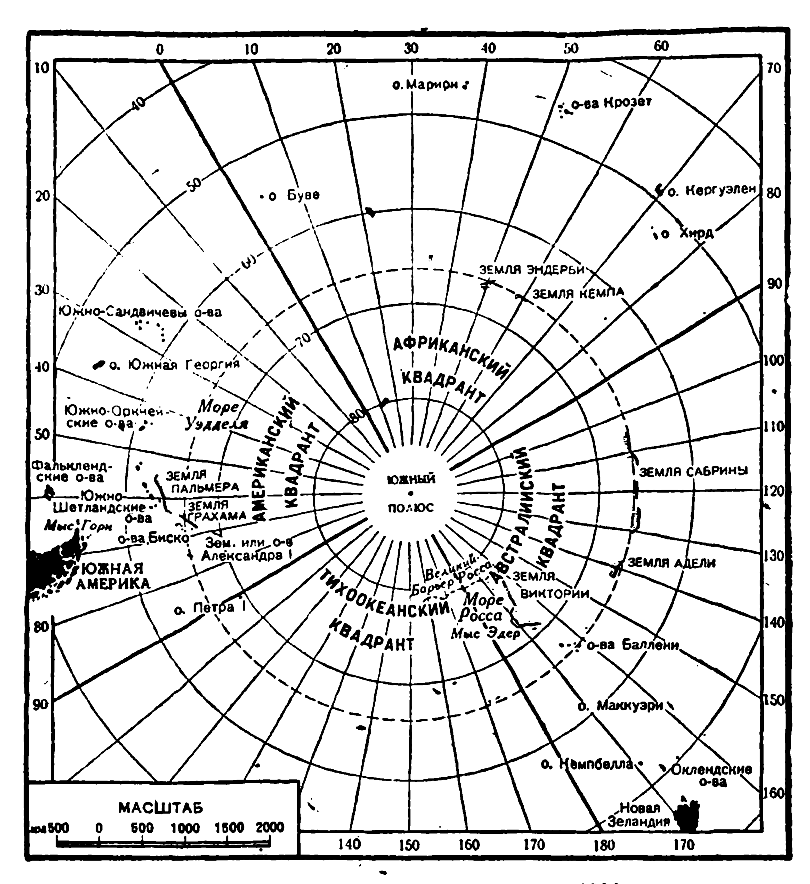
Борхгревингк сделал доклад об этом путешествии на Международном географическом конгрессе в Лондоне в 1895 г., который постановил, что «исследование антарктических областей является крупнейшей частью географических исследований, которыми еще только предстоит заняться».

* На конгрессе было сделано два доклада о необходимости исследований в южном полярном пространстве: один — германским ученым Неймайером, другой Джоном Мёрреем из Эдинбурга, натуралистом на «Челленджере». *

Путешествия Ларзена и Борхгревингка и постановление конгресса дали толчок к тому исследованию антарктических стран, которое, начавшись с 1897 г., продолжается до сих пор.

Что же, в конце концов, знали к тому времени о южных полярных странах?

Для удобства обозначения теперь все южные полярные страны меридианами нулевым и девяностым делят на четыре части, или квадранта: квадрант Эндерби, или Африканский — к югу от Африки и Индии, квадрант Виктории, или Австралийский — к югу от Австралии и Новой Зеландии, квадрант Росса, или Тихоокеанский — к югу от Тихого



Антарктические земли, открытые до 1893 г.

океана и квадрант Уэдделя, или Американский — к югу от Южной Америки.

К концу XIX в. был наиболее обследован квадрант Виктории: сюда входят Земля Виктории и различные открытые Уилькcом, Дюмон-Дюрвиллем и Баллени земли (например Земля Адели) под общим названием Земли Уилькса.

Далее следует квадрант Уэдделя. В его состав входят все земли, лежащие к югу от Огненной Земли и называвшиеся раньше архипелагом Дирка Геррица — Южно-Шетландские о-ва, Земля Луи-Филиппа с прилежащими островами и связанный с ней значительный сплошной участок суши, так называемая Земля Грахама (восточный берег которой Ларзен назвал Землей короля Оскара). В этом же

квадранте лежит и Земля Александра I, открытая Беллингсгаузеном.

Значительно слабее обследован квадрант Эндерби. Здесь до начала XX в. знали только Землю Эндерби и Землю Кемпа — небольшие участки берега, открытые в 1831 г. тюленебоем Биско.

Наконец, квадрант Росса, как лежащий дальше всех от населенных стран, обследован всего меньше; здесь до последнего времени совсем не знали суши, кроме о-ва Петра I, открытого Беллингсгаузеном, да слабых указаний на землю, сделанных тюленебоями в 30-х годах.

Эти участки суши, насколько мы теперь знаем, составляют части одного Южного полярного материка, или Антарктиды, подобно Гренландии, возвышенного и покрытого вечным снегом и льдом. Земля Уилькса (или, как ее часто теперь называют, Западная Антарктида) представляет наиболее выдающиеся на север части его, — Земля Луи-Филиппа выходит довольно далеко за полярный круг. В этот материк глубоко вдаются море Уэдделя и море Росса (в соответственных квадрантах). В конце XIX в. существование Антарктиды уже предполагалось, но все еще оспаривалось некоторыми учеными.

У берегов Антарктиды лежат разбросанные острова, островки и целые архипелаги, из которых наиболее значительны Южно-Шетландские и Южно-Оркнейские о-ва, на север от Земли Луи-Филиппа.

За 60° ю. ш., к северу, разбросаны далеко друг от друга небольшие острова и островки, которые можно назвать околополярными или «субантарктическими». Таковы, например, о-ва Эмеральд и Маккуэри к югу от Новой Зеландии, о-ва Крозет, принца Эдуарда, Кергуэлен, Макдональд и Хирд в Индийском океане, о-ва Буве, Южно-Сандвичевы и Южная Георгия в Атлантическом. Все они вулканического происхождения (на некоторых есть действующие вулканы); хотя они лежат и в умеренном поясе, но по природе, особенно по животному миру, имеют много общего с южными полярными странами.

Таковы были сведения о южных полярных странах к концу девяностых годов XIX в.[1].

Во второй половине 90-х годов XIX ст. в деле изучения южных полярных стран произошел решительный поворот.

Еще в 1895 г. д-р Неймайер, в продолжение почти 30 лет неутомимо ратовавший за исследование антарктических стран, на VI международном географическом конгрес-

[1] По современным научным воззрениям Южный полярный материк с прилежащими островами и только перечисленные околополярные острова составляют особую, шестую часть света — Антарктиду, подобную Африке, Австралии и т. д.

се в Лондоне произнес речь, в которой развивал целый план изучения Антарктиды. ПланНоймайера был таков: снарядить экспедицию, снабдить ее разборным домиком, инструментами и провиантом на более или менее продолжительное время и высадить где-нибудь на берегах Антарктиды. Затем корабль может уйти, а на следующее лето вернуться за путешественниками. Неймайер указывал и три пути, где всего легче и удобнее проникнуть в полярные страны: от Огненной Земли — в Западную Антарктиду, от Новой Зеландии — на Землю Виктории и от о-вов Кергуэлен на Землю Эндерби.

Речь Неймайера и доклад Борхгревингка привлекли внимание ученых к «антарктическому вопросу» и тогда же по инициативе Неймайера и президента Лондонского географического общества К. Маркгама были в принципе решены две южнополярные экспедиции — английская и германская. Но этим пока дело и ограничилось.

В 1897 г., отчасти под влиянием успехов, достигнутых Нансеном в его путешествии к северному полюсу, отчасти благодаря интересным находкам, привезенным Ларзеном и Борхгревингком из их путешествий, в научном мире вспыхнул вновь интерес к антарктическим странам. Под председательством Неймайера 19 февраля 1897 г. в Гамбурге состоялось заседание германской Южнополярной комиссии, при участии выдающихся географов всей Германии. Решено было привести в исполнение план, развитый Неймайером в 1895 г.

По совету известного географа, проф. Зупана из трех намеченных Неймайером маршрутов, германская экспедиция решила избрать путь через архипелаг Кергуэлен. Начальство над ней было поручено д-ру Эриху Дригальскому, который уже раньше бывал в полярных странах, — занимался изучением ледникового покрова Гренландии. Экспедиция предполагала выступить в августе 1900 г., чтобы в июле 1902 г. вернуться обратно.

Тем временем в Лондоне, по почину Лондонского географического общества, собрался «антарктический митинг», на котором присутствовали ученые и полярные исследователи различных стран; присутствовал, конечно, и Неймайер. Известный ученый Дж. Мёррей (один из главнейших участников экспедиции «Челленджера») в пространной речи разобрал все данные, которые имеются о Южном полярном материке, а ряд других крупных ученых отметил те вопросы, которые могут быть разрешены английской южной полярной экспедицией. Остановка была лишь за деньгами, так как Географическое общество не могло ассигновать больше 5 тыс. фн. ст., (50 тыс. руб. золотом), а экспедиция должна была стоить не менее 50 тыс. фн. ст., т. е. в 10 раз

больше. Обратились к английскому правительству, но оно решительно отказалось помочь предприятию и дело отложилось до тех пор, пока недостающая сумма не будет собрана подпискою.

В это время молодой, но уже бывавший в полярных водах бельгийский моряк Адриенн де-Жерлаш задумал организовать полярную экспедицию и в конце 1894 г. сообщил свой, в подробности разработанный, план, некоторым членам Бельгийской академии наук и Бельгийского географического общества. В январе 1896 г. это общество объявило подписку в пользу экспедиции. Нашлись люди, которые с тою же целью стали устраивать празднества, концерты и т. д.; за дело взялась печать и к началу мая собрали свыше 100 тыс. фр. — приблизительно треть того, что по расчетам требовалось для экспедиции. Под давлением общественного мнения правительство постановило отпустить Жерлашу еще 100 тыс. фр.

Итак, деньги, хотя и не в достаточном количестве, были; оставалось приступать к делу. Строить собственное судно, как того желал Жерлаш, было, очевидно, невозможно. Следовало выбрать какое-нибудь уже испытанное в полярных плаваниях судно, всего проще китоловное или тюленебойное, — и приспособить его для нужд экспедиции. Так Жерлаш и сделал. Он приобрел в Норвегии построенное в 1884 г. тюленебойное судно «Патриа», с которым он ознакомился еще в 1895 г. во время своей поездки в Гренландию и на о. Ян-Майен. Это было прочное трехмачтовое судно, с машиной в 35 *л. с.* Требовалось лишь отремонтировать, приспособить его к долговременному пребыванию во льдах и снабдить всем необходимым. Всю вторую половину 1896 г. и первую половину 1897 г. судно перестраивалось и снаряжалось в Сандефиорде, в Норвегии, а Жерлаш закупал необходимые приспособления для научных наблюдений, топливо, провиант и вообще весь необходимый инвентарь. При этом Жерлаш постоянно пользовался советами норвежских полярных путешественников, а 17 июня, когда судно, переименованное в «Бельжику», было готово, его посетили и осмотрели Нансен и Маркгам, председатель Лондонского географического общества, — один из главных участников упомянутого «антарктического митинга».

26 июня 1897 г. «Бельжика» вышла из Сандефиорда в Антверпен. Одновременно с прибытием ее Жерлашу опять пришлось хлопотать о деньгах, которых все еще нехватало: началась подписка, давшая на этот раз, однако, немного (менее 10 тыс. фр.), парламент ассигновал 60 тыс. фр.

и еще некоторую сумму Жерлашу пришлось достать взаймы. Первая попытка судна выйти в плаванье оказалась неудачной из-за неисправности в машине, и только 23 августа 1897 г. корабль покинул, наконец, бельгийские берега и отправился через Атлантический океан к Южной Америке. План Жерлаша заключался в том, чтобы проникнуть как можно глубже в море Уэдделя, а затем пройти оттуда к Земле Виктории, где и перезимовать на суше, отпустив на зиму корабль в Мельбурн.

31 октября «Бельжика» была в Рио де-Жанейро, 11 ноября в Монтевидео, 17-го заметили первых альбатросов и пингвинов, 29-го корабль вступил в Магелланов пролив, а 1 декабря бросил якорь в гавани Пунта-Аренас (теперь Магеллан), столице чилийской Патагонии. Здесь окончательно сформировался состав экспедиции, так как Жерлашу пришлось переменить несколько лиц из экипажа корабля. Всего в состав экспедиции входило 19 человек: сам Жерлаш, его помощник Лекуэнт, четверо ученых: Арктовский — геолог, океанограф и метеоролог, его помощник — студент-естественник Добровольский, Данко — геофизик, Раковица — зоолог и ботаник, американец доктор Фредерик Кук — врач и фотограф, уже побывавший в полярных странах с экспедицией известного американского путешественника Пири, и 12 человек экипажа, в их числе молодой норвежец Р. Амундсен (впоследствии знаменитый путешественник), — все народ более или менее крепкий и молодой (самому старшему было 34 года).

Покинув Пунта-Аренас, «Бельжика» направилась на юг, огибая Огненную Землю с запада, чтобы достигнуть Ушуайи, самого южного города на свете, — административного центра аргентинской части огнеземельского архипелага. Неподалеку отсюда находится угольная станция аргентинского правительства, где Жерлашу было разрешено пополнить свой запас угля. В канале Бигль с «Бельжикой» произошло несчастье: в туманную ночь корабль наткнулся на подводную скалу и засел на ней так прочно, что никакими усилиями нельзя было сдвинуть его с места, в особенности потому, что был отлив. Затем, вместе с приливом поднялся сильный ветер, корабль жестоко трепало и грозило ежеминутно разбить о скалы. Пришлось разгружать судно на лодки, выкачать почти всю пресную воду и только тогда, с высокой приливной волной, облегченная «Бельжика» сдвинулась с места.

Чтобы запастись пресной водой Жерлаш зашел на о. Штатов, самый крайний из о-вов Огненной Земли; здесь есть маяк и живет несколько ссыльных аргентинцев и чиновников аргентинского правительства. Целую неделю пробыла экспедиция на острове, запасаясь водой и знакомясь

с флорой и фауной далекого юга: пингвинами, морскими львами, котиками и пр.

Наконец, 13 января 1898 г., в 7 ч. утра «Бельжика» простилась с последним человеческим поселением и двинулась на юг, к Южно-Шетландским о-вам. По дороге производились измерения температуры и брались пробы воды с различных глубин. Кроме того, делались промеры, давшие интересные результаты. Оказалось, что морское дно от Огненной Земли понижается постепенно к югу, до глубины 4 с лишним *км*, а затем столь же постепенно начинает повышаться к Южно-Шетландским островам.

Корабль окружали многочисленные альбатросы, которых моряки в виде развлечения ловили на удочку.

19 января на горизонте заметили белесоватый отблеск, который обыкновенно бывает от сплошных масс пловучих льдов. В этот же день встретилась и первая ледяная гора. Между тем, сплошных льдов не было видно, и отблеск поэтому следовало приписать не льдам, а покрытым вечными снегами островам. Появилась масса птиц: буревестников, альбатросов, крачек, так называемых капских голубей[1], и т. д.

На следующий день на море пал туман, и во мгле только слышался время от времени грохот рушащихся в море льдин.

Два дня стоял густой туман, делавший плаванье весьма опасным. 21-го числа «Бельжика» в тумане наткнулась на подошву громадной ледяной горы. Вскоре затем корабль оказался среди подводных и торчащих из воды утесов, из окружения которых ему удалось выбраться с трудом. Временами туман разрывало и глазам путешественников представлялись громады пловучих ледяных гор, ныряющие пингвины, и вдалеке на горизонте неясные очертания какого-то острова. 22 января на юго-западе землю увидели довольно близко: можно было различить белую полосу бурунов у берега. Жестокий ветер, разнесший туман, перешел в настоящую бурю. С «Бельжики» снесло одного матроса. Буря разыгралась настолько сильно, что для успокоения волнения пришлось лить на воду масло. К вечеру «Бельжике» удалось укрыться за остров, который был замечен еще накануне, и под защитой его стать на якорь. Это оказался о. Лоу, крайний из Южно-Шетландских.

Южно-Шетландские о-ва большею частью вулканического происхождения; они разделены глубокими проливами и окружены рифами и подводными скалами. Доступ к этим островам очень опасен, в особенности потому, что круглый год они скрыты под покровом густого тумана. Все острова

---

[1] Птица из отряда трубконосых, сродни буревестнику и альбатросу.

возвышенны, с холмами и горами. Некоторые вершины достигают свыше 1900 *м* высоты. «Круглый год, — пишет Жерлаш, — этот архипелаг погребен под толстым слоем снега. Но в самой середине лета, в январе, тощие мхи и лишайники покрывают кое-где скалы. На этих островах солнце редкий гость; над ними почти никогда не искрятся звезды, скрытые тяжелыми, низкими облаками; самая унылая страна, какую можно себе представить. Никакой человек, несмотря на безвредность климата, не мог бы долго противостоять угрюмому отчаянию этих грустных пейзажей, окутанных вечным туманом».

На следующий день погода оказалась более благоприятной, и Жерлаш направился на юг, к Земле Грахама, берега которой были нанесены на карты лишь приблизительно и, как выяснилось, совершенно неточно. Вскоре «Бельжика» вступила в залив Юза, очертания которого были до сих пор до того неопределенны, что Жерлаш не был уверен, залив ли это, или пролив, соединяющийся с морем Уэдделя и даже надеялся по этому проливу из Тихого океана проникнуть в Атлантический.

Высокие горы окружали залив со всех сторон. Целых три дня «Бельжика» обходила его берега, заглядывая во все бухты, которые могли показаться проливами, и производя съемку. Оказалось, что к востоку залив ограничен землей, но на юго-запад он простирается на неопределенное расстояние. Погода стояла прекрасная, солнце почти не заходило, в воде во множестве встречались тюлени и киты. Жерлаш и его спутники несколько раз высаживались на берега и на островки, разбросанные в заливе. Каждая высадка давала много интересного: коллекции горных пород, лишайников, пингвиновых яиц, а с первой высадки удалось даже привезти живьем двух молодых пингвинов.

Наконец, 27 января Жерлаш направился на юго-восток и вступил в совершенно неведомые воды: что это залив или пролив? и куда приведет он, в Тихий океан или в Атлантический?

Слева, изрезанная бухтами и заливами, тянулась земля, часть материка, за которой сохранилось данное ей впоследствии Жерлашем название Земли Данко в честь молодого ученого, погибшего во время экспедиции[1], справа лежал целый архипелаг вновь открытых островов, которым Жерлаш большею частью дал названия по имени различных бельгийских провинций и городов: о. Льеж, о. Брабант, о. Антверпен и т. п. И берег материка, и острова были покрыты высокими, снеговыми горами.

---

[1] Как оказалось впоследствии, Земля Данко составляет западный берег Земли Грахама, как земля короля Оскара — восточный.

«Картина, развертывающаяся перед нашими глазами никем еще никогда не виданная, — пишет Жерлаш, — сурово величава. На половине высоты черных, серых или красных утесов плывут облака, легкие, как газ; у подошвы утесов виднеется блестящий белый лед, окрашивающийся лазурью на уровне моря. Там и сям колышатся ледяные горы странных форм и очертаний. Ледники, подобные большим застывшим рекам, спадают и теряются в море, которое кажется совершенно черным по сравнению с такой массой белизны; вершины, увенчанные снегом и льдом, сверкающие под лучами солнца, бросают от себя тени тонких, сливающихся красок — нежноголубые, бледнофиолетовые. На льдинах тюлени... блаженно дремлют или с наслаждением вытягиваются под лучами солнца. Море населено китами. Куда ни взгляни, всюду увидишь игру трех-четырех полосатиков, или, еще чаще, горбачей. Ночью мы слышим их глубокое дыхание, которое одно вместе с пронзительным криком пингвинов и глухим грохотом отдаленных обвалов, нарушает величественную тишину, царствующую вокруг нас».

30 января Жерлаш решил произвести общий обзор местности и с этой целью подняться на какую-нибудь высокую гору, откуда был бы виден обширный горизонт. Для этого, взявши теодолит, палатку, в достаточном количестве керосин и провиант, несколько путешественников с Жерлашем, Арктовским и Данко во главе, высадились на о. Брабант и, таща на себе все инструменты и принадлежности, стали подниматься в гору, чтобы достичь такой высоты, откуда можно было бы взглянуть на Землю Данко сверху. Подъем был чрезвычайно крут (35—40°), поэтому и восхождение оказалось в высшей степени затруднительным. В первый день удалось подняться всего на высоту 335 *м*. Здесь решили остановиться на ночлег. Матросы возвратились на корабль, а пятеро ученых на следующий день попытались подняться еще выше. Взобраться на самую высоту вершины острова не удалось, а пришлось остановиться на высокой снеговой равнине, у подошвы одного из утесов «нунатаков», кое-где разбросанных по равнине. С его вершины и производились наблюдения. У подножья утеса разбили палатку и в ней ученые жили целую неделю, занимаясь съемкой и наблюдениями. Земля Данко, насколько мог проникнуть глаз, представляет собой бесконечную, совершенно гладкую равнину, сплошь покрытую льдом и снегом.

Погода не благоприятствовала экспедиции. Большую часть дня стоял густой туман, который не позволял делать наблюдения больше трех часов в сутки, а в остальное время обрекал на бездействие. Жестокий ветер разорвал палатку.

Ее сделали чуть не заново, значительно уменьшив в размерах и воздвигнув снеговую стену для защиты от ветра. В заключение наступила оттепель, и снег стал быстро таять, затопивши всю палатку. Волей-неволей пришлось возвращаться назад.

«Бельжика» тем временем обстоятельно обследовала берега, производя различные наблюдения. Приняв экспедицию, она двинулась дальше по каналу и 9 февраля вышла в Тихий океан. Вопрос разрешился: залив Юза оказался проливом, которому впоследствии дали название пролива Бельжики. Оказалось, что Западная Антарктида в этом месте (Земля Данко) отделена от океана целым рядом высоких островов, отдельные части которых были известны раньше под именем Земли Пальмера (о-ва Льеж, Брабант, Антверпен, Винке и т. д.); за ними сохранилось название архипелага Пальмера (см. карту на стр. 93).

Тщетно пытался Жерлаш пробиться дальше на юг — сплошные массы пловучего льда загораживали ему дорогу. Напрасно также обшарил он берег Земли Данко, ища, нет ли пролива, который бы отделял северную часть Западной Антарктиды от материка и вел в море Уэдделя — пришлось выйти в Тихий океан.

Сделавши последнюю высадку на острове, 13 февраля «Бельжика» отправилась на юго-запад, в обход сплошного льда, вдоль его края, в расчете связать Землю Грахама с Землей Александра I, открытой Беллингсгаузеном. Снова началось плаванье в открытом океане, опять появились альбатросы и буревестники. 15 февраля перешли полярный круг. Слева все время тянулся сплошной лед; из-за него в тумане виднелись берега Земли Грахама, добраться до которых, однако, не было возможности.

Во многих местах лед казался желтым от громадных масс микроскопических диатомей (кремнистых водорослей), покрывавших его. На льдинах нежились тюлени. Местами громадные глыбы льда и айсберги вздымались вверх и издали казались городом. В одном месте Жерлаш насчитал 220 ледяных гор.

Целых две недели «Бельжика» шла вдоль границы сплошного льда, тщетно пытаясь пробиться к востоку, заходя в каждую щель, которая открывалась во льду. 16 февраля на довольно близком расстоянии (37 *км*) от корабля показалась Земля Александра I, которую со времен Беллингсгаузена удалось видеть только однажды[1], но между нею и кораблем расстилалась совершенно непроходимая масса сплошного пловучего льда.

---

[1] Китобою Эвенсену на судне „Берта“ 21 ноября 1894 г. (за $3^1/_2$ г. до Жерлаша).

28 февраля, когда «Бельжика» была приблизительно там, где Беллингсгаузен натолкнулся на пловучий лед, поднялся ветер, который разломал и разметал ледяной покров, и открылся более или менее свободный путь на восток. Жерлаш воспользовался этим и двинулся вперед.

Вначале плаванье было довольно легким, но потом пришлось итти по каналам, которые открывались между льдинами. Ветер не прекращался и нанес снеговые тучи; повалил снег при сильном ветре, и вскоре вокруг водворился такой мрак и хаос, что «Бельжика» только ощупью, с трудом могла итти вперед. На следующий день снегопад прекратился и удалось продвинуться еще немного вперед, но вокруг, во все стороны лежали сплошные массы пловучего льда. Возвращаться назад было невозможно — все каналы опять закрылись. Между тем лето кончалось и начинал образовываться молодой лед, который спаивал вместе отдельные льдины.

После нескольких бесплодных попыток 3 марта решено было готовиться к зимовке, так как никакой надежды возвратиться не представлялось, а температура все падала. Чтобы не слишком одолевал мороз, вокруг затертого льдом корабля воздвигли с наветренной стороны снеговую насыпь; материалами, взятыми для постройки хижины, прикрыли палубу и мостик, чтобы там можно было работать под защитой от ветра.

Недалеко от корабля сделали прорубь для ловли рыбы и для накачивания воды на случай пожара. Наступила зима, с короткими днями и долгими ночами, а затем и полярная ночь. 15 марта температура была уже —20°, а 17-го в последний раз показалось и скрылось солнце.

Зимовка, первая зимовка в антарктических странах, вначале протекала недурно: производили измерения толщины льда, охотились за пингвинами и тюленями. Чтобы предохраниться от различных болезней, был установлен возможно гигиенический режим. Меню, например, было рассчитано так, чтобы одно и то же кушанье не повторялось раньше чем через месяц, — стол разнообразился мясом тюленей и пингвинов (рыба почти не ловилась). Мясо здешних тюленей, как и пингвинов, хотя черное и очень жирное, оказалось вполне съедобным и совсем не отзывалось рыбой, так как главная пища тех и других — ракообразные. Однако, с наступлением полярной ночи, продолжавшейся 70 суток, положение изменилось: тюлени и пингвины исчезли, работать стало весьма затруднительно, появились недомогания; все чем-нибудь да хворали, а молодой натуралист Данко умер от болезни сердца. Постоянная темнота действовала угнетающе на нервную систему людей. «Тринадцать месяцев, — пишет в своих воспоми-

наниях Амундсен, — просидели мы крепко во льду, зажатые им, как тисками. Два матроса сошли с ума. Все люди переболели цынгой... И доктор Кук, и я — оба мы знали из книг, прочитанных нами о путешествиях в полярных областях, что этого заболевания можно избежать, употребляя в пищу свежее мясо. Поэтому, покончив со своей дневной работой, мы проводили не один утомительный час в охоте на тюленей и пингвинов, бродя мили за милями по льдам и с напряжением всех сил перетаскивая туши на судно. Но у нашего начальника появилось сильнейшее отвращение к мясу этих животных, граничившее почти с безумием. Он сам отказывался есть это мясо и запретил давать его в пищу экипажу. В результате мы все заболели цынгой. Начальник экспедиции и капитан оба до того обессилели, что слегли и написали свои завещания.

Теперь начальство экспедиции было возложено на меня. Первое, что я сделал, это вызвал на палубу тех немногих из экипажа, которые еще могли работать, и заставил их откопать из снега тюленьи туши, зарытые около судна. Поспешно вырезали из них куски мяса и коку дали приказ оттаять и приготовить их для еды. Весь экипаж и даже сам начальник жадно съели свою часть.

Изумительно было наблюдать, каковы были последствия такой простой перемены пищи. Не прошло и недели, как все стали заметно поправляться.

По вечерам все развлекались, как могли: читали, писали, играли в карты, занимались музыкой и т. д.

Прошла зима, наступила весна, появились пингвины и тюлени, а «Бельжика» все еще была затерта льдами.

Вернулось солнце, вернулись и силы людей; однако проходило время, наступило уже лето, а «Бельжика» не могла высвободиться из своей ледяной тюрьмы. Уже в середине лета в один прекрасный день приблизительно метрах в девятистах от судна была обнаружена небольшая полынья. Никто не возлагал на нее никаких надежд. Но так или иначе она была принята доктором Куком за доброе предзнаменование... Он заявил, что лед скоро вскроется и что тогда начнут образовываться трещины, которые обязательно приведут к этой полынье. В этом доктор был совершенно убежден. Поэтому он предложил план, сначала показавшийся нам чистейшим безумием. Мы должны были прорезать толстый лед на протяжении 900 *м* от судна до полыньи, сделав таким образом канал и провести по нему «Бельжику», чтобы судно могло немедленно двинуться дальше, если бы лед вскрылся.

Я сказал, что план этот казался чистейшим безумием. Это было по двум причинам. Во-первых, для прорезки льда в нашем распоряжении было всего лишь несколько

четырехфутовых пил и немного взрывчатых веществ. Во-вторых, большинство людей нашего экипажа было непривычно к такой работе, не говоря уже о том, что все были очень слабы и истощены. И тем не менее д-р Кук победил. Во всяком случае, появилось какое-то занятие. Не нужно было больше сидеть да раздумывать над ожидавшей нас судьбой. В результате все взялись за дело, и работа закипела.

Экипаж представлял собой довольно пестрое собрание и в буквальном и в переносном смысле. Когда начальник экспедиции слег, заболев цынгой, я занялся обмундированием людей. Я очень скоро обратил внимание, что все участники экспедиции были в высшей степени скверно снабжены всем необходимым для зимовки в полярных областях. Поэтому, завладев тщательно припрятанным запасом розовых шерстяных одеял, я велел их раскроить по определенному образцу и пошить из них просторные костюмы. Костюмы оказались довольно теплыми, но когда люди выходили в них на палубу, то зрелище получалось интересное и театральное!

Мы наметили направление канала и начали работать. Пилами пропиливали во льду треугольники и, закладывая немного тонита, взрывали лед. Глыбы льда застревали краями, несмотря на взрывчатое вещество. Тогда д-р Кук нашел гениальный способ: он предложил спиливать вершины треугольников, вследствие чего вся глыба сразу после взрыва взлетала кверху.

Этой работой мы занимались в течение нескольких утомительных недель, но в конце концов ее закончили. Однажды вечером мы разошлись по койкам, решив, что на следующее утро начнем тянуть судно в полынью бечевой. Представьте себе наш ужас, когда, проснувшись на следующее утро, мы увидели, что давлением сплошного льда, простиравшегося кругом нас, канал закрыло, и мы опять крепко сидим во льду!

Впрочем огорчение оказалось кратковременным и вскоре сменилось радостью: направление ветра переменилось, и канал снова вскрылся. Не медля ни минуты, мы отбуксировали судно в полынью.

Хотя «Бельжика» находилась в полынье, однако до спасения попрежнему было далеко. Но тут произошло как раз то, что нам предсказывал доктор Кук. Лед вскрылся, и путь к открытому морю лежал именно через нашу полынью. Радость придала новые силы, и полным ходом пошли мы к открытому морю.

Но грозившие нам опасности все еще не были побеждены. Раньше чем выйти в открытое море, мы много дней провели между двух громаднейших ледяных гор, которые

зажали «Бельжику». Наконец, после отчаянных усилий судну удалось вырваться из ледяных тисков и 29 марта 1899 г. оно прибыло в Пунта-Аренас».

В сентябре того же года, на Международном географическом конгрессе в Берлине Арктовский уже читал отчет о результатах экспедиции[1].

Целых 15 месяцев пробыла «Бельжика» в южных полярных водах, причем около года находилась вмерзшей в лед. За это время ее вместе со льдом носило по волнам и так как, по мере возможности, часто делались определения долготы и широты, то удалось восстановить ее путь за это время. Оказалось, что «Бельжика» зимовала на границе между квадрантом Уэдделя и квадрантом Росса, к югу от о-ва Петра I, открытого Беллингсгаузеном. Измерения глубин указывали на близость материка — море было сравнительно мелко (до 350 *м*). Помимо целого ряда интересных наблюдений и фотографий, экспедиция привезла множество образчиков горных пород, образцы флоры и фауны и т. д.

Выяснилось, что как Земля Данко, так и прилежащие острова состоят, главным образом, из кристаллических горных пород. Образцы же осадочных пород были найдены в виде обломков на одной пловучей льдине.

♦

Значительно больших результатов достигла выехавшая и вернувшаяся годом позже Жерлаша экспедиция Карстена Борхгревингка.

После первого путешествия его неотступно преследовала мысль еще раз отправиться на Землю Виктории, но уже на этот раз во всеоружии, перезимовать там и попытаться исследовать антарктическую сушу.

В 1898 г. пока шли разговоры и собирались деньги для английской и германской южнополярных экспедиций, издатель одного крупного английского журнала, Дж. Ньюнс, с которым Борхгревингк уже раньше говорил о своих планах, предложил ему значительную сумму денег для снаряжения антарктической экспедиции, под условием, чтобы описание путешествия печаталось только в журнале Ньюнса. Борхгревингк согласился. Было куплено в Норвегии прочное китоловное судно, выстроенное тем самым известным строителем судов Колином Арчером, который строил для Нан-

---

[1] В своем жизнеописании Р. Амундсен дает де-Жерлашу нелестный отзыв как начальнику полярной экспедиции, что по отношению к „Бельжике", повидимому, и верно. Но в последующих своих полярных плаваниях в северном полушарии Жерлаш сумел использовать полученный опыт. *Ю. Ш.*

сена его знаменитый «Фрам». Судно было переименовано в «Южный крест», снаряжено, и в августе 1898 г. уже готово к отплытию. Борхгревингк подобрал себе товарищей и экипаж. На судно взяли в разобранном виде хижину, в которой предполагалось зимовать. Погрузили запасы провианта и топлива и около 100 ездовых собак, купленных у ненцев на Ямале и Печоре. Капитаном «Южного креста» Борхгревингк пригласил Иенсена, опытного моряка, уже бывавшего в антарктических водах. Кроме начальника экспедиции Борхгревингка, на корабле находились натуралисты Гансон, Эванс (зоолог), Луи Берначчи (метеоролог), Кольбек (специалист по земному магнетизму), доктор, два помощника капитана, и экипаж из 20 человек, среди которых были два лопаря как специалисты по передвижениям по снегу и льду. Народ был выбран все крепкий и молодой (кроме капитана Иенсена): самому старшему, Борхгревингку, было 34 года, а большинство имело возраст от 25 до 30 лет. Кроме своей основной задачи, согласно желанию Дж. Ньюнса, «Южный крест» должен был, в случае надобности, оказать помощь «Бельжике», с которой в то время не было никаких известий. 30 июля на «Южном кресте» подняли английский флаг, и 23 августа судно торжественно отправилось из Лондона. 4 сентября оно пришло на о. Мадеру, а 27 ноября к берегам Тасмании. Пополнив здесь свои запасы, Борхгревингк 19 декабря пошел из Гобарта и, после короткой остановки на Новой Зеландии, направился на юго-восток, навстречу полярным льдам.

«Пусто и тихо кругом, — пишет Борхгревингк, — и в то же время неизъяснимо пленительно! Корабль наш сопровождают только стаи полярных птиц... Сверкая белыми и черными крыльями, они носятся вокруг корабля, порой оглашая воздух громкими криками».

30 декабря увидали вдали густой туман и сразу стало холодно; показались льдины, одна другой больше и выше, и через час «Южный крест» со всех сторон был окружен льдинами: он весь дрожал и трещал, протискиваясь между ними, но смело пробивался вперед. На льдинах попадались тюлени, которых можно было легко убить, так как они совершенно не боялись людей. Лед был настолько близко, что при хорошей погоде являлась возможность спускаться на ледяные поля и даже выпускать засидевшихся собак.

13 января 1899 г. на горизонте завидели землю высокую, гористую, местами покрытую снегом с голыми торчащими утесами. Еще издалека виднелся дым, поднимавшийся над одной из гор. Это был один из о-вов Баллени, на котором еще Росс открыл действующий вулкан. К острову удалось приблизиться настолько, что можно было его рас-

смотреть, но высадиться при всем желании не удалось. Пришлось повернуть назад, на север.

Сорок три дня «Южный крест» пробыл среди льда. Зачастую приходилось опасаться за его целость, в особенности, когда судно приподнималось сдавливавшими его льдинами. Ввиду скорого конца короткого полярного лета, решили снарядить экспедицию, которая, перебираясь с льдины на льдину, добралась бы до материка сухим путем, на собаках. Но, к счастью, лед стал менее плотен; 11 февраля на 70° ю. ш. «Южный крест» снова вышел в открытое море, и тотчас же полным ходом пошел на юг. Вскоре его застигла жестокая снежная буря с туманом, длившаяся целых два дня. Когда же, наконец, туман рассеялся, путешественники увидели перед собой высокие, темные скалы мыса Эдер, цели путешествия. 17 февраля «Южный крест» вошел в находящуюся у мыса бухту Робертсона, на заднем плане которой возвышалась вершина горы Себайн (3046 *м* высоты). Как только корабль стал на якорь, началась спешная выгрузка топлива, провианта, материалов для постройки хижины. Работа оказалась очень трудной, так как у берега было мелко, и приходилось переносить груз, стоя нередко по пояс в ледяной воде. Перед самым концом выгрузки, длившейся три дня, налетел страшный шторм со снегом. Волны заливали берег, грозя все смыть. «Южный крест», из опасения быть разбитым о прибрежные скалы, отошел подальше и скоро скрылся из виду. Четыре члена экспедиции, не успевшие перебраться на корабль, остались на берегу. Несмотря на жестокий мороз (термометр сразу понизился до —28°), от которого волосы и одежда совершенно обледенели, они перетащили в более безопасное место сложенные на берегу припасы и тем самым спасли их от потопления. В легкой палатке, с трудом провели ночь. На следующий день буря утихла, и «Южный крест» снова приблизился к берегу.

Началась постройка хижины и склада топлива и провианта. 27 февраля работу закончили, и судно, распростившись с остающимися, ушло в Новую Зеландию, чтобы на следующее лето вернуться и забрать оставшихся. Зимовать остались десять человек: Борхгревингк, Фугнер, четыре натуралиста, доктор, повар и два лопаря.

Оставшиеся путешественники стали готовиться к зимовке: обили стены и крышу домика снаружи и внутри тюленьими шкурами и завалили снегом. Хотя это и утеплило его, но затруднило вентиляцию, благодаря чему воздух в помещении был чрезвычайно спертый и удушливый.

В этом домике путешественники прожили остатки лета и полярную зиму, делая экскурсии по окрестностям. Далеко проникнуть, однако, не удавалось. Берег везде подчи-

мался отвесными стенами, за исключением узкой прерывающейся полоски пляжа, которая тянулась вблизи мыса Эдер. Несколько большую возможность представляли горные восхождения. Так, 12 марта Борхгревингк с одним из товарищей взобрался на вершину мыса Эдер (немного выше 1 *км*), отсюда внутрь страны был виден ряд снеговых вершин, которые тянулись с запада на восток. 27 апреля, возвращаясь домой после экскурсии в Робертсонов залив, Берначчи и один из лопарей поднялись на береговой хребет, концом которого являлся мыс Эдер, на высоту свыше 2560 *м*. «Темные скалы, залитые лунным светом и бесконечный горизонт, где вдали мерцали ледяные массы, — все это сливалось в одну волшебную картину... Нигде кругом ни признака жизни».

Во время экскурсии один из лопарей едва не погиб, провалившись в трещину. «Он шел, — говорит Берначчи, — по леднику в недалеком расстоянии от берега, и вдруг провалился. Хотел было удержаться за край трещины, но неудачно, и продолжал лететь все ниже и ниже в бездонную пропасть. Падая, он перевернулся вверх ногами и упал головой вниз, потеряв сознание. Придя в себя, он сначала не понял, где находится, но затем сообразил, что лежит в сугробе снега между двумя ледяными стенами, а высоко над ним виднеется лишь узенькая полоска света. Обезумев от ужаса, несчастный принялся громко кричать, призывая на помощь. Кричал до того, что потерял голос и впоследствии мог говорить только шопотом. Ему было слышно, как наверху продолжали рубить мерзлый тюлений остов. Следовательно его крики не доносились наружу. Можете себе представить, какое ужасное состояние духа было у него. И вдруг он нащупал в своем кармане ножик. Тогда опираясь спиной на стену и вырезывая в другой ступеньки для упора ног он целый час выбирался на поверхность, и возвратился в лагерь полузамерзшим и в состоянии полного изнеможения».

Пока еще не настала зима, зоологи тщательно составляли коллекции из шкурок и скелетов пингвинов, чаек, тюленей, рыб, которые ловились в достаточном количестве и приятно разнообразили стол.

Между тем приближалась полярная ночь. 14 марта исчезли пингвины и стали гораздо реже летать буревестники; 15-го впервые показалось полярное сияние. Температура быстро падала. Дни становились все короче; 15 мая в последний раз показалось солнце и уже не появлялось до 27 июля.

Наступила томительная полярная ночь, которая разнообразилась только полярным сиянием, да жестокими ураганами. В июне холода увеличились.

Экскурсии волей-неволей прекратились. Путешественники коротали время, как могли: играли в шахматы, занимались музыкой, бегали на лыжах, устраивали празднества; в тихую погоду охотились на тюленей, а в ветреную, если имелась возможность, ходили смотреть при свете луны, как лезут на берег нагоняемые ветром ледяные громады айсбергов.

За время долгого, вынужденного пребывания вместе все успели друг другу надоесть. Появилась раздражительность и часто из пустяков происходили ссоры. Здоровье, однако, у всех было удовлетворительно, за исключением Гансона.

27 июля показался впервые край солнца, и с тех пор дни начали быстро прибывать. Вместе с солнцем вернулось и бодрое настроение духа, возобновились экскурсии.

Между прочим Борхгревингк открыл в западной части залива островок, куда и экскурсировали по льду. На нем удалось собрать образцы горных пород с остатками ископаемых и несколько лишайников. Холода еще держались, особенно в августе и сентябре.

В октябре потеплело, дни значительно удлинились, но все же еще стояла настоящая зима, холодная и безжизненная.

14 октября умер препаратор Гансон. На вершине мыса Эдер, с помощью динамита, взорвали кусок скалы, в образовавшуюся могилу поставили гроб и привалили громадным валуном.

14 октября показались первые пингвины, а вскоре их появилось несметное множество. Они шли к мысу Эдер откуда-то с севера, медленно, длинной вереницей, один за другим, по одной и той же тропинке, которая окрасилась кровью, так как пингвины ранили себе ноги об острые льдины. Одни оставались тут же, на пляже, другие с быстротой и ловкостью поднимались на вершину горы, располагаясь на самом мысу и по его уступам, третьи, поднявшись на вершину, уходили в глубь материка. Целые тысячи их покрыли пляж у мыса Эдер и немедленно занялись нехитрой постройкой гнезда: выкапывали в прошлогоднем гуано ямку, выкладывали окружность ее голышами, и самка немедленно садилась на яйца, которых обыкновенно сносила два. Вскоре весь берег огласился криком пингвинов, которые дрались, спорили из-за места и таскали друг у друга из гнезд камешки. Шествие пингвинов продолжалось две недели. В начале ноября самки сели на яйца, а 9 декабря выклюнулись первые птенцы. Путешественники набрали до 4000 вкусных яиц.

В середине ноября лед начал таять, и близ мыса Эдер образовалась широкая полоса воды, куда немедленно бросились массы пингвинов.

Наступило полярное лето с прекрасной погодой, изредка нарушавшейся ураганами.

Путешественники томились: кругом все было исследовано, нужно было ехать дальше, а лед все не таял. Только к концу декабря лед взломало. Началось ожидание корабля. Уже молодые пингвины оперились и 18 января покинули гнезда, а «Южного креста» все не было. От томительного ожидания путешественники почти не могли работать; а впереди предстояла, быть может, вторая зимовка: провианта хотя имелось еще очень много, но топлива могло хватить не больше, чем на полгода.

Наконец, 28 января утром, когда все еще спали, Эванс пошел за углями и возле хижины увидал человека, идущего навстречу. Это оказался капитан Иенсен с «Южного креста», который прибыл за зимовщиками.

2 февраля 1900 г., путешественники распростились с мысом Эдер и отправились на юг, вдоль берега Земли Виктории. 5 февраля «Южный крест» прошел мимо потухшего вулкана Мельбурн (2480 *м*); далее он подошел к мысу Крозье, лежащему близ вулканов Эребуса и Террора, которых окутывал густой туман и, наконец, достиг ледяной стены Росса — Великого барьера. Наблюдения показали, что со времени пребывания здесь Росса барьер отступил к югу. По дороге несколько раз высаживались на прибрежные островки и на береговой пляж: у подножья горы Мельбурн и близ мыса Крозье, у подошвы Террора. На одном из островков нашли жестяной ящик с текстом, оставленный Борхгревингком еще во время первого путешествия на «Антарктике», в него положили записку о посещении этих мест. Везде собирали образчики горных пород и скудной флоры, мхов и лишайников. Высадка у мыса Крозье едва не стоила жизни Борхгревингку и капитану Иенсену. Когда они стояли на пляже и откалывали образчики горной породы, от соседней скалы оторвался громадный кусок снежно-ледяного карниза и упал в море. Упавшая масса снега была так велика, что вызвала огромную волну, которая мгновенно залила весь пляж до самых береговых скал. Борхгревингка и Иенсена едва не смыло водой, и они уцелели лишь благодаря тому, что уцепились пальцами за неровности в каменной стене.

«Южный крест» прошел вдоль Великого барьера на восток. «Представьте себе отвесную стену льда в 30—60 *м*, которая вдруг, совершенно неожиданно, является перед вами, как бы вырастая из океана в том месте, где глубина его равняется нескольким сотням метров. В ледяной стене этой нет трещин, и она очень мало изъедена водой... Верхняя поверхность стены почти совсем гладкая, плоская и лишь изредка покрыта трещинами». 11 февраля, после жестокого

тумана с морозом, от которого мачты, снасти и все предметы на палубе покрылись толстой ледяной корой, туман рассеялся, и удалось вдалеке, сзади, увидать дымящийся Эребус. 17 февраля Борхгревингк заметил в ледяной стене Росса выемку, вроде небольшого залива. Великий барьер здесь постепенно понижался, спускаясь к уровню воды настолько, что являлась возможность взобраться на его поверхность. Спустив сани и собак, Борхгревингк с двумя товарищами высадился, и отправился по бесконечной ледяной равнине на юг. Вскоре, однако, пришлось вернуться назад: время года было позднее и нельзя было медлить ни минуты, иначе судну грозила участь «Бельжики». Тем не менее, Борхгревингк проник на юг так далеко, как до тех пор не удавалось никому — до 78°45′ ю. ш.; во все стороны тянулась безграничная ледяная равнина совершенно гладкая, почти без трещин, границы ее терялись в бесконечной дали.

Вокруг корабля начал образовываться молодой лед. Пришлось пробиваться к северу, ломать его. Только 21 марта «Южный крест» достиг о-ва Окленд (к югу от Новой Зеландии) и лишь в июле 1900 г. путешественники вернулись в Англию.

Экспедиция Борхгревингка сделала большой вклад в науку: год, проведенный на антарктическом материке, дал возможность собрать материал по морской и пресноводной фауне южных полярных стран: найдено было несколько видов лишайников, три вида мхов и три вида насекомых; почти целый год производились магнитные и метеорологические наблюдения; приблизительно определено положение магнитного полюса (73°20′ ю. ш. и 146° в. д.), подробно нанесен на карту берег Земли Виктории от мыса Эдер до ледяной стены Росса и т. д.

ВЕЛИКИЙ ПОХОД НА АНТАРКТИКУ

Эрих Дригальский (1901—1903). Роберт Скотт (1901—1904). Отто Норденшильд (1901—1903). Уильям Брюс (1902—1904). Жан Шарко. Первая экспедиция (1903—1905).

Пока «Бельжика» и «Южный крест» находились в полярных странах, в Англии и Германии шли деятельные приготовления для снаряжения экспедиции.

На VII Международном географическом конгрессе в Берлине, в сентябре 1899 г., Арктовский докладывал о походе «Бельжики» и оглашены были донесения от капитана Иенсена из Новой Зеландии о том, как он отвез Борхгревингка на Землю Виктории. Известный ученый и специалист по полярным странам Маркгам, председатель Лондонского географического общества, сообщил конгрессу о подготовляемых германской и английской южнополярных экспедициях. Проф. Эрих Дригальский, начальник германской экспедиции, сообщил о своих планах и приготовлениях.

Осенью 1901 г. обе экспедиции находились уже «в походе», на пути в Капштадт.

Германская экспедиция состояла из 20 лиц, в числе которых были д-р Э. Вангеффен (биолог), д-р С. Гацерт (врач и бактериолог), д-р Е. Филиппи (геолог и химик) и сам Дригальский (начальник экспедиции и океанограф).

Кроме того, на судне было 5 офицеров (из них один инженер) для помощи в различных, особенно геодезических работах.

Отправилась экспедиция на специально для этой цели выстроенном деревянном судне «Гаусс», построенном в Киле, по типу трехмачтовой шкуны, но с паровой машиной для хода под паром и парусами. Деньги на экспедицию были ассигнованы германским правительством и вообще в средствах недостатка не было. Поэтому с научной стороны экспедиция была оборудована превосходно; имелся даже привязной аэростат для того, чтобы с него обозревать окрестности.

К осени 1901 г. все приготовления закончились, и

11 августа «Гаусс» покинул Кильскую гавань и 23 ноября прибыл в Капштадт.

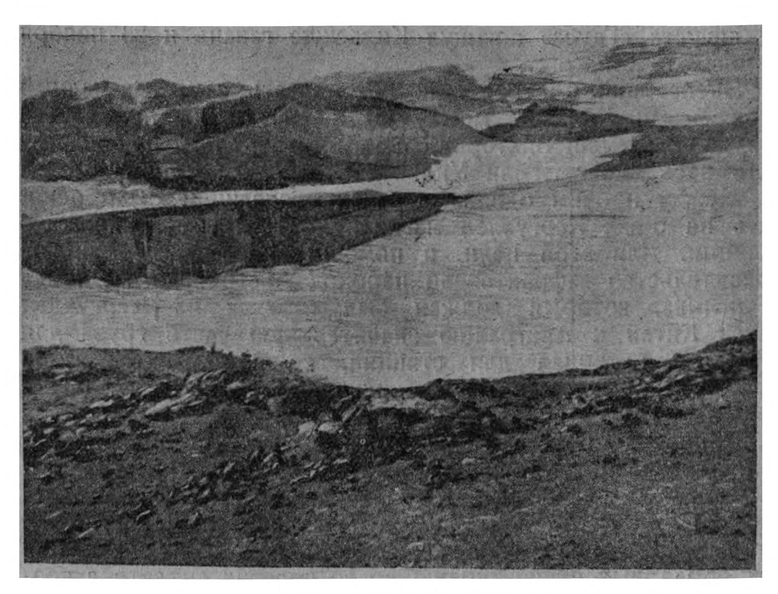
Экспедиция предполагала обследовать самый западный угол Земли Уилькса, между 90 и 100° в. д., пробраться оттуда к Земле Виктории, перезимовать там и обследовать весь берег Земли Уилькса.

Между прочим одной из задач экспедиции было основать на о-вах Кергуэлен магнитную и метеорологическую станции. Для этой цели, в помощь «Гауссу», германское правительство зафрахтовало пароход Австрийского Ллойда «Тэнглин», который должен был отвезти на Кергуэлен через Китай и Австралию значительную часть груза для «Гаусса», материал для станции, ее заведующего, д-ра И. Энценшпергера и 50 сибирских ездовых собак, и забрать с «Гаусса» почту.

Дирекция зоологического сада в Берлине просила Энценшпергера по мере возможности во время переезда и на Кергуэлене заняться ловлей живых птиц для зоологического сада и отправить их в Германию на «Тэнглине». Чтобы узнать наилучшие способы перевоза и кормления южнополярных птиц, Энценшпергер посетил директора зоологического сада в Сиднее и получил от него необходимые указания.

12 октября 1901 г. «Тэнглин» вышел из Сиднея и прибыл на Кергуэлен только после тяжелого четырехнедельного перехода. Предназначавшееся для станции место, в гавани Трех островов, оказалось неудобным для зимовки, и д-р Энценшпергер решил устроить станцию в бухте Обсерватории, где в 1874 г. находилась английская экспедиция для наблюдения за прохождением Венеры через солнечный диск. Место для стоянки оказалось удобным, а на фундаменте старого помещения английской экспедиции можно было построить новый жилой дом. Маленькое пресное озеро в 80 *м* от морского берега избавляло от забот о воде для питья. Выгружать материалы было тяжело. Судно стояло довольно далеко от берега, переезды на шлюпках при бурной, снежной и дождливой погоде были затруднительны, багажа требовалось перевезти немало: 360 *т* угля, 250 *т* строительных материалов, 100 ящиков провианта, массу сухарей для собак, керосина и т. п., не считая полусотни собак и 24 щенят, родившихся в пути.

Китайский экипаж частью хворал, частью не оказывал повиновения, так что двум участникам экспедиции с капитаном и офицерами «Тэнглина» пришлось почти всю работу сделать самим. С трудом выстроили жилое помещение, а все прочие работы отложили. На охоту времени нехватало, так что были пойманы и отосланы только три пингвина. Прошло четыре недели, а «Гаусса» все не было.



Озеро пресной воды.

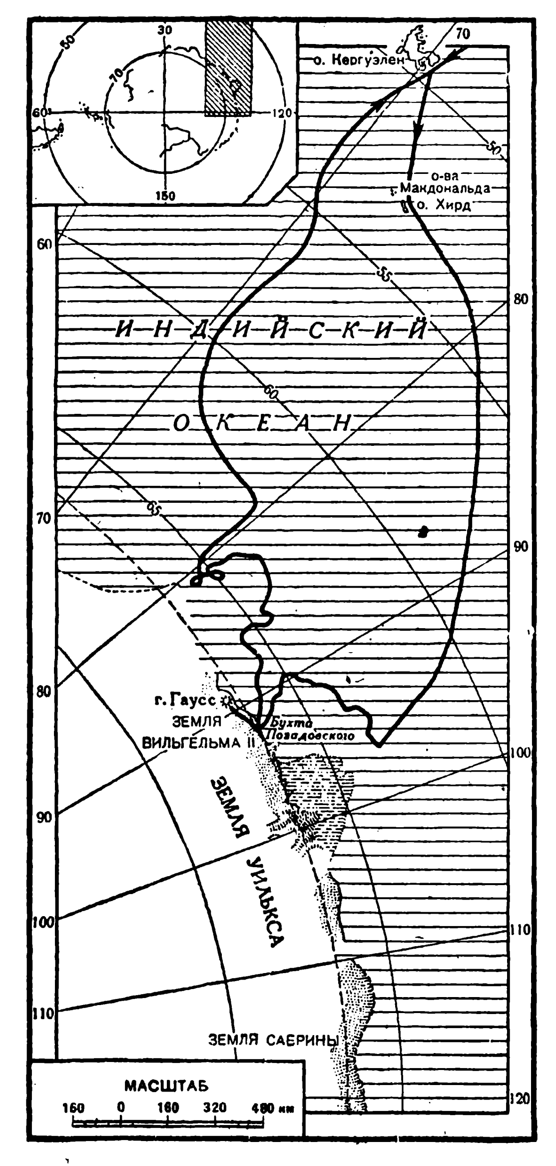
Наконец, 14 декабря «Тэнглин» ушел обратно в Сидней, увозя с собой в Европу доклад Энценшпергера о переезде из Сиднея на Кергуэлен и его отчет о первом месяце пребывания на этих островах.

«Гаусс» замешкался в Капштадте и по дороге.

На пути из Капштадта к Кергуэлену в пустынной части Индийского океана, теплые волны которого здесь уже охлаждены холодными антарктическими течениями до немногих градусов выше нуля, лежат о-ва Крозет, многочисленные скалы, окружающие группу из четырех более крупных вулканических островов.

25 декабря экспедиция Дригальского достигла самого большого из этих островов — о-ва Поссесион.

О-ва Крозет со времени их открытия (1771) ни разу не были предметом научного исследования, и, чтобы пополнить этот пробел, было решено подойти к берегу и ближе ознакомиться с характером местности. Остров Поссесион состоит из наслоений лавы, потоки которой в различные времена извергались со дна моря. В некоторых местах обнаружили до восьми таких слоев. Образованное слоями лавы плато круто спускается на глубину 200 *м* к морю, волны которого изрыли берег многочисленными бухтами и ущельями. Острова необитаемы, — их оживляют только тысячи полярных и приполярных птиц: пингвинов, бакланов, буревестников, да неуклюжие морские слоны валяются на



Путь экспедиции Дригальского 1901—1903 гг.

берегу. Там и сям в глубине вырытых прибоем бухт по красным стенам лавы низвергаются в море пенистые потоки. У этих островов «Гаусс» встретил впервые ледяные горы — двух мощных гигантов, которые, по всей вероятности, случайно проникли слишком далеко на север, так как кроме них до островов Кергуэлен не было встречено никаких льдов.

Когда «Гаусс» в первый день нового 1902 г. подошел к Королевскому проливу у Кергуэлена, где должен был стоять «Тэнглин» никаких следов пребывания его не обнаружилось. Наконец, с трудом рассмотрели сигнальный шест с германским флагом, и в развалившейся хижине тюленебоев, на островке Хог-Исланде, нашли бутылку с письмом, уведомлявшим, что Энценшпергер перенес станцию в бухту Обсерватории.

2 января «Гаусс» стал на якорь в бухте Обсерватории. Пришлось помочь Энценшпергеру с товарищами достроить обсерваторию, принять и погрузить на «Гаусс» запасы топлива и провианта и поместить на корабле собак.

Несколько недель прошло быстро; каждый свободный час уходил на продолжение и пополнение отчетов о сделанных уже экспедицией наблюдениях. Наконец, 31 января 1902 г. утром «Гаусс» пошел к югу, к конечной цели своего путешествия.

Тяжело нагруженный взятыми с Кергуэлена запасами угля и провианта «Гаусс» направился к юго-востоку. После трехдневного пути по неспокойному морю путешественники остановились у маленькой группы о-вов Макдональда. Эти острова были открыты капитаном Хирдом в 1853 г., с тех пор их посетила только одна научная экспедиция («Челленджера»), да несколько раз наезжали тюленебои. Поэтому стоило еще раз посетить их, особенно большой о. Хирд, с его доходящими до 2000 *м* горными вершинами. С гигантского ледяного купола к северу спускаются семь глетчеров до самого моря, — это в сущности одна ледяная шапка, отроги которой сползают во все стороны к морю или в самое море. Между ними врезаются несколько бухт, — они принимают в себя ручьи с глетчеров и служат местом, куда слетается чуть не все птичье царство южного полушария: гигантские буревестники, пингвины, чайки, капские голуби и др.

Приставая к берегу, путешественники увидали на возвышенности между двумя северными бухтами огромное стадо морских слонов, состоявшее по крайней мере из 400 штук.

Время от полудня до наступления темноты ушло на посещение большого глетчера, собирание минералов и охоту. Близ устья ручья еще уцелела полуразвалившаяся

хижина тюленебоев. Надпись рассказывала о спасении приютившихся после кораблекрушения моряков американским военным судном. Вскоре все скрылось из виду, — ночь и туман поглотили очертание острова, закованного в ледяной панцырь и омываемого морским прибоем.

Море было очень неспокойно; тем не менее, на следующий день, путешествие продолжалось на юго-восток, по направлению к Земле Уилькса. 7 февраля была встречена первая столообразная ледяная гора; еще несколько айсбергов встретилось в последующую бурную ночь, а 8 февраля их виднелось целых полдюжины. С этих пор ледяные горы появились одна за другой, и 13 февраля корабль был уже на краю сплошного пловучего льда. С 15 февраля «Гаусс» углубился в него, с трудом пролагая путь к югу, по протокам и открытым местам между льдинами.

Мелкие и крупные льдины сменились целыми большими полями, поднимавшимися на $\frac{1}{2}$—1 *м* над поверхностью моря, так что 15 февраля на одном из них произвели первые магнитные наблюдения. Экспедиция Уилькса в 1840 г. полагала, что нашла здесь край полярного материка, но последующие экспедиции земли не обнаружили и Дригальский также безуспешно искал ее здесь. Только далекая цепь ледяных гор на юге несколько раз обманывала путешественников, заставляя предполагать присутствие берега. Тем не менее, по некоторым признакам можно было предполагать, что за этими, нанесенными морем, массами льда находится материк.

В тщетной борьбе со льдом «Гаусс» прошел вдоль края сплошного льда на запад и 18 февраля вновь попытался пробраться в середину льдов.

Сначала судно пробиралось между старыми рыхлыми глыбами, но после полудня встретило более твердый лед и значительное число высоких ледяных гор. Ночью под снегом и дождем «Гаусс» с трудом продвигался вперед, а на следующий день два измерения глубины дали поразительный результат: лот достигал морского дна всего на глубине 240 *м*; следовательно судно шло уже над подводным основанием антарктического полярного материка. Пингвины и тюлени плавали по морю на столообразных ледяных горах. К вечеру «Гаусс» неожиданно вышел из льдов в открытое море при попутном ветре и сильном волнении. Вокруг плавали большие ледяные горы, но весь следующий день шли к югу по свободному морю. Волны вместе со снежной метелью покрывали судно ледяной коркой. 21 февраля рано утром была замечена земля. Пробираясь между высокими ледяными горами, «Гаусс» достиг отвесной стены материкового льда. Здесь он взял западное

направление и весь день шел вперед до наступления ночи. Ночью поднялась снежная буря и принудила корабль лавировать между льдинами и ледяными горами. В 4 часа утра оказалось невозможным удерживать судно на принятом курсе: глыбы льда стеснили его со всех сторон, а трехдневная снежная буря, сковавшая лед, отняла всякую возможность выбиться из него. Приходилось зимовать здесь, на 91°8' в. д. и 66°2' ю. ш. на льду вместо твердой земли, и начать приготовления к научной работе.

23 февраля сделали первую вылазку на ловлю пингвинов, 25-го спустили на лед собак, а 1 марта во временной обсерватории на льду уже начались магнитные наблюдения. Следующий день принес небольшое волнение, — цепь огромных ледяных гор приближалась с такой быстротою, что казалось, ледяное поле, в которое вмерз «Гаусс», разобьется и судно снова освободится. Но эта цепь подошла и залегла длинной грядой на севере. Ледяное поле осталось нетронутым и непоколебимо пролежало еще десять месяцев.

«Гаусс» находился на расстоянии километров 85 от края материкового льда на сравнительно мелком месте — около 300—400 *м* глубиной. На плоских мелях, пересекающих это водное пространство, лежали многочисленные ледяные горы, державшие в целости ледяное поле между ними. На юге виднелся материковый лед с нагроможденными перед ним льдами, на востоке более возвышенные части материка, с высокой, свободной ото льда вулканической вершиной, получившей имя горы Гаусса.

После того как метели и морозы сравняли неровности льда, положение зимующих, несмотря на отдаленность материка, могло считаться довольно надежным и благоприятным.

Первые недели ушли на постройку на льду многочисленных домиков, предназначенных для астрономических, магнитных и метеорологических наблюдений, для измерения температуры льда и морской воды, для ловли рыбы подо льдом и других работ. Кроме того, осеннее время, пока не прекратился день, было использовано на две санные поездки. Первая состоялась в марте и имела целью исследование горы Гаусса и восхождение на нее. Вторая поездка в апреле — была совершена по тому же направлению: у подошвы горы построили метеорологическую станцию и произвели геологические наблюдения. Наступившие в мае зимние снежные бури положили конец всяким экскурсиям.

Как только корабль остановился, в марте установили воздушный шар на привязи и 29 марта совершили несколько подъемов на высоту до 500 *м*, откуда открывался прекрасный вид на бухту и ее окрестности.

Землю, открытую экспедицией «Гаусса», назвали Землей императора Вильгельма II; у берега моря она образует залив, получивший название бухты Позадовского.

Вся страна представляла ровное, покрытое снегом и льдом пространство, у края которого на берегу моря поднимался невысокий (366 *м*) потухший вулкан — гора Гаусса. Он был свободен от снега и льда и от сильного выветривания покрылся слоем щебня. Ряд признаков свидетельствовал о его сплошном оледенении в прошлом. Кое-где виднелись тощие лишайники; на склонах во множестве гнездились морские птицы.

Вначале, пока члены экспедиции не свыклись с наступившими снежными бурями, очень затруднительно было переходить от корабля к разбросанным по льду отдельным постройкам для производства разнообразных наблюдений. Высокий остов Гаусса исчезал из глаз, едва от него удалялись на десяток шагов. Так, 26 апреля хватились одного матроса, отправившегося на участок не далее 10 *м*. Весь экипаж судна, связавшись веревками, сейчас же пустился на поиски потерянного товарища; его нашли, наконец, около расположенной в 40 *м* от судна метеорологической станции, на которую он случайно наткнулся. Впоследствии все лаборатории были соединены с кораблем канатами, держась за которые можно было спокойно передвигаться. В мае снежные бури стали настолько сильны, что походная кузница, несколько лопат и другие инструменты были засыпаны и частью погибли, так как лед подался под тяжестью снеговых масс, раскололся и значительно погрузился в море. Самое судно временами наполовину засыпали исполинские снежные заносы и порою оно сильно кренилось на один бок. Откапывание его стоило больших трудов, причем после первой же метели все снова принимало прежний вид.

От холода на корабле не страдали даже тогда, когда прекратили топить котел и даже отказались от парового отопления, — тепло настолько хорошо держалось внутри корабля, что несколько антрацитовых печек поддерживали постоянную температуру. Пришлось лишь пожалеть об электрическом освещении, прекратившемся с остановкой машины. Маленький ветряный двигатель, находившийся на корабле, оказался неприспособленным к скоростям воздушных течений южнополярных стран. Керосина взяли в таком ничтожном количестве, что главный машинист Стэр занялся конструированием и изготовлением ламп для ворвани, которые скоро поступили в общее употребление в большом количестве и действовали отлично.

В темные зимние месяцы путешественники проводили время на корабле, но с наступлением более теплой погоды, в сентябре, снова начались санные поездки по льду,

преимущественно вдоль границы материкового льда. В свободное от работ время почти все участвовали в более или менее больших прогулках, кто на лыжах, кто на запряженных собаками санях. К сожалению, поездки на далекие расстояния ни внутрь материка, ни вдоль берега не предпринимались.

С декабря состояние льда и разрыхление снежного покрова сделали дальнейшие поездки затруднительными, а под конец совершенно невозможными. Пришлось ограничиться небольшими экскурсиями и стационарными наблюдениями, которые все время велись очень усердно. В конце января пришли в движение ближайшие ледяные горы, что указывало на близкое освобождение ото льдов.

Уже целые недели экспедиция работала над тем, чтобы облегчить освобождение судна изо льда: прежде всего по направлению с запада на восток, перед носом корабля, насыпали широкую в 10 *м* полосу мусора, чтобы весною концентрация солнечных лучей вызвала таяние льда. Эта цель была достигнута полностью: в течение января под слоем мусора образовалась глубокая борозда, вдоль которой 8 февраля треснул лед. За неделю перед этим широкое ледяное поле, — с поверхностью в восемь квадратных километров, — посреди которого лежал «Гаусс», пришло в движение, но его снова задержали окружающие ледяные горы.

Машины вычистили, все приготовили для уборки станционных построек; солнцу помогали сильными взрывами, и 8 февраля, когда лед начал ломаться, все быстро привели в порядок. К вечеру «Гаусс» под парами вышел из десятимесячной ледяной тюрьмы и направился на запад.

На следующее утро разразилась жестокая снежная буря, и началась трехдневная упорная борьба с льдинами, во время которой судно медленно подвигалось к западу. «Гаусс» мог выбраться из льдин и движущихся ледяных гор, только подавшись значительно на север, уклоняясь от цели путешествия. Но оставаясь среди скопления льдов, судно рисковало вновь застрять на целый год.

Дригальский решил выбраться изо льдов и итти к западу вдоль края движущегося льда до той долготы, где в 1874 г. экспедиция «Челленджера» пробралась гораздо далее на юг. Однако Дригальскому это не очень удавалось, и больше месяца «Гаусс» оставался затертым льдинами, тщетно пытаясь из них выбраться. Наконец, 16 марта судно вышло за северную границу сплошных льдов и направило свой курс на запад. 18 марта на юге перед «Гауссом» открылось свободное водное пространство, подававшее некоторую надежду на этот раз пройти к югу дальше, чем в первую зимовку. Но уже на следующий день

западный ветер нагнал огромные массы льда и снова началась двухнедельная борьба с льдинами и ледяными горами. Судно, лавируя и изощряясь во всех тонкостях ледовой навигации, шло то на юг, то на запад. 8 апреля разразилась новая буря, приведшая в неистовое волнение все покрытое льдом море. Мелкие льдины были давно раздроблены и разогнаны; теперь в столкновении с волнами и горами разлетались на куски более крупные поля, вся ледяная поверхность волновалась. Буря пригнала судно к исполинской ледяной горе, у подошвы которой кипел грозный прибой. Такая обстановка и очевидная невозможность в это позднее время года еще раз пройти к югу заставили начальника экспедиции покинуть льды, а вместе с ними и антарктическую область. Самый южный пункт, достигнутый экспедицией, лежал приблизительно под 65° ю. ш. на границе между Африканским и Австралийским квадрантами.

9 апреля «Гаусс» вышел окончательно из полосы сплошного льда, а 12-го простился с последними пловучими льдами. 19 апреля судно зашло на о. Кергуэлен за остававшимися там членами экспедиции и отправилось в Индийский океан, к о-вам святого Павла и Новый Амстердам, где предполагалось сделать некоторые научные наблюдения. 11 мая пассажиры «Гаусса» с восторгом заметили на горизонте первый корабль, а 31 мая 1903 г. судно стало на якорь в гавани Порт-Наталь, в Южной Африке.

Все члены экспедиции благополучно возвратились в Европу за исключением д-ра Энценшпергера, который скончался на Кергуэлене в феврале 1903 г. от сонной болезни (бери-бери), которой, кстати сказать, переболели все его спутники по зимовке на Кергуэлене.

Наиболее важное географическое приобретение экспедиции Дригальского — это открытие окраины Антарктиды, ранее никем не посещенной, а также замечательно обстоятельные исследования во время зимовки и по пути туда и обратно.

Исследования границ антарктической области оставляли на восточной стороне между Землей Уилькса и Эндерби совершенно неразведанное пространство, и казалось возможным, а некоторыми известными географами даже предполагалось на основании метеорологических данных, что здесь существует свободный ото льда проход, который ведет глубоко внутрь ледовитой области, подобно морю Уэдделя или морю Росса. Некоторые высказывались даже за возможность существования временами открытого водного сообщения между глубоко вдающимся в область Антарктиды морем Уэдделя и этой неизвестной, только мимоходом задетой экспедицией «Челленджера», страной. Здесь легко могло проходить течение, пересекающее всю область Ан-

тарктики подобно течениям Северного Ледовитого океана, и по этому течению, полагали они, при благоприятных условиях корабль мог бы пройти гораздо дальше к южному полюсу, чем всевозможные санные экспедиции.

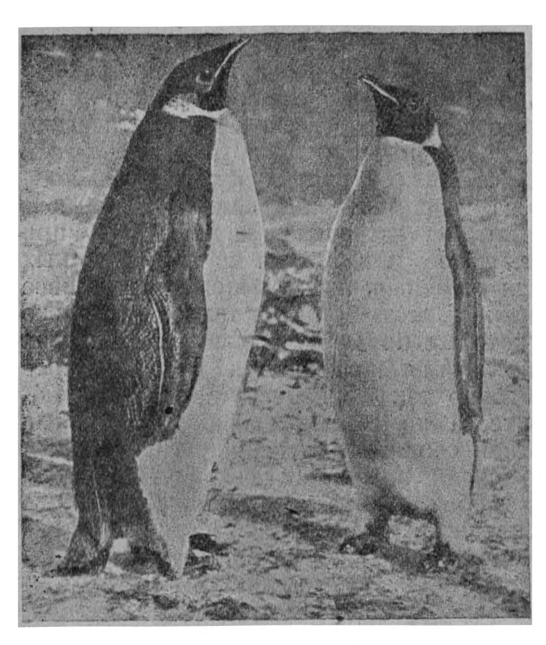
Экспедиция Дригальского положила конец всем этим предположениям. Присутствие твердой земли, выдвинутой почти до 65° ю. ш., характерные атмосферные явления, измерения морских глубин — все говорило за существование материка, который лежит вокруг полюса и наиболее выдвинут в сторону восточного полушария.

Интересны метеорологические наблюдения, собранные экспедицией. Изо всех климатов, встречающихся на окраинах антарктического материка, климат, царящий на ничем не защищенной полосе берега, обращенного к Индийскому океану, кажется действительно наиболее неприветливым. Бури, происходящие там, нельзя сравнить ни с чем; против них бесполезны всякие усилия, гонимые ими снежные массы засыпают одинаково легко целый корабль и одинокую палатку санной экспедиции, заставляя своею тяжестью толстые льдины погружаться в море. Бушуя два, три, пять дней непрерывно с неуменьшающейся яростью, они представляют собою одну из особенностей антарктической природы. Порою предвещаемые облаками, порою разражаясь внезапно, они мгновенно наполняют снегом весь воздух, делая невозможным что-нибудь разглядеть на расстоянии нескольких метров.

Вот что рассказывает об этом Дригальский: «Во время одной санной экскурсии, находясь впереди, я внезапно перестал видеть следовавшие за мною сани. Я остановился, собаки налетели на меня; мы с трудом поставили палатку, втащили сани, чтобы ее поддержать и подпереть, и после того день и ночь и еще день и ночь лежали, не имея возможности оставить палатку, скученные в количестве 8 человек на крошечном пространстве, где в течение 48 часов совершали все жизненные отправления. Снаружи ревела буря, потрясая палатку, которую мы подпирали и держали изнутри. Понемногу палатку занесло снегом, проникавшим через все отверстия, так что нам пришлось целые часы работать, чтобы отрыть палатку, когда, наконец, после долгого ожидания буря утихла». Также поступали бури с самим судном, иногда почти совершенно погребая его и заставляя клониться на бок под тяжестью снега. Порою, когда все люки и иллиминаторы заносились снегом, экипаж сидел в каютах, как в большом гробу; и едва удавалось с трудом отрыться, как следующая буря приводила все в прежний вид. Даже летом, в средине января, разражались ужасные, длившиеся целый день, снежные бураны. В мае и августе они бушуют почти непрерывно,

Благодаря зимовке «Гаусса» в прибрежной полосе весьма обстоятельно была изучена фауна окружающего южный материк, сравнительно мелкого моря. Как до сих пор утверждают все исследователи, собственно антарктический животный мир, населяющий материк и окружающее мелководье, беден видами. Из млекопитающих встречаются только киты и тюлени, да и из тех лишь немногие виды. В особенности между китами, встреченными в 1902 г. при вступлении в область льдов, и в 1903 г. во время санных экскурсий по близости от окраин льда, не попадалось вовсе крупных видов. Экипаж «Гаусса» встретил только несколько китов и дельфинов, которые порою появлялись в полыньях и удивительными прыжками подкидывали свои грузные тела над льдинами. Точно так же изредка попадались тюлени и то поодиночке, а не стадами. Наиболее крупные виды — мощный морской слон в 5—6 *м* длиною и изящный морской леопард со своим пятнистым мехом, — держатся, главным образом, на глубоком море и не проникают южнее внешнего полюса сплошного льда. Поблизости материка встречались более мелкие виды, из которых тюлень Уэдделя попадался довольно часто. На его длинном (в 2½—3 *м*) туловище сидит небольшая, изящная по сравнению с мощным объемом груди, голова. Науклюжие и неповоротливые на льду, в воде эти тюлени в высшей степени проворны и быстры, хотя, не зная врагов и не привыкши к бегству, они шли в воду очень неохотно, только когда были ранены или очень проголодались. Тогда можно было слышать, как они проносились подо льдом с шумом, напоминающим свист пули, отыскивая и проламывая более тонкие места ледяной коры, которые они снизу могли различать по освещению.

Пищу тюленей составляют рыбы и каракатицы, остатки которых находили в желудках убитых животных в громадном количестве. В начале октября на свет появляется детеныш, всегда один, уже при рождении больше метра ростом. Тюлени были доверчивы, как только могут быть доверчивы животные, не знающие человека и не имеющие никаких врагов вокруг себя. «При приближении человека, — пишет зоолог экспедиции, Вангеффен, — они бросали на него изумленные взгляды, и сейчас же успокоившись, снова ложились на бок. Замешательство выражалось комичным почесыванием спины и головы. Даже матери с новорожденными детенышами никогда не пытались напасть на человека; иногда они щелкали челюстями с видом беспечной угрозы, и старались лечь между детенышем и нападающим. Если детеныша утаскивали, мать ползла за ним, точно гусеница, уткнув голову в лед, подняв плечи и на мычанье детеныша отвечала такими же звуками. За старыми живот-



Императорские пингвины.

ными охотились ради свежего мяса и жира, необходимого для освещения, за молодыми — из-за меха».

Богаче всего, конечно, был представлен мир птиц, которые существенно отличались от вялых тюленей своею живостью. Больше всего было больших, красивых императорских пингвинов, которые прогуливались по льду стаями штук в 200. Эти исполинские, — до 35 *кг* весом, — птицы окрашены белым цветом снизу, крылья и спину имеют сероголубые, с оранжевыми пятнами по обеим сторонам горла. Они не гнездились и не выводили птенцов на горе Гаусса, как маленькие буревестники, но часто водили туда на прогулки свое потомство, где многие птенцы и были пойманы. «Они, — пишет Вангеффен, — важно выступают по льду; увидев что-нибудь необычайное — людей, собак, других пингвинов — останавливаются, выпрямившись во весь рост, и кричат с любопытством подходя все ближе, и по большей части делаются жертвами своего любопытства. На четвереньках по гладкому снегу, подпираясь крыльями, они уползают так быстро, что человек насилу поспевает за ними».

Как все живые существа антарктического мира, пингвины должны добывать себе пищу в воде, почему превосходно плавают и ныряют. В мелководье они ныряют до дна,

охотясь за рыбой и головоногими; под водой они скорее летят, чем плывут, — их ноги неподвижны, а гребут короткие крылья. Стремительность их под водой так велика, что выскакивая пингвины взлетают почти на высоту человеческого роста и оттуда падают на свою мягкую, обложенную жиром, грудь. Участники экспедиции пользовались их искусством нырять, чтобы протягивать подо льдом веревки невода от одного отверстия до другого. Они привязывали веревку к ноге пингвина и пускали его в воду. Отверстие сейчас же закрывалось досками; птица бросалась к ближайшей дыре во льду и выскакивала наружу вместе с веревкой. К веревке можно было пристраивать сеть для рыбной ловли. В сети попадались всевозможные морские животные: неведомые рыбы наряду с родичами обычных северных видов, морские звезды и полипы, ракообразные, голотурии, моллюски и черви, странные фигуры которых теперь красуются в музеях.

Более редким, но и более дерзким оказался вдвое меньший пингвин Адели, делавший постоянно отчаянные попытки нападения на упряжных собак, какие бы горькие опыты он ни получал в этих битвах.

Но самые интересные наблюдения доставляли два вида маленьких буревестников, строивших гнезда и выводивших птенцов в расселинах горы Гаусса, — доверчивые, хорошенькие на вид птицы. Снежный буревестник был бы совершенно незаметен при полете в снегу, благодаря белому атласистому оперенью, если бы его не выдавали два черных пятнышка — лапы и клюв.

Естествоиспытатели экспедиции провели 14 месяцев на льду, постоянно стремясь изучить каждое проявление и каждую форму жизни, которые им представляли южный материк и его ледяная оболочка, начиная от китов и тюленей и кончая бактериями птичьих базаров и лишайниками и мхами в расселинах горы Гаусса.

Положение английской экспедиции Роберта Скотта вначале было хуже, чем германской — Дригальского; правительство отказалось поддержать ее. Лондонское географическое общество дало слишком мало (5 тыс. фн. ст.) и пришлось собирать деньги подпиской.

Подписка вначале имела незначительный успех, но затем в марте 1899 г. один из членов Лондонского географического общества, пожертвовал на снаряжение экспедиции 25 тыс. фн. ст. (250 тыс. руб.), и вскоре вместе с пожертвованиями других членов этого общества составилась крупная сумма в 40 тыс. фн. ст. Тогда правительство под давлением общественного мнения уже не сочло возможным

отказать экспедиции в поддержке, и с своей стороны ассигновало такую же сумму; всего с частными пожертвованиями набралось около 100 тыс. фн. ст.

Теперь денег было достаточно, и экспедиция стала снаряжаться. На верфях в Денди построили для экспедиции специальное деревянное судно «Дисковери» по своему типу довольно близко подходящее к «Гауссу», но более крупное по размерам и могущее развивать большую, чем корабль Дригальского, скорость. Точно так же были очень хорошо оборудованы каюты, лаборатории (особенно магнитная) и взят привязной аэростат.

Сооружение магнитной лаборатории причинило немало хлопот конструкторам и строителям «Дисковери», так как на расстоянии 9 *м* от помещения лаборатории нельзя было применять железа и других стройматериалов из магнитных металлов.

Начальником экспедиции и в то же время капитаном корабля был избран Роберт Фалькон Скотт, помощниками капитана — лейтенанты Е. Ройдс, А. Эрмитедж и Э. Шекльтон, принимавшие участие и в научных работах экспедиции. Кроме того, в состав ее входили: второй помощник М. Берн, старший механик Р. Скельтон, врач Р. Коттлиц и четверо ученых: Э. Уильсон и Г. Феррар — зоологи, Т. Ходжсон — биолог и Луи Берначчи, — специалист по земному магнетизму и метеоролог, спутник Борхгревингка во время его последнего путешествия. Почти все эти имена можно найти на карте Антарктики.

18 марта «Дисковери» был спущен на воду, а в августе 1901 г. он покинул Англию, направляясь в Капштадт. Из Капштадта «Дисковери» вышел значительно раньше, чем «Гаусс», поэтому и раньше достиг своей ближайшей цели — Литтльтона на Новой Зеландии; в конце декабря 1901 г. он отправился на юг к Земле Виктории.

Подобно германцам англичане по пути также поставили себе маленькую побочную задачу. Они решили зайти на небольшой о. Маккуэри между Новою Зеландией и Южным полярным материком. На 53 день пути «Дисковери» подошел к берегам этого заброшенного в океане острова. Остров Маккуэри, имеющий в окружности 35 *км* оказался населенным, как и во времена Беллингсгаузена, невероятным количеством антарктических птиц. Пингвины гнездились здесь тысячами; кроме больших императорских пингвинов был найден еще другой вид, с хохолком в виде пучка желтых перьев на голове — хохлатый пингвин. Хищные чайки и буревестники попадались массами, одних полярных буревестников обнаружили шесть новых видов. Англичане собрали здесь богатую орнитологическую коллекцию, которую отправили из Литтльтона в Англию.

На пути в Новую Зеландию «Дисковери» потерпел столкновение со льдиной, и в Литтльтоне стал в док. Скотт настойчиво потребовал из Англии присылки вспомогательного судна. Это было норвежское китобойное судно «Морген», выстроенное в 1871 г.; его купили и перекрестили в «Морнинг». Снабженный провиантом и большими запасами угля, «Морнинг» под начальством капитана Кольбека, прежнего спутника Борхгревингка, должен был отправиться к берегам Земли Виктории, где ко времени его прибытия в декабре или январе (антарктическое лето) английская экспедиция предполагала закончить свою первую зимовку и начать исследование берегов.

От берегов Новой Зеландии «Дисковери» отправился на юг 21 декабря 1901 г. и 25 декабря под 67° ю. ш. вступил в область сплошного пловучего льда.

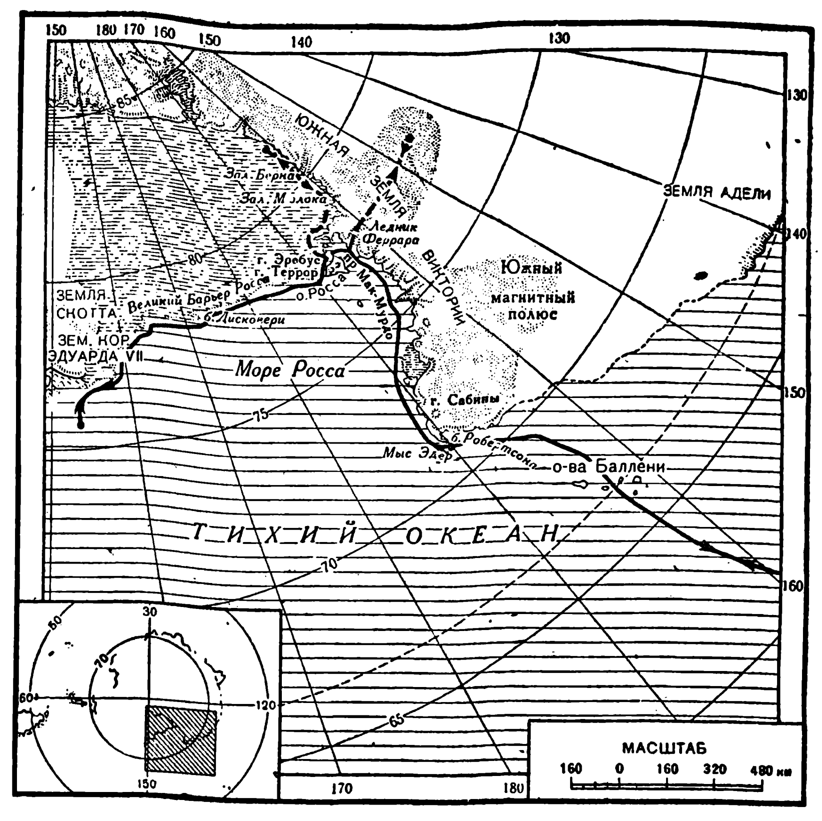
8 января 1902 г. показались горы Земли Виктории. Воздух был настолько чист, что на расстоянии 160 *км*, легко различались отдельные вершины. Здесь экспедиции пришлось впервые познакомиться с причудами природы и обманами зрения при определении пространств и расстояний в Антарктике.

9 января под гомон огромных стай пингвинов «Дисковери» бросил якорь в бухте Робертсона на мысе Эдер. На берегу сохранился еще' барак, в котором некогда зимовал Борхгревингк. Луи Берначчи провел своих товарищей к могиле зоолога Гансона — его спутника по экспедиции Борхгревингка 1898—1900 гг.

От мыса Эдер «Дисковери» начал медленно продвигаться к тому месту, где Великий барьер примыкает к высокому берегу Земли Виктории. Перед путешественниками развертывался величественный пейзаж. Высокие конические горные вершины доходили до облаков, горы с плоскими верхушками — «нунатаки» сверкали на солнце; глетчеры по долинам спускались в море, над которым возвышались розово-черные базальтовые утесы во много сотен метров высоты.

Конец барьера выходит на о. Росса, к вулканам Террор и Эребус. Высадившись, партия Скотта взобралась на вулканический конус, чтобы полюбоваться изумительными ледяными образованиями. «Это был величественный вид, — писал Скотт в своем дневнике, — и необъятные пространства, лежавшие над нами, только увеличили уверенность о скрытых в этих льдах районах». Линия барьера тянулась до горизонта, а равнина терялась «в сверкании своих собственных отблесков». Барьер казался бесконечным.

«Дисковери» прошел вдоль барьера, держась около его окраины насколько позволяла кромка льда. По наблюдениям Росса (впервые увидевшего барьер в 1841 г.) ледя-



Путь экспедиции Р. Скотта 1901—1904 гг.

ная стена не имела щелей и трещин. Скотт обнаружил не только трещины, но и многочисленные неровности и даже пещеры. Измерения показали, что Росс преувеличил высоту ледяных утесов, которые возвышались только от 4,5 до 45 *м* над уровнем моря. Пришлось уничтожить также обозначенные Россом на карте горы Пэрри. Такие горы не существовали, их приходится отнести за счет оптических обманов Антарктики. Кроме того экспедиция Скотта установила, что барьер за 60 лет отступил на 20—30 *км* и «Дисковери» шел по местам, где судя по картам Росса в 1841 г. был толстый слой льда.

Это плавание дало Скотту основание заключить, что Великий барьер представлял собою не фронт материкового глетчера, а исполинскую пловучую ледяную массу, за которой, быть может, еще находится свободное море. Подвигаясь далее на восток, Скотт добрался до восточного

края Великого барьера и открыл землю, которую назвал Землей Эдуарда VII. Зимовать, однако, здесь не представилось возможным, и Скотт 31 января 1902 г. повернул под 152° 30′ з. д. назад, вернулся к Земле Виктории, где экспедиция зазимовала, выбрав место как можно ближе к вулканам.

Оказалось, что вулканы, открытые Россом, стоят не на материке, а на острове, который на западе отделен от материка проливом Мак-Мурдо: на востоке к острову примыкает Великий барьер, а на юго-западе лежит ряд островков, которые соединены друг с другом и с материком сплошной массой льда. Скотт решил зазимовать в проливе Мак-Мурдо, у берега острова, на котором возвышаются вулканы.

«Дисковери» вмерз в лед окончательно только 24 марта. Были воздвигнуты необходимые для зимовки постройки, и члены экспедиции занялись подъемами на шаре и предварительными экскурсиями внутрь страны, чему погода мало благоприятствовала. Сильная снежная буря чуть не погубила их всех; в одну из таких экспедиций погиб один из матросов, свалившийся с утеса.

Запасенный провиант оказался, к сожалению, очень плох, но его недостаток пополняли охотою. Когда же началась настоящая зима с холодами до 33° ниже нуля и сильными бурями, охоту и все небольшие поездки пришлось прекратить.

В конце апреля наступила длинная полярная ночь. Члены экспедиции находились на 800 *км* южнее тех мест, где когда-либо до того зимовали люди. Период вынужденного бездействия прошел для зимовщиков сравнительно благополучно. Регулярно велись магнитные и метеорологические наблюдения; проверялись и подсчитывались запасы снаряжения; под редакцией Шекльтона выходила газета «Южнополярное время».

Питание состояло преимущественно из консервов. Только один раз в неделю стол разнообразился свежей (мороженой) бараниной, которою в изобилии снабдили корабль овцеводы Южной Зеландии.

К концу зимовки у некоторых участников обнаружились признаки цынги, но болезнь захватили в самом начале и потому тяжелых последствий она не принесла.

День распределялся так: вставали в $7\frac{1}{2}$ ч. утра и в 8 ч. утра завтракали; затем работали до 1 ч. дня; в 1 ч. обед, а после него отдых и спортивные игры до вечера; в 11 ч. спать.

С возвращением весны начались санные экскурсии; из них самая значительная продолжалась более трех месяцев и была связана с несказанными трудностями.

1 ноября 1902 г. Скотт с Шекльтоном и Уильсоном и с несколькими матросами взяли с собой 18 ездовых собак и сани с достаточным количеством провианта и отправились на юго-запад, по громадному, покрытому снегом ледяному пространству, которое на севере обрывается в виде ледяной стены Росса.

После одиннадцати дней пути Скотт достиг 79 параллели. «Мы уже перешли крайнюю границу, — пишет Скотт, — которую достигали люди; каждый шаг является новым завоеванием «великого неизвестного». Уверенные в себе, уверенные в своем снаряжении и в своей собачьей упряжке, мы только можем воодушевляться теми перспективами, которые открываются перед нами».

Но не прошло и суток, как уверенность в собаках исчезла, их как будто подменили. Животные ослабли настолько, что не могли сдвинуть с места груженые сани. Пришлось разделить груз, везти половину вперед, разгружать, возвращаться обратно и снова подвозить оставшееся снаряжение и провиант. Каждый километр приходилось делать три раза, т. е. фактически проходить 3 *км.*

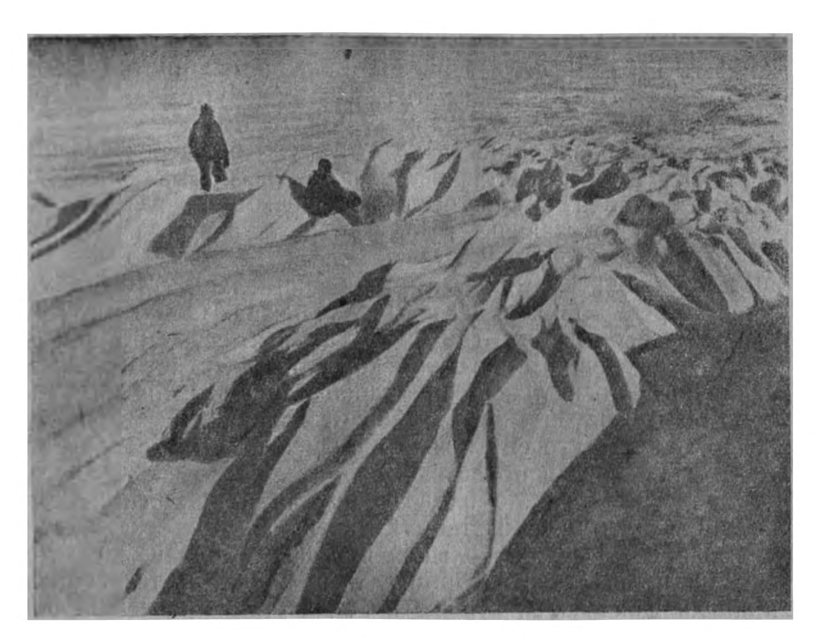
Причина болезни собак заключалась в пище из недоброкачественной сушеной рыбы, но заменить ее было нечем.

Если бы не собаки, тормозившие путешествие, все было бы хорошо. И погода и температура благоприятствовали путникам. Конечно, случались дни с полярным ветром, дни, когда небо, казалось, сливается со снежной равниной, так что люди не видели куда идут. Но выпадали, и очень часто, денечки, когда люди загорали под лучами солнца.

Неприятности причиняли заструги, т. е. вырытые ветром снежные борозды, особенно когда они достигали большой глубины, а их края были твердые и острые. Кристаллы льда доставляли немало хлопот, так как подобно крупинкам песка увеличивали трение полозьев саней и замедляли продвижение вперед. Партии Скотта пришлось почувствовать «содрогание барьера», сопровождаемое треском и небольшим оседанием поверхности, своего рода землетрясением вернее «льдотрясением», охватившим большую площадь.

Наконец, 15 декабря решено было построить склад и и оставить в нем часть груза, так как участники экскурсии были утомлены тяжелой работой. К усталости присоединились еще муки голода. Скотт так описывает настроение в эти дни своих товарищей и свое собственное.

«Если в нашей каждодневной жизни в этот период были испытания и напасти, то имелись также обстоятельства, которые искупали страдания и значение которых мы вполне оценивали. Совершая день за днем свой путь мы знали, что все дальше и дальше проникаем в неизвестное; каж-



Заструги на снегу.

дый шаг означал завоевание и укреплял результаты нашей тяжелой работы. Было бы трудно описать, с какой горячностью мы наблюдали за медленно движущимися измерительными приборами, отмечавшими проделанный санями путь, или искали результатов вычислений, относящихся к нашим наблюдениям, в то время как перед глазами тянулась линия, которую мы теперь чертили на белом пятне карты Антарктики. Так же день за днем, хотя и немного медленно, мимо нас продвигалась великолепная панорама. Редко переход протекал без того, чтобы не были открыты какие-либо новые характерные особенности, нечто такое, чего еще никогда не видели человеческие глаза...

...Самой интересной частью наших наблюдений в этот период была, пожалуй, сама береговая линия. Мы находились от нее на расстоянии 10—15 *км* и благодаря чистоте воздуха имели возможность все отчетливо видеть. Берег во всю длину был почти отвесным. Идущий волнами ледяной покров спускался постепенно до высоты в 300—600 *м* и затем резким обрывом шел к барьеру. В немногих местах этот обрыв выражался в крутых, но относительно легких снежных скатах, в других снег, казалось, переливался в красивых каскадах огромных ледяных глыб, а в третьих — берег окаймлялся гигантскими отвесными утесами из обна-

женных скал. В этот день мы находились против самых высоких утесов, виденных нами, и мой угломер по грубому подсчету определил их высоту в 540 *м*.

Даже на расстоянии 15 *км* эти утесы были великолепны и можно себе представить, какими громадами они показались бы вблизи. Они были окрашены в густой красный цвет, немного дальше к югу переходивший в темный, почти черный тон».

30 декабря 1903 г. экспедиция достигла 82° 16',5 ю. ш. Отсюда решено было возвратиться назад. Обратный путь оказался необычайно трудным. Так как свежей пищи не было, а захваченный с собой корм оказался негодным, собаки погибли и людям пришлось тащить сани на себе; дорогой Шекльтон едва не умер от холода[1]. 3 февраля капитан Скотт и его спутники вернулись на «Дисковери», где их ждала большая новость.

За десять дней до их возвращения прибыл «Морнинг», под искусным руководством капитана У. Кольбека.

Во время главной большой поездки Скотта на юг летом 1902/03 г. лейтенанты Эрмитедж и Скельтон также предприняли далекую экскурсию в западном направлении, причем подошли к высокому берегу Земли Виктории и совершили восхождение на него. По неровному шероховатому льду глетчеров они взобрались на высоту 2700 *м* и перешли водораздел, который, повидимому, составляет самую высокую линию в комплексе Земель Уилькса и Виктории. Непрерывная однообразная ледяная поверхность тянется отсюда к западу, оставаясь все время приблизительно на одной высоте, и, быть может, сливается на юге с необозримою ледяной равниной к югу и востоку от горы Гаусса.

Экспедиция Эрмитеджа и Скельтона тоже была сопряжена со всевозможными затруднениями. У них совсем не было собак, так что им пришлось все время самим тащить сани. На значительной высоте разреженность воздуха давала себя знать и один из спутников Эрмитеджа жестоко страдал от горной болезни. При переходе через трещины в материковом льду сани каждый раз приходилось разгружать для легкости, вещи переносить по очереди, затем опять нагружать в сани и ехать до новой трещины. Трещины нередко были глубиною в 15—18 *м*, и настолько широки, что сани нельзя было перетащить иначе, как спуская их на веревке в трещину, и вытаскивая наверх с противоположной стороны. Люди, подобно альпинистам, связались друг с другом веревкой. Эрмитедж все-таки провалился в трещину, метров тридцати глубиною; на счастье

---

[1] Явно неумелое снабжение экспедиции и неумелое управление санными поездками. — *Ю. Ш.*

веревка, к которой он был привязан, была очень крепка, и не оборвалась, так что его удалось невредимым вытащить из пропасти. На обратном пути экскурсантов застигла жестокая буря. Один из них, уроженец Новой Зеландии, отбился от товарищей; напрасно он кричал, что было сил, и бегал во все стороны, разыскивая их; наконец, выбившись из сил, он упал и заснул, занесенный падающим снегом. Когда он проснулся, то оказалось, что снег, засыпавший его растаял, и светило яркое солнце. Вскочивши на ноги, он оглянулся и увидал вдалеке вмерзший во льду корабль и через несколько часов был дома, где его уже считали погибшим. Оказалось, что он проспал в снегу полтора суток, и все же остался цел и невредим!

Но возвратимся к вспомогательной экспедиции У. Кольбека. Выйдя из Англии в июле, «Морнинг» в начале января достиг мыса Эдер и с трудом пробрался сквозь льды вдоль берега Земли Виктории. 23 января он нашел «Дисковери», который так прочно сидел во льду, что возникало опасение, удастся ли ему освободиться летом 1903 г. По полыньям между льдами «Морнингу» удалось приблизиться к «Дисковери» на расстояние 18 *км;* он привез с собой обильный груз новых припасов, инструментов и даже смену людей на случай, если бы таковые понадобились.

Сильно утомленный мученьями последней санной поездки Скотт ввиду этих обстоятельств все же решился зимовать вторично. Решение Скотта в этом случае обусловливалось не только особенно благоприятным полем действий, но и необходимостью при возвращении на «Морнинге» покинуть во льду свой корабль и часть коллекций, не помещавшихся на «Морнинге». Кроме того, он не был, подобно руководителю экспедиции «Гаусса», связан предписаниями и приказами начальства, а являлся полновластным начальником экспедиции.

На льду проложили санную дорогу, по которой пищевые и угольные запасы с «Морнинга» перевезли на «Дисковери».

Кроме лейтенанта Шекльтона, совершенно обессилевшего в результате последней экскурсии, на «Морнинг» вернулись 9 матросов с «Дисковери», отказавшихся от вторичной зимовки. На смену им с «Морнинга» перешли новые люди.

Чтобы не оказаться в плену у льдов, капитан Кольбек сейчас же повернул обратно и 25 марта вернулся в Новую Зеландию. В декабре 1903 г. «Морнинг» должен был снова отправиться на Землю Виктории.

«Морнинг» ушел и Скотт остался зимовать; вторая зима прошла более благополучно, чем первая, а в октябре, после зимнего перерыва, вместе с наступлением южной

весны, снова начались работы, которые в это лето принесли не меньшие результаты, чем в предыдущее.

На этот раз к западу, во внутренность Земли Виктории отправился сам капитан Скотт с несколькими матросами, со Скельтоном, который был знаком с местностью по экскурсии прошлого года. Проведя два месяца в тяжких трудах, путешественники проникли на расстояние 440 *км* внутрь страны; вся она оказалась покрытой льдом, который по краям кое-где пронизан скалами, а внутри изрезан многочисленными и в высшей степени опасными трещинами. Это был величественный мир окрашенных скал. С обеих сторон вздымались утесы, отливавшие под лучами солнца и под набегавшими тенями красными, коричневыми, серыми и черными оттенками. У их основания лежали крупные обломки. В центре глетчера барьера, которого достигла группа Скотта, находился каскад, «похожий на внезапно замерзший речной водопад». Скотт говорит, что ему нехватает слов описать «картину дикой красоты», и в тот момент ему трудно было представить себе, что он находится в полярных краях.

Когда партия прошла более половины пути до вершины глетчера, металлические полозья саней, стершиеся от длительных походов, лопнули, и Скотт понял, что на неровном льду сани скоро разлетятся на части. Пришлось вернуться на корабль для починки саней. 26 октября они снова пустились в путь, но когда добрались до склада на глетчере, Скотт увидел, что шторм раскрыл крышку ящика с инструментами и унес книгу «Справочник для путешественников», в которой содержались таблицы для вычислений астрономических и геодезических. Потеря повлекла за собой много неудобств. Путешествие по внутренней части антарктического материка без каких-либо примет — равносильно плаванию через океан. К счастью Скотт составил свои собственные таблицы, чем и восполнил в известной мере пробел, вызванный утратой книги. Несколько недель спустя, возвратясь на судно, он проверил свои грубые самодельные таблицы, при чем оказалось, что они почти правильны.

Путешествие вверх по глетчеру в смысле погоды оказалось предвкушением того, что Скотт рассчитывал найти внутри Антарктики. Сильные ветры, отчаянно холодные, дули прямо вниз с высот, заставляя людей в течение недели прятаться по своим палаткам. Все ослабели вследствие холода, бездействия и необходимости лежать целыми днями в промерзших спальных мешках. 13 ноября путешественники кое-как взобрались на вершину в 2670 *м* над уровнем моря. Здесь Скотт оставил Феррара и двух спутников для производства геологических работ, а сам про-

должал свой путь с Фезером, Эвансом, Скельтоном, Гандслей и Лесли. Они двинулись по западной горной возвышенности, высокой, пустынной, неизведанной.

Ледяная равнина встретила Скотта неприветливо. Дышать было очень трудно вследствие разреженного воздуха, а также из-за постоянного ветра. Ночные холода, доходившие до 42°, делали жизнь безрадостной и неуютной. Поверхность была жесткая и скользкая, даже для людей, обутых в горные ботинки с гвоздями. Несколько дней спустя Скотт отослал Скельтона, Фезера и Гандслея, так как у них нехватало сил на дальнейший путь. Скотт сам отчасти утратил свою бодрость, но в лице Эванса и Лесли он встретил неунывающих спутников. «Снежные волны нередко опрокидывали наши сани; мы как-будто плыли на небольшой лодке среди бурного моря»

Переход закончился 30 ноября. Скотт не знал в точности своего местонахождения, так как все опознавательные приметы успели давно исчезнуть. В этот день он сделал в своем дневнике следующую запись:

«Мы видели только несколько километров мягкого снега, связанного с мутным волнистым горизонтом, но мы знаем, что позади этого горизонта находятся сотни и даже тысячи километров, которые не могут представить никаких изменений для усталых глаз. И можно быть уверенным, что на бесконечном пространстве, какое только себе может представить человеческая мысль, нельзя встретить ни дерева, ни кустарника, ни живого существа, ни даже неодушевленной скалы — ничего, кроме этого ужасного беспредельного снегового пространства. Так это было в течение бесчисленных лет и так это будет еще в течение неисчислимого времени. А мы, ничтожные насекомые, пустились в путь, чтобы переползти через эту ужасающую пустыню, а сейчас имеем намерение ползти обратно... Мы все гордимся своим походом. Я не знаю точно, где мы находимся, но я хорошо знаю, что мы отошли далеко к западу».

Скотт назвал внутреннюю часть Земли Виктории «самой пустынной местностью на свете». Она представляла собой почти совершенно плоскую равнину, полную пронизывающего холода, выдуваемую ветрами, до ужаса однообразную. Ветер прорезал на лицах всех людей шрамы, покрыл их губы, носы и руки трещинами. Все были рады повернуть на восток так, чтобы ветер дул им в спины. Первый этап обратного пути через ледяную равнину был не менее изнурителен. Почти все время стояла мрачная погода, и Скотт неоднократно убеждался, что он движется вслепую. Когда стали видны горы, путешественники не могли различить ни одной вершины, ни каких-либо других опознавательных

признаков, характерных для их базы. Люди шагали молча, в надежде найти головной конец глетчера.

Помог случай. Пересекая нагроможденную кучу льдин, они провалились и вместе с санями полетели по какому-то крутому склону. Все это произошло с умопомрачительной быстротой. Оправившись после падения, Скотт вдали увидел свой склад. Во время этого вынужденного полета большая часть запасов была потеряна, но теперь пища была близка. Через несколько часов произошло новое приключение, которое Скотт описывает в своем вахтенном журнале. Он и Эванс попали вдвоем в глубокую трещину и их спасла от смерти только санная упряжь. Они выкарабкались, сильно замерзшие и потрясенные.

После этого путешествие шло более приятно. Боль от ушибов была забыта; погода стояла ясная и с каждым днем они продвигались ближе к своему судну. Во время спуска с ледника Скотт открыл Сухую долину — «изумительную местность», усыпанную обломками скал всех размеров и цветов с песчаными кучами и даже маленькими ручейками. Ледник, который собирал все эти материалы и нес их на себе, растаял — это была «долина умершего». Местность наводила на мысль, что по крайней мере здесь Антарктика стряхнула свой ледяной покров. 24 декабря Скотт был уже на борту «Дисковери». Он прошел 1752 *км*, делая в среднем по 21,5 *км* в день. К наиболее важным приобретениям этой поездки относятся ископаемые растения, найденные в берегах большого глетчера — свидетели той эпохи, когда и здесь расцветала более пышная жизнь.

Впечатление, полученное от внутренности страны по восхождении на высочайший пункт, приблизительно соответствует впечатлению, вынесенному экспедицией Дригальского. Повидимому, там, вместо предполагаемой раньше группы островов, расстилается широкий, в большей своей части плоский материк, образованный первозданными горными породами, которые в некоторых местах пробиты новейшими вулканическими образованиями. Главная масса материка погребена под толстым слоем вечного льда. Этот материковый лед лежит довольно спокойно в тех местах, где поверхность материка приблизительно горизонтальна; там же, где земля поднимается или образует высокие горные хребты, — мощные ледники более или менее быстро движутся вперед и вторгаются далеко в море. Такого же происхождения и тот исполинский ледник, который заканчивается Великим барьером. Это громадный ледник, сползающий с внутренних, более высоких частей антарктического материка и заполняющий все пространство между землей Виктории и Землей Эдуарда VII. Передняя часть его лежит на воде, покрывая всю южную часть моря

Росса, а Великий барьер представляет, так сказать, его передний фронт.

Для изучения этого могучего ледника во время второй зимовки, как и во время первой, были снаряжены две большие санные экспедиции, которые подтвердили высказанное предположение.

Еще раньше, при плавании «Дисковери» вдоль стены Росса к востоку, оказалось, что она лежит на целых 45 *км* южнее, чем в сороковых годах прошлого столетия. Итак, приходится предположить, что или в течение 60 лет передний конец исполинского глетчера ежегодно отступал на 700—800 *м*, или же, что вся масса льда лежит на поверхности воды и постепенно меняет свое положение.

Как бы в подтверждение этого, большая экскурсия в ноябре 1903 г., предпринятая по поверхности ледника под начальством Берна и Мюлока, обнаружила, что совершенно гладкая поверхность великого глетчера заметно двигается: склад провизии, устроенный в январе 1903 г. к следующему лету передвинулся больше, чем на 500 *м* к северу.

Другая специальная экскурсия под руководством Берначчи и Ройдса, тоже в ноябре, отправилась на восток, по поверхности глетчера, вдоль Великого барьера и пробралась на 260 *км* к востоку. Оказалось, что здесь берег еще ранее открытой Земли Эдуарда VII загибается к югу. Все пространство между краем Великого барьера и Земли Виктории заполнено исполинской массой льда, лежащей на воде. Доказательством этого служит измерение температуры в трещинах великого глетчера. В противоположность материковым ледникам, здесь температура до известной глубины падает, а затем медленно и постепенно возрастает. К сожалению, на этот раз не было никакой возможности установить, переходит ли Великий барьер непосредственно в материковый ледник, покрывающий в этом месте Антарктиду, и питаемый высокими горными хребтами, или он отломился и плавает свободно перед этим ледником[1].

Когда «Морнинг» в 1903 г. уходил в Новую Зеландию, «Дисковери» все еще был окружен поясом льда шириной в 6400 *м* и можно было опасаться, что корабль не освободится от ледяных оков и в следующем году. Поэтому, на случай, если экспедиционное судно снова замерзнет, кроме «Морнинга», на этот раз было послано еще второе вспомогательное судно «Терра-Нова», для того, чтобы все зимовавшие на «Дисковери» и все коллекции могли быть вывезены.

---

[1] Вопрос этот разрешился в пользу первого предположения много позже, во время новейших экспедиций Шекльтона и Амундсена.

В начале января 1904 г. оба судна достигли зимовки Скотта. Сначала, действительно, пришедшие суда застали «Дисковери» крепко сидящим в старом льду, и, так как ледяные поля в течение целого месяца не изменяли своего состояния, приходилось покидать корабль и переносить коллекции через ледяные поля к приехавшим судам. Но с 14 февраля начались сильные бури, взломавшие льды, которые уже два года удерживали «Дисковери». Был пущен в дело динамит и через несколько дней началось обратное путешествие, которое все три корабля благополучно закончили. Сильный шторм разлучил их в самом начале пути, так что они встретились только в Новой Зеландии, откуда 1 апреля 1904 г. была отправлена в Англию радостная весть о том, что английская южнополярная экспедиция удачно выполнила свой план.

Как оказалось, на обратном пути «Дисковери» попытался исследовать берег Земли Виктории к западу от мыса Эдер, в надежде найти связь между Землей Уилькса и Землей Виктории. Корабль прошел довольно близко от о-вов Баллени и проник к западу до 156° в. д., но земли нигде не обнаружил.

Из Новой Зеландии «Морнинг» и «Терра-Нова» отправились прямо в Англию, а «Дисковери» пошел кружным путем, через южную часть Великого океана, чтобы там произвести некоторые океанографические наблюдения и сделать промеры. Только 11 сентября 1904 г. «Дисковери» прибыл на родину, в Портсмут.

Из всех предыдущих полярных экспедиций скоттовская оказалась наиболее плодотворной. Помимо ценных магнитных и метеорологических наблюдений и богатых коллекций по геологии и зоологии антарктической области, она сделала целый ряд крупных географических открытий: 1) она открыла Землю Эдуарда VII, ограничивающую с востока море Росса; 2) она проникла во внутренность Земли Виктории и выяснила ее природу; 3) она установила природу ледяной стены Росса и изъездила по различным направлениям громадную ледяную массу, край которой эта стена составляет; 4) она внесла в карту Земли Виктории ряд существенных поправок и дополнений (например, что вулканы Росса стоят на острове) и произвела ряд измерений высот, доказав, что в Антарктиде есть горы очень значительной высоты — высший точно измеренный пункт достигает 4690 *м;* 5) она проникла дальше всех к югу (до 82°17′), не дойдя до полюса всего лишь около 950 *км.*

Одновременно с экспедициями Дригальского и Скотта была организована шведская южнополярная экспедиция под

руководством геолога Отто Норденшильда. Целью своего путешествия Норденшильд поставил изучение Западной Антарктиды, или Земли Грахама.

15 октября 1901 г. на старом китобойном пароходе «Антарктик», управляемом капитаном Ларзеном, члены экспедиции тронулись в далекий путь из Гетеборга.

15 декабря 1901 г. «Антарктик» пришел в Буэнос-Айрес, а 31-го на Фальклендские о-ва, откуда отплыл на Огненную Землю. 6 января 1902 г. «Антарктик», покинув о. Штатов (крайний из о-вов Огненной Земли), где была устроена аргентинским правительством магнитная станция для сравнения данных, полученных от наблюдения на Кергуэлене и Новой Зеландии, отправился к югу.

Еще не переходя полярного круга, экспедиция вступила в одну из самых поразительных частей Антарктики,— Южно-Шетландские о-ва.

«11 января, утром,— пишет Норденшильд,— весь экипаж почувствовал, что мы вступаем в совершенно новую область. В воздухе стало холодно, и вода имела температуру 0°, а земля, к которой мы приближались, была покрыта густым туманом. К полудню туман рассеялся, и мы могли созерцать во всем великолепии первую из южнополярных стран, которая нам встретилась на пути, о. короля Георга».

Весь остров был погребен подо льдом и снегом, который покрывал всю землю от вершин гор и до берега моря. Ледники спускались с высоких, в 900 *м* крутых стен, утопая концами в море. Ни стебелька травы на темных скалах, окружавших берега негостеприимного острова. Пристать нельзя было, так как берег представлял круто обрывающиеся, часто отвесные стены, а там, где он становился отложе, его окружали торчавшие из моря острые скалы.

«Антарктик» пошел дальше к о-ву Нельсона; этот остров был гораздо меньше покрыт снегом. Здесь высадились. Члены экспедиции нашли на острове некоторые следы растительности: лишайники, мхи и различные водоросли. В подушках мха обнаружили довольно много мелких насекомых и даже одного жучка — первого, которого удалось найти в антарктической области.

Путешественники поражались такой скудостью наземной жизни, сравнивая ее с богатством животных в северных полярных странах. Казалось, что производительные силы природы здесь как будто сосредоточились на жизни моря, изумляющего путешественника богатством и изобилием. Нигде на земном шаре не встречаются такие исполинские полчища рыб, ведущие за собою неизмеримые стаи птиц и китов. Скалы и льды оживлялись тысячами тюленей

нескольких видов, которые так мало боялись людей, что давали себя гладить. Пингвины, занятые выводом птенцов, оказались раздражительными, и отвечали путешественникам на попытки приласкать ударами клювов.

«Антарктик» прошел пролив Брансфильда, приблизился к берегу Земли Луи-Филиппа и вошел в один из проливов, извивающихся между этой Землей и прилегающими островами. Норденшильд хотел узнать, отделена ли Земля Луи-Филиппа от Земли Грахама, остров ли она, или часть материка. Имея влево Землю Луи-Филиппа, судно направилось к югу по этому проливу, так называемому Орлеанскому каналу.

Вскоре Норденшильд добрался до залива Юза и вступил на путь, уже обстоятельно исследованный Жерлашем. Таким образом оказалось, что Земля Луи-Филиппа — не остров, а стоит в непосредственной связи с Землей Данко: Орлеанский канал нигде не заворачивал к востоку, напротив, он шел к юго-западу и вывел в канал Бельжики (открытый Жерлашем). Проплывши по этому проливу до конца о-ва Брабанта, «Антарктик» вернулся обратно и прошел вокруг северного конца Земли Луи-Филиппа. Пройдя между Землей Луи-Филиппа и лежащим у ее северного конца о-вом Жуэнвилля, Норденшильд вышел к ее восточному побережью.

И здесь сказалось резкое различие, существующее между восточною и западною сторонами многих земель и полуостровов. Западный берег изрезан фиордами, отвесно с большой высоты спускается в море, покрыт льдом и снегом. Восточный берег представляет собой однообразную полосу, частью ровную, частью холмистую, кое-где покрытую снегом. Экспедиция сделала маленькую остановку на о-ве Сеймура, после чего стала искать дорогу на юг, по пути, пройденному «Язоном». Было ли это лето необычайно холодно, или ухудшился климат за последнее десятилетие, но капитан Ларзен встретил границу сплошного пловучего льда, мощным барьером окружающего Землю короля Оскара (восточный берег Земли Грахама) на целый градус широты севернее, чем во время своего плавания на «Язоне» в 1893 г. Надеясь найти проход, «Антарктик» еще 20 дней лавировал около ледяной преграды, после чего оказался вынужденным вернуться назад; самая южная достигнутая им точка была 66° ю. ш.

Близ берегов Земли Луи-Филиппа, на о-ве Сноу-Гилль, недалеко от горы Хаддингтон Норденшильд решил остаться на зимовку.

Он высадился с пятью спутниками, 24 собаками и двухгодичным запасом пищи. Норденшильд условился с капитаном Ларзеном, что на следующее лето «Антарктик» вер-

нется за ними, а сейчас отправится на зимовку обратно к Фальклендским о-вам.

Поспешно было прощание между шестью оставшимися и двадцатью отъезжающими, которые торопились на зимнее время уйти с кораблем в теплые воды. 14 февраля северо-восточный ветер пригнал огромные массы льда и пришлось ускорить отъезд, чтобы не подвергать опасности совершенно неприспособленный к борьбе со льдами корабль. Не удалось даже выгрузить весь запас угля. Корабль пошел к северу, «и стояли мы у Сноу-Гилля и посылали прощальный привет отъезжающим, — шестеро мужчин, предоставленные самим себе, стояли и чувствовали, что если мы и забыли что-нибудь необходимое на «Антарктике», то должны теперь суметь обойтись и без этого необходимого, так как здесь природа дает только лед и камни, — зато то и другое в изобилии!»

Постройка и оборудование деревянной хижины заняли первые дни, после чего оставшиеся могли внимательнее осмотреться на клочке земли, где им предстояла зимовка.

Остров имел около 20 *км* длины; поверхность его была холмистая за исключением небольшой, покрытой щебнем, равнины на северо-восточном конце. Холмы достигали до 120 *м* высоты, а одна высокая базальтовая вершина поднималась на 170 *м*. Горизонт вокруг зимовья замыкало с одной стороны море, покрытое льдинами, и плоская, усеянная острыми камнями равнина, с другой — крутые склоны скал и между ними отвесная стена глетчера. Лыжные вылазки не удались, так как зимой им препятствовал непрерывный юго-западный ветер, а в короткие летние недели солнце быстро очищало почву от выпадающего снега и он оставался только на горах в виде сугробов и ледников.

Общий вид страны не был лишен прелести, но представлял безжизненную, оцепенелую, однообразную картину. Из растительного царства были здесь лишь немногочисленные мхи и лишайники, лепившиеся на склонах базальтовой вершины. Что же касается животного мира, то на острове прежде всего отсутствовали пингвины, ближайшее обиталище которых находилось на расстоянии двух миль от зимовья. Из летающих птиц только некоторые морские чайки выбрали остров местом своего пребывания. Как и во всей антарктической области, нехватало четвероногих высшего порядка. Отсутствовали белые медведи, мускусные быки, олени, лисицы, полярные волки — все те животные, которыми так богата материковая фауна северной полярной области. Иногда случалось, что в ближайших окрестностях появлялась годная для охоты дичь — птицы или тюлени, а в общем тишина царила около мыса Сеймур, нарушаемая лишь упряжными собаками.

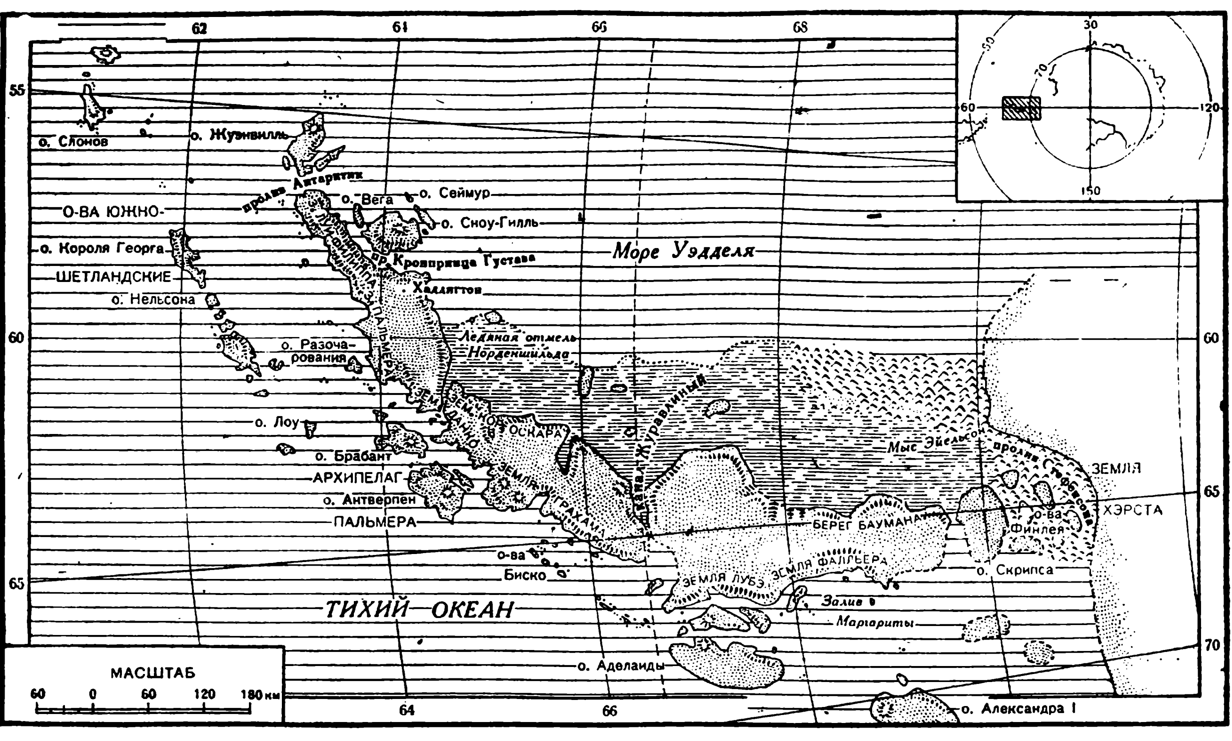
Настала зима. Мало что удавалось предпринять сверх обычных работ по станции, метеорологических, магнитных, астрономических наблюдений и недалеких экскурсий. Ужасные южные бури, бушующие непрерывно летом в течение 1—2, зимой 3—5 дней, большею частью заставляли сидеть дома.

С большим нетерпением ожидал Норденшильд и его товарищи наступления весны, чтобы совершить более или менее продолжительную поездку к югу, для изучения побережья Земли короля Оскара. Только 30 сентября оказалось возможным предпринять подобную экскурсию. К несчастью из всех привезенных с собою гренландских и аргентинских собак оставалось в живых только пять; они везли большие, тяжелые сани. Другие, более легкие, санки должны были тащить Норденшильд и аргентинец Собраль. На третьем спутнике, Ионассене, лежала забота о больших санях и управление собаками. Из-за недостатка упряжных животных пришлось взять очень ограниченное количество провианта.

Группа прошла вдоль Земли короля Оскара до 66° ю. ш., где дурная погода и недостаток пищи заставили путников вернуться обратно. Всего в оба конца они прошли около 650 *км*.

«Антарктик» в ноябре 1902 г. отправился (как было условлено) за Норденшильдом. Но уже в ночь с 9 на 10 ноября льдины начали попадаться в огромном количестве, а два дня спустя, на 61° ю. ш. дорога оказалась запертой сплошным барьером из пловучего льда. Ничего не оставалось больше, как ждать. Это время Ларзен употребил на то, чтобы при превосходной погоде снять на карту северо-западные берега Земель Луи-Филиппа и короля Оскара и проливы Брансфильда и Бельжики — одна из важнейших работ, которую удалось выполнить экспедиции. 5 декабря работа была закончена. Судно повернуло назад, чтобы обогнуть северную оконечность Западной Антарктиды, и либо вокруг о-ва Жуэнвилля, либо через пролив Антарктики, между ним и Землей Луи-Филиппа, проникнуть в залив Эребуса и Террора, на южном берегу которого у Сноу-Гилля дожидались Норденшильд с товарищами.

Но положение оказалось весьма серьезно. Огромное количество льда наполняло канал Брансфильда и из пролива Антарктики выступали все новые и новые массы. С вершины горы Брансфильда виднелся залив Эребуса и Террора, заполненный пловучим льдом, среди которого лишь кое-где имелись открытые места и каналы, так что казалось возможным для искусного моряка протиснуться на юг. Капитан Ларзен решил сделать попытку; и для этого, как он и раньше делал во время серьезной борьбы



Район экспедиций Норденшильда, Шарко и Жерлаша.

со льдом, взял на себя лично командование ходом судна из бочки, укрепленной высоко на мачте.

Но усилия Ларзена были напрасны. Через пролив Антарктики корабль выбрался в залив Эребуса и Террора, но все пространство отсюда и до лежащих на расстоянии 100 с лишним *км* о-вов Сноу-Гилль и Сеймур, повидимому, было забито льдом. С большим трудом Ларзен выбрался из пролива обратно, решив попробовать путь вокруг о-ва Жуэнвилля и столь же безуспешно. В течение всего декабря «Антарктик» безуспешно боролся со льдами, не подвигаясь ни на метр вперед. За это время возникла мысль отправить к Норденшельду посланцев, которые бы по суше и по льду добрались до стоянки у Сноу-Гилля. Предполагалось, что туда можно добраться самое большее в две недели, так как, судя по старым картам, маршрут проходил по суше и путь преграждали всего на всего два узких пролива, которые нетрудно было перейти по льду. Тем временем «Антарктик» должен был еще раз попытаться достичь Сноу-Гилля. Если бы к 10 февраля это ему не удалось, он обязан был возвратиться на старое место, куда в таком случае вернулись бы посланцы вместе с Норденшильдом и его товарищами. Для этой цели три члена экспедиции, доктор Андерсен, лейтенант Дузэ и матрос Грунден высадились на берег, как только «Антарктик» достиг островов, лежащих на юго-востоке от Земли Луи-Филиппа.

Вскоре после этой высадки, 10 января, корабль с остальными участниками экспедиции был затерт льдами и в конце концов остановился в бухте Эребуса и Террора.

Крепкое, но не приспособленное к натиску льда, судно пострадало при первом же напоре льдин, которые сами поддерживали его на воде. Только нос корабля поднялся на 1,2 *м* и, когда от неравномерного давления «Антарктик» накренился на бок, у него в боту обнаружилась широкая пробоина, через которую потоком вливалась вода.

Тотчас заработали помпы, и удалось задержать от потопления корабль, который сдавливало со всех сторон. В конце января лед пришел в движение. К 9 февраля он настолько разошелся, что решено было направить корабль к берегу. Но так как заделать течь не удалось, то скоро командование убедилось в том, что «Антарктик» не может дольше держаться на воде. Корабль подвели к огромной льдине. Все припасы и наиболее драгоценные коллекции перенесли в лодки и экипаж оставил судно. Вскоре «Антарктик» волнами отнесло от льдины, на которую высадился экипаж; он быстро стал погружаться в воду, и 12 февраля в 12 ч. 45 м. дня море поглотило корабль, а путешественники остались у большой льдины.

Прошло шестнадцать дней тяжелого плавания на веслах между льдами. На о-ве Паулет, где была некоторая надежда на охоту, члены экспедиции решили зазимовать и построили из обломков базальтовых скал хижину. Зима проходила в тяжелых лишениях, но никто не болел. Умер только один матрос от разрыва сердца.

31 октября, с наступлением весны, капитан Ларзен с несколькими испытанными людьми решил итти по льдам к суше на юг, чтобы добраться до о-ва Сноу-Гилля, где 20 месяцев тому назад он оставил Норденшильда. Положение всей экспедиции в это время было весьма серьезное: данное Норденшильду обещание притти за ним в конце 1902 г. не сдержано, «Антарктик» пошел ко дну, три человека оставлены на берегу 9 месяцев тому назад и, быть может, погибли или где-нибудь на пустынной скале охотой поддерживают свою жизнь. Теперь остающаяся часть экспедиции снова разделилась на две части, из которых одна осталась на острове Паулет охотиться на пингвинов и тюленей для наступающей зимы, а другая отправилась к югу, навстречу неизвестным опасностям.

Судьба Андерсена и его спутников тоже сложилась весьма оригинально. 29-го числа, когда погода стала лучше, рискнули отправиться, но на следующий день разразилась новая ужасная буря, которая заперла смельчаков на целых 48 часов в маленькой палатке и едва вовсе не погубила их. Затем при тяжелой погоде путники медленно стали подвигаться на юг, через широкий морской рукав, и с массой приключений достигли о-ва Веги, где Андерсену удалось разыскать небольшой склад провианта, потерянный при первом путешествии. 12 октября путешественники находились на скалистом выступе морского берега, и здесь-то и произошла их встреча с Норденшильдом, о которой будет сказано ниже.

Вернемся на мыс Сеймур к Норденшильду и его спутникам. Так как «Антарктик» не явился за ними, пришлось готовиться ко вторичной зимовке. Обилие пингвинов и тюленей давало возможность запасти в достаточном количестве свежее мясо, яйца и топливо. В конце сентября, как и в предыдущем году, Норденшильд с несколькими санями и людьми предпринял поездку на этот раз в северном направлении, чтобы ознакомиться с лежащей впереди, еще покрытой зимним снегом, равниной острова. Кроме того, он надеялся добыть какие-либо сведения о пропавшей с кораблем экспедиции. Через несколько дней он встретил людей с «Антарктика».

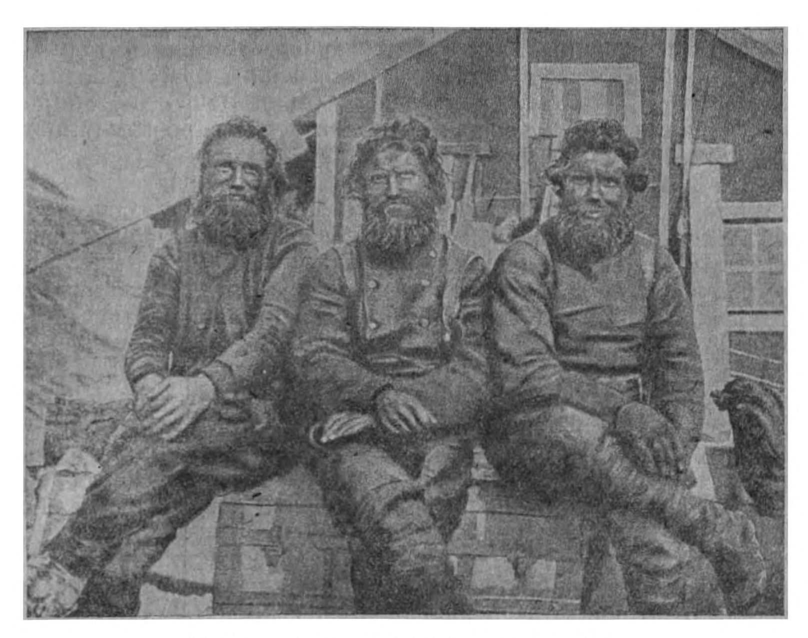
Встреча эта произошла при следующих обстоятельствах. Отправившись на север, Норденшильд открыл пролив кронпринца Густава, отделяющий от Земли короля Оскара боль-

шой о. Росса с горой Хаддингтон, который считался до тех пор частью материка. 12 октября экскурсия была на пути к лежащему на север от о-ва Росса островку (оказавшемуся впоследствии о-вом Веги), когда Ионассен обратил внимание Норденшильда на какие-то две фигуры, двигавшиеся вдали по льду. Норденшильд в зрительную трубу узнал в фигурах людей. Целый рой мыслей наполнил его голову: кто это мог быть? Откуда они явились?

Тем временем собаки взволнованные, кажется, не меньше людей, изо всех сил тащили сани по направлению к земле, откуда навстречу им двигались на лыжах загадочные человеческие фигуры.

«Ни одной ясной мысли не было у меня в это время в голове, — пишет Норденшильд, — я весь был погружен в разглядывание людей, шедших нам навстречу. Это были двое мужчин, черных, как сажа, с ног до головы в черном одеянии, с черными лицами, и в высоких черных шапках, наведших Ионассена на мысль о цилиндрах; глаза, прикрытые черными деревянными козырьками, так резко выделялись на черном фоне лица, что люди казались одетыми в черные шелковые маски с отверстиями для глаз; никогда в жизни я не видал такого сочетания культуры с необыкновенной дикостью внешнего вида. Мне всего скорее казалось, что это члены какой-нибудь другой экспедиции (всего вернее экспедиции Брюса), снаряженные по сверхновейшей моде, которая резко отличалась от всего, о чем могли мечтать путешественники до моего отъезда. Наконец, я очутился с загадочными людьми лицом к лицу, между тем как Ионассен несколько отстал с собаками. Они подали мне руки, со словами: «Добрый день! — на чистейшем шведском языке. — Добрый день! Добрый день! — отвечал я. — Слышал ли ты что-нибудь о корабле? — Нет! — Да, и мы тоже. Как обстоят дела на станции? — Отлично, превосходно во всех отношениях». Затем наступила короткая пауза, во время которой мой мозг усиленно работал, причем, однако, я никак не мог себе составить хотя приблизительного понятия о положении вещей. Это были несомненно члены нашей экспедиции, но почему они спрашивали об «Антарктике»? Кто они были, об этом вопросе я как-то не думал, меня занимал, главным образом, вопрос, как они очутились здесь? Наконец наступило объяснение. «Да ты что же, не узнаешь меня что ли? — спросил незнакомец, и Норденшильд должен был сознаться. — Нет... во всяком случае... — Я — Дузэ, а он — Гуннар Андерсен.

Оказалось, что Дузэ, Андерсен и Грунден оставили «Антарктик» еще 29 декабря прошлого года у восточного берега Земли Луи-Филиппа. Они, как известно, должны были сухим путем пробраться на Сноу-Гилль к Норден-



Грунден, Андерсен и Дузэ после зимовки.

шильду. Однако благодаря суровому климату передвижение по суше было связано с такими трудностями, что им пришлось решиться на полную лишениями зимовку. Только весной — в октябре отряд смог продолжать свой путь и тут встретился с Норденшильдом.

Группа Норденшильда с новыми товарищами вернулась на Сноу-Гилль, все еще не теряя надежды на приход «Антарктика», который мог быть задержан зимними льдами.

Но ждали напрасно: лед треснул перед Сноу-Гиллем, море лежало свободное на далеком расстоянии. Вдруг, 8 ноября, совершенно неожиданно появился чужой пароход, аргентинский «Уругвай» под командою капитана Иризара, пришедший за полярной экспедицией. Иризар также не имел сведений об «Антарктике» и его экипаже, так что несомненно с кораблем произошла какая-то катастрофа. «Уругвай», снаряженный на средства правительственных и ученых кругов Аргентины, при первых подозрениях об аварии «Антарктика», вышел из Буэнос-Айреса 8 октября. Из Ушуайи, пройдя Южно-Шетландские о-ва, он направился прямо к о-ву Сеймур. Высаживаясь здесь на землю, Иризар к своему великому изумлению встретил двух товарищей Норденшильда, охотившихся за пингвинами. С ни-

ми вместе он направился к зимовью на Сноу-Гилль. «Уругвай» прошел через лед при необычайно благоприятных условиях, и поэтому немедленно было решено — забрав зимующих и их коллекции, отправиться на розыски пропавших.

Но удивительные случаи и счастливые совпадения еще не прекратились. На другой день по приходе «Уругвая», когда все люди были заняты упаковкой груза, неожиданно прибыл капитан Ларзен с несколькими спутниками. Радостно встретились товарищи, но с боязливыми вопросами с обеих сторон. «Эта маленькая кучка прибывших вечером людей — весь ли экипаж «Антарктика»?. А со стороны Ларзена: «прошли, ли без потерь обе зимы на Сноу-Гилле?» Все разрешилось наилучшим образом. Капитан нашел всех зазимовавших совершенно здоровыми; кроме того, против всякого ожидания, здесь же очутились высаженные им в январе Дузэ, Грунден и Андерсен, о судьбе которых он больше всего беспокоился. Норденшильд же узнал, что все остальные спокойно ожидают его на о-ве Паулет.

Теперь не было больше никакой задержки. Командиру «Уругвая» было поручено не заниматься исследованиями, а только выручить экспедицию, и он выполнил данный ему приказ с военной точностью. Через два дня после прибытия на мыс Сеймур, корабль был уже на обратном пути. На о-ве Паулет «Уругвай» захватил оставленных там спутников капитана Ларзена и через пять дней антарктические воды лежали далеко позади парохода.

По важности научных результатов экспедиция Норденшильда стоит тотчас же за английской — Скотта, а по обилию приключений, выпавших на долю ее участников, она занимает первое место.

Помимо важных исследований из области океанографии, шведская экспедиция привезла богатый материал по метеорологии и земному магнетизму, а также коллекции по палеонтологии, по фауне и флоре южнополярных областей. Но самым важным были географические результаты экспедиции: окончательно выяснив связь между Землей Луи-Филиппа и Землями Данко и короля Оскара, экспедиция установила, что Земля Грахама представляет довольно узкий полуостров, северная часть которого выдается далеко за полярный круг, и окружена со всех сторон архипелагами и отдельными островами.

На родине Норденшильда и его товарищей встретили с восторгом, и, благодаря поддержке Академии наук в Стокгольме, государство ассигновало на обработку и опубликование трудов экспедиции 55 тыс. крон (около 20 тыс. руб). Несколько отдохнувши, Норденшильд занялся разработкой плана новой южнополярной экспедиции.

Из всех четырех экспедиций, производивших исследования в антарктических странах в период 1902—1904 гг., последней начала компанию, и последней же и возвратилась шотландская экспедиция д-ра Уильяма Брюса на корабле «Скотия». Ее задачей было — исследовать восточную, и по возможности южную часть моря Уэдделя, которые со времен Уэдделя и Росса еще никто не посещал. (Уэддель, как вероятно читатель помнит, доходил до 74°15' ю. ш., а Росс несколько восточнее, до 71°15' ю. ш., но ни тот ни другой никакой земли не встретили, а Уэддель видел даже открытое, свободное от льда море.)

Главной задачей экспедиции являлись океанографические исследования в море Уэдделя и близлежащих частях южного Атлантического океана, где по данным Росса были обнаружены очень значительные глубины (до $7^1/_4$ *км*), и где область распространения пловучих льдов и низких температур заходит необыкновенно далеко к северу. Помимо чисто географических задач, члены экспедиции преследовали и другие цели: так, на корабле была устроена фотографическая лаборатория, взяты различные аппараты для съемки полярного моря и неба, для фотографирования на лету альбатросов, буревестников и других птиц, а тюленей и пингвинов во время их плавания, таким образом, чтобы потом их движения можно было бы восстановить в кинематографе.

Капитаном «Скотии» был М. Робертсон, двадцать лет плававший в океане на китобойных судах[1], а начальником экспедиции — д-р Уильям Брюс, опытный полярный путешественник, проведший четыре лета и одну зиму в северных полярных странах, и в качестве врача побывавший уже в 1892 г. с капитаном Робертсоном на китобойном судне «Балена» в антарктических странах (близ северных берегов Земли Луи-Филиппа).

В октябре 1902 г. «Скотия» покинула родные берега. 26 января 1903 г. она уже отошла от Фальклендских о-вов, направляясь к юго-востоку (карта на стр. 203).

Лето стояло чрезвычайно суровое, неблагоприятное для плаванья, и на том самом месте, где Уэддель проник до 74° ю. ш., «Скотия» уже на широте 61°, на 1400 *км* севернее, близ Южно-Оркнейских о-вов, натолкнулась на границу сплошного пловучего льда, вдоль которого и отправилась на восток. Только на два градуса долготы восточнее Брюс встретил свободный проход, позволивший ему продолжать свой путь к югу. Целую неделю подвигался он

---

[1] Именем Робертсона назван залив близ мыса Эдер у берегов Земли Виктории (см. выше, путешествие Борхгревинка) и один из островов в море Уэдделя у берегов Земли короля Оскара.

в желанном направлении, но 22 февраля сплошной лед снова преградил ему путь; пришлось вернуться, так как «Скотия» не была приспособлена для зимовки во льду. Конечный пункт путешествия Брюса лежал на 70° 25′ ю. ш., т. е. как раз там, откуда в 1843 г. был принужден вернуться Росс. Несомненно, на этот раз вся область была покрыта льдом на гораздо большем протяжении, чем во время путешествия Уэдделя.

После четырехнедельного плавания по свободному от льда морю Брюс вернулся к Южно-Оркнейским о-вам, чтобы провести зиму. После долгих поисков, — старинные карты этой группы островов оказались очень неточными, — нашли удобное место. 25 марта 1903 г. корабль стал на якорь возле о-ва Лаури, не подвергаясь опасности быть раздавленным льдами. Экипаж остался на «Скотии», но выстроил каменную обсерваторию на твердой земле. Всю зиму велись наблюдения и совершались экскурсии для исследования этой группы островов.

Особенно основательно исследовали о-ва Лаури и Сэддль; все они покрыты снегом и льдом, который отсутствует только на очень крутых склонах. К воде лед обрывался вертикально, образуя стены до 76 *м* высоты, с ясной слоистостью. По своему геологическому строению острова эти состоят из древнейших осадочных пород. Растительность на них до крайности скудная; вопреки утверждению Уэдделя здесь встречаются только мхи и лишайники.

Восемь месяцев тянулся этот вынужденный зимний отдых. В конце ноября корабль освободился, и Брюс, оставив нескольких членов экспедиции, с метеорологом Мосманом во главе, для дальнейших метеорологических и магнитных наблюдений, пошел в Буэнос-Айрес. Получив там по телеграфу известие о том, что Шотландское географическое общество собрало необходимые для второго года средства, Брюс вернулся через Фальклендские о-ва обратно к Южно-Оркнейским.

Там он взял оставшихся в обсерватории метеорологов и сейчас же приступил к новому плаванию по полярному морю, которое между тем освободилось ото льда. Лето оказалось благоприятнее предыдущего и экспедиция только на 66° ю. ш. встретила пловучие льды, сквозь которые «Скотия» немедленно устремилась на юг, так как погода стояла хорошая. Таким образом судно прошло еще 500 *км* по морю, которое летом 1903 г. в этой области было сплошь покрыто льдом. Километров на 300 южнее пункта своего прошлогоднего возвращения под 72°18′ ю. ш. Брюс встретил гигантский ледяной барьер, вероятно край сплошь покрытого льдом материка, вдоль которого и направился к западу.

7 марта 1904 г. он находился почти так же далеко на юге, как Уэддель, но быстро наступившая зима положила конец движению «Скотии». Сильная снежная буря несла ледяные горы и льдины, корабль был сжат ими и подвергся довольно сильному давлению, которое подняло его почти на метр. Когда непогода затихла, — вблизи показался берег, тянувшийся на юго-восток насколько хватал глаз. Неизвестной земле дали название Земля Котса. Довольно большие стаи птиц оживляли пловучие льды, но зима наступала и птицы готовились к отлету. Казалось, что здесь придется зазимовать, но 14 марта ледяная ограда еще раз раскрылась, «Скотия» освободилась и поспешно пошла на север, лавируя по протокам и свободным местам. 22 марта, после восьмидневной борьбы, она пробралась между льдинами в открытое море и направилась к небольшому о-ву Гугу, в южной части Атлантического океана.

Измеряя глубины в море Уэдделя и около ледяной стены, вдоль края которой «Скотия» шла на протяжении 280 *км,* Брюс повсюду получил приблизительно одинаковые цифры — около 2000 *м,* обстоятельство, говорящее за то, что он быть может находился у края не материка, а исполинского глетчера, на огромное расстояние выступающего в море.

8 мая 1904 г. «Скотия» благополучно прибыла в Капштадт и 21 июля возвратилась на родину. Главный результат ее — океанографические исследования (причем обнаружилась ошибочность указаний Росса о глубине 7 тыс. *м*), а из области географии — нанесение на карту западной границы моря Уэдделя, и открытой части материка, названной Брюсом Землей Котса.

К той же серии, как и путешествия Брюса и Норденшильда, должна быть отнесена и первая французская экспедиция, под начальством д-ра Жана Батиста Шарко.

В начале Шарко предполагал организовать путешествие к северному полюсу и с этой целью в Сен-Мало построил на свой счет трехмачтовый корабль, с паровой машиной, который он решил назвать «Пуркуа па» («А почему бы нет»).

Экспедиция находилась под покровительством комитета, который состоял из представителей Парижской академии наук, Парижского музея естествознания и французского министерства народного просвещения. В начале 1903 г., вероятно под впечатлением успехов, достигнутых антарктическими экспедициями других национальностей, комитет изменил свой план и предложил Шарко принять участие в общеевропейском «походе против южного полюса», указав

ему и место исследования, — Землю Александра I. Так как все беспокоились за судьбу шведской экспедиции, то сначала Шарко должен был разыскать Норденшильда, а затем уже отправляться в самостоятельное плавание. Эта перемена не противоречила намерениям Шарко, так как и он сам, и его сотрудник по подготовлению экспедиции, Жерлаш, смотрели на арктическое путешествие, только как на подготовку к дальнейшему, антарктическому. Недостававшая для снаряжения корабля сумма была собрана подпиской, государство тоже пришло на помощь, морское министерство снабдило экспедицию провиантом и другими запасами, корабль спешно достроили и он получил название «Француз». 27 июня его спустили на воду, и 23 августа 1903 г. судно отплыло из Гавра, направляясь к берегам Южной Америки.

В конце ноября экспедиция Шарко встретила Норденшильда у Буэнос-Айреса. Теперь французский ученый мог отправиться прямо к месту исследования — к западному берегу Земли Грахама (карта на стр. 93).

Экипаж «Француза» состоял из 13 матросов-бретонцев; научной частью заведывали: сам д-р Шарко (он же и капитан корабля), зоолог и ботаник Тюрке, геолог Гурдон, физик Плено, метеоролог и специалист по магнитным наблюдениям Рей, астроном и океанограф Мата. Экспедиция имела провиант на 28 месяцев. На Огненной Земле, в Пунта-Аренас на корабль взяли разборный домик, так как Шарко предполагал, если будет возможно, зазимовать на берегу. Область его исследований находилась на западном берегу Земли Грахама, следовательно недалеко от поля деятельности бельгийской и шведской экспедиций. 26 января 1904 г. «Француз» вышел из Ушуайи к Земле Грахама.

Так как Шарко взял с собой собак, которых везла обратно шведская экспедиция, то можно было предполагать, что благодаря благоприятной погоде лета 1904 г. он сможет проникнуть в тайны южного полярного материка глубже, чем это удалось шотландцам и немцам, которым мешала плохая погода.

Прошел год, а никаких известий от Шарко не получалось. «Уругвай», тот самый, который выручил Норденшильда, отправился на поиски за Шарко, но вернулся без всякого результата. Он обшарил Южно-Шетландские о-ва, на которых экспедиция должна была, в случае своего пребывания, оставить знак, сложенный из камня, но такового нигде не оказалось.

Опасение за судьбу экспедиции все возрастало, когда неожиданно в марте 1905 г. получился из Аргентины ряд телеграмм, возвещавших, что 3 марта 1905 г. экспедиция благополучно возвратилась в Пуэрто Мадрин в Патагонии.

7 июня «Француз» прибыл к берегам Франции.

Оказалось, что покинув Ушуайю, Шарко отправился делать съемку западных берегов архипелага Пальмера, затем «Француз» вошел в южную часть пролива Бельжики, в надежде здесь где-нибудь перезимовать, но подходящего для зимовки места не находилось. Соорудивши на берегу «керн» — пирамиду из камней, судно воспользовалось тем, что путь был свободен и отправилось к югу. Вскоре оно достигло о-вов Биско, названных по имени открывшего их в 1832 г. тюленебоя Биско, и с тех пор не посещенных ни одной экспедицией.

Выдержавши в течение 10 дней ужасную бурю, в марте Шарко нашел на одном из островов архипелага на о-ве Вандель очень удобную бухту и остался здесь на зиму. Чтобы не допустить в бухту пловучих льдов, вход в нее был загражден цепью. Зимовка прошла при очень благоприятных условиях, но быстрые и резкие перемены погоды мешали совершить далекие санные экскурсии. Провизия оказалась превосходной, и экспедиция ни в чем не чувствовала недостатка; тем не менее приходилось опасаться, что нехватит топлива, и поэтому, пока была возможность, путешественники топили печки тушками убитых пинтвинов, которые первое время встречались в изобилии.

Весной была предпринята большая санная экскурсия, причем взяли с собой лодки; эта экскурсия сняла на карту большую полосу Земли Грахама.

В декабре стали пилить и взрывать лед, чтобы освободить корабль. На юге и на западе море было сплошь покрыто льдами, так что пришлось делать большой крюк к северу, чтобы иметь возможность продолжать путь на юг. Погода стояла ужасная, со снегом, ветром и туманом. Среди льдов корабль подвигался к югу, пока не завидели невиданную никем со времен Беллингсгаузена Землю Александра I. Подойти к ней не удалось из-за льда. «Француз» повернул назад и поплыл среди исполинских льдов, пока не завидел берег новой земли, составляющей, повидимому, продолжение Земли Грахама и названной Шарко в честь тогдашнего президента французской республики Землею Лубэ. Двигаясь между ледяным барьером с одной стороны и сплошными массами пловучего льда с другой, «Француз» чуть было не погиб, наткнувшись на подводную скалу. Пробоина была так велика, что несмотря на усиленное откачивание воды, продолжать путешествие стало невозможным.

14 февраля 1905 г. Шарко повернул обратно и вскоре вышел за пределы сплошного льда.

Главным результатом его экспедиции является то, что ему удалось разыскать Землю Александра I, описать берег Земли Грахама южнее Земли Данко, открыть новую сушу

к юго-западу от Земли Александра I — Землю Лубэ, и обследовать архипелаги Пальмера, Биско и другие; кроме того, экспедиция привезла массу ценных наблюдений и снимков из жизни антарктических птиц — пингвинов, полярных бакланов, буревестников, поморников и т. д. Возвратившись во Францию, Шарко стал готовиться к новой южнополярной экспедиции, а его судно «Француз» приобрело аргентинское правительство для плаванья к Южно-Шетландским и Южно-Оркнейским о-вам.

Из всего отчета Шарко о его путешествии самое интересное это очерки из жизни пингвинов и других антарктических птиц, которые, правда, грешат чрезмерным антропоморфизмом. Вот, например, как описывает Шарко первое впечатление от колонии пингвинов:

«Присутствие этих милых животных прежде, чем успеешь их увидеть, можно узнать по слуху и по запаху. Это целая деревня, можно сказать целый город, с несколькими сотнями обитателей. Конечно, запах от такой деревни весьма своеобразен. Впрочем... пингвинов он не беспокоит; да и, кроме того, немного снегу и хороший морозец быстро скрепят все это, а оттепели здесь редки и коротки.

Пингвины одарены сильным голосом, и каждый из них желает в спор или в общий разговор вставить свое слово, — поэтому понятно, что их соседство нарушает безмолвие Антарктиды. Звуки, которые они издают, чрезвычайно разнообразны, и очень трудно отказаться от мысли, что они сообщаются друг с другом при помощи звуковых знаков, равносильных почти что словам; это своеобразная болтовня, в которой часто слышится кряканье утки, варьирующееся на разные манеры. Далее, существуют разнообразные сигналы, нечто вроде приказаний, отдаваемых в различных обстоятельствах, например, когда стая пингвинов собралась у берега моря и вожак решил, что надо бросаться в воду. Во время отдыха, среди тишины, когда большая часть пингвинов спит, часто один из бодрствующих откидывает голову назад, открывает клюв, принимая вид вазы для цветов, и издает несколько резких звуков, которые всего лучше можно сравнить с криком осла; другой, находящийся от него на некотором расстоянии, откликается и затем крик этот передается от одного к другому, подобно «слушай» наших часовых...

Неподалеку от зимней стоянки «Француза» на о-ве Вандель находилось огромное гнездовище пингвинов.

Нет ни одной, даже небольшой, торчащей из под снега скалы, где бы не устроилось несколько птиц...

Мне часто доставляло удовольствие вести с пингвинами длинные разговоры, ложась на снег, чтобы быть с ними на одной высоте; пингвины обступали меня, совсем

близко к моему лицу, — наверное слушали меня, и отвечали на языке, который, увы, был мне незнаком.

Пингвины Адели принимали оборонительные позы, если мы делали вид, что угрожаем им, но исчезновение того или другого из них, убитого без мучений, казалось, оставляло их равнодушными. Совершенно иначе бывало по отношению к собакам, которые, загрызая, причиняли им страдания; их пингвины ужасно боялись и, как я заметил с самого начала нашей кампании, когда собак выпускали на волю, прибегали к нам, ища спасения или жалуясь на обиды, с негодующими и поистине трогательными физиономиями...

Курьезно, что пингвин, чтобы добраться до места охоты, несмотря на свою медленную поступь и тяжелую походку, предпочитает скорее сделать длинный путь пешком, даже совершая при этом довольно трудные восхождения, чем плыть по морю, где он столь подвижен и может развить такую большую скорость... Никогда пингвин, испуганный и стремящийся уйти даже от таких страшных врагов, как наши собаки, не бросится в воду, хотя там он тотчас же будет в полнейшей безопасности. Много раз пытались мы напугать пингвинов до того, чтобы заставить их спасаться от нас вплавь; но выходило обратное — ужас их, когда они приближались к краю воды, возрастал настолько, что они в отчаянии делали последние усилия и по большей части спасались, убегая по берегу».

Этот странный инстинкт объясняется, — по мнению Шарко, — тем, что море — единственная стихия, где пингвина поджидает серьезная опасность: на суше у него (за исключением человека и собак) врагов нет, — даже большие поморники и гигантские буревестники не решаются нападать на взрослых, здоровых пингвинов; напротив, в море живут страшные косатки и некоторые виды тюленей (например, морской леопард), для которых пингвины представляют лакомую и легкую добычу. Этой же инстинктивной боязнью моря, думается нам, объясняются и те долгие колебания, которые, как мы увидим дальше, предшествуют прыжкам пингвинов в море.

На зиму главная масса пингвинов удалилась в более гостеприимные места и остались лишь отдельные небольшие стайки.

Но вместе с первыми признаками весны, когда «Француз» был еще в ледяных оковах, началось массовое возвращение пингвинов.

Вот уже несколько недель каждый вечер пингвины возвращаются на свое прошлогоднее гнездовье, всякий раз все в большем и большем количестве...

На нашем острове обитают два вида — пингвин малый и пингвин Адели, которые общаются между собой и ме-

стами даже гнездятся вперемешку, но на ловлю ходят и все остальные дела делают порознь, стаями из особей одного вида...

Немедленно по прибытии все птицы принимаются за работу, не обращая внимания на нас, высылая лишь нам встречных, когда мы приближаемся к их поселению, или прибегая к нам за помощью и защитой от собак. Весь день у пингвинов проходит в ловле добычи, необходимой для поддержки существования, и в постройке гнезд. Самец и самка работают поочередно и так будет и дальше при насиживании яиц и вскармливании птенцов.

На ловлю ходят смотря по состоянию льдов, то в одну сторону, то в другую. Соскальзывая и перепрыгивая с камня на камень они добираются до снега или льда и затем, если до воды далеко, располагаются в длинную вереницу, направляющуюся к берегу; если вода близко, то образуется несколько коротких вереництоги...

Хотя несомненно, что в колонии пингвинов нет никакого главы, тем не менее, повидимому, у каждой отдельной стаи, по крайней мере на время, бывает свой вожак; так, во время каких-нибудь колебаний в выборе направления, прежде чем решиться, они собираются в кучу, кричат, спорят и, наконец, идут по пятам своего вожака.

Дойдя до края воды, пингвины останавливаются, становятся в ряд и болтовня становится еще сильнее; время от времени кто-нибудь из пингвинов пробует воду лапкой, клювом или крылом, подобно купальщице, не решающейся войти в воду. Затем, по крику вожака, который подхватывают и повторяют остальные птицы, наконец, решаются и бросаются в воду вниз головой.

Когда ловля окончена, пингвины, держась попрежнему стаей, выходят из воды, выпрыгивая на лед или на скалы с замечательной ловкостью и быстротой. Опоздавших поджидают и затем, когда все в сборе, пускаются в обратный путь. Часто, чтобы вернуться в гнездовище, приходится делать довольно трудные восхождения, помогая себе клювом и крыльями. При этом они часто падают, соскальзывают вниз, но все же, наконец, стая возвращается в гнездовье, где оживленная работа не прекращалась ни на минуту, и каждый направляется на собственное место жительства.

Гнезда расположены без всякого порядка; для них выбираются обнажённые от снега скалы, форма которых подходит для намеченной цели... и на них, смотря по размерам площади, живут одно, два или несколько семейств...

Гнезда чрезвычайно просты — они представляют небольшой кружок из голышей, диаметром приблизительно в длину

тела пингвина; назначение этого кружка — не давать яйцу выкатиться...

Многие из камней, служивших материалом для гнезда в прошлом году, унесены ветром или погрузились в снег, поэтому, когда все уцелевшие голыши использованы, приходится итти добывать себе другие, нередко даже со дна моря. Пингвин не может принести во рту больше одного камня. С какой заботой это делается, с какими предосторожностями! Сколько километров приходится иногда нести этот камень для постройки дома...

Медленно и важно кладет пингвин камень на место и еще несколько секунд остается с раскрытым клювом, точно свалил с себя громадную тяжесть.

Смотря по смелости и усердию к работе, у одного пингвина гнездо бедное, у другого богатое: ленивые ограничиваются одним рядом камешков...

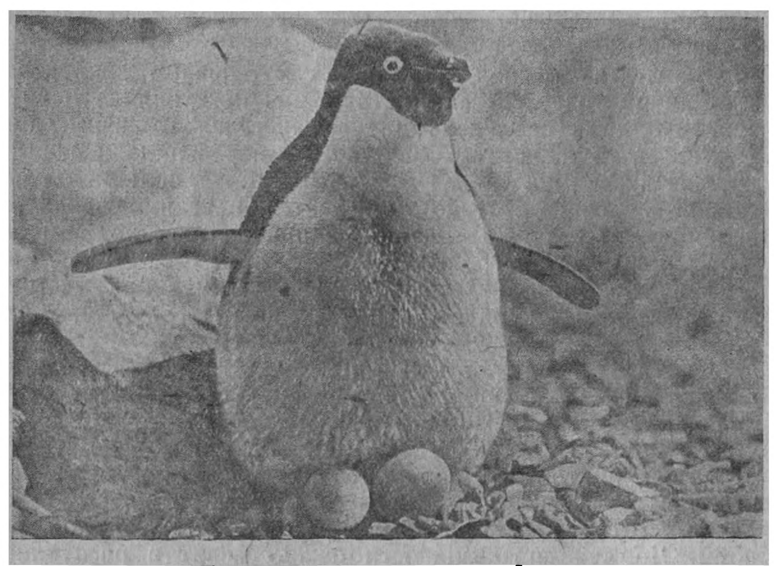
Как только сосед повернулся спиной и можно думать, что тебя никто не видит, очень соблазнительно стащить небольшой камешек из соседнего гнезда, которое тут же, рядом, и сэкономить, таким образом, часть тяжелой работы. Но дух справедливости очень развит в республике пингвинов, и если вора заметят другие, не только заинтересованный хозяин, раздаются негодующие крики и преступника начинают щипать, толкать, колотить справа и слева клювами и крыльями... Эти споры из-за пограничных стен возбуждают длинные «разговоры»; к тому же наиболее возмущенные, надо признаться, если им представляется подобный случай, поступают совершенно так же.

Часто мы доставляли себе удовольствие, принося нашим соседям полные фуражки камешков, или даже строя в несколько секунд гнезда, на которые потребовалось бы несколько дней тяжелого труда, а пингвины смотрели на нас и выражали свое удовольствие тихой болтовней.

Когда дневная работа окончена, пингвины отдыхают, болтают, ходят друг к другу в гости, проходя при этом иногда порядочные расстояния. Часто два пингвина приближаются друг к другу, смотрят друг на друга с обычной важностью, наклоняются, затем выпрямляются, вытягивая шею, поднимают высоко голову с вытянутым вверх клювом и, держась прямо, параллельно друг другу, повторяют это движение несколько раз; жест этот, повидимому, означает приветствие.

Ночью, за исключением некоторых часовых, которые бодрствуют, все спят и только время от времени раздается своеобразный крик, о котором я упоминал выше, — сигнал или перекличка, а может быть простое выражение радости жизни.

Во время вьюги или урагана пингвины вытягиваются



Пингвин Адели в гнезде на яйцах.

на земле, носом к ветру, подставляя ему наименьшую поверхность тела.

Как только яйца снесены, самка и самец поочередно насиживают их, время от времени приподымаясь, передвигая яйца с места на место и перевертывая их...

До этого времени большие поморники, чайки и гигантские буревестники свободно и безобидно разгуливали по городу пингвинов; теперь их присутствие не может быть более терпимо, так как необходимо защищать от них яйца, а несколько позже и молодых птенцов.

Способ самозащиты пингвинов, очень простой и действенный, весьма живописен. Как только какая-нибудь опасная птица начинает парить над колонией все пингвины, как один, вытягиваются и поднимают вверх головы, подставляя врагу целую щетину острых клювов, не дающую ему возможности спуститься в колонию.

Пингвины несут обыкновенно одно, максимум два яйца; объясняется это, повидимому, трудностью вскармливания детенышей, так как им, в отличие от других птиц, приносящим пищу детенышам в зобу, приходится совершать нередко очень далекий путь «пешком».

Яйца пингвинов, величиною с гусиные, очень вкусны, но все же не могут выдержать сравнения с куриными... Белок, как это бывает у всех морских птиц, по моему мнению, не может совсем свернуться от жара и при варке

вместе с зеленоватой окраской принимает вид и консистенцию желатина. Поэтому их нельзя варить всмятку, но в виде омлета или яичницы-глазуньи, вареные в крутую или в мешочек, яйца пингвина весьма съедобны, а наши матросы с удовольствием выпивают их сырыми».

Но вот птенцы вылупились и пингвинам предстоит новая забота. «Отец и мать поочередно остаются возле своего детеныша (или детенышей, если их двое), защищая их от ветра и от холода. Когда пингвины, отправившиеся на добычу, возвращаются домой, со всех сторон раздаются шумные и повелительные требования пищи и бедные родители с большим трудом пробираются через орду проголодавшихся детенышей, чтобы принести своему потомству с таким трудом добываемую пищу. Тогда молодой пингвин с жадностью погружает голову в зоб своего родителя, который со своей стороны старается облегчить эту операцию как бы несколько отрыгивая пищу.

Нежность пингвинов к своим детям очень велика и они защищают их от нас совершенно так же, как от чаек и буревестников. Но когда пингвины видели, что путешественники не убивают и не мучают их детенышей, они успокаивались, и не было ничего смешнее физиономии мамаши-пингвинихи, когда мы делали снимки с маленьких комочков грязного пуха — предметов ее нежной любви.

Совершенно иную картину представляет город пингвинов, когда птенцы подрастут и гнезда им становятся более не нужны.

В пингвиньем Вавилоне господствует большой беспорядок. Некоторые гнезда еще нетронуты и представляют кольца из камней, другие большею частью разбросаны или превратились в небольшие беспорядочные кучки камней; лужи воды, образовавшиеся от быстрого повышения температуры, полны грязи и пингвиньего помета. Маленькие пингвины, уже почти взрослые, не нуждаются больше в беспрерывном надзоре отца или матери, которые пользуются этим, чтобы отправляться на ловлю вместе, а молодежь, группами по восемь или десять штук, поручена взрослым пингвинам, нянькам, которые заботятся о потомстве своих сограждан, собирая детенышей вокруг себя, не позволяя им удаляться или заходить в опасные места. Разумеется, все это не обходится без воркотни, без слабых ударов клювом и толчков крыльями.

Молодые пингвины имеют очень курьезный вид, ибо, превращаясь во взрослых, они линяют и теряют большими клоками свой густой, подобный вате, пух, выпачканный во всех нечистотах, в каких они валялись с момента рождения. Теперь они всего больше напоминают чучела из плохо содержимой коллекции, подъеденной молью и крысами...

Вся земля покрыта их легкими перьями — обстоятельство, еще более усиливающее беспорядочный вид гнездовища».

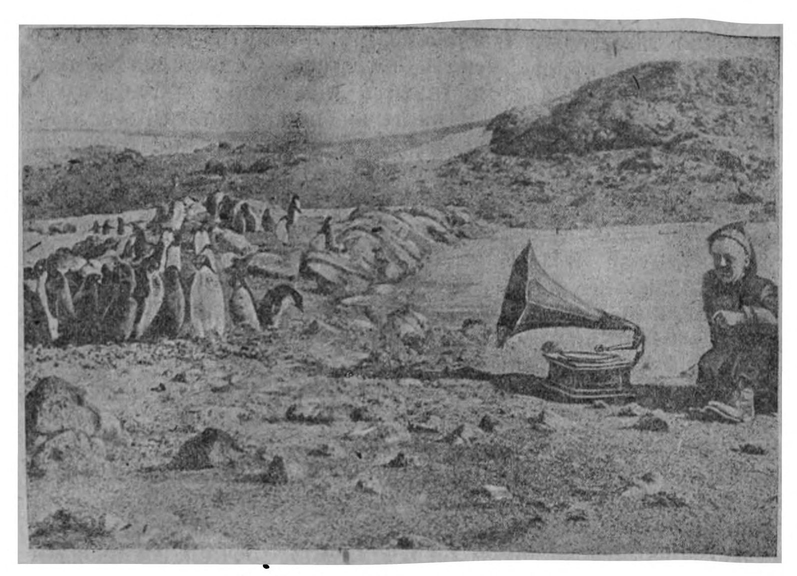
В отличие от пингвинов другие интересные птицы, антарктические бакланы, остаются на местах своего гнездования всю зиму, так как для них открытое море сравнительно недалеко, а там они всегда могут найти себе пропитание. Они тоже живут большими стаями — недалеко от зимовки Шарко была колония более чем в 300 штук.

«Каждый день регулярно, между тремя и тремя с четвертью часами пополудни, они возвращаются на свои утесы, то поодиночке, то стаей, образуя громадный треугольник. Они летят над нашими головами, часто на высоте всего лишь нескольких метров, вытянув шею и производя при своем тяжелом полете крыльями ритмичный металлический звук, напоминающий жужжанье игрушечной детской мельницы, приводимой в движение натянутой пружиной. Мы часто выходим в этот час наблюдать их возвращение и смотреть как бакланы спускаются на землю; сначала они описывают большую дугу, потом вытягивают лапы, подбирают шею, трепещут крыльями на одном месте и, наконец, севши, оправляют перья с видом полного удовлетворения. Это очень милые создания, совершенно не боящиеся нас, отличные супруги. Они живут парочками и все время любезничают и ласкают друг друга, принимая при этом необычайно грациозные позы. Так, очень часто они соприкасаются кончиками клювов и при этом красиво изгибают шеи то в ту, то в другую сторону, медленно наклоняя голову то вправо, то влево».

В середине сентября бакланы приступают к постройке гнезда, и вот начинается «беспрерывное летанье туда и сюда над нашими головами. Ежеминутно шум заведенной детской игрушки заставляет нас поднимать глаза, и мы видим бакланов, несущих в клювах длинные гирлянды водорослей, которые они добывают со дна участков с открытой водой. Эти гнезда из водорослей, слепленные небольшим количеством помета и камешков, представляют чудеса строительного искусства; высокие и глубокие, они громоздятся ступенями, придавая скале вид города, где каждый дом — миниатюрный Колизей. С утра без остановки все бакланы работают, но в половине четвертого все птицы дома и супруги — уже около находящегося в постройке гнезда...»

Но вот гнездо окончено, начинается кладка яиц; самка баклана несет их от трех до пяти. Яйца бакланов очень вкусны, хотя и имеют красный, неприятный на вид желток. Бакланы сидят на яйцах очень красиво, прикрывая распростертыми крыльями обе стороны гнезда.

Когда птенцы вывелись и несколько подросли, «родители водят их к воде, как утка своих утят, и там не поки-



Пингвины слушают граммофон.

дают их ни на минуту; но в остальное время, дома, птенцы предоставлены самим себе и прекрасно прячутся в расселинах скалы, к которой они вполне подходят своим видом и цветом. Повидимому, этот способ защиты вполне действителен, так как мы ни разу не видали, чтобы хоть одного из них похитил буревестник или поморник, хотя и тех и других было очень много».

Третье интересное существо — исполинский буревестник представляет огромную птицу (в размахе крыльев до 2½ *м*) серого, коричневого или даже почти белого цвета, за исключением нескольких перьев всегда черных. Днем он летает вдоль края льда и берегов, разыскивая трупы тюленей, китообразных и пингвинов. Как только какая-нибудь добыча найдена, одна или несколько птиц бросаются на нее и начинается пир; добычу пожирают с необыкновенной жадностью и во время еды часто ссорятся между собой.

«Подобно всем птицам с большим размахом крыльев, исполинскому буревестнику необходимо порядочно разбежаться, чтобы подняться в воздух, и он принимает довольно карикатурные позы — с громадными распущенными крыльями, со страшным крючковатым клювом желтого цвета, когда он бежит на своих длинных ногах, с растопыренными во все стороны пальцами. Люди... ловят его легко на бегу, но должны остерегаться опасных ударов его клюва. При этом часто, наевшись мяса, эти буревестники

настолько тяжелеют, что должны выплюнуть часть проглоченной пищи, чтобы успеть взлететь. Садясь на землю, буревестнику приходится тратить некоторое время, чтобы подобрать свои исполинские крылья, волочащиеся по земле».

Единственная наземная птица Антарктиды, не имеющая перепонок на ногах, это хиония, или футляронос. Штук двадцать их жило на о-ве Вандель среди бакланов. Взрослые — ростом с курицу с совершенно белым оперением; у них короткий и толстый клюв серого цвета. «Они питаются объедками рыбы, остающимися от бакланов, но не брезгуют, при случае, мясом мертвых тюленей и пингвинов; на берегу, во время отлива, футляроносы собирают моллюсков и мелких ракообразных. Во время гнездования они делают набеги на яйца бакланов и пингвинов. На зиму эти птицы остались зимовать с нами и почти каждый день прилетали и искали пищи возле корабля, среди кухонных отбросов... Подобно крачкам футляроносы кладут в песок два или три яйца, белого цвета с темными крапинками».

Путешествием Шарко заканчивается серия экспедиций 90-х годов, пролившая много света на южнополярные страны.

С своей стороны она дала толчок нескольким начинаниям как научного, так и промышленного характера.

Во-первых, аргентинское правительство устроило на Южно-Оркнейских островах метеорологическую станцию, заменивши Моссмана и его товарищей аргентинцами. Далее, в Буэнос-Айресе образовалась китобойная компания для охоты в южнополярных водах. Опорным пунктом она избрала о. Южной Георгии, откуда одни корабли ходили в Буэнос-Айрес, а другие, под начальством Ларзена, — которого компания пригласила к себе на службу, — охотились за зверями.

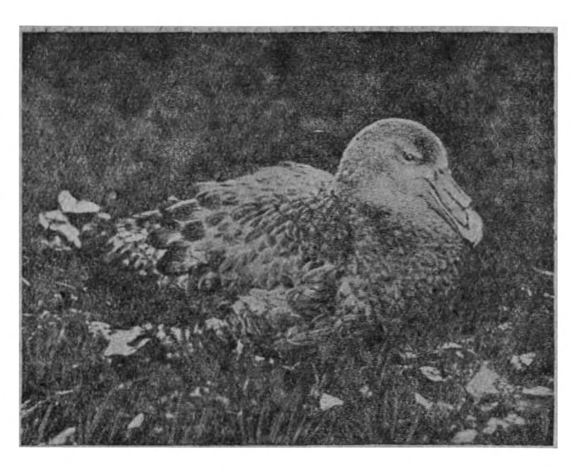
Наконец, на Всемирном съезде экономистов в Монсе, 25 октября 1905 г., было решено побудить бельгийское правительство основать интернациональный союз полярных исследователей и созвать для этой цели специальный конгресс. В сентябре 1906 г. этот конгресс состоялся, и на нем Шарко уже развивал свой план новой антарктической экспедиции, в результате была основана Международная ассоциация для содействия полярным исследованиям.

БОРЬБА ЗА ДОСТИЖЕНИЕ ЮЖНОГО ПОЛЮСА

Эрнст Шекльтон (1907—1909). Жан Шарко. Вторая экспедиция (1908—1910) Роальд Амундсен (1910-1912) Роберт Скотт (1910—1912). Ширафе (1910—1912).

После Брюссельского конгресса в исследовании антарктических стран наступило затишье, продолжавшееся почти три года. Международная ассоциация оказалась мертворожденной; по крайней мере никаких признаков жизни в смысле организации новых полярных исследований она не проявила. Но, повидимому, в полярных путешествиях (как и вообще в путешествиях в неизведанные страны) есть какая-то особая притягательная сила, заставляющая человека, раз испытавшего, хотя бы ценою трудов, лишений и страданий, всю прелесть исследования неведомых стран, опять и опять возвращаться туда же, вновь и вновь испытывать прежние ощущения: во время этого затишья ряд антарктических путешественников, — Шарко, Скотт, Брюс, Шекльтон, — частью обдумывали, частью снаряжали новые южнополярные экспедиции.

Первому удалось снарядиться молодому англичанину Эрнсту Шекльтону, спутнику Скотта во время его знаменитого похода к югу. На этот раз Шекльтон рассчитывал, идя тем же путем, продвинуться как можно дальше на юг, с целью добраться до полюса. Так как материальной поддержки получить нигде не удалось, Шекльтон на свой страх и риск занял 500 тыс. фр. и на эти деньги сорганизовал экспедицию. Для переезда на Землю Виктории и возвращения обратно он купил старое тюленебойное судно «Нимрод», небольшое, тихоходное (оно делало не более 6 узлов в час), но прочное и выносливое в борьбе со льдами. Не доверяя способу передвижения на собаках, Шекльтон приобрел манчжурских пони и грузовой автомобиль, приспособленный, как уверяла фирма, для движения по льду и снегу. Желающих ехать в экспедицию оказалось очень много. Пришлось отбирать преимущественно молодой, сильный и знакомый с полярными странами народ. Из Англии, кроме экипажа «Нимрода», с Шекльтоном поехали 11 человек, в том числе два старых товарища



Глупыш в гнезде.

Шекльтона по экспедиции Скотта — Э. Жуас и Фр. Кайльд (потомок знаменитого мореплавателя Джемса Кука, первого объехавшего антарктические страны). В экспедиции приняло участие несколько ученых: два геолога (Р. Пристлей и Ф. Брокльхерст), биолог Д. Меррей, метеоролог (лейтенант флота) Д. Адамс, топограф (по образованию врач) Э. Маршалль и художник Д. Марстон. Кроме того, на «Нимроде» шли врач А. Мэкей, повар В. Робертс и механик Б. Дей. По пути присоединилось еще трое, между прочим, проф. Э. Дэвид, геолог, и молодой лектор минералогии в университете Аделаиды (Южная Австралия), Дуглас Маусон.

7 августа 1907 г. «Нимрод» вышел из Англии. 23 ноября он прибыл в г. Литтльтон (южный о. Новой Зеландии). Здесь корабль должен был окончательно снарядиться. Выяснилось, что при своей малой вместимости «Нимрод» не может взять на борт всего необходимого запаса угля. Пришлось для экономии топлива зафрахтовать пароход «Кунию», который бы отбуксировал «Нимрода» до границы пловучих льдов.

1 января 1908 г. при ясной погоде вышли в море. «Нимрод» глубоко сидел в воде. Корабль был перегружен. Трюмы едва вмещали груз, палубы, каюты, каждый кусочек свободного места использовали для размещения ящиков, тюков, мешков с провиантом и т. п. На палубе устроили конюшню для лошадей. Люди с трудом, кое-как жались среди этого нагромождения — многим даже есть приходилось стоя. Но все эти неудобства бледнели перед испытаниями, которые принесла буря, начавшаяся к вечеру первого же дня. Целых две недели бушевал шторм, развивая

жесточайшую качку: все, что не было привязано крепко, каталось по полу, волны перекатывались через палубу, заливая отделение, где стояли лошади. «Нимроду» пришлось итти самостоятельно. При боковой качке судно кренило то в ту, то в другую сторону больше, чем на 50°, так что размахи его превосходили 100°. Волны нередко превышали 13 *м*. Они заливали кухню и огонь в печи. Особенно плохо приходилось лошадям. В довершение всего «Нимрод» дал течь, и лишь с большими усилиями, пустивши в ход все помпы, не только паровые, но и ручные, судно удавалось удерживать на воде. Только 12 января буря стала стихать, и все мало-помалу было приведено в порядок. Вскоре показались первые ледяные горы. Термометр упал до нуля, стал попадаться пловучий глыбовый лед, и 15 января «Куния» ушла на север, а «Нимрод» отправился на юг, в море Росса.

Шекльтон полагал, хотя бы на первую зиму, сделать своей штаб-квартирой открытую при его участии Скоттом Землю Эдуарда VII, чтобы несколько исследовать ее берега и внутренность. Поэтому, добравшись до Великого барьера — ледяной стены Росса, «Нимрод» пошел вдоль нее на восток: при ясной погоде было видно, что стена, высота которой большею частью около 45 *м*, то повышается до 60 и даже до 75 *м*, то понижается; передний край ее сильно изломан и изрезан, а в одном месте (приблизительно там, где сделал свою попытку пройти на юг Борхгревингк) резкое понижение стены совпадает с значительной выемкой к югу, образующей защищенную и удобную бухту, названную Шекльтоном Китовой. Бухта эта возникла, повидимому, совсем недавно, так как не только во время путешествия Борхгревингка, но и во время экспедиции Скотта в 1901—1904 гг. край ледяной стены имел здесь совершенно иной вид; вся бухта была полна обломков Великого барьера, среди которых плавали целые стада китов-полосатиков (за что бухта и получила свое название). Вскоре между Великим барьером и открытым морем появилась масса берегового льда, между которым то тут, то там виднелись гигантские ледяные горы, и чем дальше на восток, тем берегового льда становилось все больше и больше.

Добраться до Земли Эдуарда VII оказалось невозможно вследствие окаймлявших ее огромных масс пловучего льда. Пришлось и на этот раз, подобно Скотту, зазимовать у берегов Земли Виктории, в заливе Мак-Мурдо (карта на стр. 143).

«Нимрод» высадил на берег 15 человек путешественников, большой запас провианта и строительных материалов и ушел в Новую Зеландию, с тем, чтобы вернуться на следующий год.

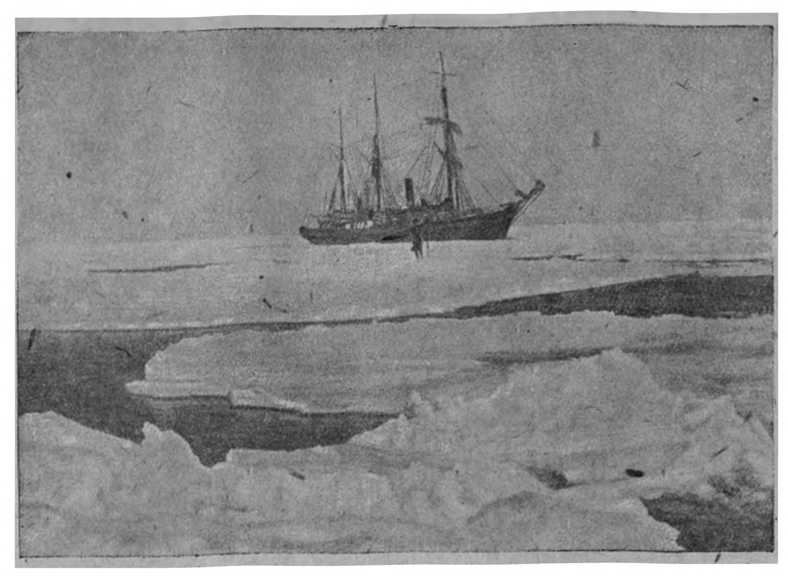


Э. Шекльтон перед отправлением в экспедицию.

Как уже упоминалось, кроме собак в качестве упряжных животных, были взяты 10 привычных к снегам и морозам манчжурских лошадок (пони); дорогой две из них погибли, но 8 благополучно высадились на сушу. Помимо них для перевозки тяжестей имелся грузовой автомобиль и моторные сани.

Устроившись на зимней квартире, путешественники использовали остаток осени для изучения вулкана Эребус.

5 марта 1908 г. под руководством Адамса, пятеро ученых: проф. Дэвид, Маусон, Брокльхерст, Маршалль и д-р Мэкей отправились в большую экскурсию по о-ву Росса, на котором среди снеговых полей дымился гигантский, почти в 4 тыс. *м* высотою, конус вулкана. Вначале подъем на Эребус не представлял особого затруднения: по отлогим склонам до высоты 1650 *м* легко подвигались вперед, таща за собой сани. Дальше пришлось поклажу нести на спине. На высоте 2800 *м* жестокая метель заставила путешественников двое суток отсиживаться в палатке. Взобравшись на вершину, путники оказались на краю громадного действующего кратера, глубиною в 270 *м* и максимальной шириною



„Нимрод“ в паковом льду.

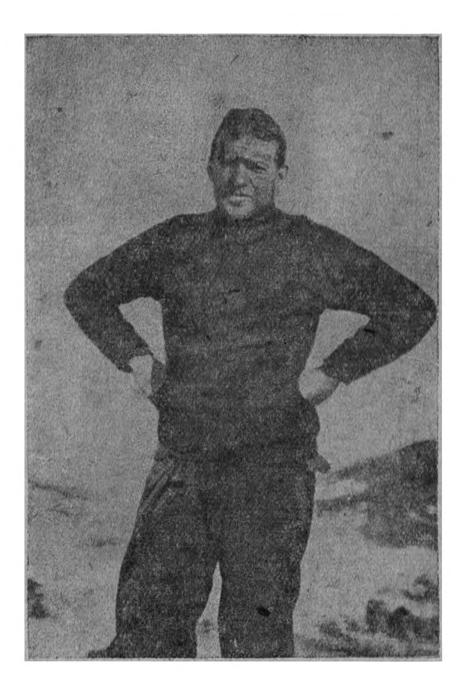
в 800 *м*. Он был наполнен и окружен густыми облаками водяных и сернистых паров, которые поднимались высоко в небо и могли служить прекрасным средством для наблюдения за воздушными течениями в высоких слоях атмосферы. По положению столба паров над вершиной Эребуса можно было на несколько часов безошибочно предсказывать погоду. На склонах конуса, на высоте 3350 *м,* среди снега дымились трещины — фумаролы, с намерзшими вокруг оригинальными фигурами изо льда.

Дальше, на склоне вулкана, группа открыла второй потухший кратер, весь наполненный пемзой, серой и крупными кристаллами полевого шпата.

В лагерь путники вернулись совершенно обессиленные, но через несколько дней отдыха оправились и вскоре забыли о перенесенных тяготах путешествия. Только Брокльхерсту пришлось расстаться с большим пальцем правой ноги, который он отморозил еще при подъеме на Эребус.

Зиму, которая затянулась до середины августа, все участники экспедиции перенесли отлично; зато из лошадей по неизвестной причине погибло 4 штуки — думают, что они наелись песку.

Весь август и начало сентября были посвящены изучению поверхности колоссальной ледяной массы, фронт которой составляет стена Росса — Великий барьер. Вблизи лагеря поверхность эта была большею частью так гладка,

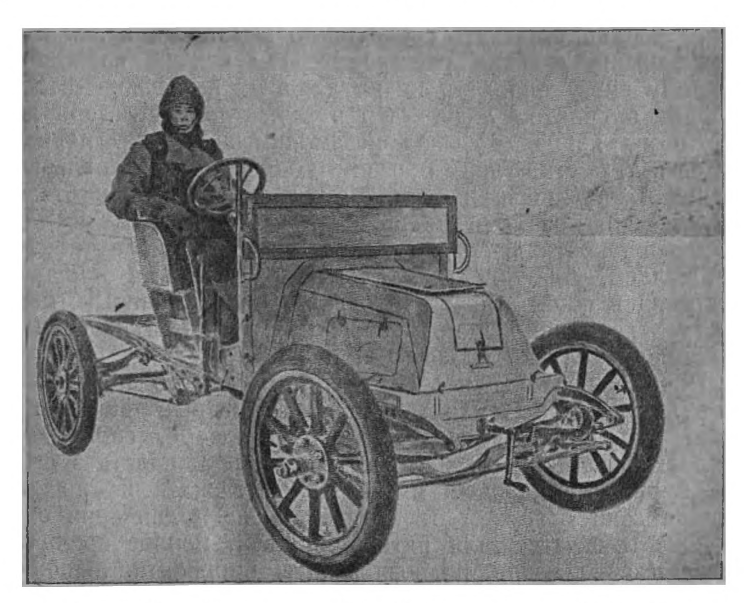


Э. Шекльтон во время зимовки.

что по ней можно было свободно ездить на автомобиле (напротив, моторные сани, на которые возлагались такие большие надежды, оказались совершенно бесполезными как здесь, так и во время санных экскурсий на юг). Автомобиль этот, в 15 *л. с.*, отличался особенно крепким устройством и целым рядом приспособлений, которые должны были облегчить ему передвижение по льду: газ из одного цилиндра служил для согревания газогенератора, и из трех других шел в металлическую коробку для согревания ног пассажиров. Кроме того, были взяты с собой незамерзающее масло и различные запасные части, в особенности колеса и полозья различной формы. Еще до устройства зимней квартиры автомобиль подвергся первому серьезному испытанию: на нем решили перевозить через береговой лед, так называемый припай, различные грузы с корабля на берег. Первая проба оказалась неудачной, — по толстому слою рыхлого снега, покрывавшего разбитый трещинами береговой припай, автомобиль далеко уехать не мог, так что его пришлось взять обратно на судно, — но двигатель при — 17°Ц работал отлично. Выбравшись на твердую землю, путешественники возобновили попытку воспользоваться автомобилем. Вначале дело шло

плохо: колеса проваливались глубоко в снег, и пришлось в течение зимы смастерить специальные, особенно широкие полозья. Первые же весенние экскурсии показали, что и это средство помогает плохо, так как внутри страны снежный покров и открытый лед чередуются настолько часто, что пришлось бы постоянно менять шины или колеса. В конце концов тяжелым опытом установили, что машина лучше всего идет на простых резиновых шинах, обернутых цепями от тормозов; при —20° резина делалась твердой и теряла всякую эластичность. Чтобы облегчить и тем увеличить грузоподъемность автомобиля, с него сняли все, кроме самого необходимого, так что от авто в конце концов остался один голый скелет. В таком виде грузовик был в начале сентября пущен в дело для перевозки тяжело нагруженных саней на короткие расстояния. В первый же день он выполнил работу, которую смогли бы сделать в несколько дней не менее шести людей.

В сентябре организовали первую большую экскурсию к югу для подготовки похода к полюсу. Главной целью ее было соорудить в 200 *км* от лагеря большой склад корма для лошадей, чтобы воспользоваться им при главном походе. На этот раз автомобиль протащил сани лишь на 12 *км* от лагеря; затем пришлось итти пешком, так как при морозе свыше 40° было рискованно употреблять для



Автомобиль Шекльтона. Для облегчения снят весь кузов.



Южная партия на борту „Нимрода“ (слева — направо: Уайльд, Шеклтон, Маршалль, Адамс).

перевозки как лошадей, так и собак. Вообще, как показал опыт, машина оказалась совершенно неприкодной для передвижения на дальние расстояния, так как на колесах по рыхлому снегу она итти не могла, а на полозьях — застревала на бугристом льду. Зато в окрестностях лагеря авто до самого конца оказывал незаменимые услуги, перевозя людей и тяжести. Таким образом, большая тяжесть главного похода к югу упала на самих путешественников и отчасти на лошадей, пока они не погибли.

В конце октября 1908 г. Шеклтон с тремя спутниками: Маршаллем, Адамсом и Уайльдом и четырьмя лошадьми выступил в свой, ставший впоследствии знаменитым, поход к югу. Уходя, он дал подробные инструкции и написал завещание на случай гибели его партии.

Первые полторы недели группа медленно подвигалась вперед, сопровождаемая товарищами, которые тащили провиант для складов, возвращались в лагерь, снова догоняли экспедицию и т. д. Время от времени налетала снежная буря, прерывавшая путешествие. Каждая из лошадей тащила сани с грузом от 270 до 300 *кг*. Одни сани с таким же грузом тащили пятеро человек; первое время помогал и автомобиль, подвозя запасы провианта. Манчжурские лошади оказались неукротимыми животными, полными сил, упрямства, дикости и каких-то неожиданных капризов,

которые никак нельзя было предвидеть. То они набрасывались на людей, то срывались и убегали, заставляя тратить часы на их ловлю, то растаптывали мешки с провиантом и пожирали припасенную для них кукурузу.

7 ноября Шекльтон расстался с провожавшими его товарищами. В этот же день партии довелось иметь дело с трещинами во льду и такими основательными, что пришлось делать обход в $1\frac{1}{2}$ *км*. Лагерем стали между двумя трещинами из опасения ночью провалиться в одну из них. Для Шекльтона было весьма неприятным открытием, что ледяная масса, оканчивающаяся на севере Великим барьером, которую после экспедиции Скотта считали совершенно ровной и гладкой, изборождена такой массой трещин. Температура держалась довольно высокая и редко падала ниже —10°Ц, но налетевшая на следующий же день снежная вьюга заставила путешественников целые сутки пролежать в палатке, — иначе они с первых же шагов рисковали провалиться в невидимую под снегом трещину. Мучительно было лежать в мешках в 84 *км* от зимнего лагеря и в 1200 *км* от цели и поедать провиант, предназначавшийся для трудного далекого похода.

Наконец, 9 ноября метель кончилась, откопали сани и с закоченевшими от холода лошадьми пустились на поиски дороги среди трещин, густой сетью пересекавших лед. Одни были узки и безопасны, другие широки и такой глубины, что не было видно их дна. После нескольких часов хода Чайнемен (китаец), лошадь, тащившая передние сани, провалилась в трещину шириною в 3 *м*. Еще немного, и сани с проводником, кухонными принадлежностями и половиной всего запаса керосина неминуемо погибли бы: засыпанная снегом трещина внизу расширялась в зияющую пропасть. К счастью, лошадь и сани извлекли из трещины, оказавшейся последней, и дальнейший путь стал гораздо легче.

Пройдя 23 *км*, раскинули лагерь. Поздно вечером внезапно раздался сильный грохот, напоминавший отдаленный орудийный залп. Вероятно там далеко, на краю гигантского глетчера, на котором расположились путешественники, откололась громадная глыба льда: такие глыбы постоянно отламываются от ледяной стены Росса и дают начало столовым ледяным горам, медленно выплывающим на север, в открытое море.

На следующий день прошли еще 25 *км*, и справа, на западе, показались горы. К величайшему изумлению на снегу был найден свежий помет пингвина, на следующий день находка повторилась. Как могла попасть эта нелетающая птица сюда, за 80 с лишним *км* от моря? Что делала она здесь, где нет ни воды, ни пищи?

За отчаянно холодными ночами следовали солнечные,

теплые дни, делавшие снег мягким и рыхлым, затруднявшим передвижение. Ночью сон часто нарушали лошади, которые разгрызали и пожирали все, что могли: веревки, одеяла и т. п., зато днем они добросовестно тащили тяжелые сани, и экспедиция подвигалась в сутки в среднем на 24 *км*. Сзади, далеко на севере, все еще виднелся могучий конус Эребуса, над вершиною которого стояло тяжелое облако пара, на западе виднелась коническая вершина горы Дисковери, а впереди рисовался высокий утес, под защитой которого два месяца назад подготовительная экскурсия устроила склад провизии для лошадей.

15 ноября, наконец, добрались до склада и нашли его в целости и неприкосновенности, с весело развевающимся флажком. Да и кто мог бы разорить склад в этой мертвой, лишенной всякого признака жизни, стране?

Из склада взяли корм для лошадей, а вместо него положили туда запас провианта на обратный путь. Начиная отсюда, на каждой стоянке стали воздвигать снеговые конусы — керны, которые послужили бы путевыми знаками при возвращении, — мера предосторожности, в важности которой убедились впоследствии.

Лошади попрежнему были неистощимо-изобретательны в устройстве всевозможного беспорядка и в уменьи находить «съедобные» вещи. Кормили их сытно, кукуруза часто оставалась недоеденной и разбросанной по снегу, но они считали самым лакомым блюдом какой-нибудь кусок просмоленного каната или старую куртку и даже объели друг другу хвосты. Работали они попрежнему хорошо и бодро шли даже по рыхлому снегу, несмотря на то, что из четырех были здоровы только две, а Чайнемен был так истомлен, что, казалось, ему недолго остается жить.

Пейзаж кругом был неизменно один и тот же: все та же гладкая и ровная поверхность бесконечного глетчера, который, заполняя обширный залив, несет к океану колоссальные массы льда из неведомых полярных пустынь. 19 ноября Шекльтон достиг 80°32′ ю. ш. — крайнего пункта, до которого шесть лет назад он добрался вместе со Скоттом. Но тогда они прибыли сюда целым месяцем позже (16 декабря), а на этот раз и запаса провианта было больше, чем рассчитывал Шекльтон вначале, и, кроме того, имелись четыре лошади, которые представляли собой как бы живые запасы провизии на крайний случай. И все-таки, только чрезвычайный интерес к намеченной цели поддерживал путников во время этого перехода по стране, подавляющей своей монотонностью и однообразием.

«Вот на нас налетел порыв ветра с севера, затем с юга, потом с востока или с запада, не подчиняясь, повидимому, никакой закономерности. Казалось, будто мы стоим на

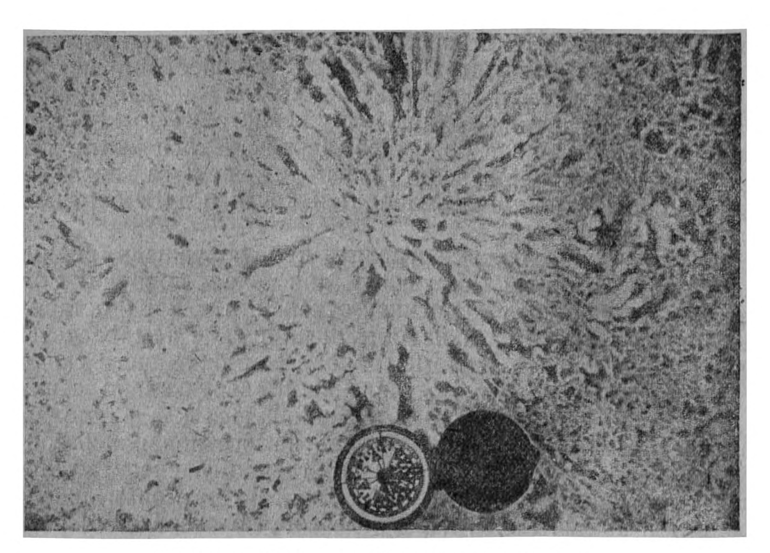
самом краю света, в стране, где родятся облака, где живут ветры всех четырех стран света. К волшебным, никогда не забывающимся впечатлениям сегодня ночью присоединяется еще картина солнца, окруженного кругами и ложными солнцами; возле большого, вертикального круга, опоясывающего солнце, в зените расположена дуга, изогнутая в противоположном направлении; и круги и дуга окрашены в цвета радуги».

21 ноября пришлось застрелить первую лошадь, верного Чайнемена, который последние дни едва волочил ноги. Часть мяса, немного керосина, сухарей и сахара оставили здесь в качестве запаса на обратный путь с тем расчетом, чтобы всего этого хватило на дорогу до ближайшего склада. Новый склад отметили поставленными вертикально санями с флагом наверху. Сильно уменьшившуюся кладь уложили на трое саней. На следующий день на юге появились горы, и еще через день по хорошему твердому снегу удалось сделать по направлению к ним редкий по размерам дневной перегон в 29 *км*. Горы, известные еще по экспедиции Скотта, — он видел их вдали, с привязного воздушного шара, — стали ближе, но поверхность Великого ледника, по которому двигалась экспедиция, оставалась попрежнему ровной и гладкой, как бильярдный стол.

А справа все время тянулся высокий берег Земли Виктории. На этот раз большое расстояние, на котором держалась экспедиция от краевых гор Земли Виктории, окаймляющих Великий ледник с запада, позволяло наблюдать все новые и новые хребты и вершины, которые не видела экспедиция Скотта, так как шла слишком близко к земле, и могла заметить только цепь, лежащую у самого края суши.

26 ноября Шекльтон занес в свой дневник: «Памятный день. Сегодня мы перешли самый отдаленный южный пункт, на который когда-либо ступала нога человека. Экспедиция Скотта достигла до 82°16,5' ю. ш., а мы вечером уже находимся на 82°18,5'. Весь наш путь усеян необыкновенно крупными снежными кристаллами, твердыми и очень хрупкими. Они ярко отражают солнечный свет и очень скверно действуют на зрение. Но все мы бодры и веселы. На привале решили устроить себе маленький праздник и откупорили крошечную бутылочку ликера, которая была захвачена для торжественного случая. Каждому досталось по две чайных ложки. После выпивки долго курили и болтали, пока не заснули».

Горы манили к себе, таинственные, покрытые снегом от подошвы до вершины, высокие, рисуясь на ясном небе своими зубчатыми, смелыми формами. Они были далеко, но тем не менее произвели величественное впечатление.



Ледяные кристаллы. Рядом лежит компас.

Голые, красные гранитные утесы вздымались на 2400 *м*. Некоторые вершины были округлены мощным напором ледниковых масс. Горные цепи шли к юго-востоку и с каждым днем пути росла у Шекльтона уверенность в том, что он найдет проход через эти горы. Скуки и монотонности пути как не бывало — каждый час приближал к новым открытиям.

Погода все время стояла хорошая, температура мягкая. Только белая снеговая пелена, с ее сверкающими снежными кристалликами утомляла глаза и вызывала несколько раз «снежную слепоту». Лошади тоже страдали от этого, и вскоре Гризи, второй пони, совершенно изнемог. 28 ноября он еще с грехом пополам тащил сани, но затем пришлось его застрелить. Он нашел себе могилу в желудке путешественников.

Высокие горы на юге мало-помалу начали явственно загибаться на запад, и все предвещало, что скоро путешествию по гладкой поверхности Великого льда предстоит конец. В третьем складе оставили запасы конины, консервов и керосина, а остальной груз, рассчитанный на 9 недель, разложили на двое саней, которые от этого стали так тяжелы, что к каждой лошади на пристяжку впряглись по два человека. На западе появились гигантские, черные гранитные утесы, высотой приблизительно в 1500—2000 *м*. Сзади них выглядывали снеговые великаны до 4800 *м* высоты. Между тем температура становилась все выше, снег на

поверхности усиленно таял, и передвижение по нему требовало большого напряжения. Обе лошади, в особенности более старая, Кван, с трудом проходили намеченную часть пути. Люди помогали им, сколько могли, но ясно было, что лошади очень изнурены. Напротив, все люди — участники экспедиции чувствовали себя превосходно, и только их слишком сильный аппетит возбуждал некоторые подозрения. Часто путешественники ели прямо на ходу сырую конину; она казалась очень вкусной и предохраняла от цынги. Пережевывая лошадиное мясо, они мечтали о хороших обедах, о любимых блюдах, и все их разговоры, о чем бы ни начиналась беседа, сводились в конце концов к еде.

1 декабря пробил последний час Квана; он не мог уже больше тянуть сани. Его пришлось застрелить, а из мяса сделать главную основу четвертого склада. Теперь уже все люди вместе тащили одни сани, а Сокс — «последний из могикан» — другие. Впереди дорогу на юг преграждал высокий, по крайней мере в 2000 *м*, хребет — Великому леднику наступал конец. Вскоре началась полоса ледяных валов и трещин, которые образуются везде, где ледник меняет угол своего наклона или где в него впадает боковой рукав. Пробраться через эту полосу было невозможно: казалось придется расстаться с прямым, точно по линейке проведенным маршрутом к югу, и искать дороги к полюсу в ином направлении. Однако, когда на следующий день удалось дойти до гор и взобраться на вершину высотою в 1000 *м*, обнаружилось, что один из ледников, спускающихся с этих гор, двигается по широкой, открытой к югу долине, и по нему можно, постепенно поднимаясь, беспрепятственно двигаться к югу. Этот ледник, названный Бердморским, вливался в Великий барьер, и там, где происходило их слияние, вследствие напора льда образовались гигантские трещины и неровности. Ледник Бердмора простирался на юг так далеко, как мог видеть глаз. Он был небывало огромен. В ширину он имел 32 *км* и, как впоследствии узнал Шекльтон, в длину более 200 *км*. Подобно ледяной реке он медленно пересекал горы барьера. Отсюда открывался превосходный вид на западную и частью южную границы Великого барьера, который простирался на юг по крайней мере до 86° ю. ш. Далеко на юге виднелась одиноко высокая гора, над вершиной которой, как над вулканом, клубилось облачко.

Желая избежать, по возможности, перехода через бесчисленные трещины у подножия Бердморского ледника, Шекльтон решил прямо перевалить через небольшой хребет, ограничивающий этот ледник сбоку. К вечеру 4 декабря, после утомительнейшего перевала, группа разбила

свой лагерь на Бердморском глетчере, в красивейшей местности, среди голубых ледяных глыб, лежавших в перемешку с гранитными валунами, между прозрачных ледниковых озер.

Дальнейшая дорога по Бердморскому леднику все время прерывалась трещинами, и бывали дни, когда удавалось подвигаться вперед лишь шаг за шагом, с величайшей осторожностью; не раз приходилось разгружать сани и на руках переносить груз через участки, полные трещин. Для самого Шекльтона, который уже несколько дней страдал снежной слепотой, такое путешествие было особенно мучительно. 4 же декабря путешественников постигло серьезное несчастье: последняя лошадь, Сокс, провалилась в невидимую, прикрытую снегом трещину и едва не увлекла за собой сани и находившегося при них человека, Уайльда. Упряжь оборвалась, и животное полетело в пропасть, а Уайльд уцелел буквально на волоске, с опасностью для жизни спасая драгоценные сани. От лошади не было слышно ни звука, она исчезла в бездонной, черной пропасти. С тяжелым сердцем принялись искать путники места, где бы остановиться на ночлег — кругом метров на 400 весь лед был изрезан скрытыми трещинами, и нельзя было остановиться без опасения разделить участь Сокса. Гибель лошади ставила экспедицию в очень серьезное положение: кроме перспективы вместо конины несколько дней питаться лошадиным кормом — кукурузой, теперь приходилось каждые сани, с грузом в 250 *кг,* тащить на себе двум людям, что чрезвычайно затрудняло и замедляло движение.

На следующий день дорога была еще довольно легкой, но затем опять начались ледопады и трещины, в которые проваливался то тот, то другой участник экспедиции: только «упряжь», с помощью которой они тащили сани, удерживала их от падения в черные трещины глубиной в несколько сот метров. Несмотря на трудности все же удавалось проходить в день от 15 до 20 *км.*

10 декабря группа оказалась на высоте 1000 *м,* среди удивительного ландшафта из ледяных глыб и скал. Отсюда подъем по глетчеру стал гораздо круче. Вскоре добрались и до той огромной конусообразной горы, которая одиноко виднелась на горизонте и на вершине которой часто клубились облака; теперь ясно обнаружилось, что это не вулкан.

Чтобы сохранить на будущее возможно больший запас провианта, Шекльтон и его товарищи решили есть возможно меньше. Люди голодали. Чтобы сэкономить возможно больше керосина, кукурузу стали есть сырую, размалывая ее предварительно между камнями. Каждый по неделе дежурил поваром. Обязанности дежурного были весьма ответ-

ственны, так как приходилось очень точно распределять порции, чтобы никого не обделить ни на один грамм.

Каждая крупинка сокращенных донельзя пайков представляла для членов группы большую ценность. Котел, в котором приготовлялась пища, был сделан двойным. Во внутреннем резервуаре варилась пища, а наружный наполнялся снегом. Такое устройство позволяло даже в сильную бурю сварить обед за полчаса. Одновременно таял снег и после обеда можно было напиться горячего чая.

Пищу поедали со сковородок и посуду не мыли, так как выскребали сковородки дочиста.

15 декабря экспедиция достигла высоты 1700—1800 *м* и, казалось, добралась, наконец, до высокого плато Антарктиды. В этот день удалось опять после целого ряда коротких перегонов сделать большой переход, свыше 20 *км*. На следующий день снова устроили депо, т. е. склад, в котором кроме провианта сложили еще всю лишнюю, за исключением самой необходимой, одежду и налегке двинулись вперед, в неизвестное. Предприятие становилось день ото дня серьезнее; было очевидно, что утеря какого-нибудь депо на обратном пути грозит всей экспедиции неминуемой гибелью.

Два дня спустя склон ледника стал так крут, что сани пришлось втаскивать наверх с помощью импровизированного ворота. В стенах, ограничивающих ледник, Уайльд нашел каменный уголь в виде шести мощных пластов, разделенных толстыми прослойками песчаника. Значит и на месте этих гор, с которых теперь сползают отдельные притоки Великого барьера, некогда росли могучие леса древовидных папоротников или других, требующих тепла и света, растений.

19 декабря уже на высоте 2300 *м* путешественники перешли 85-ю параллель, и, казалось, наконец, достигли Антарктического плато. Но на следующий день экспедиция вновь очутилась в лабиринте трещин, и снова обнаружилось, что Бердморский ледник еще не кончился, хотя путники прошли по нему уже 200 *км* — очевидно, это был один из величайших ледников в мире.

До полюса еще оставалось 465 *км*. Наступило полярное лето при 28° мороза: экспедиция была на высоте 2500 *м*, и температура все падала с удалением от уровня моря. Крепкий, холодный южный ветер и целая сеть предательских трещин, прикрытых мягким снегом, затрудняли путь.

24 декабря при 32° мороза достигли высоты 2800 *м*. На следующий день с утра начался особенно тяжелый и крупный подъем: температура была еще ниже, а ветер превратился в снежную вьюгу. 25 декабря отметили редким событием, — обильным обедом, после которого путники впер-

вые после нескольких недель почувствовали себя, наконец, сытыми.

На этот раз давно желанная поверхность Антарктического материка была достигнута. Это было довольно ровное, слабо наклоненное плато, одетое ледяным покровом, более тонким, чем на Бердморском леднике; покров этот сверху был засыпан мягким снегом, лежавшим большими сугробами.

Передвижение было попрежнему трудно: холода усилились до —35°, а силы путешественников вследствие плохого питания заметно убывали. Встречный ветер сбивал людей с ног и резал тело сквозь одежду. Все начали ощущать действие значительной высоты, на которой они находились. Появились сильные головные боли и головокружение. Когда люди спотыкались и падали, им казалось, что пришел конец. После 25 декабря все, что не было строго необходимым, отобрали и сложили в склад, оставив провианта, что называется, в обрез. На следующий день достигли высоты 3000 *м*. Шекльтон и его товарищи все еще не отказывались от своего решения добраться до полюса, хотя 29 декабря до него оставалось не менее 375 *км*.

Дорога становилась все хуже и хуже. Последний день года ознаменовался жестокой метелью, вынудившей путешественников целый день пролежать в спальных мешках, в истрепанных, едва защищавших от ветра палатках.

Плато все время подымалось, и 2 января достигли 3360 *м*. Стоило ли продолжать карабкаться в гору? Голод, холод, сильные ветры и горная болезнь подрывали силы. Неудача ждала их, но до 4 января Шекльтон не думал о неудаче. В этот день он ясно представил себе положение. Все участники экспедиции ослабели, ибо голод предъявлял свой счет. Они, тем не менее, собирались еще продолжать путь до тех пор, пока будут в силах двигаться дальше.

Лучше всего о состоянии участников экспедиции можно судить по записям Шекльтона в его дневнике:

«*4 января*. Близок конец. Мы сможем двигаться вперед самое большее в течение еще трех дней, так как быстро слабеем... В полдень медицинский термометр показывал у троих из нас всего лишь по 34,4°.

Двинулись в путь в 7 ч. 40 м. утра, оставив склад на большой белой возвышенности. Этот рискованный шаг оправдывался только данной обстановкой, причем товарищи изъявили на это согласие с той жизнерадостностью и тем самоотвержением, с которым они хотели добраться так далеко, как только будет возможно. Каким ничтожным казался бамбуковый шест палатки с куском мешковины вместо флага, служивший опознавательным значком склада про-

визии. Она должна помочь нам добраться до следующего склада, находящегося в 240 *км* к северу. Через полчаса пути мы уже потеряли его из виду и теперь надеемся, что следы ног на снегу приведут нас обратно к бамбуковому шесту и позволят вновь подобрать свои запасы. Я надеюсь, что погода останется ясной.

Сегодня прошли 23 *км*. Несем груз по 32 *кг*. Мы двигаемся с гораздо большим трудом, чем вчера с 45 или чем три недели назад, когда начали свое восхождение на ледник, с 113 *кг* на человека. Это достаточно ясный показатель того, как падают наши силы. Главное, что противостоит нам: высота в 3390 *м* и обжигающий ветер...

Обувь теперь здорово сношена, и мы вынуждены время от времени останавливаться, чтобы удалять снег с подошв. Ламповый фитиль, которым мы завязываем пьексы (лыжные башмаки) истерся и его приходится вязать узлами. Они собирают снег под подошвами, который необходимо очень часто счищать.

Три недели назад мы оставили на складах смену нижнего белья, чтобы сэкономить вес клади, и сейчас проводим дни и ночи в том же белье. Наши рубашки, фуфайки и кальсоны в заплатах. Утром, когда вылезаем из сырых мешков, фуфайки похожи на кольчуги, а головы и бороды покрываются льдом от влажного дыхания в пути. Мы надеемся добраться до точки, отстоящей на 185 *км* от полюса, и при создавшейся обстановке не рассчитываем на большее. Я уверен, что полюс находится на большой открытой нами возвышенности. Сегодня вечером градусник показывает —31°».

Устроивши последний склад, путешественники с окончательно облегченными санями сделали еще три больших дневных перегона, но затем, 7 и 8 января отчаянная снежная буря силою свыше 120 *км* в час при температуре —45° приковала их к палатке. Во время вынужденного бездействия они имели возможность обстоятельно обдумать свое положение и пришли к самым неутешительным выводам. Они были уже за 88° ю. ш. на высочайшем, удаленном от всего мира плато, совершенно одни, без каких бы то ни было средств сообщения, кроме собственных ног, при недостаточной одежде, с ничтожным количеством провианта — «у последней черты», где кончается для человека возможность бороться с природой. Поэтому было решено, как только буря кончится, еще раз, без саней и багажа, сделать последний поход на юг, сколько хватит сил, оставить там записку в знак своего пребывания, водрузить английский флаг и в тот же день возвратиться в лагерь.

«*8 января*. Опять мы провели целый день в мешках, страдая физически от холода в руках и ногах, а также от

голода, но переживая еще большие моральные мучения, так как не можем двигаться на юг и просто лежим здесь и мерзнем. Время от времени ноги у кого-либо немеют, и тогда бедняге приходится вытаскивать ногу из спального мешка и согревать ее, засовывая под рубашку своего столь же несчастного соседа и прижимая к его телу. Мы должны еще немного продвинуться к югу, хотя бы запас пищи все уменьшался, так как слабеем, лежа в холоде, когда при 45 градусах мороза ветер колет нас сквозь тонкую палатку и снег пробивается к мешкам и даже набивается внутрь мешков, которые и без того совершенно мокры.

Судороги у нас усилились. Снег, выпавший вокруг палатки, настолько сузил помещение, что мы с трудом в ней помещаемся. Ветер дул с остервенением в течение целого дня. Сегодня вечером похоже на то, что ветер начинает смягчаться, и, как только он немного стихнет, мы вскочим и бросимся снова на юг. Я чувствую, что этот переход доведет нас до конца пути. У нас так мало пищи, а на высоте 3480 *м* очень трудно сохранить тепло в теле между скудными трапезами. Нам нечего читать, так как, в интересах сокращения веса, мы оставили книги в одном из складов. Довольно унылая история лежать в палатке без чтения, когда так холодно, что и писать помногу нет никаких сил».

Наконец, разъяснилось. Путешественники наскоро собрались и тронулись в поход. Конечная точка пути находилась на снежной равнине, на высоте 3500—3600 *м* над уровнем моря, в расстоянии 170 *км* от полюса.

Шекльтон в этот день записывает:

«*9 января.* Последний день нашего путешествия по направлению к полюсу. Мы оборвали свой путь на 88°23' ю. ш. и 162° в. д. Ветер ослабел в 1 час утра, и в 2 часа утра мы встали и позавтракали, в 4 часа утра уже направлялись к югу с медным цилиндром, содержащим документы, для того чтобы оставить их в самом далеком пункте на юге. Захватили также фотоаппарат, подзорную трубу и компас. В 9 час. утра мы были на 88°23' ю. ш., то двигаясь бегом, то шагом по поверхности, сильно затвердевшей от недавнего бурана. Казалось странным итти вперед и не тащить за собой кошмарных саней.

Мы подняли английский флаг и от имени английского короля объявили возвышенность его владением. В то время как флаг упрямо развевался на ледяном ветру, пронизывавшем нас до мозга костей, мы глядели в сильную подзорную трубу в южную сторону, но не видели ничего, кроме мертвой белой снежной равнины. В возвышенности, тянущейся к полюсу, не чувствовалось никакого перерыва, и мы были уверены в том, что цель, до которой не смогли



Шекльтон со спутниками у конечной точки своего пути в 178 *км* от южного полюса.

добраться, находится на этой же равнине. Мы постояли лишь несколько минут и затем, забрав флаг и проглотив нашу убогую пищу, тем же темпом, как шли сюда, поспешили назад и добрались около 3 час. пополудни до лагеря. Мы были до такой степени утомлены, что в этот день шли еще только 2 часа, и в 5 ч. 3 м. пополудни вновь остановились и разбили лагерь. Термометр показывал —28°. К счастью наши следы не были сглажены ветром, и это сильно облегчало обратный путь...»

Большим разочарованием для Шекльтона и его товарищей, главной целью поставивших достижение полюса, был отказ от исполнения заветной мечты, но некогда было предаваться грустным размышлениям. Предстоял обратный путь в 1000 *км*, вся успешность которого зависела только от того, будут ли найдены оставленные по дороге склады. Ненахождение двух или даже одного из них могло грозить гибелью всей партии. А между тем для ориентировки на пустынном плато Антарктиды, где из-под белой снежной пелены не выглядывало ни единого камешка, у путников были лишь компасы да свои собственные, заметенные ветром следы, — все остальное для облегчения было оставлено по дороге. К счастью, ветер, который дул теперь в спину, помогал движению. Уже на второй день достигли последнего склада. К саням приделали парус, и партия забыла о трудностях, связанных с необходимостью их тащить. Шекльтон не имел сил поспевать за товарищами.

Его пьексы износились, пятки растрескались от мороза, и тяжелые падения на лед обессилили его. Ветер буквально сдувал Шекльтона с ног. 15 января прикрепленный к саням счетчик, указывавший пройденное расстояние, оторвался и пропал, так что расстояние пришлось отсчитывать приблизительно. Несмотря на постоянные обмораживания, на чрезвычайно уменьшенные порции еды, путники неудержимо стремились вперед, стараясь как можно скорее добраться до следующего склада, где имелся некоторый запас провизии. 20 января достигли склада на верхнем конце Бердморского ледника, на краю Антарктического плато. В 10 дней прошли путь, который раньше потребовал 20 дней. С тем же радостным чувством, с каким при движении вперед, после ходьбы по леднику с его ужасными трещинами, путники поднимались на Антарктическое плато, вступили они сейчас в лабиринт ледяных бугров и трещин Бердморского ледника, Шекльтон и его товарищи «форсированным маршем», спускались по леднику, беспрестанно проваливаясь и оставаясь невредимыми благодаря веревкам, которыми связались между собой. Ужасны были последние два дня перед вступлением на Великий барьер, где, наконец, после долгого недоедания впервые удалось как следует насытиться. «О душевных и физических страданиях последних 48 часов, — говорит Шекльтон, — я своим описанием не могу дать даже приблизительного понятия». Здоровые и крепкие мужчины не раз падали от изнеможения. Даже за 800 *м* от склада, когда он уже виднелся, путники не выдержали и упали от потери сил; Маршалль, наиболее крепкий, кое-как дотащился до склада и принес пищи для своих товарищей.

Наконец, 20 января, путешественники благополучно выбрались из трещин и вступили на Великий барьер, на гладкую, как стол, поверхность исполинского ледника. Температура сильно поднялась и часто достигала нуля, но зато путь нередко затрудняли заструги, — длинные борозды, как бы выгрызенные ветром в снеговом покрове. Хотя уже не чувствовалось недостатка в провианте, но зато здоровье начало сдавать.

В течение нескольких дней положение путников было очень серьезно, все страдали сильнейшим кровавым поносом, и слабость мешала движению вперед. Мало-помалу возвращалось здоровье, а, вместе с ним и аппетит в размере, превосходящем имевшиеся запасы. Среди голода, усталости и однообразных мечтаний, вертевшихся преимущественно вокруг сытной и вкусной еды, предстоявшей по возвращении в лагерь, тащились путники от одного склада к другому.

Недостаток провизии возрос до такой степени, что,

разыскавши в снегу три месяца пролежавшие кости Гризи, путники с жадностью ободрали с них и съели последние сухожилья и связки. Вот что стоит в дневнике Шекльтона: «На месте, где был убит Чайнемен мы нашли в снегу его печень и съели ее сегодня вечером, она оказалась превосходного вкуса. Мы разыскивали малейшие кусочки мяса, уцелевшие от ноябрьского пиршества. Раскапывая снег в поисках дальнейших сокровищ, я наткнулся на какую-то твердую красную массу: это была крозь Чайнемена, смерзшаяся в твердый комок. Мы выкопали ее, как неожиданный драгоценный дар; в сваренном виде она имела вкус мясного бульона». Несколько дней спустя: «Мы так ослабели, что для нас поднимать пустые мешки из-под провианта уже затруднение. Когда вечером разобьем палатку, то с трудом перетаскиваем одну ногу за другой через порог палатки».

19 февраля опять увидели вулкан Эребус, — первый признак некоторой близости лагеря. Еще один, теперь уже последний раз захватила путников в палатке снежная метель при —44°, еще раз пережили они хроническое голодание, пока не добрались до склада, сделанного под высоким утесом. 22 февраля они обнаружили следы саней, а на следующий день достигли склада под утесом, где, кроме обильного и вкусного провианта, нашли еще письма от оставшихся в лагере товарищей. Оказалось, что «Нимрод» уже пришел и дожидается возвращения Шекльтона.

Наконец-то, после месячного поста можно было поесть вволю. Однако все настолько проголодались, что могли употреблять настоящую питательную пищу, найденную в депо, лишь с большой осторожностью. Маршалль так сильно страдал от дизентерии, что едва мог итти наравне с другими, да и остальные очень ослабели и похудели. Тем не менее, надо было во что бы то ни стало итти усиленным темпом, так как из письма следовало, что «Нимрод» будет ждать только до 1 марта, а затем уйдет на север, чтобы не быть захваченным новым льдом. В случае опоздания путникам грозила вторичная зимовка в антарктической области. Кроме того и вообще зима с ее метелями и снежными бурями была, что называется, на носу. Чтобы как можно скорее достичь корабля, партия разделилась: Шекльтон и Уайльд налегке пошли вперед, а Адамс, здоровье которого пострадало меньше других, остался с больным Маршаллем и с обильным запасом здоровой пищи.

Шекльтон с Уайльдом направились прямо к морю и 28 февраля вышли на берег в том месте, где, по предположениям, должен был находиться корабль. Здесь же стояла и хижина, служившая магнитной обсерваторией. Но хижина оказалась пуста, а корабля нигде не было

видно. После отчаянной, без спальных мешков проведенной ночи удалось, наконец, утром зажечь хижину, и тем самым дать знать товарищам о своем возвращении. С корабля заметили дым, и через 2 часа «Нимрод» подошел к берегу. Под руководством Шекльтона немедленно за обоими оставшимися путниками выступил спасательный отряд, который и доставил их с различными приключениями 4 марта благополучно к кораблю. А тем временем напор льда настолько усилился, что «Нимрод» вновь ушел в открытое море и вернулся только после усиленной сигнализации огнем.

Весь поход Шекльтона продолжался больше 4 месяцев: 73 дня туда и 53 дня обратно. Партия прошла около 2700 *км*, а Шекльтон за последние 4 дня сделал 148 *км* — рекордная цифра для человека, который только что умирал от голода и сохранял еще «живое воспоминание о том, что означает быть сильно, безумно голодным».

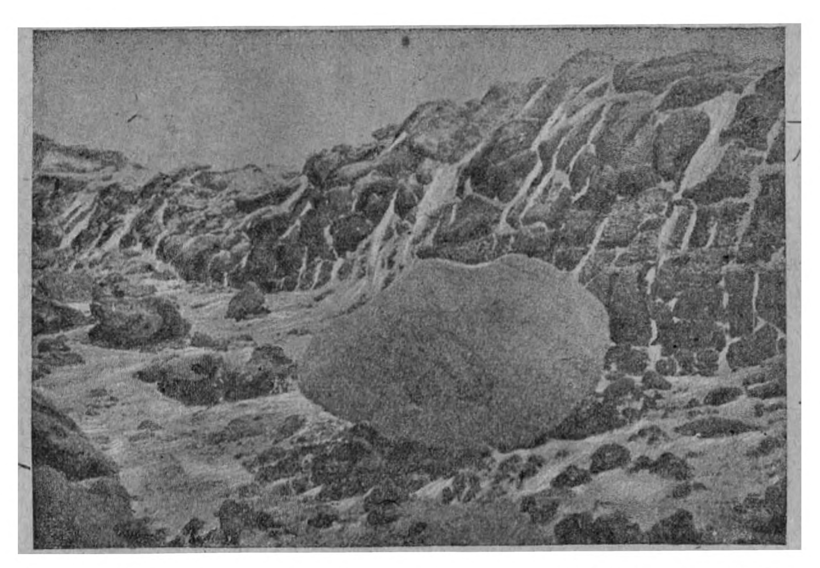
Хотя достигнуть намеченной цели и не удалось, но все же было ясно, что при лучшем снаряжении — при большем количестве лошадей и провианта — достижение полюса вполне возможно.

Научные заслуги Шекльтона и его товарищей, конечно, не столько в том, что они прошли на юг так далеко, как не удавалось никому другому, сколько в тех новых данных о природе антарктической области, которые они добыли. Открыты 8 новых горных хребтов, более 100 вершин, превышающих 3600 *м*; найдены многочисленные точные указания на прежнее, еще более грандиозное оледенение околополярного материка и на присутствие каменного угля даже на далеком юге страны; выяснено, наконец, что Антарктида у полюса представляет высокое, постепенно повышающееся до 3600 *м* плоскогорье, подобно Гренландии одетое мощным ледяным покровом.

За время отсутствия Шекльтона оставшиеся в лагере товарищи не сидели сложа руки. Их работы дали науке, пожалуй, даже больше, чем знаменитый поход руководителя экспедиции, а труды и опасности, которым они подвергались, хотя были менее продолжительны, но вряд ли уступали тому, что пришлось испытать партии Шекльтона.

Так, проф. Дэвид с Маусоном и Мэкеем в начале октября двинулись на запад, чтобы разыскать, наконец, магнитный полюс, — главный стимул различных антарктических экспедиций, начиная от Дюмон-Дюрвилля, Уилькса и Росса.

Первый этап этого путешествия, начавшегося 5 октября 1908 г., доставил партию через лед залива Мак Мурдо. У них было двое тяжело нагруженных саней, оснащенных парусами, и один искалеченный человек. Доктор Мэкей сломал кисть, но так как рука начала поправляться, спут-

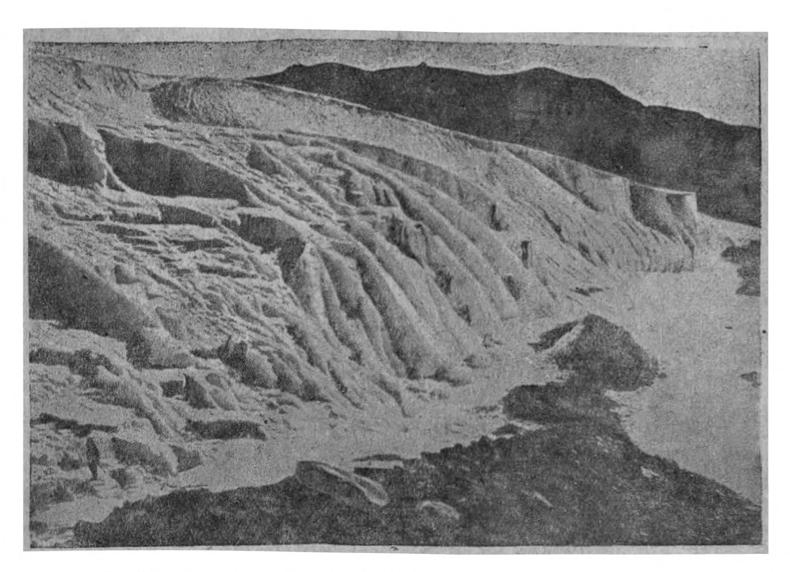


Гранитный валун, принесенный ледником у мыса Ройдс (на о-ве Росса).

ники не хотели оставить его. Через неделю они были по другую сторону пролива и оказались у Масляного выступа, вблизи того места, где ледник Феррара спускается к берегу.

От Масляного выступа путь пошел по льду, окаймляющему берег Земли Южной Виктории, который тянется на несколько сотен километров до мыса Эдер. В равнине Феррара виднелись великолепные гранитные утесы — коричневые, пурпуровые и фиолетовые, они образовали прекрасную комбинацию красок, сверкавших на солнце. Мираж рисовал перед ними несколько ледяных гор, которые, казалось, находились близко к земле. Много миражей видели они, потрясающих своей красотой. Пейзаж береговой линии, окраска скал, странные формы льда и снега, особенно же пингвины и тюлени — превращали каждый следующий день в экскурсию в страну чудес. Однажды партия наткнулась на детскую колонию тюленей. Детеныши играли на льду, охраняемые своими матерями, которые быстро наказывали их шлепками плавника, когда те вели себя плохо. Одна мать, потерявшая своего детеныша, горько стонала.

В Гранитной гавани, забитой льдом, утесы были очень красиво окрашены; затем исследователи добрались до острова Склада, представлявшего собой «настоящий рай для минералога». Среди собранных образцов находились слюда, кристаллическая роговая обманка и металл титан. Геолог



Край ледника Феррара (слева внизу виден человек).

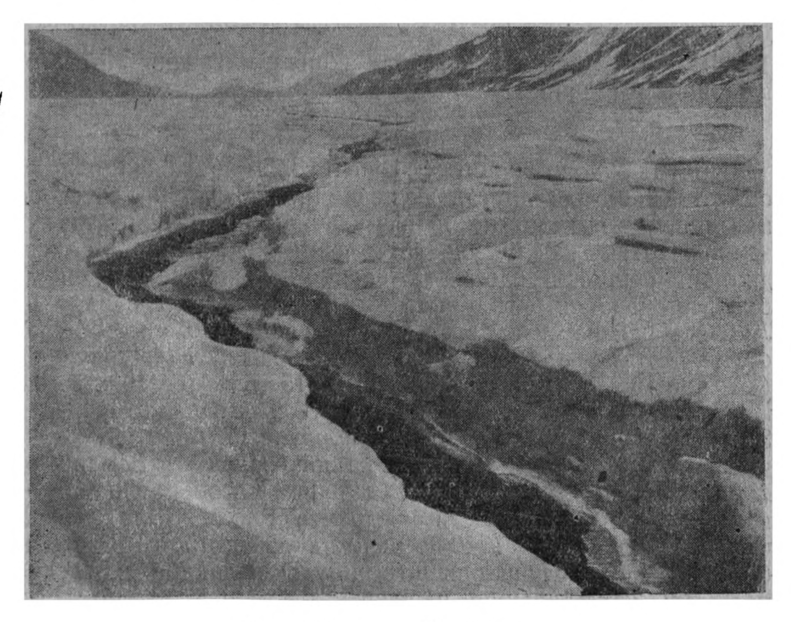
Дэвид возмущался, когда люди устроили из глыб роговой обманки очаг для котелка.

Путники шли на север вдоль восточного берега Земли Виктории до ледника Дригальского, а затем поднялись по льду этого глетчера на ледяное плато Земли Виктории. Пройдя по нему 400 *км,* партия достигла 16 января 1909 г. магнитного полюса, который находится на 72°25' ю. ш. и 150°16' в. д. — приблизительно на том месте, где его указывали вычисления прежних путешественников, например, Берначчи. Только 3 февраля, после чрезвычайно трудного спуска по леднику, экспедиция достигла берега, но как нарочно в это время береговой припай, по которому путники шли от залива Мак-Мурдо до ледника Дригальского, отломился, и они были бы отрезаны от зимнего лагеря, если бы случайно на следующий день не проходил мимо «Нимрод», направлявшийся к зимнему лагерю, и не подобрал их. Партия прошла всего 2016 *км.*

Путешествие Дэвида продолжалось 122 дня, — немногим меньше, чем партия Шекльтона, и тоже не обошлось без приключений: так, уже в самом конце экскурсии Маусон, завидя в море «Нимрод», побежал к берегу и провалился в трещину берегового льда, но на глубине 6 *м* застрял, зацепившись за небольшой уступ, и продержался так до тех пор, пока его не вытащили матросы с «Нимрода», подошедшие к берегу на лодке.

Невдалеке от зимнего лагеря «Нимроду» удалось выру-

чить и другую партию, которая занималась геологическими исследованиями берега Земли Виктории, но на обратном пути попала на пловучий лед и оказалась в чрезвычайно трагическом положении. Эта партия, в составе геологов Брокльхерста с Пристлеем и Эрмитеджем отправилась в декабре 1908 г. к берегу Земли Виктории для изучения огромного, лежащего напротив зимнего лагеря, ледника Феррара. Экскурсия продолжалась целых 4 недели и принесла весьма значительные научные результаты. Между прочим, удалось констатировать, что южнополярный материк не только связан с Австралией могучим подводным хребтом, но что между Антарктидой и Австралией, повидимому, существовала некогда сухопутная связь. Кроме того, в горах Антарктиды были найдены колоссальные залежи каменного угля, состоящие из множества пластов, залегающих один на другом. Всего партия исследовала около 160 *км*. На больших высотах ими были найдены лишаи, а в Сухой долине они видели берег, поднявшийся на 18 *м* над уровнем моря с большим количеством раковин, что показывало поднятие части берега, происшедшее здесь вследствие какого-то переворота. Были обнаружены также скелеты многочисленных тюленей, некоторые на высоте 600 *м* над уровнем моря. Другую интересную находку представляла



Река на леднике Феррара.

собой коллекция чашек из песчаника, отполированных снаружи и выдолбленных изнутри: результат выветривания при одновременном действии ветра и поднимаемых последним вихрей песку.

5 января «Нимрод» прибыл к зимнему лагерю; все дополнительные экспедиции были закончены, письмо Шеклтону в складе под утесом оставлено, а его все не было. С ужасом ожидали обитатели лагеря возвращения зимы с ее снежными бурями и стали серьезно опасаться за участь Шеклтона и его товарищей. Решили отправить на поиски пропавших отдельную экспедицию; она уже готовилась в поход, когда внезапно вернулась партия Шеклтона. Теперь медлить было нечего, и «Нимрод» тронулся на север, на родину.

На обратном пути Шеклтон решил использовать благоприятное время года для знакомства с берегами Антарктиды. Дело в том, что между Землей Виктории и Землей Уилькса есть незаполненный промежуток, лежащий за о-вами Баллени, и как сами эти острова, так и этот участок не был исследован ни одной экспедицией, так как сплошные пловучие льды не подпускали ни одного корабля. На этот раз «Нимроду» посчастливилось, и Шеклтону удалось открыть высокую, тянущуюся на 70 *км* горную цепь, идущую сначала на юго-запад, а потом прямо на запад и, по всей вероятности, связывающую Землю Виктории с Землей Уилькса.

25 марта 1909 г. «Нимрод» вошел в гавань Литльтон, в Новой Зеландии.

Почти одновременно с Шеклтоном в южнополярной области работала другая экспедиция, гораздо более скромная по задачам, но не менее удачная по результатам.

Ж а н Ш а р к о, не удовлетворенный своей первой экспедицией, решил продолжать свои прежние работы и добраться, наконец, до таинственных Земель Александра I и Лубэ. Как мы уже знаем, на специально выстроенном судне, которое на этот раз Шарко назвал «Пуркуа па» («А почему бы нет»), экспедиция 15 декабря 1908 г. покинула г. Пунта Аренас и направилась к западному берегу Земли Грахама. Детально разработанный план ее заключался в том, чтобы двигаясь на юго-запад от Земли Грахама, проникнуть возможно дальше в совершенно неизвестную восточную часть квадранта Росса. Было решено, что если до апреля 1910 г. никаких известий от Шарко не будет, значит случилось что-нибудь неладное и следует посылать спасательную партию.

К счастью, последнее предположение не оправдалось —

в начале 1910 г. экспедиция возвратилась во Францию. В марте Шарко сделал доклад Парижской академии наук.

Покинувши берега Огненной Земли, «Пуркуа па» направился к острову Разочарования в Южно-Шетландском архипелаге. Начиная от этого острова, работы экспедиции пошли полным ходом. Сначала «Пуркуа па» зашел в пролив Жерлаша (между архипелагом Пальмера и Землей Данко), но здесь не нашлось ни одной удобной бухты. Тогда Шарко решил с двумя спутниками исследовать пролив Бельжики (между о-вами Биско и материком), чтобы узнать, может ли здесь пройти судно. При этом Шарко и его товарищи едва не погибли, так как пловучим глыбовым льдом их совсем было отрезало от корабля. Затем судно тронулось дальше вдоль берега Земли Грахама, производя точную съемку материка и близлежащих островов. При этом оказалось, что виденный Шарко раньше о. Аделаиды имеет весьма значительные размеры: к югу от него находится обширный залив, далеко вдающийся в глубь Антарктиды и названный заливом Маргариты. Берег этого залива и составляет открытая в первое путешествие Земля Лубэ — на этот раз к берегам ее удалось подойти вплотную. Двигаясь дальше вдоль берега залива Маргариты, Шарко открыл новый участок побережья, продолжение Земли Лубэ, которую назвал берегом Фалльера. Несмотря на тяжелую борьбу со льдами, было снято на карту свыше 200 *км* береговой линии. Затем, пересекши залив, Шарко достиг, наконец, Земли Александра I, обошел и снял на карту значительную часть ее берегов. Судя по всем данным, это не часть материка, а большой остров, вроде о-вов архипелага Пальмера или о-ва Аделаиды (карта на стр. 93).

На зимовку пришлось повернуть назад, к о-ву Петерманна. Отсюда сначала предпринимали различные экскурсии по ледникам, но вскоре жесточайшие бури, налетавшие с северо-востока, лишили возможности в течение всей зимы экскурсировать. Только поздней весной, в ноябре, удалось с большим трудом добраться опять до о-ва Разочарования. С помощью находившихся там китобоев пополнили недостатки снаряжения и запасы провианта. «Пуркуа па» отправился опять к югу, причем по дороге подробно обследовал все южные берега Южно-Шетландских о-вов. На этот раз, несмотря на обилие льдов и чрезвычайно неблагоприятную погоду, судно проникло еще южнее, чем в первый раз. Здесь были открыты участки суши (один из них назван теперь Землей Шарко), но в конце концов сплошной пловучий лед вынудил прекратить продвижение на юг. Тогда начальник экспедиции изменил маршрут и пошел на запад мимо Земли Александра I. В дальнейшем, наконец, был найден открытый Беллингсгаузеном и с тех пор никем

не виденный о. Петра I, на том же самом месте, где его нашел Беллингсгаузен (Жерлаш в 1896 г. прошел мимо, но не видел его в тумане).

* Во времена Беллингсгаузена хронометры, которые служили для определений разностей долгот, были несравненно хуже современных, способы определения пройденного кораблем расстояния тоже были не столь точны, как ныне. Следовательно средства определения места корабля были много грубее. На «Востоке» и на «Мирном», начиная с их командиров, весь командный состав был мореходные астрономы, недостатки приборов они восполняли неутомимостью, повторяя одни и те же наблюдения большое число раз, и вот в среднем их результаты и давали хорошие определения мест кораблей, а, следовательно, и местоположений открываемых земель. При этом надо вспомнить, что о. Петра I был открыт в конце продолжительного 62-дневного плавания, когда на хронометрах накопилась ошибка значительной величины и курсы кораблей от многочисленных поворотов во льдах на карте имели то же накопление ошибок. *

Затем «Пуркуа па» продолжал свой путь открытым морем между 69 и 71° ю. ш. до тех пор, пока на корабле не истощился запас угля. Во время плавания Шарко встретил необычайно большое количество ледяных гор (за одну неделю их видели до пяти тысяч).

По своим результатам экспедиция оказалась чрезвычайно удачной. Помимо открытия целого ряда новых участков суши, удалось подойти вплотную к Земле Лубэ и Земле Александра I и даже совершить здесь целый ряд высадок. Кроме того, во время одной из зимовок у берегов о-ва Петерманна, геолог Гурдон (спутник Шарко еще по первой его экспедиции) сделал обширную экскурсию внутрь Земли Грахама, в надежде перейти ее поперек, до моря Уэдделя, но дошел только до меридионального горного хребта (вероятно продолжение Кордильер), представлявшего в данном случае непроходимое препятствие. На Земле Александра I слой снега и льда был такой мощности, что никаких других горных пород найти не удалось. С Земли Лубэ и Земли Грахама привезено значительное количество образцов горных пород, почти исключительно гранита и диорита. И в другом отношении плавание оказалось удачным: несмотря на то, что еще в январе 1909 г. корабль Шарко наткнулся на подводную скалу и получил повреждение, несмотря на тяжелую работу и на крайнее утомление, все члены экспедиции вернулись домой живыми и здоровыми.

Поход Шеклтона привлек к его экспедиции внимание не только ученых кругов, но самой широкой публики во всем мире. В то время как об экспедициях Жерлаша,

Скотта, Шарко и др. знали лишь ученые соответствующих специальностей да узкие круги интеллигентов соотечественников, слава Шекльтона быстро прокатилась по всему миру. Книга Шекльтона, переведенная на все европейские языки, появилась во множестве изложений и сокращений. Самого Шекльтона наперебой стали приглашать различные ученые общества прочесть доклад о своем путешествии, — словом успех Шекльтона мог сравниваться только с успехом другого знаменитого путешественника, — Фритьофа Нансена, после его классического похода к северному полюсу в 1895 г. Успех этот был обусловлен героическими подробностями похода, хотя он со времени гибели последней лошади и оставления, в видах облегчения, научных инструментов превратился в простую спортсменскую прогулку; научное же назначение этого похода невелико.

И вот, с одной стороны, впечатление от успеха Шекльтона, с другой — сообщение его о сравнительно легкой достижимости южного полюса послужили толчком к новому ряду антарктических экспедиций. Почти одновременно в печати появился ряд проектов один другого грандиознее, принадлежавших представителям самых различных национальностей. «Достижение»[1] северного полюса американцем Робертом Пири и почти «достижение» южного полюса англичанином Шекльтоном вызвало национальное соперничество. Спортсменское стремление достигнуть южного полюса начало играть немаловажную роль наряду с глубокими и научными мотивами прежних путешествий.

Большинство этих проектов, в которых грандиозность была обратно пропорциональна исполнимости, сводилось к пересечению антарктического материка от моря до моря, с заходом на южный полюс. Планы эти были, однако, столь фантастичны и требовали таких больших затрат, что ни одно государство не решалось их субсидировать, и потому большинство их осталось на бумаге.

Шекльтону не удалось добраться до южного полюса. Это сделали два других путешественника почти одновременно — норвежец Р. Амундсен и англичанин Р. Скотт.

Первым двинулся на завоевание южного полюса Роберт Скотт. После своей экспедиции на «Дисковери» 1901—1904 гг. он лелеял мысль пересечь Антарктический материк

[1] Обыкновенно принято говорить, что полюс „открыл" Р. Пири и т. п. Такое выражение неправильно, и вот почему. „Открыть" можно только что-либо неизвестное, существование же у земного шара двух полюсов известно с того времени, когда землю признали за шар, т. е. задолго до начала нашей эры.

Следовательно можно только „достигнуть" того или другого из полюсов, а не открыть их. — *Ю. Ш.*

через полюс, и результаты экспедиции Шекльтона только ускорили его приготовления.

1 июня 1910 г. корабль Скотта «Терра-Нова» ушел из Лондона, а в августе Скотт получил телеграмму от Амундсена, который извещал о своем желании конкурировать со Скоттом в открытии южного полюса.

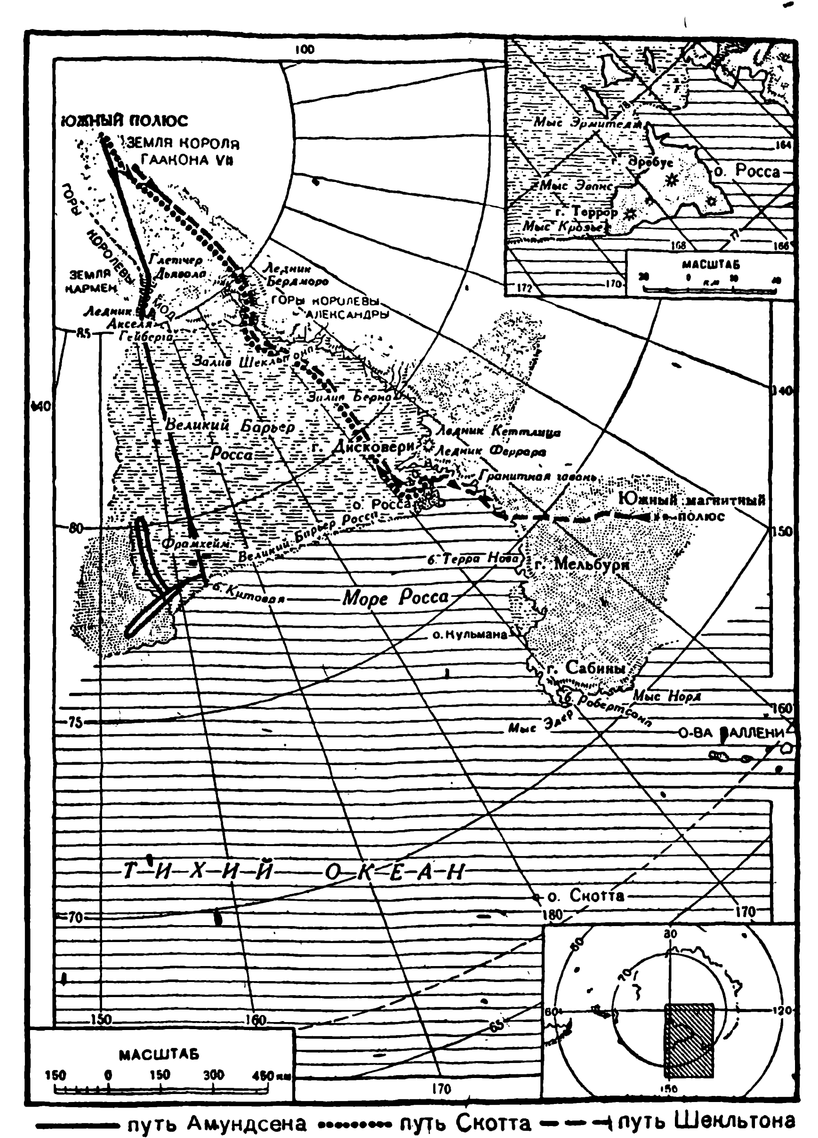
Так началось это беспримерное в истории полярных путешествий соревнование.

Как читатель, вероятно, помнит, в числе спутников Жерлаша в качестве штурмана на «Бельжике» ехал молодой норвежец Роальд Амундсен. За время, протекшее между экспедицией Жерлаша и второй экспедицией Скотта (1899—1910), Амундсен успел приобрести в научных кругах громкую известность как превосходный полярный путешественник.

Амундсен хотел продолжить неудавшуюся попытку Нансена. На его знаменитом корабле «Фрам», который был выстроен так, что не мог быть раздавлен напором льда, Амундсен предполагал отправиться в Северный Ледовитый океан возможно далее на север, дать кораблю вмерзнуть в лед и затем предоставить течению нести корабль к северо-западу, чтобы таким образом добраться до берегов Гренландии, или еще куда-нибудь, куда принесет течение, и при этом пройти ближе к северному полюсу, чем удалось Нансену. Вся экспедиция была рассчитана на 7 лет; во второй половине 1910 г. и в начале 1911 г. Амундсен должен был заниматься океанографическими исследованиями в Атлантическом и Тихом океанах, а затем уже двинуться через Берингов пролив в Ледовитый океан, чтобы от берегов Северной Америки начать свой дрейф (плавание по воле ветра и течений).

И вдруг, совершенно неожиданно, как гром среди ясного неба, в Европу пришло известие, что Амундсен, не собравший достаточно средств для семилетнего дрейфа, внезапно изменил намерение и отправляется в Антарктические страны с целью «атаковать» южный полюс. На родине Амундсена это известие произвело совершенную сенсацию: все были изумлены смелостью попытки, и нашлись даже голоса, требовавшие вернуть Амундсена, так как деньги-де ему даны на северную, а не на южнополярную экспедицию. Но возвращать Амундсена было поздно[1]: в сентябре 1910 г. «Фрам» вышел с о-ва Мадейры, и 14 января 1911 г. он был уже в Китовой бухте, у берегов ледяной стены Росса. Через год, в начале 1912 г., пришло по телеграфу известие, что Амундсен благополучно достиг полюса и теперь находится на пути в Европу. Такая быстрота была тем более неожиданна,

[1] В те годы искровый телеграф был мало распространен и на „Фраме“ его не было, что Амундсен и принял в расчет. — *Ю. Ш.*



путь Амундсена ········· путь Скотта — — — путь Шеклтона

Карта экспедиций Э. Шеклтона 1907—1909 гг., Р. Амундсена 1910—1912 гг., и Р. Скотта 1910—1912 гг. Стрелками указано направление следования экспедиций.

что средства передвижения у Амундсена были гораздо скромнее, нежели у Скотта: не было ни лошадей, ни моторных саней, — только собаки. По возвращении Амундсена в Европу выяснились и подробности этого на редкость удачного путешествия.

Китовая Бухта лежит в 650 *км* от залива Мак-Мурдо, где находился лагерь Скотта, и в 185 *км* от берегов Земли Эдуарда VII. Здесь-то и высадился Амундсен с 7 спутниками, эскимосскими собаками и запасом провианта на 2 года.

Была середина января — полный разгар антарктического лета, и лед в бухте только недавно взломало, береговой припай стал очень узким и позволил «Фраму» зайти на юг значительно дальше своих предшественников. Великий барьер в этом месте оказался так низок, что все снаряжение и санки удалось втащить на него без большого труда. Так как существовало предположение, что эта часть Великого барьера лежит не на воде, а на твердом дне (стоит на мели), то Амундсен решил здесь же и устроить лагерь экспедиции. В небольшой долинке, километрах в 4 от стоянки корабля, в ложбине удалось найти защищенное от ветров местечко, которое избрали в качестве зимней квартиры, и немедленно приступили к разгрузке судна и к постройке дома. Место лагеря назвали Фрамхейм. 28 января, две недели спустя после прибытия, все было выгружено, перевезено и устроено: привезенный домик собрали, припасы сложили в склады, и «Фрам» готовился к отплытию в Буэнос-Айрес до будущего года.

Мешкать было некогда. Еще в то время, когда «Фрам» в знак прощания поднимал свой флаг, к югу уже направлялась первая предварительная экскурсия с целью исследовать ближайшие окрестности и отыскать место для устройства первого склада. 10 февраля для постройки склада выступила уже большая партия из 4 человек с 18 собаками и тремя санями, до верха набитыми провиантом и топливом. Была спокойная погода, ясное небо с немногими облачками. По гладкой снежной равнине двигались быстро вперед и 14-го числа достигли 80° ю. ш., т. е. в 4 дня сделали 160 *км*. Здесь устроили первое депо провианта — 600 *кг* для большого похода к югу будущей весною. На обратный путь потребовалось всего двое суток: в первые сутки было сделано 65 *км*, во вторые — 92 *км*. Этот первый поход к югу имел для путешественников огромное значение: он доказал, что снаряжение и средство передвижения были выбраны правильно. Дело стояло за тем, чтобы использовать их наилучшим образом.

Вскоре отправилась вторая вспомогательная партия, в которой приняли участие все члены экспедиции, кроме повара, оставшегося в лагере, 4 марта она достигла 81° ю. ш.,

устроила там второй склад с 525 *кг* запасов. Здесь партия разделилась: трое вернулись к станции, а остальные пятеро продолжали свой путь к югу и 8 марта дошли к 82°, где сложили еще 625 *кг*. 22-го все вернулись в лагерь. До начала зимы сделали еще одну экскурсию, которая отвезла еще 1100 *кг* солонины и 200 *кг* других припасов в первое депо на 80°. Этим закончилось сооружение складов: к 11 апреля 3050 *кг* всяких припасов хранилось в трех складах на расстоянии одного географического градуса друг от друга.

Для того, чтобы во время главного похода на обратном пути можно было легко разыскивать склады, пришлось на гладкой, лишенной каких-либо выдающихся предметов поверхности Великого барьера устанавливать искусственные знаки. По обе стороны каждого депо, к западу и к востоку, т. е. перпендикулярно пути, на расстоянии 9 *км* от склада, воздвигали холмы (керны) из снега, а между ними, через каждый километр по 2 флага, раскрашенные так, чтобы сразу можно было узнать, направо или налево отсюда находится склад. Впоследствии благодаря им депо удавалось легко находить даже в густом тумане.

Между тем зима приближалась. Последние дни перед исчезновением солнца посвятили охоте за тюленями. Общий вес убитых тюленей — 60 тыс. *кг* — вполне обеспечивал существование не только всем членам экспедиции, но и их 115 собакам. Устройство жилья для собак потребовало тоже больших забот. У Амундсена имелось 10 больших палаток, рассчитанных каждая на 16 человек. Эти палатки установили на поверхности Великого барьера и внутри каждой из них снег выкопали на 2 *м* так что получилось помещение высотою в 6 *м*, просторное и с большим содержанием воздуха. Каждый из членов экспедиции имел на своем попечении такую конуру с дюжиной собак, за которыми он должен был ухаживать. Эти полуземлянки оказались теплыми даже и в самые сильные морозы.

Сама природа помогала путешественникам устроиться на зимовку. Уже в апреле их дом был весь засыпан снегом. В свеже выпавшем снегу вырыли ряд пещер, и соединили их друг с другом и домом тоннелем: получилось без затраты строительного материала множество больших, просторных помещений, в которых разместились мастерские, кузница, комната для шитья, упаковочная, амбар для угля, дров и бензина, ванная комната и даже паровая баня.

21 апреля исчезло солнце, и наступила ночь. Теперь начались приготовления к предстоящему походу: главной задачей являлось облегчение походного снаряжения (главным образом саней, которые действительно были чересчур тяжелы), и целесообразная упаковка съестных припасов.

Все время производились метеорологические наблюдения, давшие много интересного и даже неожиданного. Зная жестокие штормы, свирепствующие в антарктических странах, Амундсен ожидал ветреной, неприятной погоды, с частыми, сильными бурями. Но как раз, вопреки ожиданию, за целый год пребывания в Китовой бухте здесь были только две бури средней силы, а все остальное время дули спокойные, легкие бризы преимущественно восточного направления. Атмосферное давление все время было очень низко, но весьма постоянно. Зато в отношении температуры зима превзошла всякие ожидания. В течение пяти месяцев перепадали температуры ниже —50°, а 23 августа была отмечена самая низкая температура —59°; средняя годовая оказалась самой низкой из измеренных на всем земном шаре —25°.

Полярное сияние, соответствующее северному сиянию арктических стран, появлялось очень часто и обладало сильной игрой цветов, но, за немногими исключениями, не отличалось особенной яркостью.

24 августа в первый раз выглянуло солнце. Зима кончилась. Можно было бы выступать, если бы не холода. 8 сентября стало несколько потеплее (—30°), и Амундсен немедленно выступил в поход. Однако через несколько дней термометр снова упал до —55°; люди в своем походном одеянии еще могли бы некоторое время выдержать подобные температуры, но для собак это было слишком тяжело. Довольные, что удалось добраться до 80°, путники сложили провиант и другие предметы снаряжения в заранее приготовленные депо и возвратились в лагерь.

Переход от зимы к лету совершался весьма медленно. 24 сентября показался, наконец, первый верный признак наступающей весны: тюлени стали вылезать на лед. 29-го обнаружился другой, еще более ясный признак: прилетела стая буревестников и с любопытством облетела хижину. Но только к концу октября погода установилась, и, наконец, 30-го выступили в поход: трое пошли по направлению к Земле Эдуарда VII, а остальные направились к югу для выполнения главной задачи — достижения полюса. Эта партия состояла из пяти человек, 52 собак и четырех саней; провианта, вместе с тем, что было сложено в депо, имелось на 120 дней.

Стояла ясная, мягкая погода; температура была 1° выше нуля. Два дня спустя после выхода едва не случилось несчастье: передовые сани провалились в одну из многочисленных трещин во льду. К счастью, в последний момент подоспели на помощь. Опоздай она на минуту, и сани с 13 собаками исчезли бы в бездонной расселине.

На четвертый день пути достигли склада, устроенного

под 80° ю. ш., 5 ноября — под 82°. В обоих местах собакам был дан двухдневный отдых и столько свежего тюленьего мяса, сколько они могли съесть. Местность между 80 и 81° ровная, дорога хорошая, без скрытых, засыпанных снегом трещин. Совершенно иного характера был перегон между 81 и 82°. Первые 30 *км* представляли сплошной лабиринт трещин, так что пробираться вперед приходилось весьма осторожно. Во многих местах встречались зияющие пропасти, поэтому каждый шаг мог стать гибельным.

Южнее 82° барьер оказался еще ровнее и глаже, чем раньше; поэтому экспедиция подвигалась довольно быстро. Уже начиная от 80° Амундсен стал сооружать из снега керны — путевые знаки, которые должны были указывать дорогу при возвращении. Всего таких знаков было воздвигнуто 150. Каждый сооружался из 60 вырезанных из снега крупных, призматических кусков. Эти керны вполне оправдали себя, и только благодаря им удалось вернуться обратно как раз по той самой дороге, по которой шли туда. Кроме того, на каждом новом градусе широты, пройденном к югу, сооружался склад провианта и топлива. Эта мера значительно облегчала сани, а вместе с тем и труд собак. Достигши 83° Амундсен увидал на юго-западе горы. Они могли подниматься только на полярном материке и были, вероятно, продолжением того самого горного хребта, который обозначен на картах Шекльтона. Картина менялась с каждым днем. Снежные вершины, одна другой выше, поочереди выплывали из-за горизонта, острые, похожие на иглы. Здесь в холодных, мрачных очертаниях подымалась над облаками огромная вершина до 5 тыс. *м* высоты, там белели снеговые поля и глетчеры, перепутанные в диком хаосе. Амундсен говорит, что ему никогда не приходилось видеть более дикого, прекрасного и вместе величественного ландшафта. 17 ноября экспедиция дошла, наконец, до такого места, где кончается ледяной пласт Великого барьера и начинается материк; это было под 85°7′ ю. ш. и 165° з. д. То место, где можно было перейти с Великого барьера на твердую землю, не представляло больших затруднений, а продолжение пути прямо к югу должно было привести в новые неведомые места, и дать ценные географические результаты. Здесь Амундсен устроил свое главное депо и оставил там провианта на 30 дней, а остальные припасы, рассчитанные на 60 дней, погрузил на четверо саней. Затем начался подъем на плоскогорье антарктического материка.

Первая часть дороги шла по одетым снегом, частью довольно крутым склонам. Дальше было несколько нешироких, но очень крутых глетчеров, для восхождения на ко-

торые потребовалось увеличить запряжку каждых саней до двадцати собак. Затем ледники стали попадаться все чаще и чаще, и лежали на таких крутых склонах, что подниматься по ним на лыжах можно было лишь с большим трудом. Первый лагерь после начала подъема лежал на 650 *м,* а второй уже на 1250 *м* над уровнем моря. К сожалению, на третий день совершенно неожиданно пришлось спускаться вниз больше, чем на 650 *м,* так как дорогу пересекал большой ледник. Экспедиция спустилась по крутым склонам необычайно быстро и вскоре очутилась на глетчере, который был назван в честь Акселя Гейберга. На следующий день с утра началось медленное восхождение по глетчеру. Для обхода огромных валунов и широких трещин приходилось делать большие крюки. В нижней части ледника эти трещины расширялись в огромные, заполненные снегом пропасти, и потому продвигались с величайшей осторожностью, так как не было уверенности, выдержит ли тяжесть, лежащий сверху слой твердого снега. Повидимому, в этом леднике всякое движение давно прекратилось.

Первый ночлег был разбит на высоте 1600 *м* в чрезвычайно живописной местности; здесь ледник был стеснен с боков двумя горными великанами высотою около 5 тыс. *м,* названными горою Фритьофа Нансена и горой Педро Кристоферсена. На западе в конце глетчера поднималась еще одна высокая гора (около 4 тыс. *м*) — Оле Ингельстат. В этом сравнительно узком месте поверхность ледника стала необычайно бугристой и изобиловала множеством глубоких трещин. Путникам не раз казалось, что идти вперед невозможно. День спустя ледник кончился и они достигли слабо-пологого плато, на которое, западнее поднялся Шекльтон в 1908—1909 гг. Здесь собаки, несмотря на чрезвычайно напряженную работу последних дней, совершили в своем роде единственный подвиг — прошли в один день 31 *км* с подъемом на 1750 *м,* так что на следующую ночь группа расположилась уже на высоте 3300 *м.* К сожалению, на остановке пришлось убить 24 собаки, бывших до тех пор верными работниками экспедиции. В этом месте, получившем название Бойни, партия простояла 4 дня из-за дурной погоды, да и на следующие дни свирепствовала буря с такой густой метелью, что крутом ничего не было видно. Дорога снова вела под гору, и спуск шел быстро. Когда погода на короткое время несколько прояснилась, на востоке показались высокие горы.

28 ноября, в густую метель путники подошли вплотную к двум высоким горам оригинальной формы, единственным, которые удалось увидеть по правую сторону пути. Эти горы, получившие название гор Гансена, сыграли впоследствии большую роль как путевые знаки; они имели 2800 *м* вы-

соты и сверху до низу были покрыты снегом. На следующий день облака разошлись, показалось солнце, и тогда путникам представилось, что они попали в другую, совершенно новую страну. Прямо перед ними вздымался громадный ледник, а к востоку от него тянулся с северо-запада на юго-восток высокий горный хребет. Измерения, произведенные у подножия этого ледника, показали всего 2500 *м* высоты, — очевидно от Бойни экспедиция спустилась на целых 800 *м* — открытие не из приятных, так как оно с несомненностью предвещало новый подъем. Здесь был устроен склад провианта на 6 дней. Ночью с места стоянки открылся великолепный вид на лежащие к востоку горы: среди них особенно обращала на себя внимание одна вершина оригинальной формы. Она имела 3750 *м* высоты и вершины ее со всех сторон были одеты одним сплошным могучим ледником: «Казалось, что природа в припадке досады забросала всю гору огромными ледяными глыбами с острыми краями». Гора была названа по имени Гансена и сделалась важнейшим путевым знаком экспедиции. Вдали виднелась дикая горная страна, и ее вершины сверкали в красных лучах полуночного солнца. Она была огромной высоты, в особенности, когда выглядывала из густых облаков, которые время от времени проносились по ней, открывая могучие вершины и разломанные ледники. Здесь поднималась и высокая (около 5 тыс. *м*) гора, названная горой Торвальда Нильсена.

Подъем на этот ледник, получивший название глетчера Дьявола, был необычайно труден и потребовал трех дней. Только первого декабря прошли норвежцы этот ледяной поток, весь разбитый трещинами и бездонными пропастями, и очутились на высоте 2850 *м*. Перед ними лежало покатое засыпанное каменными глыбами ледяное плато, которое в тумане и метели казалось замерзшим озером. Переход по этому «месту для чортовой пляски» был далеко не из приятных. Ежедневно с юго-востока налетали бури и снежные вьюги застилавшие путь, а между тем поверхность, по которой двигалась экспедиция, заключала внутри обширные пустоты: почва под ногами путников гудела, как пустая бочка, 6 декабря достигли, наконец, высшей точки пути, лежащей на 3360 *м*. Расположенная внутри страны равнина отсюда стала совершенно плоской, все время оставаясь на той же высоте. 7 декабря партия пересекла 88°23′ широту, ранее достигнутую Шекльтоном. Начиная отсюда дорога стала постепенно спускаться. Поверхность была гладкой, погода прекрасной и путники ежедневно делали по 28 *км*. Без большого напряжения можно было бы увеличивать дневные перегоны, но у Амундсена имелось достаточно времени и припасов, а благоразумие тре-

бовало щадить силы собак. 11 декабря без всяких приключений достигли 89° ю. ш. Погода стояла безмятежно тихая и ясная. Лучшим доказательством господствующего там штиля была полнейшая равнинность снеговой поверхности, без неровностей или сугробов, которые всегда образуются, когда ветер сменяется затишьем.

Предположения Амундсена относительно пройденного пути до сих пор все время совпадали с действительностью, подтвержденной астрономическими наблюдениями. Ежедневно около полудня путники останавливались, чтобы измерить высоту полюса (астрономического), а вечером производились определения азимута. 13 декабря высота полюса оказалась 89°37′, по вычислениям — 89°38′; Амундсен рассчитал, что 14 декабря они будут у цели.

«14 декабря утром стояла прекрасная погода, как будто специально заказанная для нашего прибытия к полюсу. Мне кажется, что на этот раз мы более чем обыкновенно поспешили с окончанием своего завтрака и скорее обычного выбрались из палатки. В полдень мы достигли 89°53′ ю. ш. и приготовились к тому, чтобы в один переход проделать оставшееся расстояние. В 10 часов утра успел подняться с юго-востока легкий ветерок и нагнать облака, так что мы не могли определить полуденную высоту, но облака не были густы и время от времени сквозь них проскальзывал луч солнца. Передвижение в этот день несколько отличалось от предшествовавших дней: иногда лыжи хорошо скользили, но большей частью итти было трудно.

Мы подвигались так же машинально, как перед тем; мало говорили, но пользовались больше всего глазами. Шея Гансена стала вдвое длиннее от его желания увидеть хоть несколькими сантиметрами дальше. Перед отправлением я просил его из всех сил глядеть вперед, и теперь Гансен проделывал это с огромной старательностью. Но как он усиленно ни вглядывался, все же не мог различить ничего, кроме бесконечной плоской равнины...

В три часа пополудни погонщики крикнули внезапно «стой!» Они тщательно следили за счетчиками пройденного санями расстояния (велосипедные колеса со счетчиками пути) все инструменты показывали одно и тоже расстояние, т. е. по пройденному пути мы были у полюса. Наша цель была достигнута и путешествие закончено...

...Мы достигли полюса. Каждый из нас, конечно, знал, что он стоит не точно на том месте, где находится полюс. Определить с точностью эту точку было невозможно, располагая тем временем и инструментами, которые имелись у нас. Но мы находились так близко от него, что несколько километров, которые, может быть, отделяли нас от него, не могли иметь никакого значения. Мы намеревались



Р. Амундсен.

совершить вокруг этого места круг радиусом в 20 *км* и удовольствоваться этим. После остановки мы собрались в тесный кружок и поздравили друг друга. У нас были все основания к взаимному признанию заслуг в достижении и это нашло себе выражение в крепком и мощном рукопожатии, которым мы обменялись. После этого приступили к торжественному водружению флага». Все пятеро, взявшись рукой за древко, водрузили норвежский флаг; вновь открытая часть антарктического плато была названа Земля короля Гаакона VII.

В течение ночи, которую можно было узнать только по часам, трое путешественников обошли лагерь, сделав круг в 18 *км,* и поставили несколько кернов, тогда как остальные двое производили каждый час астрономические наблюдения над солнцем. В результате получилось 89°55′ ю. ш. На другой день 16 декабря 1911 г. путешественники прошли недостающие 9 *км,* дальше к югу и остановились лагерем. Потом они постарались устроить в своей палатке все так, чтобы работать возможно спокойнее и удобнее, и затем в течение 24 часов произвели ряд наблюдений высоты солнца. Высоту измеряли ежечасно 4 человека с помощью секстанта и искусственного горизонта. Палатку избрали центром, опять обошли ее кругом, имея радиусом 8,3 *км,* расставляя снеговые керны.

Тут же была водружена маленькая палатка, специально привезенная с собой, чтобы ею обозначить место полюса; судя по климату, господствующему здесь, можно было надеяться, что она простоит еще долгие годы.

Над палаткой подняли норвежский флаг и вымпел «Фрама» — корабля экспедиции. В палатке оставили письмо, адресованное норвежскому королю Гаакону VII с изложением результатов путешествия, некоторое количество теплой одежды и несколько астрономических инструментов.

17 декабря все было готово для обратного пути. От Китовой бухты к полюсу было пройдено 1390 *км*, так что ежедневные перегоны должны были в среднем равняться 24 *км*. Покидая полюс Амундсен и его товарищи имели с собой двое саней и 17 собак и столько провианта, что могли, в противоположность Шекльтону, не уменьшать, а увеличивать свои дневные порции. Средняя температура во время пребывания у полюса равнялась — 13°, но благодаря солнцу и безветрию казалось теплее.

Благодаря обильным запасам провианта и расставленным путевым знакам обратный путь совершился без всяких приключений. 25 января, после 99-дневного отсутствия, экспедиция прибыла на свою зимовку в Китовой бухте. Обратный путь проделали в 39 дней — без единой дневки, так что ежедневные перегоны равнялись в среднем 35½ *км*.

Во время отсутствия Амундсена лейтенант Преструд со своими двумя товарищами совершил поход на лыжах к Земле Эдуарда VII; инструменты и провиант везли четверо саней, запряженных собаками. Экспедиция продолжалась с 8 ноября по 16 декабря. Пройдя по поверхности Великого барьера более 550 *км*, путешественники достигли Земли Эдуарда VII, которая была совершенно занесена снегом и поднималась на 200 с лишком *м* над ледяным покровом. С большим трудом, обойдя трещины, в которые не раз проваливались упряжные собаки, Преструд и его спутники поднялись на одну из двух (открытых еще Скоттом в экспедиции 1901—1904 гг.) сверху до низу одетых снегом вершин, на высоту 500 *м* над уровнем океана. В сторону моря вершина обрывалась круто, и здесь, в стене вышиной в 300 *м* имелось несколько обнаженных ото льда участков. Путешественники взобрались на один из утесов.

«Обыкновенный утес не является, обычно, зрелищем приковывающим к себе внимание. Но мы трое стояли перед ним, как будто узревшие что-то необыкновенно прекрасное. Для нас, не видевших в течение года ничего кроме ослепительной, бесконечной снежной равнины, вид настоящей земной коры был крупным событием. Неважно, что этот кусочек был маленький и безплодный. Самый вид утеса был очень приятен, но еще приятнее была возмож-

ность поставить, наконец, ногу на твердую, надежную почву. Кажется, мы вели себя немного по-детски».

Утес состоял из различных горных пород: некоторые породы обладали магнитными свойствами и вызывали отклонение стрелки компаса. Местами камень покрывал толстый слой мха; из следов животного мира виднелись только остатки птичьих гнезд, да еще, когда путешественники находились на вершине, пролетело несколько качурок — мелких океанических буревестников.

Собравши образцы горных пород и мхов Преструд с товарищами поспешил к палатке, так как надвигалась снежная буря, она и настигла их в пути, сметая старые следы, служившие им путевыми знаками. Едва успели укрыться в палатке, как разразилась страшная снежная вьюга, продолжавшаяся пять дней, причем однажды снег сменился мелким градом, величиной с овсяное зерно. Когда, наконец, буря утихла, откопали палатку и собак, сделали ряд снимков (в том числе и утес Скотта — как назвал Преструд посещенную ими скалу) и без дальнейших приключений возвратились во Фрамхейм, где их поджидал единственный оставленный хозяйничать и вести стационарные наблюдения товарищ.

Остальное время, до возвращения главной партии Преструд, Иогансен и Струберуд провели в обследовании Китовой бухты и произвели ряд интересных наблюдений в окрестностях лагеря. Между прочим, окончательно подтвердилось, что Великий барьер у Китовой бухты не плавает на воде, а покоится на дне моря.

Научные результаты экспедиции Амундсена весьма велики. Помимо достижения южного полюса и произведенного здесь ряда наблюдений при ясной погоде (чего не удалось Пири на северном полюсе), Амундсен с несомненностью установил, что море Росса и в восточной своей части ограничено материком, а не проходит поперек всей Антарктиды к морю Уэдделя. Далее им открыты высокие горы, названные горами королевы Мод, тянущиеся внутрь антарктического материка на 850 *км*, с огромными до 5 тыс. *м* вершинами. Свыше года экспедиция производила правильные метеорологические наблюдения в самом холодном из до сих пор известных мест земного шара. Наконец, впервые посещена таинственная Земля короля Эдуарда VII. Кроме того, собраны ценные геологические и зоологические коллекции.

* Амундсен хорошо понимал, что требуется от экспедиций и умел снаряжать свои экспедиции и с материальной и с научной стороны — отлично. Оттого они и удавались хорошо. В этом его очень большая заслуга. Он заботился, чтобы научные результаты экспедиций его были на высоте

требований, для того он брал с собою хороших наблюдателей и исследователей, но сам он не был ученым исследователем.

Удача похода от Китовой бухты к южному полюсу не случайна и не от погоды зависела, а от уменья все устроить и предвидеть. Это — заслуга Амундсена. Собаки и уменье ими владеть и ходить на лыжах (вспомните, на лыжах поднимались на ледники) — вот причина успеха. Притом собак можно кормить собаками же, а лошадей надо кормить зерном, которое надо везти с собою.

Отсутствие штормов у Китовой бухты, конечно, происходит от удаления ее от горных высоких мест — как у зимовки Скотта или у Земли Эдуарда VII, там, очевидно, штормы имеют характер боры, воздух сваливается с высоты вниз. *

Совершенно иначе сложилась судьба английской экспедиции Роберта Скотта.

1 июня 1910 г., судно Скотта «Терра-Нова» отплыло из Лондона в Новую Зеландию, с тем, чтобы быть там около середины октября. Сюда, в г. Литтльтон, должны были прибыть прямо из Маньчжурии пони, которыми Скотт подобно Шеклътону, предполагал воспользоваться для своего похода к югу. Сборы продолжались довольно долго, и лишь 25 ноября «Терра-Нова» могла выступить к югу, нагруженная в изобилии всеми необходимыми принадлежностями экспедиции, в том числе 34 ездовыми собаками, 19 лошадьми и тремя моторными санями. Людей на судне было 33 человека (из них 14 человек команды). План Скотта на этот раз был таков: приехавши в Антарктиду разбиться на 2 партии, одну — для достижения южного полюса, а другую — для изучения Земли Эдуарда VII.

Сначала «Терра-Нова» должна была направиться в залив Мак-Мурдо, к вулканам Эребус и Террор и здесь высадить главную партию, задача которой — достижение полюса. Затем она поплывет к описанной Шеклътоном Китовой бухте в ледяной стене Росса, где Великий барьер невысок, и отсюда другая партия предпримет экскурсию в лежащую относительно недалеко Землю Эдуарда VII.

План при достаточном запасе провианта и средств передвижения казался совершенно выполнимым, тем более, что во главе экспедиции стоял такой опытный путешественник и знаток Антарктиды, как Роберт Скотт. Дело облегчалось еще и тем, что наиболее трудная часть — поход к южному полюсу, должна была лишь повторить и продолжить путь Шеклътона, только с более солидными запасами провианта. При этом Скотт, как и Шеклътон, представлял собой



Р. Скотт.

не только спортсмена, но и опытного исследователя, так что под его руководством даже чисто спортсменский поход мог дать значительное количество научного материала.

Экспедиция с самого начала разделилась на две части. Главный отряд, целью которого было достижение полюса, высадился 3 января в заливе Мак-Мурдо, на о-ве Росса, у подножия вулкана Эребус, у мыса Эванс.

11 января 1911 г. закончили выгрузку запасов и постройку барака, чтобы организовать склады провианта для предстоящего похода к полюсу. Надо было прежде всего добраться до Великого барьера, от которого барак находился в 39 *км*. Ввиду чрезвычайной крутизны берега путь приходилось делать по льду, по береговому припаю. Зимой, когда лед крепок, это не представляло бы ни малейшего затруднения, но теперь, в теплое время года, это было не только чрезвычайно трудно, но даже опасно. Поэтому, Скотт решил всю кладь и сани подвезти хотя бы на несколько километров на корабле, прежде, чем «Терра-Нова» окончательно уйдет, чтобы отвезти на Землю Эдуарда VII второй отряд, под начальством Кэмпбелла. 24 января Скотт со всем грузом ушел на «Терра-Нова» и 26 высадился на береговом припае, куда налегке пришли его спутники,

ведя лошадей в поводу. Оттуда, распростившись с кораблем, двинулись к Великому барьеру и устроили на нем, на расстоянии почти 4 *км* от края, главный склад, служивший вместе с тем и штаб-квартирой. Отсюда с первой же возможностью тронулись на юг, для сооружения складов. Лошади оказались мало приспособленными[1] для такого путешествия и беспрестанно вязли в мягком снегу. Кроме того, время от времени налетали снежные вьюги, продолжавшиеся по нескольку дней. Все это делало дальнейшее движение вперед чрезвычайно затруднительным. Пришлось ограничиться устройством склада под 79°29′ ю. ш., названного Депо одной тонны, так как тут сложили целую тонну припасов. Затем двинулись назад, к главному складу, и дальше домой, к мысу Эванс. Обратный путь благодаря мягкой погоде оказался весьма тяжелым. Шли небольшими партиями то уходя вперед, то возвращаясь или догоняя друг друга; три лошади пали. До мыса Эванс партия так и не дошла, и положение экспедиции было бы весьма критическим, если бы неподалеку от Великого барьера, близ южной оконечности о-ва Росса, мыса Эрмитэдж, не сохранилась хижина, построенная Скоттом еще во время его первого путешествия на «Дисковери» в 1902 г. Она была выстроена на высоком, выдающемся мысе, получившем за это название Хутпойнт (мыс Хижины), и виднелась издалека. Эта хижина и послужила убежищем путникам.

Произошло это вот как.

На обратном пути, когда оставалось только перейти участок берегового льда между Великим барьером и мысом Эванс, три участника экспедиции, Боверс, Креан и Шерри Гаррард с четырьмя из уцелевших пяти лошадей из-за утомления животных остановились на ночь лагерем на береговом припае, а другие ушли вперед. Рано утром они были разбужены странным шумом и с ужасом заметили, что вокруг их стоянки лед треснул и они остались на льдине. Огромная трещина прошла как раз через то место, где стояли лошади, и одно из животных погибло.

Тогда они приняли отчаянное решение повернуть к юго-западу и по береговому льду возвратиться назад на Великий барьер. С большим трудом удавалось тащить сани с одной льдины на другую. Перепуганные лошади дикими скачками перепрыгивали через разверзавшиеся с грохотом трещины. Около полудня, после страшно тяжелого пути, партия приблизилась, наконец, к барьеру. Ледяная стена была неприступна и прибой нагромождал у нее все новые и новые ледяные глыбы.

Тем временем Скотт и его товарищи, уже успевшие

---

[1] Опыт Шеклтона уже показал это ясно. *Ю. Ш.*

побывать в Хутпойнте, беспокоясь за судьбу отставшей партии, направились к ледяному барьеру с другой стороны и почти дошли до него, когда лед треснул у них под ногами и им пришлось немедленно отступить назад. Здесь их нашел Креан, который рассказал им о случившемся, и все вместе по береговому льду отправились на запад спасать партию. А тем временем льдину, на которой приютились Боверс и Шерри Гаррард с санями и лошадьми, медленно отнесло на северо-запад, и Скотт с товарищами только случайно наткнулись на нее. С помощью крепкой альпийской веревки людей и сани кое-как перетащили на более твердый лед. Хуже вышло с лошадьми: сначала их льдину отнесло течением, а затем, когда ее несколько подтянули канатом, только одна лошадь благополучно перепрыгнула через трещину. Двух других пришлось пристрелить, так как изо всех трещин выглядывали огромные зубастые головы косаток и несчастные животные рисковали живьем быть разорванными в клочья, а вытащить их на лед не удавалось никакими усилиями.

5 марта вся партия во главе со Скоттом, с упряжками собак и с двумя уцелевшими лошадьми добрались до Хутпойнта.

Не желая более рисковать остающимися лошадьми и санями Скотт решил остановиться здесь и дождаться, пока береговой припай не станет настолько твердым, что путешествие по нему не представит ни малейшей опасности. Хижина в Хутпойнте имела все удобства для ожидания. Это был хороший, теплый дом с несколькими отделениями и пристройками, которые могли служить для помещения лошадей и собак. Кроме того, в нем нашли в превосходной сохранности массу провианта и различных припасов, уцелевших еще с первого путешествия Скотта. Плававшие в море и валявшиеся на льду тюлени доставляли мясо и жир, который употребляли на топливо и освещение для сбережения запасов керосина. Только к середине апреля лед окреп, и 13 апреля двинулась в путь первая, пешая партия, со Скоттом во главе. Месяц спустя, 13 мая, возвратились в главный лагерь к мысу Эванс и остальные члены этой вспомогательной экспедиции с оставшимися лошадьми и собаками.

Зима была употреблена на научные работы в лагере и на подготовку к предстоящему путешествию.

В спокойные, ясные дни зоолог экспедиции, д-р Э. Уильсон, старый друг и спутник Скотта по его первому путешествию, выходил с палитрой и красками и писал картины. Настроение членов экспедиции было хорошее, и они часто, когда позволяла погода, играли в футбол. Кроме того, предпринимались экскурсии в различные части о-ва Росса,

к его северной оконечности — мысу Ройдса и особенно в Хутпойнт, хижину на котором соединили телефоном с главной базой.

Наиболее интересной была экскурсия к северо-восточной оконечности о-ва Росса, на мыс Крозье, к месту гнездования королевских пингвинов.

Королевский пингвин, — единственная птица антарктической области, гнездящаяся и высиживающая яйца зимой, представляет огромный интерес для изучения развития зародыша; д-ру Уильсону хотелось получить для своих научных работ насиженные яйца. Для этого предстояло совершить около 180 *км* по льду полярной ночью то при свете луны, то при слабом свете полярной зари (в этих широтах полного мрака зимнею ночью не бывает). Отправились на эту отчаянную экскурсию трое: Уильсон, Боверс и Шерри Гаррард; они вышли 27 июня и вернулись только через месяц с весьма ценной, хотя и трудно доставшейся добычей. Все время холода стояли отчаянные: начиная с 30 июня более недели термометр стоял ниже —51°; днем температура колебалась от —51° до —54°, по ночам падая до —57°. 6 июня ночью было —59°, в полдень —60° и в 4 часа дня —61° Ц — самая низкая температура, наблюдавшаяся когда-либо в антарктических странах.

Путь группы Уильсона шел от мыса Эванса, где стояла хижина Скотта, по береговому припаю, мимо далеко вдающегося в море ледяного языка одного из глетчеров Эребуса, до мыса Хутпойнт и затем мимо самой южной оконечности о-ва Росса, мыса Эрмитедж, на северо-восток, сначала по льду Великого барьера, а затем вдоль склонов Террора, к вдающемуся в океан мысу Крозье. Гнездовище у мыса Крозье со стороны Великого барьера мало доступно. Поэтому решено было основаться где-нибудь поблизости, на склонах Террора, и оттуда совершать «походы на пингвинов». Для этого, на склоне Купола (снеговая вершина мыса Крозье), в глубокой снежной котловине из камня и твердого снега соорудили хижину, площадью около 5 *кв. м*, сверху ее покрыли парусиной, прочно укрепив веревками и камнями. От хижины открывался величественный вид на окрестности.

«На востоке, под нашими ногами, на 250 *м* ниже раскинулся Великий барьер с его ледяными торосами, похожий на исполинское поле, вспаханное великаном. На севере и северо-востоке вздымалась вершина Купола и далеко за ней тянулось море Росса. Оно совершенно замерзло, но лед казался тонким и недавно образовавшимся; сверху он был запорошен снегом. На юге виднелась наша дорога, вьющаяся по склонам Террора».

Самый поход к пингвинам был сопряжен с величайшими

трудностями. Приходилось взбираться на ледяные гребни, переходить глубокие трещины, пробираться между ледяными утесами свыше 30 *м* высотою, перебираться через массы ледяных обломков. Один раз пришлось итти по острому гребню ледяного хребта, справа и слева от которого далеко внизу зияли трещины. В одном месте путешественники попали в замкнутую котловину, из которой удалось выбраться только протиснувшись в узкую щель между массой льда и скалой, к которой он примыкал, — протискиваться, упираясь спиной в лед, а ногами в скалу; в другой раз, чтобы выбраться из такой же ледяной котловины, пришлось вырубить 15 ступеней во льду.

Первая попытка дойти до пингвинов окончилась неудачей и лишь во второй раз удалось добраться до гнездовья и добыть шкурки и яйца.

Миновав рыхлый снег, скалы, ледяные глыбы, после многократных подъемов и спусков, мы достигли, наконец, припая.

В нескольких сотнях метров от нас под ледяными скалами барьера сидели пингвины, тесно сбившись в кучу. При нашем приближении они зашевелились и двинулись прочь, не обрасывая яиц, бывших у них на лапах. Когда же мы спугнули их, многие пингвины уронили яйца, оставив их лежать на снегу; а в это время другие, не высиживавшие, воспользовались случаем и подобрали их. Захватив шесть яиц, убив трех птиц и содрав шкурки, мы поспешили обратно, боясь быть застигнутыми ночью...

Было интересно наблюдать, как многие из птиц жаждали сесть на яйца: некоторые сидели вместо яиц на круглых комочках льда. Поэтому мы с Бовером усердно собирали эти круглые, грязные ледышки, сочтя в темноте их за яйца. Один из пингвинов запихал это своеобразное яйцо «подкладень» между ногами, но когда я положил перед ним настоящее, он сейчас же бросил ледышку и заковылял к яйцу. Животным инстинктом он безошибочно определил разницу между обоими.

Назад мы шли быстро, держа каждый в руках по два яйца. Боверс тащил на спине две шкурки, Гаррард третью. Дорога в темноте была трудна и опасна. Гаррард, человек очень близорукий, буквально ничего не видел и при крутых спусках, уповая на собственное счастье, садился и съезжал вниз; его верхнее платье превратилось в лохмотья, а яйца, которые он нес, были разбиты. Следов наших уже не было видно, мы долго блуждали в темноте и тумане, то и дело сбиваясь с пути, пока, наконец, достигли своей хижины.

Между тем поднялся ветер и снег, проникая сквозь дверь и щели в стене, быстро покрыл собою спальные

мешки и платья. Всю ночь ревел ураган с силою шести баллов: о сне не могло быть и речи.

Южный ветер, который дул еще днем, усилился за ночь до 8 баллов и как-то особенно «облюбовал» парусиновую крышу хижины. Поэтому на следующее утро мы наложили на нее куски смерзшегося снега. Все щели с наружной стороны тщательно законопатили мягким снегом. Затем вынесли нашу палатку из котловины и поставили с защищенной от ветра стороны хижины, укрепив со всех сторон камнями и снегом: я надеялся, что в палатке платье высохнет скорее, чем в хижине, из которой, благодаря ее парусиновой крыше, все тепло быстро исчезало. И действительно, когда поставили в палатке жировую кухню, там вскоре установилась такая температура, что мы принесли туда свои пьексы, чтобы просушить их вместе с платьем. Там мы и пообедали, наполнили жировую кухню пингвиновым салом и вернулись в хижину, захватив с собой часть своих вещей.

Вечером ветер утих, хотя небо было затянуто облаками. Среди ночи я выглянул наружу: ни малейшего ветерка. Однако вскоре, в три часа, внезапно задул ветер, а утром 22 июня нас разбудил крик Боверса: «Билль! Билль! Палатка исчезла!» Мы выбежали наружу; палатка исчезла с шестом, со всем в ней находившимся. Место, где она стояла, было усеяно нашим платьем, просушивавшимся в ней. Снег падал такой густой, ураган был так силен, что мы едва удерживали равновесие, пытаясь спасти от участи палатки наши остальные пожитки.

Внутри хижины начиналась легкая снежная метель, которая проникала через дверь и щели в стене, и понемногу засыпала нас. Мы пробовали затыкать дыры носками, но пока затыкали одну, метель находила другую, и мало-помалу снег покрыл пол хижины на целый сантиметр. Завывание бури походило на свистящий шум скорого поезда в тоннеле. Когда ветер дул со ската, он приподнимал нашу крышу и опускал ее с ужасным треском. Разговаривали мы только крича во весь голос.

Весь день провели в борьбе с отовсюду проникающим снегом. Наконец, снегопад прекратился, но вместо него в воздухе закружилась тонкая черная моренная пыль, ложась кругом, как слой сажи.

Внезапно шторм с силой рванул крышу, несмотря на лежащие на ней тяжелые плиты смерзшегося снега; она вспучилась вверху, как колокол, и натянулась, как кожа барабана. Шторм не унимался. Боверс определил силу ветра в 11 баллов.

На следующее утро мы увидели с ужасом, что в хижину проникал тусклый свет. Глыбы снега, которые лежали на

крыше, были сметены; она беспрепятственно вздымалась вверх и хлопала об стенку над дверью с большой силой. Парусина начала выбиваться из под тяжелых камней стены, которые ее держали, грозя свалить их на нас. Боверс вылез из своего мешка и попытался поправить камни и заткнуть дыры платьем, как вдруг вся крыша с сильнейшим треском разорвалась на 6—7 полос, а через какие-нибудь полминуты превратилась в тысячу лохмотьев. Камни, которые укрепляли парусину крыши наверху, попадали вниз, по счастью не причинив нам вреда; масса рыхлого снега свалилась на нас. Мы попрятались в мешки, а Боверс, прежде чем успел добраться до своего мешка, отморозил себе руки.

Беседа наша была односложна. Боверс высунул голову из мешка и сказал, подражая своему обычному тону: «Все идет как нельзя лучше». На что мы ничего не нашлись ответить, как только: «Да, все идет отлично!» Затем все трое замолчали...

Шторм свирепствовал три дня. Утром 24 июля мы спокойно выпили горячего чаю и при слабом свете дня вышли на поиски исчезнувшей палатки. Она лежала совершенно неповрежденной на расстоянии километра от хижины. Кругом на снегу валялись лохмотья нашей зеленой парусиновой крыши».

С величайшими трудностями группа Уильсона к 1 августа вернулась на мыс Эванса.

В августе возвратилось солнце; наступила весна с сравнительно более мягкими температурами. Начались приготовления к большому походу на юг. Мало-помалу перебрались в Хутпойнт и уже оттуда, 2 ноября большая группа под начальством Скотта выступила в поход к югу.

Вначале все шло хорошо. Затем через несколько дней путники нагнали вспомогательную партию, которая была послана на день раньше. Моторные сани с грузом этой партии испортились, и всем участникам путешествия пришлось тащить самим грузы, находившиеся в мотосанях.

Дальнейшее путешествие стало гораздо труднее, так как начались снежные вьюги. Тем не менее, лошади, несмотря на неблагоприятные условия, отлично тащили свои сани.

Так продолжалось до 4 декабря, когда достигли 83°24' ю. ш. Здесь партию захватила жестокая снежная буря, длившаяся четыре дня и стоившая экспедиции необычайных трудов: все время приходилось откапывать то лошадей, то палатку. Затем температура поднялась до +2°. В одну ночь

вся окрестность оказалась покрытой на полметра слоем мягкого, рыхлого снега. Всех лошадей пришлось застрелить, так как корм для них вышел. Их мясо отдали собакам.

Бури и глубокий снег очень задерживали движение. 21 декабря экспедиция находилась на Бердморском леднике, под 85°7', ю. ш. и под 165°4' в. д. приблизительно в 7 *км* к югу и в 55 *км* к западу от горы Дарвина. Здесь отряду пришлось проходить самую трудную часть пути. Глубокие трещины ледника были засыпаны снегом и члены экспедиции, шедшие пешком, при каждом шаге погружались по колено в снег. Сани тоже приходилось ежеминутно вытаскивать из снега. Так боролись они целых четыре дня и при десяти-одиннадцатичасовой ежедневной работе подвигались в день едва на 9 *км*. На пятый день снеговая поверхность стала тверже и можно было опять пользоваться лыжами. 27 декабря достигли горы, которую Шекльтон назвал Горой, делающей облака. Отсюда дорога стала настолько лучше, что без труда делали большие перегоны и, несмотря на понесенные труды, к путешественникам возвратилось бодрое настроение духа. Здоровье их в это время тоже не оставляло желать ничего лучшего. Двигаясь таким образом, к 3 января достигли 87°32' ю. ш., на высоте приблизительно 3200 *м*, и в расстоянии около 270 *км* от полюса.

Дорогой Скотт отослал назад три партии, которые должны были возвратиться в главный лагерь и передать весть оставшимся товарищам. 4 ноября ушла назад первая партия, состоявшая из Дэя и Хупера; они 21 декабря без всяких затруднений благополучно прибыли в лагерь к мысу Эванс. Вторая, отосланная Скоттом, партия состояла из пяти человек; д-ра Аткинсона, физика Врайта, Шерри Гаррарда и Кеоганна. По дороге она совершила боковую экскурсию на морену у подножия Горы, делающей облака, и сделала там несколько важных геологических находок. Когда группа 28 января прибыла в лагерь, то корабль «Терра-Нова» был уже в заливе Мак-Мурдо, но из-за льда не мог нигде подойти. Третья партия была отослана назад 4 января. По словам Скотта чрезвычайно трудно было найти желающих вернуться: погода стояла благоприятная, дорога хорошая, до полюса близко, и всем хотелось двигаться вперед. Но, к сожалению, во-первых, количество провианта не позволяло взять с собой к полюсу такую массу людей, а во-вторых, надо было передать сообщение о состоянии экспедиции в Европу, и для этого застать «Терру-Нову» до ее ухода на север.

Утром 4 января эта последняя партия, состоявшая из трех человек: лейтенанта Т. Эванса, механика Лесли и Креана проводила еще несколько километров «полярную» партию, распростилась и двинулась назад, на север, а Скотт

с четырьмя товарищами (д-ром Уильсоном, Боверсом, Оатсом и Эдгаром Эвансом) пошли дальше на юг, к полюсу.

Первое время Т. Эванс и его спутники делали ежедневно около 30 *км*. 9 января поднялась снежная буря, задержавшая их на три дня, прежде чем удалось добраться до Бердморского ледника. 17 января группа благополучно дошла до сравнительно гладкой поверхности, которая находится в середине ледника. Зато в нижней части глетчера им встретились большие трудности: они попали в настоящий лабиринт ледопадов, пропастей и трещин. Благодаря туману опасность спуска еще больше увеличилась. Путники могли подвигаться вперед, только карабкаясь и цепляясь руками на крутых спусках, или съезжая в сидячем положении на тех местах, где склоны были несколько отложе. Лицо и руки их были жестоко расцарапаны и покрыты ссадинами: к счастью уже 18 января удалось миновать это опасное место. Дальнейшие 500 с лишним *км* были сделаны без всяких приключений.

На 80°30′ ю. ш. Т. Эванс заболел цынгой. Беда заключалась в том, что партия с самого начала была меньше чем предполагалось раньше — четвертый член ее остался со Скоттом. Поэтому, несмотря на свою болезнь, Эвансу приходилось вместе с другими тащить тяжелые сани, так что его состояние, несмотря на все заботы товарищей, день ото дня ухудшалось. Когда партия достигла склада одной тонны, Эванс не мог уже держаться на ногах без помощи лыжных палок. Ноги его очень распухли и побелели; да и другие признаки развивающейся цынги давали себя знать. Все же больному удалось еще в течение 4 дней протащиться 95 *км*. Затем он свалился. Креан и Лесли уложили Эванса на сани вместе с провизией и поплелись дальше. 17 февраля внезапно повалил снег, и шел подряд 12 час.; по такому рыхлому, мягкому снегу тащить сани не было никакой возможности. Так как Эванс умирал, то его товарищи решились на отчаянную меру, чтобы спасти своего больного спутника: Креан один пешком доберется до отстоявшей в 56 *км* хижины в Хутпойнте, а Лесли останется с Эвансом. Креан после отчаянного десятичасового перехода в совершенном изнеможении и застывая от холода дошел до хижины, где застал Аткинсона и еще одного товарища с двумя упряжками собак.

Но начался вновь снежный ураган и только в половине пятого следующего дня удалось Аткинсону с собаками выступить на помощь Эвансу. Несмотря на туман они шли напролет всю ночь. К вечеру следующего дня добрались до палатки, где лежал Эванс. Они привезли с собой свежей пищи и дали собакам немного передохнуть, а затем меньше чем за 5 час. собаки сделали 56-километровый переход и

доставили Т. Эванса в Хутпойнт. Аткинсон продержал здесь больного целую неделю, чтобы он несколько поправился и потом на санях перевез его на корабль, который собирался уходить на север. Таким образом «Терра-Нова» повезла в Австралию, облетевшее по телеграфу весь мир сообщение Эванса, что Скотт с четырьмя товарищами находятся уже близко от полюса, в добром здоровье и с достаточным запасом провианта.

Пока партия Эванса боролась со смертью, Скотт и его товарищи продолжали путь к югу. 18 января 1912 г. почти месяц спустя после Амундсена, экспедиция достигла, наконец, полюса. Приводим рассказ об этом в отрывках из дневника Скотта.

«*16 января.* 68 лагерь. Высота 2928 *м.* Температура —30°8′. Утром мы прошли 12 *км.* В полдень наблюдения показали 89°42′. При мысли, что завтра будем у цели, мы с увлечением тронулись в путь. Через 2 часа острые глаза Боверса открыли в отдалении что-то вроде путевого знака. В безмолвном напряжении мы быстро шли вперед... у меня сердце стучало так, что, казалось, готово было разорваться. Прошло еще полчаса, — Боверс увидал впереди черное пятно. Природным, снежным образованием оно не было, — не могло быть — мы скоро это разобрали! Мы пошли прямо на него... Черный флаг, привязанный к полозу от саней! Рядом — брошенное место стоянки — следы саней и лыж, ведущие в ту и другую сторону, ясные следы собачьих лап, — много следов, — этим сказано все: норвежцы нас опередили! Амундсен первый достиг полюса!..

17 января. Лагерь 69. Температура утром —30°. Как ждали мы целый месяц этого момента, но как настоящее положение разнится от того, чего мы ожидали! Сегодня был ужасный день: во-первых, разочарование, во-вторых, отчаянный ветер, дующий в лицо, при —30°. Встали в 7½ час. утра — никто из нас не спал в эту ужасную ночь, — и шли некоторое время по следам норвежцев. Судя по следу, их было только двое... Затем внезапно погода испортилась, и так как следы стало заносить снегом, и кроме того, они чересчур далеко заворачивали на запад, мы решили итти прямо в ту сторону, где по расчетам лежал полюс. Однако к полудню у Э. Эванса так застыли руки, что мы должны были разбить палатку, чтобы приготовить себе завтрак. Прошли 13½ *км*, и наблюдения показывали 89°53′57″ ю. ш. Затем тронулись дальше, и прошли еще 12 *км* прямо к югу. Теперь маленький Боверс показывает свое уменье наблюдать при необычайно неблагоприятных условиях; ветер дует отчаянно, температура —29° и воздух полон той ужасной

холодной сырости, от которой, кажется, в несколько мгновений мозг застывает в костях. Мы, повидимому, опять несколько спустились, но впереди снова придется подниматься. Вокруг ничего не видно, ничего, что хоть немножко отличалось бы от ужасающей монотонности пейзажа, который мы видим последние дни... В это ужасное место притащились мы с таким трудом, и не имеем в награду даже сознания, что сделали это первые!

И все-таки чего-нибудь да стоит забраться так далеко. Этот же ветер завтра может оказаться нашим другом.

Несмотря на наше огорчение и разочарование мы съели жирный полярный обед и почувствовали себя совсем хорошо; как экстренное прибавление была у нас плитка шоколаду, и необычное наслаждение — папироска, из запаса Уильсона. Теперь надо думать о поспешном возвращении назад. Нам предстоит отчаянная борьба!»

В этот день Амундсен погонял своих собак среди торосов на барьере. Он находился лишь в восьми днях пути от Фрамхейма.

«*18 января.* Сделав наблюдения, мы установили, что до полюса осталось около 6 *км:* приблизительно в этом направлении Боверс увидел керн, или палатку. Вскоре мы дошли до нее: она находилась в $3^1/_2$ *км* от лагеря, следовательно, в $2^3/_4$ *км* от полюса. В ней мы нашли документ, гласящий, что здесь прошли 5 норвежцев: Роальд Амундсен, Олаф Биаланд, Гельмер Гансен, Сверре Гассель и Оскар Вистинг 16 декабря 1911 г. Палатка хороша: маленькая, крепкая, подпертая единственной бамбуковой палкой. Записка, оставленная Амундсеном просит меня передать королю Гаакону письмо от него; я кладу его в карман. Кроме него в палатке были оставлены следующие предметы: 3 маленьких мешочка из оленьей шкуры, содержащие в себе несколько разного рода варежек и толстых шерстяных чулок; затем секстант, искусственный горизонт, кипятильник, гипсо-термометр, но без термометра, еще секстант и еще гипсо-термометр английской фабрики.

Я оставил в этой палатке записку с сообщением, что я с моими товарищами был здесь. Боверс фотографирует, а Уильсон делает эскизы карандашом. После второго завтрака мы прошли $11^1/_2$ *км.* Наблюдения в полдень показали, что мы находимся в $1^1/_2$ *км* от полюса... Здесь воздвигли керн, воткнули наш флаг... и сфотографировались, — было так ужасно холодно! Заметили на юге на расстоянии почти километра полоз от саней, торчащий из снега, повидимому, он должен был обозначать точное положение полюса, как его удалось определить норвежцам. Прикрепленная к полозу записка гласила, что палатка находится от полюса в $3^1/_2$ *км:* Уильсон берет записку с собой. Несомненно наши пред-

шественники основательно позаботились об определении места и в точности выполнили намеченную программу. Теперь, мне кажется, я могу сказать: южный полюс лежит приблизительно на высоте 2900 *м* (определение норвежцев); характерно, что на 88° была высота приблизительно 3200 *м*. Мы взяли наш флаг и пронесли его с собой приблизительно 1¼ *км* к северу и оставили его там, воткнув древко в снег и укрепив его, насколько возможно. Очевидно норвежцы 15 декабря достигли полюса и 17 декабря ушли назад, значит даже раньше 21 декабря, — число, которое я в Лондоне назначил как идеальное.

Мы должны теперь повернуться спиной к изменившей нам цели нашего честолюбия. Перед нами лежит пространство в 1500 *км* трудного пути — 1500 *км* непрерывно тащить сани — 1500 *км* лишений голода и холода. Что делать! Мечта моей жизни, прощай!»

Так как время не допускало промедления, то путники тотчас же тронулись в поход; однако уже через несколько дней чрезмерное напряжение и утомление начали давать себя знать, — ежедневные перегоны стали становиться все меньше и меньше. Несмотря на это предпринимались боковые экскурсии для собирания горных пород и окаменелостей с отдельных, торчащих из ледяной поверхности вершин. Это еще более увеличивало тяжесть саней. Чтобы своевременно достигать заготовленных дорогой складов провианта нужно было ежедневно проходить по 17 *км*, но этой цифры редко удавалось придерживаться. При спуске с Бердморского глетчера ежедневно делали только по 5 *км*. Наступила нехватка провианта, ежедневные порции приходилось уменьшать, что в свою очередь вызывало большую потерю сил; к этому присоединились отчаянные холода, вызывавшие жестокие обмораживания. И тогда начались бедствия экспедиции.

Первым погиб Э. Эванс. У него были обморожены и покрылись пузырями лицо, руки и ноги. Два пальца на руке были отморожены совсем, так что ногти отвалились. Он едва шел и невольно задерживал товарищей, которые, конечно, не могли его бросить. Наконец, дело кончилось катастрофой.

«*14 февраля*... нечего себя обманывать, наши силы не прибавляются. У Уильсона нога все еще болит, и он только с большим трудом может пользоваться лыжами; но самое тяжелое положение у Эванса: товарищ нас сильно беспокоит... Я боюсь, что дело пойдет все хуже и хуже...

16 февраля. Положение очень серьезное: Эванс, кажется, помешался. Такой сознательный человек, он теперь совершенно изменился. Сегодня несколько раз утром и после полудня он заставлял нас останавливаться по самым пустя-

ковинным поводам. Мы существуем, питаясь самыми ничтожными порциями, но провианта должно нам непременно хватить до завтрашнего вечера...

17 февраля. Ужасный день. После хорошего сна Эванс имел несколько лучший вид. Как всегда он заявил, что чувствует себя хорошо, и, отправляясь, впрягся в сани; однако через полчаса у него развязались лыжи, и он оставил упряжку. Дорога была ужасной, только что выпавший мягкий снег прилипал большими комками к ногам и к полозьям саней, сани скрипели при каждом повороте; небо было покрыто облаками, по земле стлался туман. Пройдя час, мы остановились. Эванс нас догнал, но очень, очень медленно. Через час он опять отстал и попросил Боверса дать ему веревочку. Я крикнул ему, чтоб он догнал нас, как можно скорее, и он обещал, как мне показалось, бодрым голосом. Пройдя мимо горы Памятника мы увидели Эванса далеко позади. Вначале мы совсем не беспокоились, вскипятили чайник и принялись за еду. Но так как Эванса все еще не было, мы выглянули из палатки и увидели, что он все еще очень далеко. Нас охватило беспокойство, и мы все четверо на лыжах бросились к нему. Я первый добежал до него и пришел в ужас от вида нашего товарища: он стоял на коленях, в разорванном платье, с голыми обмороженными руками, с диким блуждающим взглядом. Когда я спросил его, что с ним случилось, он медленно ответил, что не знает, что с ним, вероятно, был обморок. Мы подняли его, но, пройдя 2 или 3 шага, Эванс опять опустился на снег; он окончательно обессилел. Уильсон, Боверс и я побежали назад за санями, а Оатс остался при нем.

Когда мы вернулись Эванс был без сознания, а когда его внесли в палатку он впал уже в совершенное забытье. Больше он не просыпался и в половине первого умер».

Потрясение, вызванное смертью Эванса, холод и тяжести, которые они тащили, очень подорвали силы путников. Переходы становились все короче. «Это — состязание между холодом и тяжелой обстановкой, с одной стороны, и нашей выдержкой и хорошим питанием, с другой... Холодно, очень холодно... Мы слишком часто отмораживаем ноги... Мы нуждаемся в большем количестве пищи и особенно жиров... Горючего ужасно как мало... Наше положение критическое».

Прибытие к складу на середине барьера принесло новые мучительные переживания. Оатс обнаружил, что ноги его в очень скверном состоянии. Кроме того, вновь нашли недостаток горючего. Вероятно вспомогательные партии брали керосин из жестянок и закрывали их затычками, оставляя, по их мнению, достаточное количество горючего для Скотта. Но так как жестянки с керосином обычно помеща-

лись сверху остальных припасов, то они подверглись усиленному действию солнечных лучей и морозов. Холод сжал кожаные прокладки затычек, а солнце, нагрев жестянки, заставило керосин испаряться через испортившиеся затычки. Сокращение запасов горючего ставило под угрозу жизнь партии Скотта и шансы на благополучное возвращение с каждым днем ухудшались.

Второй жертвой стал капитан Оатс. Несмотря на то, что у него были сильно отморожены руки и ноги, он с большим трудом тащился еще, с помощью товарищей, до 16 марта.

«*11 марта.* Дело Оатса очень плохо. Что мы будем делать, что он будет делать, сказать трудно. Мы обсуждали этот вопрос за первым завтраком. Оатс храбрый, хороший человек и совершенно ясно представляет себе свое положение. Он спросил нашего совета; что могли мы ему ответить, кроме совета итти дальше сколько он может? Один хороший результат имело это совещание: я энергично потребовал от Уильсона, чтобы он отдал каждому на руки средство покончить со своими мучениями... У нас теперь по 30 таблеток опиума, а для него остался тюбик морфия. Наша игра превращается в трагедию...

16 марта. Наша трагедия в полном разгаре. Третьего дня за завтраком бедняга Оатс сказал, что он не может больше итти, и предложил нам оставить его в его спальном мешке. Об этом не могло быть, конечно, никакой речи, и мы просили его проводить нас хотя бы до вечернего лагеря; должно быть для него это было очень мучительно, тем не менее, он плелся за нами, и мы с трудом прошли еще несколько километров.

Ночью ему сделалось хуже и мы видели, что его конец близок. Если эта моя книжка будет когда-нибудь найдена, то я прошу передать следующий факт: последние мысли Оатса были об его матери. Перед этим он с гордостью говорил, что его полк должен быть доволен той храбростью, с которой он шел навстречу смерти. Мы все трое можем подтвердить его храбрость. Целыми неделями он без жалоб переносил невыразимую боль и был деятельным и готовым помогать до последнего мгновения. До конца он не терял надежды, — не хотел ее терять. Вот каков был его конец: он заснул прошлую ночь в надежде больше не проснуться, но он все-таки проснулся утром, вчера. В это время снаружи бушевала буря. «Я выйду, — сказал он, — и может быть некоторое время пробуду наружи». Он вышел, исчез в вихрях снега, — и мы больше его не видали...

Мы знали, что Оатс ушел на смерть, мы пробовали его удержать, но он поступил, как герой. Мы — трое остав-

шихся надеемся встретить наш конец так же храбро, а конец этот, повидимому, недалек».

Несмотря на отчаянные холода и недостаток съестных припасов они шли еще пять дней и 21 марта разбили свой лагерь всего лишь в 20 *км* от склада Одной тонны. Здесь застигла их снежная буря, продолжавшаяся несколько дней без перерыва.

«*17 марта*... стужа необычайно сильна, — в полдень —40°; мои товарищи все еще бодры, но мы серьезно рискуем замерзнуть; хотя мы только о том и говорим, что сумеем пробиться, в душе, я глубоко убежден, никто из нас больше в это не верит. Мы ужасно мерзнем теперь даже на ходу, да и все остальное время; не мерзнем только тогда, когда едим. Вчера мы должны были остановиться из-за метели и сегодня подвигаемся вперед ужасно медленно.

18 марта. Наши бедствия продолжаются. Вчера весь день ветер дул нам навстречу, северо-западный с силой 4 баллов, и гнал снег прямо в лицо; мы должны были остановиться. Ни один человек не смог бы итти в такую погоду, а наши силы почти совсем истощены. Я отморозил себе правую ногу, почти все пальцы, а еще два дня тому назад я был гордым обладателем лучших ног. Так постепенно слабеем мы все... Примус только наполовину наполнен керосином, и у нас очень небольшое количество спирта — вот все, что нас отделяет от гибели.

22 и 23 марта. Ураган продолжает бушевать. Уильсон и Боверс не решились выйти — завтра последняя возможность — нет больше топлива, а провизии только на 1, много на 2 дня; конец близок. Мы решили — пустимся в путь к складу с вещами или без них...»

Но этот последний переход так и не был предпринят. 29 марта Скотт закончил свой дневник. Несмотря на холод, голод и смертельную тревогу он вел дневник изо дня в день, пропустив только немногие числа. Последние несколько строк были написаны уверенной рукой.

«*29 марта*. С 21-го беспрерывно была буря с ю.-з. и з.-ю.-з. 20-го у нас осталось горючего, чтобы приготовить каждому по 2 чашки чаю и сухой провизии на 2 дня. Каждый день мы были готовы итти к нашему складу, находящемуся на расстоянии 20 *км*. Но за дверями палатки все представляет один сплошной снежный вихрь. Я не думаю, чтобы мы могли надеяться на какое-нибудь улучшение. Мы выдержим до конца; конечно, мы становимся все слабее, и смерть не должна быть далеко.

Это ужасно, мне кажется я не могу больше писать.

Р. Скотт.

Умоляю, позаботьтесь о наших близких».

Кроме этого дневника Скотт оставил еще целый ряд писем жене, родным и знакомым, а также обращение к английскому обществу. Написанные умирающим человеком в чрезвычайно тяжелой обстановке, они обнаруживают глубокое человеколюбие, бескорыстие и беспримерное мужество. Для характеристики этих писем приведем одно, к жене его друга доктора Уильсона:

«Дорогая г-жа Уильсон, если это письмо дойдет до вас, то это значит, что Билль и я умерли вместе. Теперь, когда наша последняя минута приближается, мне хочется, чтобы вы знали, как велик душой он был до сих пор, — неизменно бодрый и готовый принести себя в жертву для других; ни разу он не сделал мне ни одного упрека, что я увлек его с собой. К счастью, он не страдает, или, во всяком случае, страдает очень мало. Его голубые глаза светятся надеждой, его душа спокойна. Я не могу ничего сказать вам в утешение, кроме того, что ваш муж умер так, как он жил, как храбрый, верный человек, как лучший товарищ и надежнейший друг.

Всем сердцем сочувствую вашему горю

Ваш *Р. Скотт*.

Еще более характерно его «Обращение к обществу», которое мы приводим здесь почти целиком:

«Причины нашей гибели лежат не в плохой организации, а в тех неудачах, которые преследовали нас во всех наших начинаниях.

1. Гибель лошадей в марте 1911 г. заставила нас выступить позднее, чем я предполагал и ограничить количество взятого провианта.

2. Плохая погода во время всего похода к полюсу, в особенности длительный ураган на 83°, все время задерживали нас.

3. Мягкий снег в нижних частях Бердморского глетчера точно также сильно замедлял наше передвижение.

Против этих обстоятельств мы боролись энергично, и одолели их, но это сократило наши пищевые ресурсы. Каждая мелочь нашего провианта, нашего одеяния как в складах на льду, так и на всем 1300-километровом пути к полюсу и обратно функционировала превосходно... Бердморский ледник при хорошей погоде пройти нетрудно, но на обратном пути у нас не было ни одного совершенно хорошего дня...

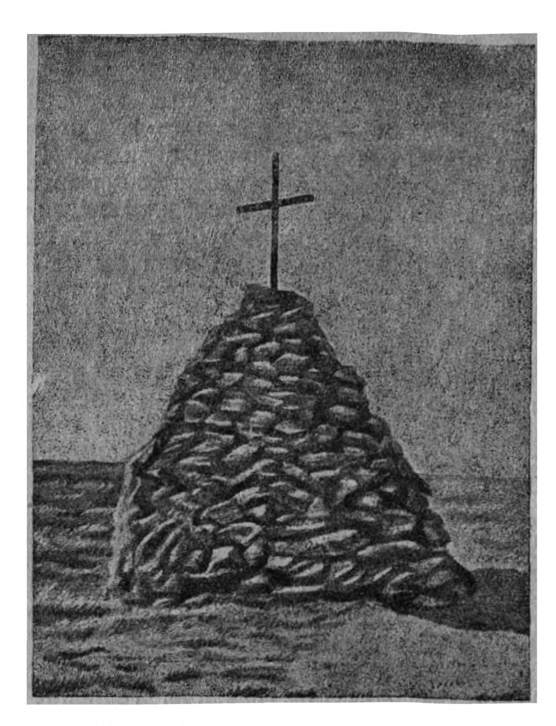
...Но все это было ничто по сравнению с тем, что ожидало нас на барьере. Я утверждаю, что наши расчеты были совершенно верны и ни один человек не мог бы предполагать, что встретит на такой широте такие температуры

и состояние снега, в это время года. На большой высоте на широтах 85 и 86° мы имели от 29 до 34,5° мороза, а на барьере, лежащем на 3 тыс. *м* ниже, под 82 параллелью было регулярно днем —34, ночью —44° и при этом, днем на походе все время ветер прямо в лицо... Я не думаю, чтобы когда-либо человеку приходилось вынести столько, сколько вытерпели мы в этот последний месяц, и все-таки, несмотря на плохую погоду, мы бы дошли, если бы не заболел другой наш товарищ, Оатс, если бы не совершенно необъяснимая для меня убыль топлива в наших складах и, наконец, если бы не этот последний шторм, который остановил нас в 11 милях от депо, где мы должны были найти необходимый для нас провиант. Большей неудачи нельзя себе и представить... Страшный шторм уже 4 дня не позволяет нам покинуть палатку. Мы ослабели и я едва пишу. Что касается меня, я не жалею об этом путешествии: оно показало, сколько лишений может вынести англичанин, как силен в нем дух солидарности, и как он может смело итти навстречу смерти и так же спокойно, как и его предки. Мы рисковали и знали, на что мы идем. Обстоятельства сложились против нас. У нас нет основания жаловаться... Если же нам суждено отдать свою жизнь для чести родины, то я обращаюсь к своим соотечественникам с призывом обеспечить будущее людей, которые зависят от нас. Если бы мы остались живы, я мог бы описать страдания, терпение и и храбрость моих сотоварищей в рассказе, который заставил бы застыть в жилах кровь каждого англичанина. Но теперь пусть эти беглые строки и наши трупы расскажут эту повесть. И мы надеемся, что наша богатая страна позаботится о том, чтобы зависящие от нас люди были надлежащим образом обеспечены.

Р. Скотт.

Видя, что в условленный срок капитан Скотт не возвращается, товарищи, оставшиеся на зимней квартире, тотчас отправили на поиски с санями и собаками партию из двух человек. Несмотря на в высшей степени неблагоприятную погоду, они прошли почти на 230 *км* к югу, пополнили склад Одной тонны провиантом и топливом, и, прождавши там до 10 марта, едва живые вернулись ни с чем. Такая же неудача постигла и вторую попытку вспомогательной экскурсии. Дальнейшие попытки пришлось отложить до весны (октября—ноября) 1912 г.

Наступила зима и прошла так же благополучно, как и первая; беспокоила только судьба обоих отрядов, — южного отряда Скотта, не вернувшегося до сих пор, и северного отряда Кемпбелля, высаженного «Терра-Нова» на Земле Виктории, о котором тоже не было ни слуху, ни духу.



Могила Р. Скотта и его спутников.

Но вот прошла вторая зима. С наступлением весны, врач экспедиции, д-р Аткинсон, с десятью человеками отправился на поиски Скотта. Лошадей на этот раз не было, но «Терра-Нова» привезла экспедиции 7 мулов, которые и были взяты с собой как упряжные животные. Отряд разбился на две партии: одна под начальством Аткинсона, другая — М. Врайта. 30 октября 1912 г. обе партии направились к югу, захватив с собой провианта на три месяца. 12 ноября отряд Врайта увидел палатку, а в ней нашли трупы капитана Скотта, д-ра Уильсона и лейтенанта Боверса. Очевидно, они погибли от холода и голода. Около трупов найдено было лишь немного чаю: это было все, что осталось у них. Скотт умер в сидячем положении, прислонившись спиной к мачте, поддерживающей палатку; под головой у него находился дневник и другие документы. Уильсон и Боверс умерли в своих спальных мешках.

Аткинсон похоронил Скотта и двух его товарищей. Он оставил тела лежать так как они лежали, засыпал палатку сверху массою снега и над этим могильным холмом водру-

зил крест с краткой надписью. Поиски тела Оатса оказались тщетными. Затем экспедиция возвратилась в лагерь.

Несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, научные результаты «полярной партии» оказались весьма значительны. Особенную научную ценность представляли коллекции ископаемых с окрестностей Бердморского ледника, собранные необычайно тщательно. Они весили больше 18 *кг* и Уильсон и Боверс с огромными трудностями доставили их к месту своей гибели.

На крайнем юге, на высоте 2500 *м* были собраны ископаемые растения и образцы каменного угля. Отпечатки растений в песчанике и в глинистом сланце сохранились очень хорошо и принадлежат, повидимому, к концу палеозойской или к началу мезозойской эры. В нижней части глетчера были найдены ископаемые кораллы, примитивные формы которых типичны для начала палеозойской эры. Здесь же, у Бердморского глетчера найдены и чисто вулканические породы.

* Почему у Амундсена «все шло так гладко, а Скотта непрестанно преследовали неудачи»?

Даже из изложенного выше, очень краткого и сжатого рассказа ясно, что общие условия обоих походов к южному полюсу были совершенно различны, а вовсе не приблизительно одинаковые. Если же прочесть оригинальные описания обоих путешественников, то различие условий станет вполне ясным.

Условия начала «соревнования» были указаны мною выше, так же как и несомненное преимущество Амундсена и всего личного состава его спутников в уменьи и приспособленности к полярным переходам.

Вопрос о погоде тоже был разобран выше. Путь Скотта шел вдоль окраины высокого полярного нагорья, далее к северу продолжающегося Землею Виктории. С этого нагорья холодные массы воздуха именно летом, когда внизу барьера давление воздуха слабее (вследствие открытого моря), сваливаются вниз, образуя нечто похожее на бору. Прочтите описание зимовки сэра Маусона на берегу Земли Адели и увидите, что ужасные «блиццарды» его есть именно «бора», сваливающаяся с 2500-метровых высот, там круто спускающихся к океану.

Зимовка Амундсена расположена в Китовой бухте барьера, в восточной части барьера. Посмотрите на подробную карту английского Адмиралтейства, где даны пути трех путешественников: Шекльтона, Скотта и Амундсена. Там видно, что к востоку от пути Амундсена суша и горы далеки. Из описания зимовки Амундсена видно, что и зимою погода у них была много лучше, было только два шторма. Следовательно в смысле погоды место зимовки Амундсена луч-

ше. Конечно, это есть счастливая случайность; наблюдений до зимовки Амундсена не было и он не мог в своем выборе места зимовки опираться на какие-либо сведения.

Скотт пишет в своем обращении к обществу Англии «причины нашей гибели лежат не в плохой организации, а в тех неудачах, которые преследовали нас во всех наших начинаниях».

Не будем спорить с героически скончавшимся человеком. Однако именно плохая организация их и погубила. Экспедиция Шекльтона показала, что лошади непригодны для работы на барьере, не надо было повторять эту ошибку. Бесчисленные примеры походов в полярных странах, беспримерные походы Р. Пири, Нансена, Свердрупа (старшего с «Фрама») ясно свидетельствовали о единственно верном способе передвижения — на собаках. Но ими надо уметь пользоваться. Выше, в рассказе о движении Амундсена к полюсу сказано, что поднявшись на полярное нагорье (3300 *м*) были застрелены 24 собаки; почему? По расчету грузов они не были нужны для достижения полюса и обратного движения вниз (а не вверх) по ледникам к барьеру. Что же убитых собак бросили? Нет, ими кормили оставшихся собак и, таким образом, на всю сумму веса их туш, в общем был уменьшен вес собачьего корма. Собаки сами себе доставляли провиант на верх, не требуя для того отдельных запряжек. Прочтите путешествия Пири и других в Гренландии и Североамериканском архипелаге и увидите, что такой прием не нов.

Погода и у Амундсена при переходе через ледники случалась дурная; кроме того, он совершал, по альпинистическому выражению, «перво-восхождение», условия ледников были неизвестны. Ледник же Бердмор был пройден раньше Шекльтоном, и описание его и план были известны. Следовательно это условие благоприятствовало Скотту.

Места складов очень умно отмечались у Амундсена, у Скотта — никак, кроме знаков над складами. Между тем, какие бывают тут снежные бураны, было хорошо известно Скотту.

Прочтите и сравните распределение запасов у Амундсена и Скотта. Первый и не думал уменьшать дачу пищи на всем пути; у него всего было в изобилии. Он свободно оставался три дня около полюса, а Скотт уже к моменту достижения полюса нуждался в пище и дойдя до полюса торопился итти обратно.

Весь обратный путь Скотта есть ряд мучений, показавших необыкновенно высокие нравственные свойства англичан и ошибки в устройстве похода к полюсу.

Скотт пишет, что в складах не доставало керосину, т. е. топлива, потому что партии, устраивавшие склады,

брали его для своих надобностей, запаянные жестянки раскупоривали и плохо затыкали. Отсюда — испарение и убыль керосина.

Очевидна недопустимая оплошность, т. е. недостаток организации. Подсобные партии не должны были что-либо брать из запаса для основной полярной партии. Если они вынуждены были брать, значит их поход был неправильно рассчитан. Они должны были обходиться своими запасами. Потеря керосина явно и сыграла главную роль в гибели Скотта, когда они не могли приготовлять горячую и удобоваримую пищу, а ели всухомятку; отсюда ослабевание их сил.

Экспедиция Скотта была третья экспедиция англичан на барьер и они знали условия поднятия на него, а устроили зимовку так, что взбираться на барьер была огромная работа.

Вот причины гибели полярной партии Скотта.

Научные результаты экспедиции Скотта огромны, достаточно сказать, что обработка их дала целую библиотеку, а у Амундсена и материала не существует, который бы мог дать что-либо подобное. В смысле научных работ организация экспедиции Скотта была очень хороша.

Для научных исследований и устраиваются экспедиции и в этом отношении Скотт достиг цели вполне.

Теперь, после работы Пири и Амундсена можно твердо говорить, что на земном шаре нет области, в самое сердце которой человек не смог бы проникнуть и вернуться обратно. Достижения полюсов Пири и Амундсена при совершенно различных условиях, один шел по пловучим льдам над глубоким океаном, другой по ледниковому покрову суши, показали воочию, что все дело, как всегда, в человеке. Он должен знать свои обязанности и уметь использовать все, что следует. И тогда успех за ним. Пири и Амундсен всю жизнь свою положили на изучение условий передвижения в полярных странах и добились успеха. Да, он дался нелегко, но именно тут-то и видна разница между Скоттом и Амундсеном.*

Если бы Скотт был жив, то остался бы доволен работой всех членов своей экспедиции.

Как читатель, вероятно, помнит, экспедиция Скотта должна была состоять из двух самостоятельных отрядов: южного полярного, под начальством Скотта, и северного, под начальством Кемпбелля, задачей которого первоначально являлось изучение Земли Эдуарда VII. Но когда «Терра-Нова», высадив на о-ве Росса южный отряд, достигла Китовой бухты, то застала там Амундсена, уже устроившегося на зимовку. Тогда Кемпбелль решился попытать счастья в другом месте и заняться изучением неизвестного

участка Земли Виктории, лежащего на запад и на юг от мыса Эдер. Уходя в феврале 1911 г. на север, «Терра-Нова» высадила Кемпбелля с пятью товарищами близ мыса Эдер, у берегов залива Робертсона, где в 1900 г. зимовал Борхгревингк.

Устроившись лагерем, путешественники немедленно принялись за изучение страны. Вскоре все окрестности лагеря, доступные для восхождения, были осмотрены (причем входивший в состав этой партии геолог Пристлей собрал из окрестностей залива и с мыса Эдер великолепную коллекцию горных пород). Для дальнейшего проникновения внутрь Земли Виктории возможности не представлялось: весь юг замыкался высокой цепью гор Адмиралтейства, с которых круто спускались в море ледники. Все попытки, предпринятые как осенью, так и весной 1911 г., не привели ни к чему. Зиму провели в исправленном и приспособленном домике Борхгревингка.

Когда в декабре 1911 г. «Терра-Нова» подошла к берегам Земли Виктории, она прежде всего зашла за Кемпбеллем. Неудовлетворенные прошлогодней работой, Кемпбелль и его товарищи просили высадить их где-нибудь в другом месте Земли Виктории, чтобы на обратном пути, возвращаясь в Новую Зеландию, корабль захватил их с собой. Так и было сделано. Высадивши группу Кемпбелля на 550 *км* южнее, на восточном берегу Земли Виктории близ гигантской горы Мельбурн, «Терра-Нова» ушла на юг, в залив Мак-Мурдо. Путешественники провели остаток теплого времени года в географических и геологических работах.

Между горой Нансена и горой Мельбурна удалось точно исследовать и описать несколько новых ледников и собрать ценную коллекцию вулканических и осадочных пород, а также длинных стволов окаменелых деревьев относящихся к третичному периоду.

А между тем «Терра-Нова», подобрав по дороге западную экспедицию Гриффит-Тайлора (о ней см. ниже), дошла до мыса Эванса, и забрав там письма, часть коллекций и кое-кого из членов экспедиции, например больного Эванса, делала тщетные попытки пробиться на выручку северного отряда. Три раза пыталась она пробиться и три раза льды не пропускали ее. Так она и должна была уйти на север.

Когда, прождав тщетно всю осень, Кемпбелль и его товарищи поняли это, им ничего не оставалось, как провести вторую зиму в Антарктиде. Начали строить зимний дом, который был закончен только к 20 марта, когда с полюса уже стали налетать жестокие снежные вьюги. Провианта было мало и вследствие ужасной погоды почти невозможно было охотиться.

В течение шестимесячной зимы убили всего лишь 16 тюленей и 80 пингвинов, так что ежедневные порции пришлось ограничить до минимума. Однажды Кэмпбелль в желудке убитого тюленя нашел 36 рыб, которые, будучи зажаренными в масле, оказались очень вкусными.

Нужда становилась острее и острее, и начали уже опасаться форменного голода и связанной с ним цынги. Единственная роскошь, которую себе могли позволить путешественники, заключалась в том, что каждое воскресенье все члены экспедиции получали по 12 кусков сахару и по плитке шоколаду. Точно также по воскресеньям каждый получал по полчашке чаю. В понедельник этот чай кипятился еще раз, а затем его листья сушились и выкуривались вместо табаку. Башмаки и платье постоянно рвались, и люди жестоко страдали от обмораживания. В конце июля, после месячной ночи, опять появилось солнце и все ожили. Прежде всего отправились на охоту и уложили значительное количество тюленей и пингвинов, мясо которых, чтобы сэкономить керосин, ели сырым. Только тридцатого сентября, собрав достаточные запасы мяса, по льду тронулись на юг к мысу Эванса.

Вначале шли по береговому припаю, но затем дорогу перегородил выдавшийся далеко в море язык ледника Дригальского. Вокруг него море было свободно ото льда и пришлось с большим трудом перевалить через этот гигантский ледник, чтобы выбраться дальше на береговой припай. В дальнейшем их настигли жестокие снежные бури. С большими приключениями им удалось, наконец, добраться до выдающегося далеко в море мыса Робертса. Здесь совершенно неожиданно они наткнулись на оставленное «западной» экспедицией депо, с большим количеством сухарей, сахару, чаю, какао, масла, сала, теплой одежды, письменных принадлежностей и книг. Уже на следующее утро отряд тронулся дальше и вскоре дошел до второго склада Тайлора с еще большим количеством провианта, лежащего против мыса Эванса, а затем и хижины в Хутпойнте, где Кэмпбелль нашел письмо от Аткинсона с известием, что Скотт, по всей вероятности, погиб. От Хутпойнта легко добрались до лагеря у мыса Эванса. Но там никого не было — все ушли на поиски полярной партии. Вскоре, однако, вернулся Аткинсон с упряжками собак, а за ними подошли и остальные, принеся весть о трагическом конце Скотта. Теперь все уже были дома и оставалось лишь поджидать прихода корабля.

Несмотря на все только что перенесенные лишения, Пристлей, в ожидании прихода «Терра-Нова», с шестью товарищами в декабре 1912 г. совершил отчаянное по трудности восхождение на вершину вулкана Эребус.

Ясная безветренная погода и низкая температура (—30°) благоприятствовали восхождению. На высоте 3300 *м* двое из спутников почувствовали приступ горной болезни и не пошли дальше. Остальные четверо добрались сначала до старого кратера, а затем и до самой вершины. Здесь они воздвигли, в знак своего восхождения, каменную пирамиду. Таким образом эта гигантская гора была тщательно исследована со всех сторон кроме северной, обращенной к морю.

Кроме южной полярной экспедиции была организована еще западная экспедиция под начальством геолога Гриффит-Тайлора для изучения так называемых Западных гор Земли Виктории с их колоссальными ледниками.

Западная группа совершила две большие поездки: в январе—марте 1911 г. (когда шла подготовительная работа по организации складов) и с половины ноября 1911 г. по половину февраля 1912 г. (во время похода Скотта к полюсу). Вторая была сопряжена с большими трудностями и, если бы «Терра-Нова» не подобрала путешественников, им пришлось бы плохо. В эти две экскурсии был снят на карту и обследован в геологическом отношении большой участок восточного берега Земли Виктории, от горы Дисковери в юго-западном углу залива Мак-Мурдо (под 78°20′ ю. ш.) и до бухты, носящей название Гранитной гавани, под 76°50′ ю. ш. Во время этих экспедиций был изучен целый ряд огромных ледников (глетчеры Кеттлица, Феррара, Тайлора, Макая и т. д.), наблюдались новые ледниковые явления и измерялась быстрота движения глетчеров (например, ледник Макая, оказалось, движется вперед по 25 *м* в месяц). В Гранитной гавани, в отложениях песчаника нашли многочисленные пласты угля, отчасти превратившегося в антрацит, по всей вероятности того же возраста, как и угли Бердморского ледника. Вместе с углем были обнаружены многочисленные остатки двух папоротникообразных растений: мегафитона и лепидодендрона.

Геолог Лилли, сопровождавший экспедицию на «Терра-Нова», проведший в Новой Зеландии два года над изучением ископаемых растений, на основании собранного этой экспедицией материала пришел к убеждению, что в третичный период Антарктический материк был связан с Австралией.

Пока отдельные партии работали, оставшиеся в лагере члены экспедиции тоже не тратили времени даром. Они произвели тщательное изучение острова Росса между мысами Эрмитэдж и Ройдс, показавшее, что вулканические отложения, находимые здесь, имеют гораздо более древний возраст, чем это до сих пор предполагалось.

Физик экспедиции, К. Врайт в течение целого года вел

регулярные записи условий образования и изменения льда, производил метеорологические и магнитные наблюдения и занимался целым рядом других научных работ.

18 января 1913 г. пришла, наконец, «Терра-Нова» и отвезла всех оставшихся в живых членов экспедиции на родину.

Научные результаты экспедиции Скотта, как уже говорилось выше, огромны. Они превосходят собою результаты путешествия как Шекльтона, так и Амундсена. Собраны колоссальные коллекции горных пород и ископаемых, устанавливающие несомненную связь Антарктиды с другими материками. Изучены в трех разных местах могучие горы, составляющие восточный край Земли Виктории. Тщательно изучен о. Росса с его гигантским вулканом Эребусом. Кроме того, привезено множество ценных записей — наблюдений по атмосферной физике и гляциологии, а также редкой красоты фотографических и кинематографических снимков, сделанных фотографом экспедиции Пойнтингом.

И все эти блестящие результаты омрачаются одним — героической гибелью полярной партии Скотта. В лице Роберта Скотта наука потеряла одного из лучших полярных исследователей.

Говоря об экспедициях Амундсена и Скотта нельзя не упомянуть и о третьей, совершенно неудачной попытке достичь южного полюса, принадлежащей японскому лейтенанту Ш и р а ф е. Единственной целью экспедиции являлось возможно скорейшее достижение южного полюса. Научные исследования стояли на заднем плане. Это было видно из того, что хотя число членов экспедиции достигало 27 человек, только один из них проф. Такеда должен был выполнять работу астронома, метеоролога, ботаника, зоолога и геолога. Обычно даже в значительно меньших экспедициях эти обязанности несут отдельные специалисты.

Все участники похода торжественно, собственной кровью подписали обещание не вносить в дело никаких раздоров и ссор и употребить все усилия для достижения намеченной цели.

Корабль «Кайнан-Мару» 29 ноября 1910 г. покинул Токийскую бухту, и японцы надеялись достичь полюса раньше Скотта. Тем не менее, из тех немногих сведений, которые имелись об экспедиции в Европе, было известно, что корабль экспедиции слаб для борьбы с полярными льдами и что запасы угля, провианта и теплого платья совершенно недостаточны.

К счастью, однако, японцам не пришлось соперничать с Амундсеном и Скоттом, иначе бы число жертв южного

полюса увеличилось. «Кайнан-Мару» к 14 марта 1911 г. достиг только о-вов Кульмана, лежащих у берегов Земли Виктории под 70° ю. ш., но продвинуться дальше не смог из-за сплошных масс пловучего льда и дурной погоды. Прождав тщетно несколько дней, экспедиция возвратилась в Австралию и 1 мая была уже в Сиднее, где кораблю пришлось войти в док для исправления серьезных повреждений.

Тем не менее 16 января 1912 г. «Кайнан-Мару» появился в Китовой бухте у Великого барьера, где стоял «Фрам», поджидавший возвращения Амундсена из его большого санного похода к югу. На другой день норвежцы посетили японцев, были довольно приветливо приняты, но знакомство так и не завязалось; норвежцы узнали только, что японцы интересуются Землей Эдуарда VII.

Вскоре часть японцев высадилась на Великий барьер и устроилась на жительство на льду. 27 января 1912 г. разыграися сильнейший шторм, «Кайнан-Мару» ушел в открытое море и затем ушел к берегам Земли Эдуарда VII. 10 февраля корабль возвратился в Китовую бухту и, захватив сухопутную партию, вернулся на родину.

Никаких научных открытий экспедиция не сделала, но в отличие от всех других экспедиций оставила о себе дурную память безобразно жестоким отношением к беззащитным тюленям и пингвинам.

БЕЛОЕ ПЯТНО НА КАРТЕ АНТАРКТИКИ УМЕНЬШАЕТСЯ...

Вильгельм Фильхнер (1911 - 1912). Дуглас Маусон (1911 — 1913). Эрнст Шекльтон (1914—1916). Лестер — Багсхэв (1920—1922). Э. Шекльтон, Ф. Уайльд (1921 - 1922).

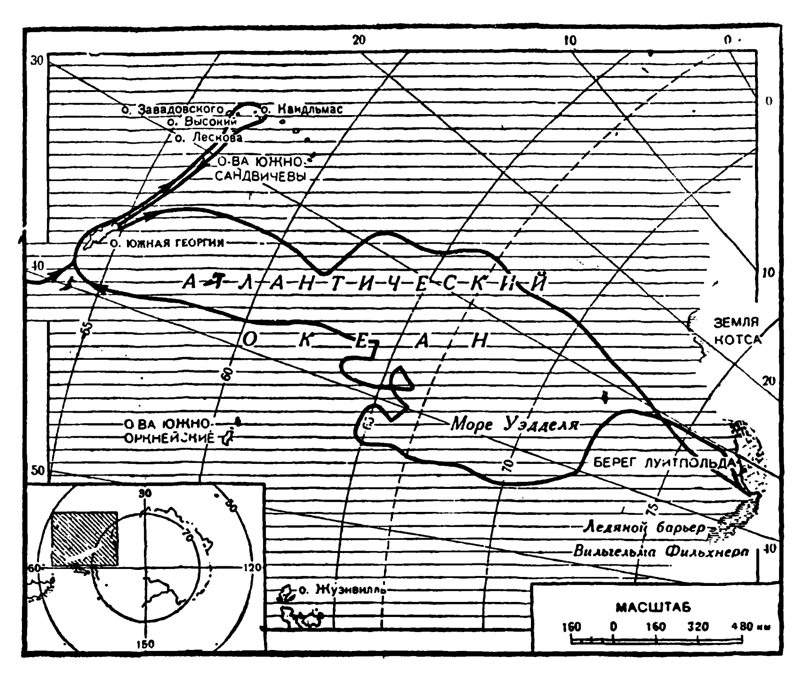
С достижением южного полюса пора интернациональных состязаний на быстроту и выносливость кончилась, и опять началось спокойное и серьезное исследование антарктических стран.

Одновременно со Скоттом собирался посетить антарктические страны германский ученый В и л ь г е л ь м Ф и л ь х н е р, довольно известный исследователь Тибета. Несколько запоздав со снаряжением и выездом, он выбрал другую, более благодарную и интересную задачу — обследование моря Уэдделя, с тем, чтобы по нему или по земле Котса проникнуть в антарктические страны возможно глубже. Фильхнер был убежден, что моря Уэдделя и Росса сообщаются между собой, разделяя антарктическую сушу на две неравные части.

Экспедиция В. Фильхнера была снаряжена и организована всецело на частные средства. Для экспедиции приобрели корабль «Германия», — еще нестарое (выстроенное в 1906 г.) китобойное судно с тремя мачтами и паровой машиной, специально приспособленное для плавания в полярных водах, с бортами необычайной толщины и крепости, для сопротивления напору льда. На корабль взяли сильный (по тем временам) радио-телеграфный аппарат. Аргентинское правительство решило устроить на южной оконечности Огненной Земли радиотелеграфную станцию, чтобы дать возможность Фильхнеру время от времени сноситься с цивилизованным миром.

В состав экспедиции входило шестеро ученых, в том числе известный океанограф Бреннеке.

7 мая 1911 г. «Германия» вышла из Бремергафена. Первой задачей экспедиции были океанографические исследования в средней части Атлантического океана. Путь шел зигзагами сначала на Азорские острова, где в городке Понто Дельгадо на о-ве Сан-Мигуэль судно недолго простояло.



Карта экспедиции В. Фильхнера 1911—1912 гг.

Путешественники в эти дни знакомились с чрезвычайно живописной природой острова, увенчанного солидным (1105 *м*) конусом потухшего вулкана Пико де-Вара. Следующую остановку сделали на одиноком необитаемом островке св. Павла, населенном тучами морских птиц. Затем следовал г. Пернамбуко в Бразилии, и, наконец, 7 сентября — Буэнос-Айрес, куда вскоре прибыл и «Фрам», отвезший Амундсена в Китовую бухту.

4 октября 1911 г., после новых приготовлений, «Германия» покинула Буэнос-Айрес и направилась к Южной Георгии, исследование некоторых частей которой было второй задачей экспедиции. 8 октября увидали первых пингвинов, которые во множестве плавали и плескались в спокойной воде открытого океана. Но вскоре погода круто переменилась, и ветреные дни с жестокой качкой лишь изредка сменялись более спокойной погодой. Наконец, 21 октября показались могучие, одетые снегом и льдом хребты Южной Георгии, и в тот же день «Германия» стала на якоре в уютной Салотопенной бухте на северо-восточном побережье острова.

Целых 48 дней провела экспедиция на Южной Георгии, производя всевозможные метеорологические, геологические

и географические исследования, поднимаясь на вершины, фотографируя и обследуя отдельные заливы этого большого острова. Со времени экспедиции Норденшильда Южная Георгия, формально присоединенная англичанами к своим владениям, сделалась центром обширного китобойного и тюленьего промыслов. На острове в 1911 г. было четыре компании: две норвежских, одна английская и одна аргентинская, содержащая около 300 рабочих. Каждая компания имела свое становище — рабочий поселок с салотопней, в которой благодаря незамерзающему морю и сравнительно мягкой зиме работа шла круглый год.

Самое крупное становище — Грютвиккен (Салотопня) принадлежит аргентинцам, и всеми промыслами (Грютвиккен — единственное становище, где английское правительство разрешает убой морских слонов и леопардов) заведывал наш старый знакомый Ларзен, — капитан норденшильдовского «Антарктика». Грютвиккен основан в 1904 г. и связан с Буэнос-Айресом регулярными рейсами почтовых пароходов. В Грютвиккене живет английский чиновник, заведующий островом, и таможенный надзиратель. Во время пребывания Фильхнера в водах вокруг Южной Георгии было еще множество китов и шло ужасающее их истребление: в иные дни в один только Грютвиккен доставляли до 48 убитых китов-полосатиков разных видов; по словам Лар-



Свежевание убитого морского слона.

зена в 1910 г. сюда был доставлен синий кит — 59 *м* в длину — чудовище совершенно неслыханных размеров, значительно превосходящее всех атлантозавров, диплодоков и других исполинских пресмыкающихся мезозойской эры.

Ларзен принял Фильхнера с распростертыми объятиями и даже предоставил в его распоряжение для обследования мелководных участков берега легкое китобойное судно «Ундину». Во время пребывания на Южной Георгии Фильхнер, кроме обследования отдельных частей острова, поручив своим товарищам продолжать работу, предпринял двенадцатидневную поездку к открытым еще Куком и Беллингсгаузеном, но совершенно неисследованным Южно-Сандвичевым о-вам. Подойти удалось довольно близко к наиболее интересным островам — Лескова, Завадовского и Кандльмас, но пристать, несмотря на все попытки, было совершенно невозможно. Скверная погода не позволила даже фотографировать. Все же удалось сделать несколько интересных наблюдений, рисунков и измерений. На Кандльмасе, высшая точка которого достигает 650 *м*, находится действующий вулкан, а остров Завадовского (350 *м* высоты) целиком состоит из дымящегося, одетого снегом, вулканического конуса.

11 декабря 1911 г. «Германия» покинула берега о-ва Южной Георгии и направилась к югу. 14 декабря встретились первые льдины. 17-го достигли окраины сплошного льда.

Пройдя через пояс пловучих льдов в 1200 морских миль шириною, экспедиция в феврале 1912 г. открыла твердую землю под 76°35′ ю. ш. и 30° з. д. и прошла вдоль нее до 79° ю. ш. Новая земля получила название Земли принца Луитпольда. Новооткрытая земля составляет южное продолжение Земли Котса, которая была открыта еще Брюсом на «Скотии». Под 78° ю. ш. экспедиция встретила высокую ледяную стену, напоминающую Великий барьер Росса. На этот барьер была произведена удачная высадка. Вскоре приливом отломило несколько квадратных километров льда со стоявшей на нем станцией, которую удалось спасти и взять на борт. Далее во время обратного путешествия к о-ву Южной Георгии «Германия» 9 марта под 75°43′ ю. ш. и 32°19′ з. д. попала в сплошной движущийся лед, с которым беспомощно носилась по морю — «дрейфовала». Только 26 ноября под 63°37′ ю. ш. и 36°34′ з. д. удалось освободить судно, взрывая лед, и 19 декабря «Германия» бросила якорь у берегов Южной Георгии. Произведенные во время дрейфа океанографические и метеорологические наблюдения дали следующие результаты: море Уэдделя перед барьером мелко, но посредине достигает глубины 5148 *м* и на севере отделяется от Атлантического океана повышением дна почти на 1000 *м*. В море Уэдделя заме-

чается сильное понижение атмосферного давления. Вокруг этого минимума образуются воздушные течения, которые облегчают движение судна на восточной стороне моря и затрудняют на западной. Во время дрейфования с корабля была снаряжена 8-дневная санная экспедиция по направлению к проблематической Земле Морреля[1], но ее найти не удалось. Вскоре по возвращении санной экскурсии скончался от болезни сердца капитан Фахзель, морской руководитель экспедиции.

Состояние льдов в море Уэдделя не позволяло продолжать исследования в этом году. Судно требовало некоторых исправлений, да и запасы провианта и угля приходили к концу. Поэтому Фильхнер направился в Буэнос-Айрес с тем, чтобы на следующий год возвратиться в море Уэдделя для дальнейших исследований. Но судьба решила иначе: многие соотечественники Фильхнера, непременно желавшие от его экспедиции грандиозных открытий, могущих конкурировать с открытиями Амундсена и Скотта, объявили его экспедицию неудачной, и сочувствия в своих дальнейших стремлениях он не встретил.

А между тем с точки зрения науки чисто географические результаты этой экспедиции весьма значительны, в особенности работа одного из ее участников океанографа Бреннеке. Впервые к югу от Америки достигнута чрезвычайно высокая широта, 77°48′ ю. ш. (под 34°39′ з. д.). Открыт новый участок антарктической суши (Земля принца Луитпольда), вероятно стоящий в связи с Землей Котса. Открыт и прослежен на 150 *км* новый ледяной барьер, которому в ученом мире дали название барьера Фильхнера. Разрешен вопрос о Земле Морреля и сделано множество промеров и наблюдений. Спутником Фильхнера. д-ром Хеймом, опубликованы геологические результаты экспедиции. Новый участок суши Земли принца Луитпольда, — повидимому, равнинная, столовая страна, одетая ледяным покровом сравнительно небольшой толщины, хотя камень выступает наружу не более, как в двух или трех местах. Горный хребет, тянущийся по Земле Грахама и рассматриваемый как продолжение Кордильер, здесь во всяком случае отсутствует (как, повидимому, и на Земле Котса). Валуны, встречающиеся в моренах, куски красного конгломерата, состоящего из порфировых голышей, указывают скорее на родство с Австралией, чем с Южной Америкой.

Говорить о непосредственной связи между морем Росса и морем Уэдделя и о разделении антарктического материка на две части после путешествия Амундсена не приходится,

---

[1] В 1823 г. американский китобой Моррель видел, будто бы, в середине моря Уэдделя участок суши, названный его именем. — *Ю. Ш.*

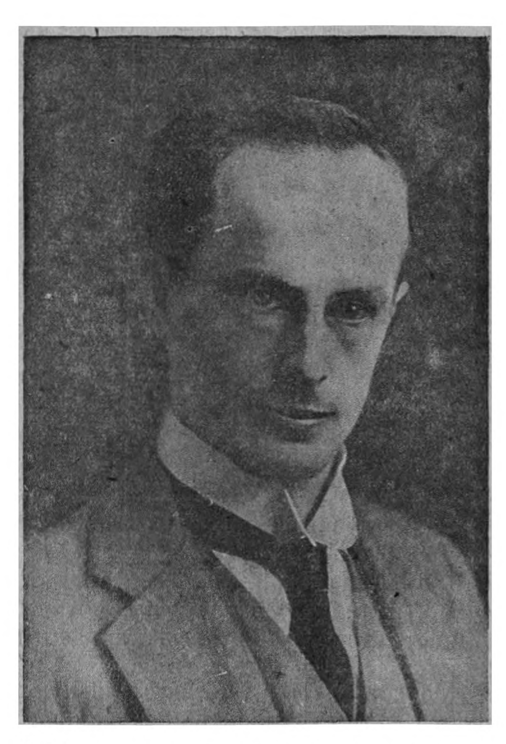
но весьма вероятно, что оба эти моря, по всем данным грабены, составляют части одной и той же области опускания: только средняя, материковая часть ее меньше опустилась, чем краевые, занятые морями. Открытую близ Земли Луитпольда ледяную стену в 15 *м* вышиною д-р Хейм считает остатком ледникового периода. Хотя несомненно, что сверху она растет вследствие ежегодно выпадающего и мало-помалу превращающегося в лед снега, а снизу подтаивает от соприкосновения с более теплой морской водой, тем не менее все образование его в целом возникло в ледниковую эпоху. Экспедиции удалось встретить ледяные горы от 40 до 120 *м* высоты над поверхностью воды, особенно вблизи Южно-Оркнейских о-вов.

Остров Южная Георгия горист. Внутри его проходят три высоких хребта (2—3 тыс. *м* высотой), служащие источником для громадных глетчеров, которые тянутся до самого моря и круто ниспадают в него, образуя высокие стены. Найденный экспедицией «меловой» аммонит позволяет несколько судить о возрасте этих гор. Береговые горные цепи невысоки и лишены ледников. Море глубоко заходит внутрь острова, образуя многочисленные фиорды, — указание на прежнее, еще более значительное обледенение острова. На открытых склонах ведет жестокую борьбу за существование жалкая растительность.

*Главное научное значение имеют океанографические работы экспедиции. Д-р Бреннеке сделал чрезвычайно много в этом отношении, и его отчет представляет самую большую современную работу по океанографии Атлантического океана, тем более, что она была первая, доведенная от тропиков до берега Антарктиды. Таким образом она давала первый обстоятельно наблюденный меридиональный океанографический разрез.

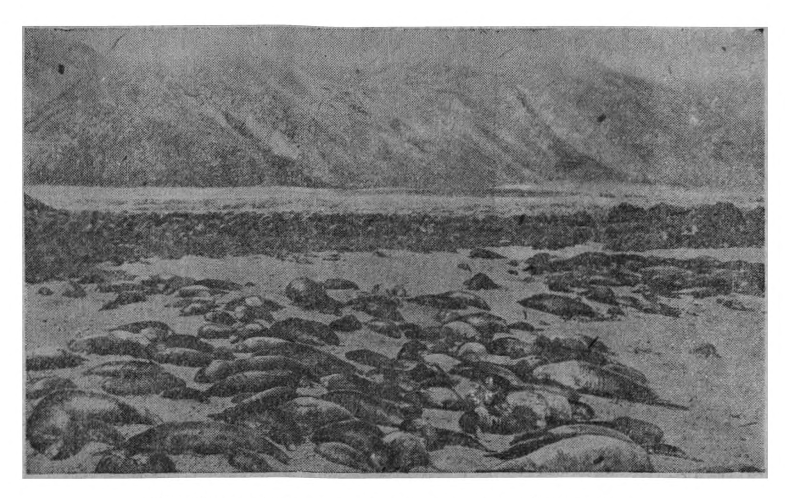
Только теперь, после германской океанографической экспедиции на «Метеоре» (1926—1928) получены значительно более богатые материалы для океанографии Южного Атлантического океана. Однако экспедиция «Метеора» не проникала в море Уэдделя, потому океанография этой части океана освещена только работами Бреннеке.

Не менее интересных результатов, хотя и при гораздо больших жертвах, достигла австралийская антарктическая экспедиция Дугласа Маусона. Спутник Шекльтона Маусон поставил себе задачей ознакомиться с лежащим к югу от материка Австралии участком Антарктиды, известным под общим названием Земли Уилькса. Участок этот, занимающий береговую линию протяжением около 3200 *км*, был открыт в 40-х годах Дюмон-Дюрвиллем и Уилксом и так долго



Д. Маусон перед отправлением в экспедицию.

с тех пор никем не посещался, что самое существование его стало подвергаться сомнению. Дело в том, что Дюрвилль и Уилькс видели не связную полосу суши, а отдельные выступающие участки, которым и давали различные названия (Земли Клери, Адели, Сабрины, Кнокса, Норта и т. д.). При несовершенстве тогдашних инструментов положение их определяли недостаточно точно, так что экспедиции, посещавшие эти места впоследствии, не находили указанных Уильксом земель на их местах (например, экспедиция «Челленджера» и Дригальский на «Гауссе» не могли найти Земли Терминэйшен — крайнего западного выступа Земли Уилькса). Маусон предполагал еще раз объехать Землю Уилькса, держась возможно ближе к берегу, и проверить наблюдения прежних путешественников и, где нельзя по морю, то по суше, замкнуть береговую линию от Земли Виктории до Земли Вильгельма II. План Маусона встретил полное сочувствие в Австралии как среди ученых и административных кругов, так и у частных лиц, и его экспедиция получила значительную материальную поддержку.



Лежбище морских слонов на о-ве Маккуэри.

Для экспедиции приобрели пароход «Аврору». В Гренландии купили собак. Взяли аэротракторные сани. Походная радиостанция должна была поддерживать связь с Австралией.

Маусон решил высадить одну партию на о-ве Маккуэри, затем устроить основную базу на Земле Адели и несколько вспомогательных депо на различных, далеко отстоящих друг от друга пунктах побережья, чтобы иметь возможность обследовать большую территорию.

2 декабря 1911 г. «Аврора» вышла из Гобарта в Тасмании и через девять дней пути подошла к усеянному рифами побережью о-ва Маккуэри. Запасы пришлось выгружать на шлюпках, так как судно не могло приблизиться к берегу. Из шлюпок, помощью хитроумного приспособления их поднимали к складу, который построили высоко на скалах.

Через несколько дней пароход тронулся дальше. Капитан Дэвис, пользуясь течениями, осторожно лавировал между ледяными горами разной величины. Наконец, показалась открытая вода. Путь к Земле Адели был свободен. Далеко в море (более чем на 100 *км*) выдавался язык ледника. «Аврора» пошла вдоль него. Ледник обрывался огромными утесами высотой до 45 *м*, испещренными гротами и пещерами, выбитыми во льду ударами волн и порывами ветра.

В бухте, которую Маусон назвал бухтой Республики, расположенной под 60°51′ ю. ш. и 145° в. д. приступили к устройству главной базы на мысе Денисона.

Первое знакомство с Землей Адели показало, что «здесь

царит еще ледниковая эпоха. Так, вероятно, выглядела северная Европа несколько сот тысяч лет назад — в Великий ледниковый период».

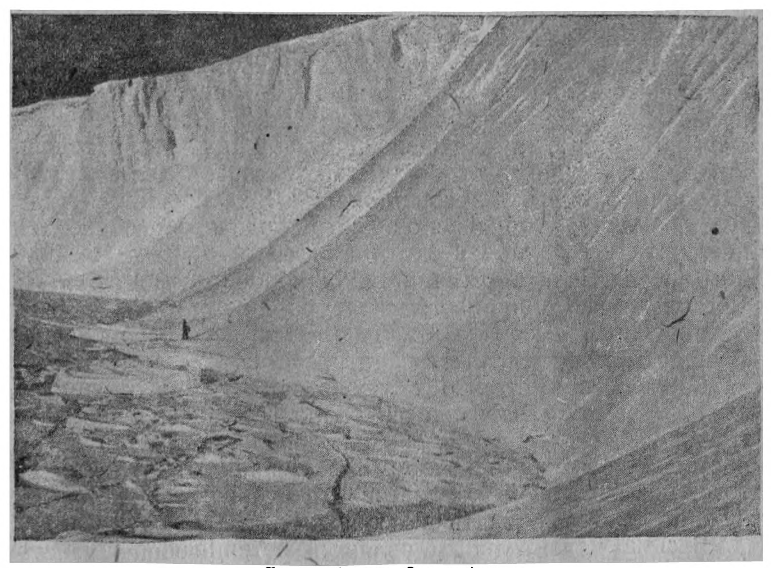
Мыс Денисона представлял собой как бы оазис скал в километр длиной и полкилометра шириной на краю необозримых ледяных пространств, спускающихся в море.

Вторую базу решено было основать к западу от мыса Денйсона. «Аврора» пошла на запад, увозя партию из 8 человек под руководством Франка Уайльда.

На мысе Денисона осталось 17 человек с Маусоном во главе.

Уже первые дни пребывания на Земле Адели дали ясное представление о погоде этой страны. Ветер дул не прекращаясь ни на минуту с такой силой, что ходить можно было лишь согнувшись и цепляясь «кошками» за лед, как будто опираясь всей тяжестью тела на невидимую подпорку. На мысе Денисона не было ни почвы, ни гравия. Один голый, отполированный камень. Все сносилось ветром. Чтобы укрепить основания бараков и палаток, пришлось взрывать скалы.

Пока строились жилища, биолог работал в гавани, дно которой было покрыто богатой растительностью. Множество водорослей, антарктических рыб, моллюсков и пр. попадало в сети ученого. Пингвины и тюлени водились в



Берег бухты Республики.



Ледниковая морена на мысе Денисон.

изобилии. Удалось даже поймать морского слона длиной более 5 *м* и весом около тонны.

Бараки были готовы. Члены экспедиции расположились с достаточным комфортом. Работа по научным наблюдениям велась интенсивно, но к обследованию окружающих базу мест нельзя было приступать из-за погоды.

Приближалась зима. По мере того, как осенние дни укорачивались и свет потухал, ветер начинал дуть все сильней и сильней. Стоял непрекращающийся шум. Люди просыпались, если грохот ветра иногда внезапно, на несколько минут, прекращался. Одной из отвратительных метеорологических особенностей Земли Адели являлись смерчи и бураны. Маусон пишет: «Представьте себе такую густую метель, что дневной свет, проходя через нее, меркнет, хотя бы солнце в это время светило среди безоблачного неба. Снег несется в вихре, пробегая со свистом по 125 *км* в час, причем температура спускается ниже 18°... Беспощадный ветер колет, ударяет и замораживает; терзающая метель ослепляет и потрясает...

Каждый поймет, что в такую погоду никто из нас не выходил наружу ради своего удовольствия. Научная работа требовала очень частых наблюдений за инструментами, поставленными на некотором расстоянии от барака, кроме того, необходимо было доставлять в барак лед и припасы, нужно было ухаживать за собаками...

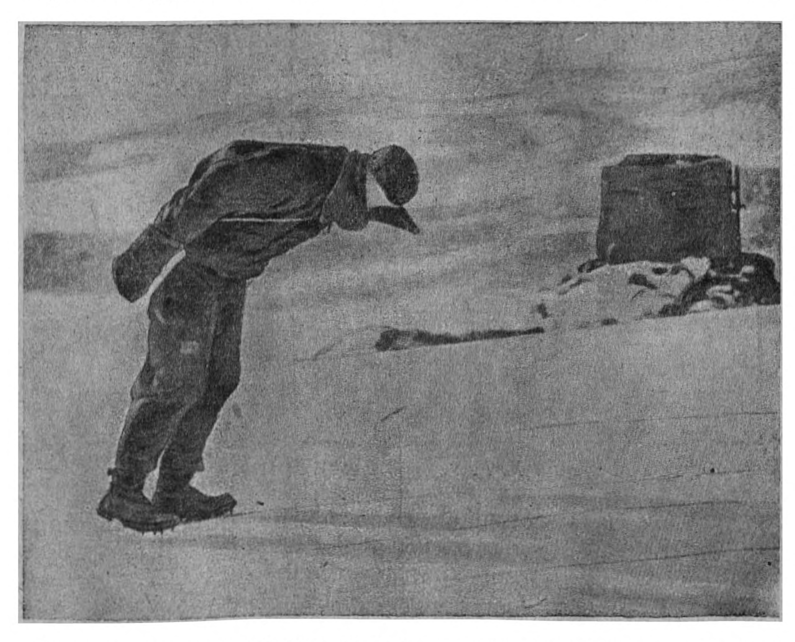
Весьма удивительным является оттачивающее действие, производимое трением частичек снега. В несколько дней

прорезались насквозь ледяные колонны, перетирались канаты, выедалось дерево, полировался металл. Мы выносили на ветер ржавые собачьи цепи, и через пару дней они сверкали как новенькие. Выставленный на ветер ящик из-под товаров потерял свою окраску; но за неделю он приобрел новое украшение: твердые, узловатые волокна были слегка тронуты, а более мягкие сердцевинные слои были как бы выедены на глубину до 3 *см*.

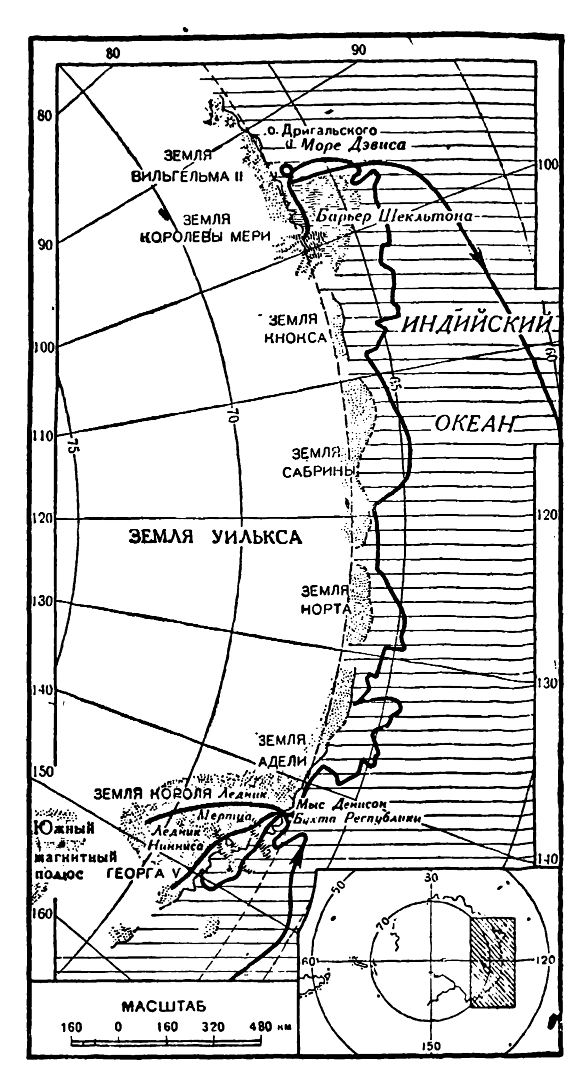
Одним из странных эффектов метели являлся огонь св. Эльма — бесшумный электрический разряд. Нежный голубой свет играл на выступах скал, около шкапов с инструментами, на углах ящиков. Херлей перехватывал огонь св. Эльма и заставлял его звонить в электрический звонок».

Бураны спускались по ледяному скату внутри страны и потрясали мыс Денисона в течение всей зимы. Ветер скоростью в 125 *км* в час был совершенно обычным; инструменты не раз отмечали порывы ветра, превышающие 285 *км* в час. Периоды затишья случались очень редко.

Бараки были занесены снегом, но в крыше одного из них устроили люк, через который люди выходили в метель, чтобы выполнять свои научные обязанности вне барака. Нередко буран сбивал людей с ног, и их приходилось



Во время ветра можно итти только согнувшись и цепляясь „кошками" за лед.



Карта экспедиции Д. Маусона 1911—1913 гг.

с трудом в беспомощном состоянии доставлять домой. Вообще покинуть барак во время бурана — означало подвергнуться каким-либо приключениям.

Даже тюлени не вылезали на берег, так как ветер сметал их с ледяной поверхности.

Радио бездействовало. Из-за ветров и низких температур в течение пяти месяцев нельзя было установить мачты для

антенны. Когда же ее с трудом натянули, то из-за шума бури радист не мог расслышать сигналов. В конце концов одну из мачт сорвало бурей и, таким образом, все тяжелые усилия наладить связь с внешним миром оказались тщетными.

В планы Маусона входило нанесение на карту береговой линии к востоку от мыса. Все члены его группы были разбиты на пять партий, каждая из которых получила определенное задание.

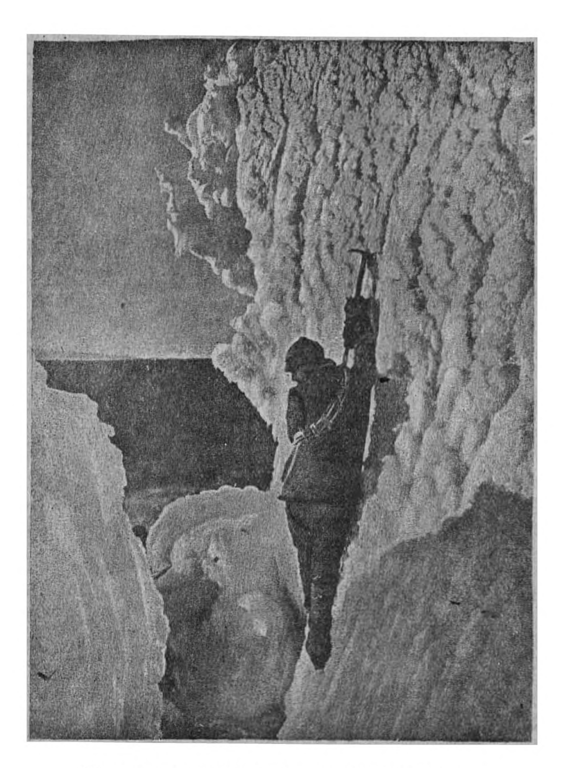
Весна принесла солнце, но не конец буранам.

Только к ноябрю погода улучшилась и исследователи пустились в путь. Маусон, Мертц и Ниннис с 16 собаками, впряженными в трое саней, тронулись на восток к леднику Мертца. Люди, собаки и сани часто проваливались в трещины, покрытые сверху тонкой ледяной коркой. Путешествие по леднику вело через хаос торосов вышиной до 60 *м*.

После четырех дней упорных усилий партия добралась по леднику до возвышенности, имевшей в высоту 690 *м*. Ледяной слой спадал с нее в равнины, тянувшиеся на север к замерзшему морю. Перед путниками открылась прекрасная панорама берега. Большую ледяную косу, шедшую от ледника Мертца, можно было проследить глазами до горизонта. Среди льдов группировались ледяные горы. Утесы



Зимний вечер на зимовке (× — Маусон).



Мертц спускается в ледяную трещину.

Органных труб, угрюмые и темные, ясно виднелись вдали, несмотря на большое расстояние. Группа продолжала подвигаться вперед к леднику Нинниса.

13 декабря Маусону пришлось оставить одни сани, а на следующий день путешествие оборвалось при самых трагических обстоятельствах. Ниннис, подвигавшийся позади Маусона и Мертца, провалился сквозь непрочный снежный мост. Несчастие случилось с поразительной быстротой. Только за минуту перед тем Маусон перешел через тот же предательский мост, не подозревая, что внизу сторожит смерть. Внезапно завыла собака. Маусон подумал, что Ниннис просто хлестнул животное кнутом. Но, когда он оглянулся, то от Нинниса и его упряжки не осталось и следа. Дыра во льду говорила об ужасном происшествии. На одном выступе глубоко внизу в пропасти лежали две собаки, одна убитая, другая искалеченная.

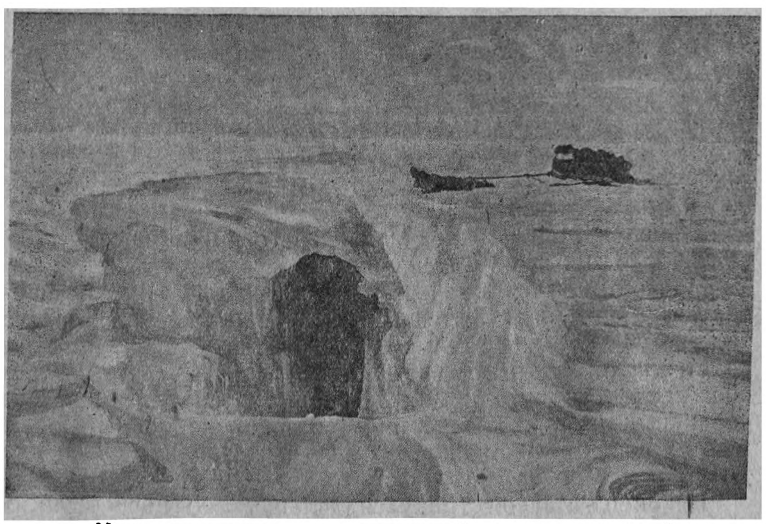
Слишком короткие веревки не позволяли спуститься в пропасть. Маусон и Мертц перегнулись через край бездны и несколько часов, пока совершенно не лишились голоса,

кричали и звали Нинниса. Но из холодных глубин никто не отзывался. Положение Маусона и Мертца из-за смерти товарища оказалось катастрофическим. Они находились на расстоянии 504 *км* к востоку от мыса Денисона и располагали запасом пищи только на десять дней. Правда, у них осталось шесть собак, но корм для животных, как и большая часть провианта, погиб с санями Нинниса. Пропали также палатка, топор для колки льда, заступ и некоторые запасные части одежды.

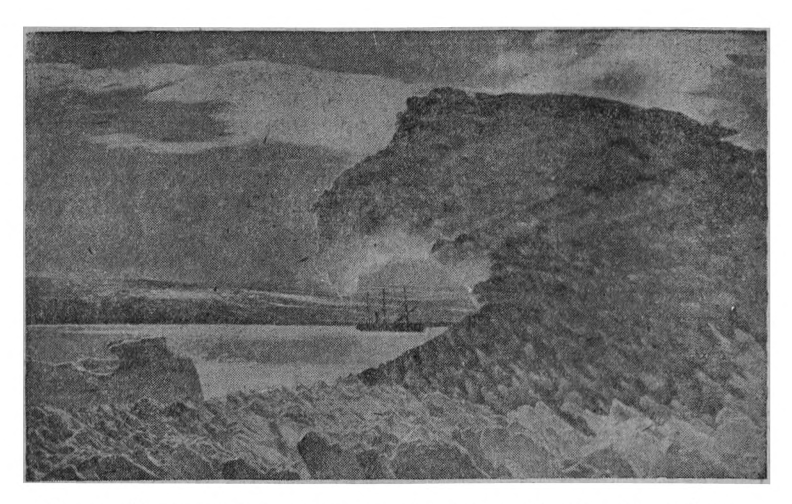
Покрышка от палатки, горючее и котелок остались целы. Из-за отсутствия корма собаки теперь стали бесполезны, представляя собой лишь запас пищи для людей.

Маусон решил вернуться обратно. Из полозьев одних саней они смастерили шесты для палатки. Кое-как сделали подобие столовых ложек. Одну из собак убили, чтобы накормить остальных.

Удрученные и одинокие передвигались путники по волнистой поверхности возвышенности, расположенной более 600 *м* над уровнем моря. Компас давал сбивчивые указания. Для голодающих собак подъемы оказались тяжелыми. Когда какая-либо из собак выбивалась из сил, ее клали на сани и везли живую до тех пор, пока не являлась нужда в мясе. Тогда собаку убивали. После еды от скелета не оставалось и следа: собаки съедали даже шкуру и кости. Маусон и Мертц варили себе из собачьего мяса и костей суп.



Маусон переползает через снежный мост над трещиной.



Снежный карниз и поверхность снежного покрова после бури. Вдали видна „Аврора".

Проходя головной конец ледника Нинниса, люди радовались его сравнительно ровной поверхности.

Большинство из переходов совершалось ночью, так как в это время снежный покров был немного крепче. Ветер досаждал беспрерывно.

В первый день нового, 1913 г., Мертц почувствовал себя плохо и не смог итти далеко. Он полагал, что собачье мясо отразилось на его здоровье. Пять дней спустя Маусон, хотя и сам был слаб, уложил Мертца на сани.

Перспективы ухудшались. До барака было не меньше 160 *км*. «Каким коротким это расстояние показалось бы для здорового человека», — писал Маусон. Но каким огромным оно представлялось слабым и изнуренным людям. «Кожа на наших телах облупилась и взамен ее остался какой-то жалкий суррогат, который быстро трескался, а во многих местах стерся до мяса».

7 января Мертц находился в состоянии полного упадка сил. После дня агонии он скончался.

Маусон остался один. В своем дневнике он рассказывает, как завернул Мертца в спальный мешок, нагромоздил вокруг ледяные глыбы, сделал из санных полозьев крест. Затем он разрезал сани пополам, чем сократил их вес, сделал из куртки Мертца парус и сварил себе запас собачьего мяса, чтобы не брать с собой керосина. Последняя из собак — Джинджер — была убита за несколько дней до смерти Мертца.

Наконец, Маусон тронулся дальше. Его ноги были отморожены и страшно болели, кожа сошла с подошв твер-

дыми слоями. Обмазав ноги мазью и обернув их бинтами, он почувствовал себя лучше. Не один раз еще пришлось Маусону лечить открытые раны у себя на руках, лице и теле. Однажды, сбросив платье, он принял солнечную ванну. Горячие лучи придали ему бодрость.

Погода стояла неустойчивая. Маусон продвигался с трудом. 13 января он еще раз убедился, что идет по правильному пути и находится недалеко от головного конца ледника Мертца.

Ледник грохотал. Маусон не мог вполне понять причину бухающих звуков, но «повидимому, они были связаны с замерзанием и образованием трещин во льду, вследствие холода». Его переход через ледник находился на границе невероятного. Маусон попал в трещину, выкарабкался из нее, но затем упал в другую и спасся только благодаря веревке, которой он был впряжен в сани. По ней он взобрался наверх, но опять свалился. С трудом поборов в себе искушение «распроститься с жизнью», Маусон выкарабкался, физически и нервно потрясенный. После этого случая он сделал лестницу из веревки. Один конец ее был привязан к саням, другой висел на плече. Провалившись в следующую трещину, он вылезал из нее по лестнице.

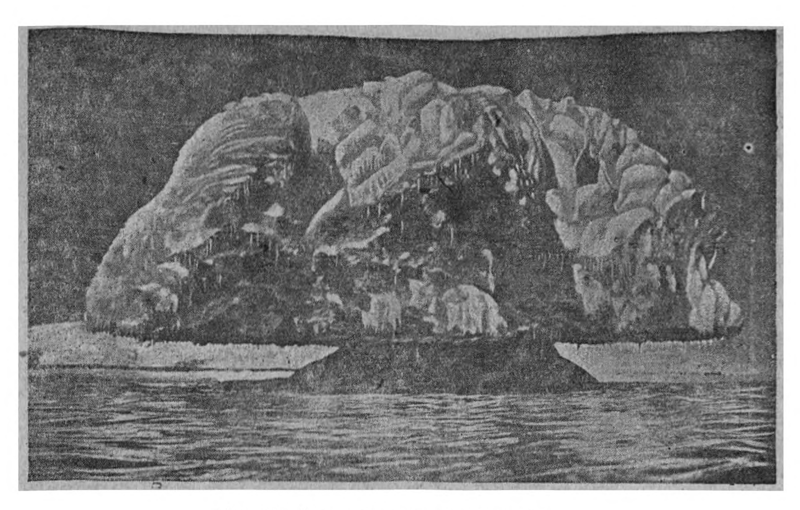
В таких приключениях прошло еще 16 дней. К 29 января Маусон успел пересечь долину ледника и взобраться на возвышенность, имевшую в этом месте 900 *м* высоты. Здесь он оставил часть снаряжения. Солнечные дни сменялись днями буранов. Маусон все подвигался вперед и стал уже надеяться на благополучное возвращение.

С 28 января дорога спускалась вниз по направлению к бухте Республики. Вскоре он наткнулся на керн, сделанный партией, вышедшей на его поиски. До главной базы оставалось только 36 *км*.

Вместе с провизией в керне находилось письмо, извещавшее Маусона, что «Аврора» пришла за ним и его партией.

После перехода через ледник Маусон для облегчения выбросил кошки с шипами для ходьбы по льду и теперь — при сильном ветре — он не мог держаться на гладком ледяном склоне. Сев на сани, он пытался съехать вниз, но ветер отнес его в сторону. Пришлось вновь изобретать. «Я взял куски ящика от теодолита, вогнал в них гвозди из мешка с инструментами и винты от саней и отправился в путь по ледяным склонам, прикрепив к ногам это жалкое подобие «кошек». Ему удалось пройти еще 10 *км*, затем «кошки» сломались. Но до лагеря было уже недалеко.

Еще несколько тяжелых километров, и месячное странствование по льдам закончилось.



Грибообразная льдина на скале

8 февраля 1913 г. Маусон добрался до барака и узнал, что «Аврора», которая приходила, чтобы отвезти его партию на родину, ушла только несколько часов назад.

Так как радио было налажено, пароход смогли вызвать обратно, но посадки на судно из-за ветра нельзя было сделать. Пришлось подчиниться неизбежному — проводить на Земле Адели с оставшимися товарищами вторую зиму.

Только летом (южным) 1913/14 г. Маусон со спутниками возвратились в Австралию.

Все группы экспедиции успешно выполнили свои задания.

Западная партия Ф. Уайльда, высадившаяся 13 февраля 1912 г. прямо на лед на расстоянии 2400 *км* к западу от лагеря Маусона, сняла на карту около 400 *км* совершенно нового, до сих пор невиданного берега. Этот берег получил название Земли королевы Мери. Вся страна до самого берега одета мощным ледяным покровом, толщиною нигде не меньше 300 *м*, из-под которого лишь в немногих местах выступает твердая земля. На огромном протяжении ледяной покров доходит до самого моря и обрывается в него колоссальными отвесными стенами.

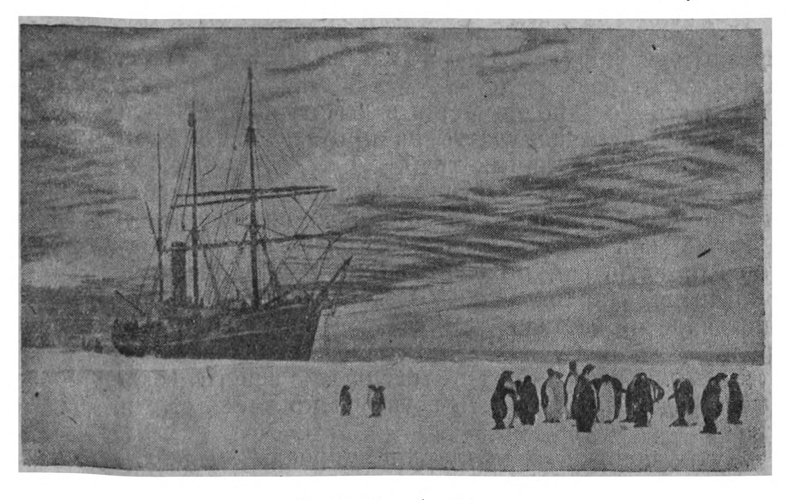
Подобно Земле королевы Мери, и Земля Адели погребена под толстым слоем льда, который вертикально обрывается в море, а внутри страны, постепенно поднимаясь, достигает высоты 2100 *м*. Земля эта оказалась страной, чрезвычайно обильной ветрами и бурями (еще в гораздо большей степени, чем по наблюдениям Дригальского Земля Вильгельма II у бухты Республики).

Преобладающий, почти не затихавший ветер неизменно дул с высокого плато Антарктиды. Направление ветра было настолько постоянно, что при экскурсиях в глубь материка во время метели и в полной темноте по ветру можно было держать курс. Ветер и вызванная им снежная метель служили лучшими показателями направления, чем компас, который находился под влиянием магнитного полюса. Этот ветер, зарождающийся на юге на высоком плоскогорье антарктического материка, имел характер фена, поэтому он почти не вызывал понижения температуры на станции, и море перед бухтой Республики не было забаррикадировано льдами, так что «Аврора» могла все три раза беспрепятственно подходить к берегу.

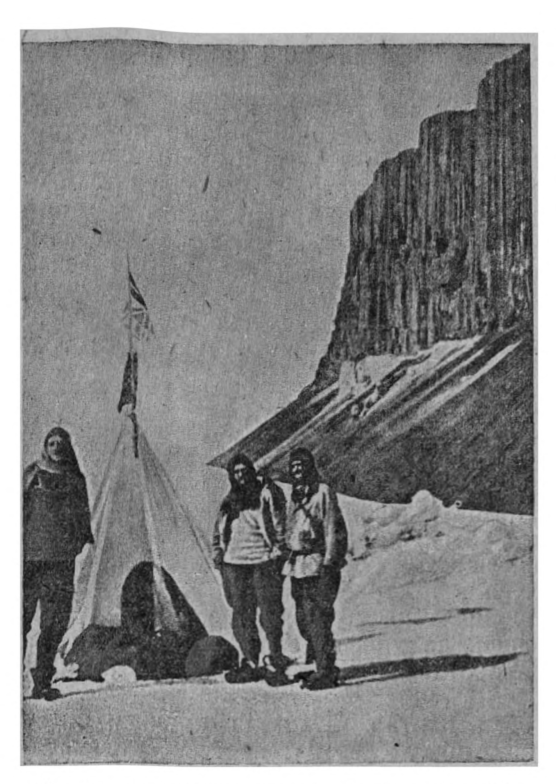
Вдоль берега расположено множество островов, из которых самый большой был назван о-вом Дригальского. На этих островах было найдено два колоссальных базара королевских пингвинов, из которых один насчитывал не менее 15 тыс. особей и, следовательно, являлся богатейшим из известных до сих пор птичьих базаров в мире. В начале 1913 г. партия Уайльда была снята пришедшей за ней «Авророй» и доставлена в Австралию.

Южная группа проникла на 480 *км* к югу и на голой возвышенности, лежащей на уровне 1770 *м* (в 280 *км* от магнитного полюса), произвела ряд весьма ценных магнитных наблюдений.

Восточная береговая партия Медогена прошла через береговые высоты к леднику Мертца, пересекла ледяную косу ледника Нинниса и 18 декабря 1912 г. добралась до



„Аврора" у берега.



Лагерь у подножия утесов „Органных труб".

предположенной конечной точки на востоке, выступа Рога в 432 *км* от базы.

Выступ Рога поднимается в высоту более чем на 300 *м*, и вся его передняя часть на протяжении 8 *км* представляет подобие Органных труб.

У подножия утесов Органных труб было найдено множество обломков и осколков пород, ископаемые растения, а также мхи, лишаи, уголь, слюда, а «высоко над утесами порхали глупыши, похожие на белых бабочек».

Партия направилась к базе. Путники подошли к мысу Пингвинов и застали там «настоящий зверинец». Тюлени грелись на льду. Пингвины Адели возились со своими птенцами. Хищные чайки совершали набеги на прибрежные гнездовья. Воробьи и глупыши носились стаями вокруг утесов.

Чуть пониже скал летали мириады мелких красных насекомых, которые проводят полярную зиму в состоянии анабиоза и летом вновь оживают.

Партия Стильуэла нанесла на карту многочисленные прибрежные острова.

Партии Биккертона посчастливилось найти метеорит. Это был первый метеорит, обнаруженный в Антарктике. Он представлял собой небольшой кусок металла, лежавший на снегу.

Промерами, которые производились на «Авроре», были установлены некоторые любопытные данные: оказалось, что у Земли королевы Мери материковая отмель простирается весьма недалеко, а затем морское дно круто обрывается к значительным глубинам. Подобное же явление замечено и у берегов Земли Адели. Там на протяжении 120 *км* от берега сначала идет довольно постепенное понижение: 73, 218, 318, 327, 382 *м*, а потом внезапно встречается глубина в 2693 *м*. К югу от Тасмании «Аврора» тоже открыла значительное понижение дна с глубинами в 3791 *м*.

*Научные результаты экспедиции заключаются прежде всего в съемке 1800 *км* неизвестного до тех пор берега между Землей Адели и Землей императора Вильгельма II и, следовательно, в смыкании исследований Э. Дригальского с таковыми же Д. Маусона, а также в проникновении внутрь Земли Уилькса, самое существование которой подвергалось сомнению. Кроме того, привезено около трех тысяч прекрасных фотографий и произведены ценные метеорологические наблюдения.*

Едва успели возвратиться Фильхнер и Маусон, как Э. Шеклтон затеял новую антарктическую экспедицию, в задачу которой входило пересечь Южнополярный материк в самом, повидимому, узком его месте, — от моря Уэдделя через полюс к морю Росса. По приблизительному подсчету этот маршрут равнялся 2900 *км*. Большая часть пути — от моря Уэдделя до полюса должна была проходить по никем еще непосещенной части Антарктиды. Экспедиция предполагала выступить из Буэнос-Айреса и высадиться на материк под 78° ю. ш. (на Землю Котса) и, если будет возможно, немедленно тронуться в путь, отделив от себя отряд для изучения берегов моря Уэдделя. Тем временем другое судно должно было отправиться из Новой Зеландии и высадить у берегов Антарктиды в море Росса у о-ва Росса вспомогательную группу, которая с запасом провианта и топлива должна выступить навстречу главной партии и встретиться с последней у ледника Бердмора, откуда обе партии должны были направиться к базе на море Росса.

Чтобы доставить людей и снаряжение к двум пунктам

Антарктиды, Шекльтон приобрел пароходы: «Эндюренс» и «Аврору». К концу июля 1914 г. сборы закончились. Нагруженный полярным снаряжением, провиантом и углем «Эндюренс» 1 августа покинул Лондон. В этот день, как известно, началась мировая война, и приказ о всеобщей мобилизации застал судно у берегов Англии. Шекльтон запросил адмиралтейство и ему ответили: «Немедленно отправляйтесь».

Так началась вторая антарктическая экспедиция Шекльтона.

«Эндюренс» пересек океан и 26 октября вышел из Буэнос-Айреса, держа курс к о-ву Южная Георгия. С наступлением антарктического лета — 6 декабря пароход отправился к морю Уэдделя. 30 декабря пересекли Южный полярный круг. 10 января 1915 г. Шекльтон увидел открытую Брюсом Землю Котса. Продолжая итти к югу, Шекльтон достиг ледника огромных размеров, позади которого виднелась земля, покрытая льдом. Он назвал ее берегом Кэрда. Берег, судя по его положению и направлению, представляет промежуточное звено между Землей Котса и Землей Луитпольда, открытой Фильхнером.

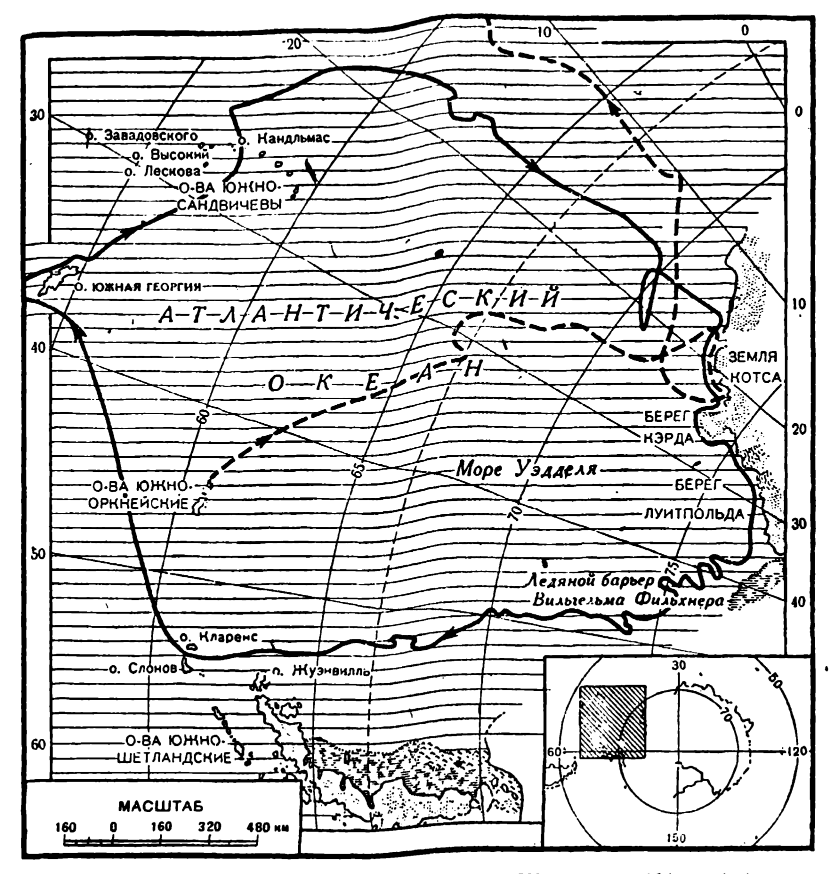
Высадиться на землю не удалось, так как в море выдвигались громадные ледяные языки, не допускавшие корабль к берегу.

Стояли большие холода, с юга налетали бури, загнавшие в конце концов «Эндюренс» в непроходимый лед. 22 февраля судно окончательно было затерто льдами. Шекльтон надеялся, что весна освободит корабль из ледяного плена, но пока что «Эндюренс» превратился в игрушку ветров и течений, дрейфуя вместе с окружавшим его ледяным полем к северу.

Подобно «Германии» Фельхнера, «Эндюренс» понесло сначала к западу, затем к северу вдоль западной окраины моря Уэдделя. Скованный льдами корабль прошел над местом, где, судя по картам, должна была находиться Земля Морреля. Вместо суши промеры показали 3470-метровую глубину.

Шли недели и месяцы, а судно продолжало дрейфовать. Люди свыклись с положением. Попрежнему изо дня в день производились промеры, велась научно-исследовательская работа и обучение собак. 1 мая зашло солнце, и наступила полярная ночь, но положение путешественников не изменилось. Ночь сменилась днем. Вернулось солнце, но ледяное поле попрежнему далеко простиралось вокруг корабля.

20 июля свирепый буран привел лед в движение. Появились многочисленные трещины, льдины лезли друг на друга, образовывали торосы, сжимали корпус «Эндюрен-



Карта экспедиций Брюса 1902—1904 гг. и Шекльтона 1914—1916 гг.
Путь Брюса — — — —, Шекльтона ———.

са». Шпангоуты (ребра корабля) гнулись, трещали доски, расходились пазы. Два месяца ни днем, ни ночью не знали покоя члены экспедиций. Каждую минуту давление льдов могло обратить корабль в груду обломков. Сентябрь прошел сравнительно спокойно, но в октябре натиск льдов возобновился.

Льдины раскалывались на части, громадные ледяные глыбы взлетали на воздух и громоздились друг на друга беспорядочными грудами выше мачт парохода. Нестерпимый грохот слышался со всех сторон. Ледяные валы то отступали, то вновь надвигались. «Мы были беспомощными существами, вторгшимися в чуждый нам мир», — писал Шекльтон в своем дневнике. «Эндюренс» со стоном и

дрожью встречал повторные атаки. 27 октября люди покинули корабль. В этот день он находился на 69°5′ ю. ш. и 51°30′ з. д. «Эндюренс» дрейфовал 281 день. По подсчетам Шекльтона судно за это время прошло 2400 миль.

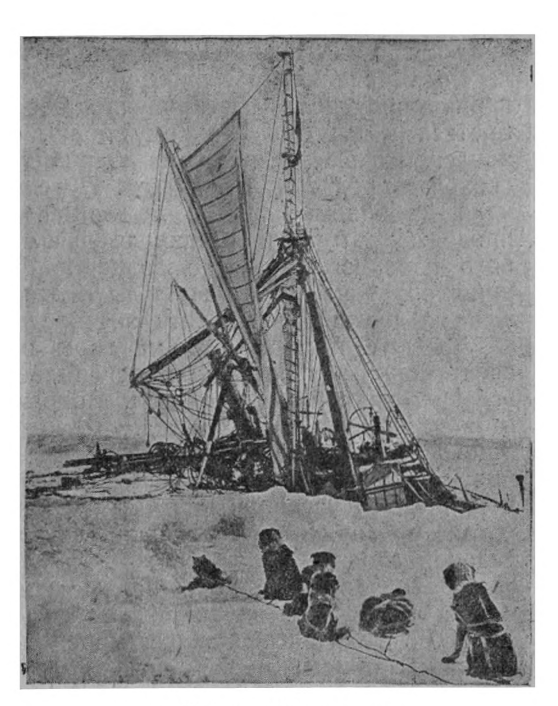
Двадцать восемь человек высадились из разрушаемого корабля на льдину, которая сама могла треснуть в любой момент. До ближайшего склада с припасами на о-ве Паулет было 480 *км* по прямой линии. Но путь к нему преграждался морем, льдинами, торосами. У потерпевших крушение имелись три больших шлюпки, достаточное количество пищи, запас одежды и много всякого снаряжения.

Льдина, на которую высадились пассажиры «Эндюренса», дала трещины. Пришлось перейти на другую, потом на третью. Здесь разбили лагерь, который назвали Печальным. Местоположение его было также небезопасным, и Шекльтон вместе с Уайльдом отыскали более крепкую льдину в двух километрах от лагеря Печального. На следующий день тронулись в путь. Каждому разрешено было взять не более 2 *кг* личного имущества. Деньги выбросили. Сохранили лишь фотографии близких.

На людей и собак легла трудная задача — перетащить три шлюпки, из которых каждая с принадлежностями и с санями под нею весила свыше одной тонны. Стояла суровая погода, а дорога, если вообще можно было говорить о дороге, была крутой и опасной, так как лед находился в движении. Дорогу прорубали сквозь торосы. Полыньи переплывали на лодках. Перебирались через трещины, из которых высовывались дельфины. По временам люди, барахтаясь, выбирались из сугробов мокрого снега. Все же задание было выполнено. На площадке из толстого льда, размерами приблизительно в 1½ *кв. км*, раскинули палатки и сложили имущество. Так возник лагерь Океана. Отсюда ежедневно совершались экскурсии к разбитому «Эндюренсу». Все что могло оказаться полезным — обломки, дрова, остатки снаряжения и пр. — тащили на новую стоянку. Из пароходного поддувала соорудили печку для вытапливания жира и старательно охотились за пингвинами и тюленями. Тюлений жир употреблялся вместо горючего. Лед топили для питья и приготовления пищи.

21 ноября остатки «Эндюренса» исчезли подо льдом. Через месяц Шекльтон решил итти по льдам на запад. 22 декабря был устроен «прощальный» обед, а 23-го утром двинулись в путь. За семь дней прошли 11¼ *км*. Люди так ослабели, что не в состоянии были держаться на ногах. Пришлось снова устраиваться лагерем.

Наступил новый 1916 г. Несмотря на лето стояла суровая, холодная погода. В палатках и спальных мешках члены экспедиции чувствовали себя довольно сносно, но



Гибель „Эндюренса".

главную заботу составляла пища, вернее недостаток ее. Тюленей больше не попадалось. Пришлось сократить паек, так как мясо подходило к концу. Отсутствие тюленьего жира, т. е. горючего, сказалось на количестве воды. Керосин был весь сожжен. Приходилось растапливать лед для питьевой воды температурой своего тела, прижимая металлические кружки к собственному телу.

Прошло короткое антарктическое лето, наступила вторая зима, а льдина, значительно уменьшившаяся в размерах, продолжала двигаться к северу. Давно уже пересекли Южный полярный круг. Собак, которые теперь являлись бесполезными едоками, застрелили. Значительное волнение с севера указывало на близость открытого моря, но суши все еще нигде не было видно.

Наконец, 23 марта на западе показались высокие горы. По всем данным это был о. Жуэнвилль, лежащий у северной оконечности Западной Антарктиды. Добраться до него не было никакой надежды: кругом, насколько хватал глаз, находился непроходимый как для шлюпок, так и для саней пловучий лед.

7 апреля завидели о. Кларенс в группе Южно-Шет-

ландских о-вов. 8 апреля льдина, на которой был раскинут лагерь Терпения, раскололась пополам. Шеклтон с товарищами успели благополучно сесть в шлюпки и добраться к другому ледяному полю, где и устроились на ночлег. Ночью, однако, эта льдина также треснула и раскололась под самой палаткой. Путешественники едва уцелели на обломке 28—30 *м* длиной. На следующий день продолжали путь и 10 апреля вышли за границу сплошного пловучего льда, но волнение было так сильно, что пришлось опять войти во льды и для облегчения перегруженных шлюпок выбросить значительную часть груза.

Ледяные поля и ледяные горы окружали шлюпки со всех сторон. Стесненные в переполненных шлюпках люди все время страдали от холода. Мокрый снег, брызги дождя и воды замерзали на одежде. Бороды побелели от инея. Многие отморозили себе конечности. Единственным утешением были те часы, когда зацепившись за крупную льдину, можно было установить печку и приготовить себе неприхотливый горячий обед. Один лагерь они устроили на ледяной горе.

Проходили дни и ночи, полные опасностей для шлюпок и для людей, как вдруг показалось открытое море. Они были освобождены. Однако море оказало очень неприветливый прием: в эту ночь поднялся сильный ветер, причем температура упала ниже нуля. Люди связали шлюпки одна с другой и цепью поставили на морской якорь. Шлюпки черпали воду, которая замерзала и тянула их книзу. Вся команда замерзла и ослабла, но утро принесло солнечное тепло и лучшую погоду.

Вскоре им пришлось изведать новое, неожиданное лишение — недостаток питьевой воды. Шлюпки так быстро покинули льды, что было взято лишь несколько килограммов льда, который скоро весь вышел. Без льда не было питьевой воды. Каждый час увеличивал их страдания. Теперь ближайшей землей был о. Слонов, самый северный из Южно-Шетландских. Только 15 апреля, после четырех дней усиленной гребли в открытом море (течение упорно относило шлюпки к востоку) добрались до острова и с большим трудом нашли место для высадки. Здесь, в выступающем на берегу леднике, вырубили пещеру, где и устроили себе временный приют. Место было защищено от волн, но сообщения с внутреннею частью острова не имело никакого.

Провианта и теплой одежды для зимовки было слишком мало, и Шеклтон решил с четырьмя товарищами отправиться в шлюпке на о. Южная Георгия к китобоям за помощью.

Выбрали самую большую шлюпку, приспособили ее

несколько для длительного плавания, затянув парусиною переднюю часть, чтобы шлюпка брала меньше воды при волнении и, несмотря на свежий ветер, вышли в море.

Вот тут-то и сказался настоящий путешественник и опытный моряк. Шекльтон не потратил ни минуты времени, принял решение и через 24 часа ушел в море. Как впоследствии оказалось, сейчас после ухода Шекльтона Слоновый о. был затерт льдами, не расходившимися до следующего лета. Опоздай Шекльтон выходом в море, он и вся экспедиция погибли бы, так как неизвестно было, где их искать. Шекльтон своей решительностью спас всех.

До Южной Георгии было около 650 *км,* стояла южная необычайно бурная зима. Шлюпку отчаянно трепало, она обмерзала со всех сторон, покрываясь льдом. Шекльтону приходилось, для ее облегчения, выбрасывать за борт самые нужные вещи и все время обрубать лед топором. Вследствие пасмурной погоды не было возможности делать астрономических наблюдений, чтобы ориентироваться в океане. Только через 13 дней по выходе в море Шекльтон заметил южный берег Южной Георгии, но из-за сильного волнения удалось высадиться лишь 10 мая.

Хотя в этот день море и ветер трепали их, все же, в конце концов они нашли проход между рифами и пристали к маленькой отмели, составлявшей часть мыса в этой бухте. Из скал, недалеко от места высадки, бил ключ свежей воды. Они напились и ожили. Закончилась шестнадцатидневная «ожесточенная борьба среди бушующих вод». В своей книге «Юг» Шекльтон описывает эту поездку:

«Скрюченные в своих тесных углах и постоянно мокрые от брызг, мы жестоко страдали во время всего путешествия. Мы бились с морскими волнами и с ветрами и одновременно нам ежедневно приходилось вести борьбу за сохранение своей жизни. Временами мы подвергались ужасной опасности. Нас поддерживало сознание того, что все же подвигаемся к земле, к которой мы стремились, но случались дни и ночи, когда все лежали без движения, носимые по вспененному бурей морю и наблюдали гигантские массы воды, которые гордая своей мощью природа швыряла то в одну, то в другую сторону.

Долины между вздымающимися горами воды казались страшно глубокими. И вслед затем наша лодка быстро подымалась на вершины гигантских гребней. Почти все время царили сильные ветры. Лодка была так мала, а морские валы так высоки, что нередко парус опадал, ненадуваемый ветром в спокойной глубине между хребтами двух исполинских волн. Затем мы взлетали на следующий склон, и на нос со всей яростью обрушивался вихрь, вздымав-

ший вокруг вспененные массы разрушительных вод. Были моменты, правда редкие, когда мы смеялись, смеялись от всей души. Даже когда треснувшие губы и опухшие рты не позволяли выразить нашу веселость, мы все же умели видеть и понимать хорошую шутку».

Западные берега Южной Георгии были безлюдны. Чтобы добраться до становища китобоев на восточном берегу, следовало пересечь остров.

Положение земли указывало на то, что пешеходное путешествие должно начаться в головном конце бухты, на расстоянии 12 *км* от той отмели, на которой высадились. 15 мая они находились в своем новом лагере. Лодка, перевернутая вверх дном и защищенная ворохами травы туссок, служила сносным убежищем. Стадо морских слонов обещало дать обильные запасы пищи и горючего.

Шекльтон решил несмотря на все трудности итти через горы острова; это было скорее, нежели обогнуть остров на шлюпке. Снаряжение для перехода было ограничено самым необходимым: примус, спички, альпинистская веревка, рубанок, служивший вместо топора для колки льда, а также сухари и пища на три дня составляли весь груз. 19 мая группа ушла в горы, занимающие внутренность острова. Горы эти покрыты вечными снегами и ледниками. Это было первое пересечение хребта, т. е. очень трудное.

Шли по компасу, так как в середине острова еще не бывало человеческой ноги и, конечно, ни о каких картах не могло быть и речи. Шли днем и ночью при луне и через 36 часов пути достигли становища норвежских китобоев на восточной стороне Южной Георгии.

Немедленно организовали помощь. Сначала подобрали людей, оставленных Шекльтоном на южном берегу Южной Георгии, а потом он сам на лучшем из имеющихся у норвежцев судне пошел к Слоновому о-ву за остальными членами экспедиции. Три раза он пробовал подойти, но лед, окружающий Южно-Шетландские о-ва, был настолько тяжел, что судно не могло пробиться и всякий раз возвращалось обратно без результатов.

Шекльтон дал знать в Англию по беспроволочному телеграфу о положении дел, а сам на китобойном судне ушел на Фальклендские о-ва и оттуда на более крепком железном рыболовном судне предпринял еще попытку проникнуть к о-ву Слонов. На этот раз он подошел к нему очень близко, на 36 *км,* но сомкнувшийся плотным кольцом лед и на этот раз не подпустил его к берегу.

Но Шекльтон не унывал и из Пунта Аренас в Магеллановом проливе сделал еще две попытки спасти товарищей. Первый раз на маленьком парусно-моторном судне попытка не удалась, а второй раз на хорошем пароходе чи-

лийского правительства 30 августа 1916 г. Шекльтон благополучно дошел до Слонового о-ва и снял своих товарищей, целых четыре месяца находившихся в ледяном плену.

Оказывается, едва успела шлюпка Шекльтона уйти на Южную Георгию, как морскими ветрами нагнало к берегу массу льда, который окружил его плотным кольцом и сохранился в таком виде почти до прихода Шекльтона. Зато этот лед, державший путешественников почти безвыходно в их пещере, давал надежную защиту от прибоя, который иначе наверно смыл бы их в море.

Из шлюпок соорудили барак. Из камней построили две стены вышиной приблизительно в 1½ *м*. На этот фундамент положили обе перевернутые шлюпки и укрепили веревками. Куски парусины прибили к планширам шлюпок, спустили до земли и закрепили. Дверью служила труба из парусины, через которую приходилось вползать. Некоторые спали на скамьях для гребцов, остальные устроились на земле. Это было сносное убежище, но после того, как постоянные бураны загнали повара и его печку внутрь барака, последний из-за дыма и копоти стал чрезвычайно грязным.

Первая попытка приготовления пищи в бараке была неудачна, так как не было выхода для дыма, но печная труба, сделанная из жестянки для сухарей, блестяще разрешила эту задачу. Другое улучшение состояло в устройстве окон. Стекла от ящика для хронометра и целлулоидные пластинки из фотографического ящика вшили в парусиновые стены, и они стали пропускать немного света. Дальнейшее изобретение составляли лампы из жестянок от сардин с фитилями из марли. В жестянки наливали тюлений жир, а остаток жира шел в пищу.

Люди коротали время, занимаясь разными мелкими работами, шитьем и пением под звуки случайно сохранившегося банджо. К счастью было спасено несколько книг, в том числе и поваренная, которая пользовалась среди зимовщиков большой популярностью. Читая ее, люди восстанавливали в памяти те разнообразные сытные и вкусные блюда, которые снова можно будет есть, вернувшись в Европу. Пища служила неисчерпаемой темой для разговоров. Уайльд распределял порции весьма экономно. В пищу шли морские водоросли, случайно попадавшиеся тюлени и пингвины. В общем здоровье большинства людей не пострадало, хотя одному из них пришлось ампутировать отмороженные пальцы.

Вернувшись в Чили, Шекльтон отправился за другой партией, работавшей в море Росса и тоже потерпевшей немало неудач.

Как и было условлено, год спустя после ухода Шекль-

тона в море Уэдделя, для встречи его в море Росса направилась группа под начальством Маккинтоша (спутника Шекльтона по его экспедиции 1908—1909 гг.). Судном экспедиции была «Аврора».

15 декабря 1915 г. «Аврора» вышла из г. Гобарта и, зайдя по дороге на о. Маккуэри, в начале января 1916 г. была уже у берегов Антарктиды, у о-ва Росса. Намеченный план устроить штаб-квартиру у мыса Крозье не удался. За эти годы ледяная стена барьера Росса выдвинулась довольно далеко в море и пришлось остановиться в заливе Мак-Мурдо, у первой зимовки Скотта (экспедиция 1903—1905 гг.). Припасы были перевезены на берег и путешественники занялись на поверхности Великого барьера устройством складов для Шекльтона, которого ждали с юга, со стороны полюса, а «Аврора» стояла у берегового припая. Вначале судно несколько раз отрывало ветром, но затем с наступлением зимы оно вмерзло в лед. Потом 6 мая налетевшим южным штормом «Аврору» неожиданно оторвало вместе с окружающим льдом и унесло на север, а 10 человек путешественников остались, брошенные на берегу, в полном неведении как относительно своей судьбы, так и насчет положения корабля.

«Аврору» понесло на север и, подобно «Эндюренсу», она дрейфовала вместе со льдами сперва вдоль западного края моря Росса, а затем, обогнувши мыс Эдер, к северо-западу. Только через одиннадцать месяцев корабль выбрался из льдов под 64°25′ ю. ш.; напором льда у него сильно помяло борта и попортило руль, но все же судно уцелело и 3 апреля благополучно прибыло на о. Маккуэри.

А оставшиеся путешественники продолжали делать свое дело — сооружать склады на Великом барьере для встречи Шекльтона.

Во время шторма, оторвавшего «Аврору», Маккинтош находился в большой поездке к югу. Он уже возвращался обратно, но на пути у него неожиданно пали все 16 ездовых собак, и он с большим трудом добрался до хижины.

Пришлось зимовать с тем, что удалось заготовить: провианта, а также свежего мяса убитых тюленей и пингвинов было вдоволь, беспокоило только отсутствие запаса теплой одежды, которая осталась на «Авроре».

Зиму провели благополучно, хотя первую половину ее жили порознь: четверо в хижине Скотта у мыса Эванса, а шестеро, ходившие устраивать дальние склады, у южной оконечности о-ва Росса. Только к началу июля, когда лед в заливе Мак-Мурдо достаточно окреп, обе партии соединились в хижине у мыса Эванса, где и провели вторую половину зимы. Нехватило только керосина: его уже успели выгрузить, но неподалеку опрокинулась ледя-

ная гора и развела волну, которая смыла все сложенные на берегу бочки с горючим.

После семимесячной зимовки, сопровождавшейся сильными снежными бурями, налетавшими с юга, путешественники возобновили устройство складов.

29 декабря 1915 г. Маккинтош с товарищами выступил из хижины на мысе Эванса к югу, сначала по льду залива Мак-Мурдо к хижине на мысе Хутпойнт, а затем по Великому барьеру до 80° ю. ш. к главному складу провианта. Экспедицию преследовали несчастья: однажды снежная буря задержала их в палатке на несколько недель; на обратном пути развилась цынга, которой заболели, между прочим, Маккинтош и Спенсер Смит. Последний чувствовал себя настолько плохо, что не мог итти, так что его пришлось везти на себе в санях, а четыре уцелевшие ездовые собаки тащили провиант. Смит умер в пути. Сам Маккинтош, чтобы не задерживать и тем не погубить своих товарищей, решился остаться один с запасом провианта на три недели. Путешественники вскоре благополучно достигли хижины в Хутпойнте, а затем туда не спеша добрался и Маккинтош. Здесь все отдохнули и быстро оправились от болезни и чрезвычайного утомления.

25 апреля 1916 г. Маккинтош с матросом Гейвудом отправились по льду залива Мак-Мурдо в хижину на мыс Эванса и пропали без вести, — вероятно провалились на тонком льду берегового припая.

Оставшиеся товарищи решили готовиться к зимовке и, когда лед в заливе Мак-Мурдо достаточно окреп, начали перевозить припасы из Хутпойнта к хижине на мыс Эванса.

Между тем «Аврора» пришла в Новую Зеландию, и немедленно правительства Англии, Австралии и Новой Зеландии решили отправить судно для спасения Маккинтоша и его товарищей. Пока чинили «Аврору», которая представляла собой единственное в Австралии судно, пригодное для плавания среди полярных льдов, — благополучно возвратился со Слонового о-ва Э. Шеклтон и, узнав о готовящейся экспедиции, прямо из Чили, не заезжая в Англию, поспешил в Новую Зеландию, чтобы попасть туда до отхода «Авроры».

Когда прибыл Шеклтон, «Аврора» готова была выйти в море. Правительства, организовавшие спасательную экспедицию, назначили ее начальником и капитаном судна — Девиса (который командовал «Авророй» в экспедиции Маусона) и потому Шеклтону пришлось ехать простым матросом.

20 декабря 1916 г. «Аврора» вышла из Новой Зеландии.

Погода и состояние льдов благоприятствовали, и через три недели Шеклтон был уже у мыса Эванса, где и

застал уцелевших семерых путешественников. Напрасно обшарил Шекльтон в поисках Маккинтоша берега залива Мак-Мурдо и Землю Виктории, можно было еще думать, что путешественников унесло с оторвавшейся льдиной и они спасаются где-нибудь на берегу, — напрасно несколько раз высаживался на сушу, нигде не было никаких следов. Пришлось до наступления зимы возвращаться в культурные страны.

Итак, экспедиция Шекльтона, задуманная столь широко, окончилась неудачей, зависевшей на этот раз исключительно от крайне неблагоприятно сложившихся метеорологических и иных условий. Путешественники, со своей стороны, делали все от них зависевшее и проявили много самоотвержения и героизма. Что же касается Шекльтона, то уже после его двух первых антарктических экспедиций (в особенности 1907—1909 гг.) он приобрел известность как неутомимый путешественник, хороший исследователь и на редкость хороший товарищ. В путешествии 1914—1916 гг. его несокрушимая энергия, железная настойчивость, необычайная, спокойная храбрость и изумительная способность к самопожертвованию (в особенности когда дело шло о спасении товарищей) сочетались в нем с огромным запасом душевной бодрости и физических сил.

Научные результаты этой «неудачной» экспедиции нельзя назвать ничтожными: главная партия открыла новый большой участок суши — Берег Кэрда, подтвердила существование Земли Котса и провела в течение года ряд научных наблюдений на море Уэдделя; вспомогательная партия систематически вела метеорологические и биологические наблюдения. Наконец, обе партии проделали интересные дрейфы, промеры, производившиеся при этом невольном путешествии, дали представление о рельефе дна морей Уэдделя и Росса.

Экспедицией Шекльтона 1914—1916 гг. закончился блестящий, так сказать, героический период южнополярных путешествий, продолжавшийся двадцать два года, доказавший существование антарктического материка и давший богатейший материал для изучения южнополярной природы и морей.

Прошло пять лет жестокой мировой войны и последовавших за ней разорения и безработицы. Но стоило странам немного оправиться от послевоенной неурядицы, и антарктические исследования возобновились.

В сентябре 1920 г. на норвежском китобойном судне из Лондона вышла английская экспедиция в составе четырех человек, поставившая своей задачей изучить западное побережье моря Уэдделя посредством санных поездок. Льды, однако, не позволяли подойти к восточным берегам

Земли Грахама, и членам экспедиции пришлось сделать высадку на западном побережье в заливе Эндфорд, на открытой Жерлашем Земле Данко (против о-ва Антверпен). Здесь двое путешественников М. Лестер и геолог Т. Багсхэв остались с выгруженными на сушу припасами и ездовыми собаками, а двое других участников вернулись в Монтевидео, чтобы нанять небольшое более легкое судно и на нем на следующий год, забрав товарищей, проникнуть в море Уэдделя. Однако проект этот не удался и в 1922 г. за отшельниками зашло китоловное судно. 18 июля 1922 г. они прибыли в Англию.

Несмотря, однако, на полную неудачу намеченного плана, скромная экспедиция сделала относительно очень много. За несколько месяцев пребывания в Антарктике, несмотря на скудное, определенно недостаточное снаряжение и неблагоприятную погоду Багсхэв и Лестер произвели ряд санных поездок, полную серию метеорологических наблюдений, съемку значительных участков берега, систематические наблюдения над пингвинами и обстоятельно изучили в геологическом отношении залив Эндфорд и о. Обменный (куда их доставили китобои). Кроме того они первые пережили антарктическую зиму на тихоокеанской стороне Антарктиды, на материке[1].

В 1921 г., прослуживши два года в армии офицером по снабжению британских военных судов, Эрнест Шекльтон составил план новой экспедиции в море Бофора (к северу от Берингова пролива и Аляски), а когда осуществление плана оказалось невыполнимым, предложил другой — в Антарктиду. Задача этой экспедиции заключалась в исследовании наименее известной части Антарктики к югу от Атлантического океана и Африки между Землей Грахама и Землей Эндерби В сентябре 1921 г. судно «Куэст» вышло из Англии, направляясь в южную часть Атлантического океана. Но на этот раз Шекльтону не суждено было проникнуть в область полярных льдов: его сердце, надорванное чрезвычайным напряжением во время прежних путешествий, не выдержало, и 5 января 1922 г. он скончался от припадка грудной жабы на о-ве Южной Георгии, 47 лет от роду.

Не только смерть этого необычайно крепкого телом и духом человека, но даже наличие у него серьезной болезни были для всех его спутников, как и для него самого, совершенной неожиданностью. Путешествие из Англии до Южной Георгии он как опытный моряк перенес на вид

---

[1] Как и Шарко в обе свои экспедиции, так и Жерлаш провели зиму не на материке — первый на о-вах архипелага Пальмера, а второй на судне в открытом океане.

благополучно, несмотря на жестокую бурю, застигшую «Куэст» на пути к о-ву Мадейра, и долгое томительное стояние во влажном и жарком Рио де-Жанейро. Шекльтон лишь изредка жаловался на невралгическую боль в спине. По дороге к Южной Георгии корабль опять захватила буря, и 25 декабря целые сутки его отчаянно трепало. Только утром 4 января 1922 г. «Куэст» вошел в Салотопенную бухту у Грютвиккена.

Вот что рассказывает о последних часах Шекльтона в присланной в Англию телеграмме его спутник, метеоролог Гессей: «4 января он днем пошел на берег в Грютвиккене, чтобы позаботиться об угле и провианте. По приезде он показал нам те самые места, где в 1916 г. совершил свой знаменитый переход через остров и сказал, что наслаждается каждым моментом жизни. Он говорил, что теперь счастлив и доволен, и чувствует, что экспедиция действительно началась... Он вернулся на борт, сделал записи в своем дневнике и казался в отличном расположении духа.

5 января в 3 ч. 30 м. утра Мэклин был на вахте. В это время Шекльтон позвал майора Мэклина и пожаловался на боль в спине. Немедленно после этого у него начался полный упадок сил. Мэклин вызвал доктора, но Шекльтон умер через 3 минуты, раньше, чем что-либо можно было сделать».

Тело его сначала было отвезено в Монтевидео и набальзамировано, но затем опять привезено на Южную Георгию и похоронено в Грютвиккене.

* Ряд непрерывных огорчений со снаряжением «Куэста» и, очевидно, надорванное здоровье обусловили смерть Шекльтона. Корабль оказался плохим, все снаряжение его в Англии было выполнено из рук вон плохо. Например, штурманская рубка на мостике, который при небольших размерах «Куэста» должен был заливаться волнами бурных южных широт (так называемые «ревущие» сороковые широты), должна быть построена водонепроницаемой, а в ней ходила вода в таком количестве, что стоять там надо было в резиновых сапогах.

Вал машины оказался согнутым, эксперты, осматривавшие корабль в Англии, этого не заметили, потом его чинили в Лиссабоне и Рио де-Жанейро. Бак для пресной воды потек в пути к о-ву Южная Георгия и еще многое другое.

В Грютвиккене капитан Уайльд узнал, уже после кончины Шекльтона, из списков Норвежского Ллойда, что «Куэст» действительно был относительно новый корабль, за каковой норвежцы его продали Шекльтону, он был построен за 10 лет до покупки, но машина-то его была старая, она работала где-то с 1890 г., т. е. 31 год. Это

от Шекльтона при продаже скрыли. Отсюда понятны те недоразумения, какие происходили с машиной.*

Несмотря на смерть Шекльтона, экспедиция, согласно его желанию, продолжалась. Во главе ее стал прежний спутник Шекльтона, участник трех южнополярных экспедиций, Франк Уайльд.

Под его руководством «Куэст» спустился на юг и прошел до 69° ю. ш. (на долготе 17°12′ к востоку от Гринича) — южнее проникнуть помешал сплошной пловучий лед. По дороге экспедиция обследовала открытый Беллингсгаузеном о. Завадовского в группе Южно-Сандвичевых о-вов. Затем Уайльд повернул на запад и достиг на долготе 0°1′ к западу от Гринича широты 68°49′, — почти дошел до самого южного пункта экспедиции Беллингсгаузена. Дальнейший путь к югу и здесь был прегражден льдами. Затем «Куэст» направился к тому месту в этой части антарктического океана, где в сороковых годах прошлого столетия у Росса были указания на близкое соседство земли. Но в 50 *км* от намеченного пункта корабль вновь был задержан сплошным льдом.

Погода стояла прекрасная. Лот показывал глубину в 4470 *м* и никаких следов земли нигде не было видно — это дает основание предполагать, что Росс ошибся, утверждая, что здесь лежит какая-то неизвестная земля.

Целую неделю пребывал «Куэст» во льдах и, когда, наконец, ему удалось освободиться, направился к Южно-Шетландскому архипелагу, где на Слоновом о-ве предполагалась высадка. Однако жестокий шторм помешал пристать к острову, а так как уголь был уже на исходе, Уайльд повернул к Южной Георгии, куда, сделав морем 9700 *км*, из них 4500 *км* во льдах, благополучно прибыл, а 18 апреля «Куэст» опять вышел в море, направляясь через о-ва Гуг и Тристан да-Кунья в Капштадт.

Так закончилась экспедиция Э. Шекльтона — Ф. Уайльда 1921—1922 гг.

ИССЛЕДОВАНИЕ АНТАРКТИКИ С ВОЗДУХА

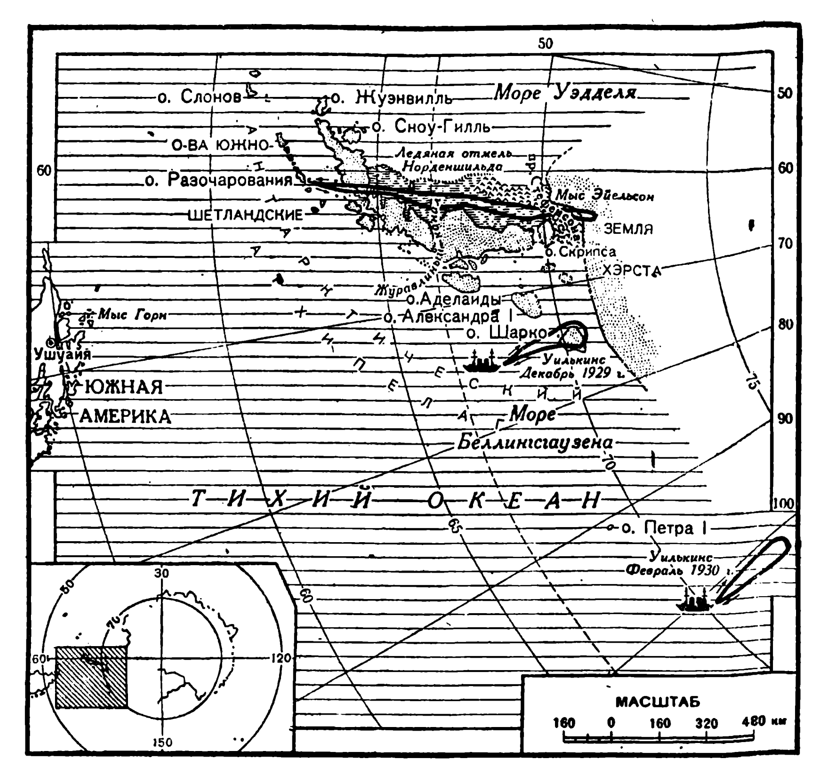
Джордж Уилькинс (1928—1929). Ричард Эвелин Бэрд (1928—1930). Уилькинс Вторая экспедиция (1929—1930). Р. Бэрд. Вторая экспедиция (1933—1935).

В последней экспедиции Э. Шекльтона (1921—1922) на судне «Куэст» принимал участие Джордж Уилькинс. Инженер-электрик и метеоролог по образованию, пилот, фотограф и журналист по профессии, участник полярных походов он должен был на самолете Шекльтона совершать воздушные разведки. Однако смерть Шекльтона изменила планы экспедиции и Уилькинс ни разу не поднялся в воздух, так как «Куэст» не имел возможности зайти в Капштадт за самолетом.

Вернувшись из Антарктики Уилькинс работает над вопросом применения самолетов в полярных областях и в апреле 1928 г. вместе с К. Эйельсоном совершает знаменитый перелет из Аляски на Шпицберген.

Проверив на практике свои теоретические выкладки, Уилькинс приступает к организации первой воздушной антарктической экспедиции. Местом своих исследований он избирает Землю Грахама. Земля Грахама со своими многочисленными островами имеет горный характер. Некоторые части страны покрыты тяжелыми льдами. Особенностью ее являются огромные, совершенно отвесные утесы. Исследователям, тюленебоям и китоловам известны многие участки берега, но никто из них не отваживался проникать внутрь Земли Грахама. Хотя она нанесена на карту в виде полуострова, но до сих пор не было возможности точно определить, действительно ли Земля Грахама связана с материком. Раскрыть эту географическую тайну, заполнить белое пятно на карте Антарктики, найти подходящие места для постройки постоянных метеорологических станций — вот те задачи, которые Уилькинс надеялся разрешить с помощью самолетов.

Участвовать в экспедиции дали согласие четыре человека: Эйельсон, инженер О. Портер, радист В. Ольсен и летчик Д. Кроссон. 24 октября 1928 г. пароход «Гектория» вышел из Монтевидео к Земле Грахама, имея на борту



Карта экспедиций Д. Уилькинса 1928—1929 гг. и 1930 г.

Уилькинса с товарищами, два самолета, провиант и снаряжение.

Главную базу устроили на о-ве Разочарования у западного берега Земли Грахама. Необычайно теплая погода нарушила все расчеты Уилькинса.

Он хотел соорудить стартовую площадку на льдах, окружавших остров, сняться с нее на самолете, поставленном на лыжи, полететь к морю Уэдделя, организовать там более отдаленную к югу базу и оттуда уже совершать полеты вдоль берега тихоокеанского квадранта Антарктики вплоть до барьера Росса.

Но из-за высокой температуры лед на о-ве Разочарования не мог выдержать тяжести самолета. Пришлось спешно заменять лыжи колесами и прокладывать дорожку для разбега.

16 ноября 1928 г. Уилькинс совершил первый пробный полет. 26 ноября обе машины поднялись в воздух на поиски ледяного поля, с которого можно было бы стар-

товать на лыжах. Поиски оказались тщетны. Приходилось или отказаться от исследования внутренней части Земли Грахама или лететь на самолете с колесами. Вынужденная посадка могла иметь только один исход — смерть.

Все же 20 декабря 1928 г. Уилькинс с Эйельсоном отправились в далекий исследовательский полет. Колония китоловов наблюдала за тем, как машина поднялась в воздух и направилась к югу. Вскоре Уилькинс заметил в северной части Земли Грахама плоскую ледяную возвышенность. Ее максимальная высота, как было указано на картах, достигала 1800 *м*, но самолет летел на высоте 2000 *м* и затем поднялся еще на 400 *м*, чтобы пролететь над возвышенностью, которой Уилькинс дал название плато Детройтского авиационного общества. Затем он взял курс к югу, вдоль восточного берега Земли Грахама, через море Уэдделя. Исследователи узнали Тюленьи нунатаки, ледяную отмель Норденшильда, перерезанную вдоль и поперек огромными трещинами, увидели глубокие проходы, которые, казалось, разделяли землю на части.

Дальше на юг самолет пролетел над проходом, получившим имя Журавлиного канала. Ближе к берегу развернулась великолепная картина альпийского пейзажа, и Уилькинс сфотографировал местность, которую до него никто не видел. Он назвал горы в честь своего самолета горами Локхида, ледники — по мотору — ледниками Уирлуинд, а берегу дал имя Баумана.

Другое важное открытие сделали после того, как Берег Баумана остался позади. С самолета ясно увидели новые острова, один большой и целую группу маленьких. Большой остров назвали о-вом Скрипса. Южнее островной группы находился низкий ледяной берег, который зарисовали как часть Антарктического материка и назвали Землей Херста.

«Край Земли Херста, который мы считаем частью большого антарктического материка, вырисовывался сравнительно низким ледяным утесом, который вследствие угла, под которым падали солнечные лучи, был неясно виден на фотографии, — пишет Уилькинс. И к несчастью у меня именно в этом важном месте вышли затруднения с фотоаппаратом. К востоку от края материковой земли было видно несколько маленьких, низких нунатаков вблизи мыса, который я назвал мысом Эйельсона. Оттуда низкий ледяной утес слегка поворачивал к югу. Позади к востоку, в тумане, слишком далеко, чтобы запечатлеться на фотопластинке, я видел грозные вершины, возвышавшиеся над окружающими их горами.

Достигнув точки, которая находилась по нашим расчетам на уровне 71°20′ ю. ш. и 64°15′ з. д., мы успели издержать

около половины запаса газолина. Мы установили, что сможем совершить посадку на лыжах в любом почти месте в этих краях, и убедились к нашему удовлетворению, что Земля Грахама не составляет части материка. Начали собираться штормовые тучи, грозя отрезать нас от базы. Поэтому мы повернули к северу и поспешили домой».

Облака скрыли о. Разочарования, когда самолет приближался к базе, но Эйельсон благополучно приземлился.

Полет продолжался около десяти часов. За это время исследователи познакомились с огромной территорией. На карту были нанесены новые острова, горы и ледники. Кроме того, полет дал возможность установить, что Земля Грахама представляет собой не полуостров, а два или даже несколько островов.

10 января 1929 г. Уилькинс повторил полет по тому же маршруту. После этого он вернулся в Америку, оставив самолеты на базе о-ва Разочарования с тем, чтобы на следующее лето продолжать полеты.

Результаты экспедиции Уилькинса доказали то огромное преимущество, которым обладает самолет перед другими способами исследования Антарктики[1]. За несколько часов полета Уилькинс «изменил все наши представления о так называемой Земле Грахама, доказав, что она распадается на несколько отдельных частей и отделяется от основной части Антарктиды рядом разбросанных островов и заполненным льдом водным пространством. Таким образом Земля Грахама как таковая снимается с карты и ее заменяет целая группа островов, которая, вероятно, получит название Антарктического архипелага.

Уилькинс начал новую главу истории антарктических путешествий — исследование Антарктики с воздуха.

В то время как Уилькинс производил полеты над Землей Грахама, сквозь льды моря Росса пробивалась к Великому барьеру американская экспедиция Ричарда Бэрда.

Местом для базы она наметила Китовую бухту. Выбор этот обусловливался, по словам Р. Бэрда, следующими соображениями: «Во-первых, Китовая бухта, повидимому, обеспечивала наиболее подходящие условия для полетов и, во-вторых, была окружена неисследованными еще пространствами суши. К северу и к востоку от нее лежала Земля короля Эдуарда VII. Позади тянулась в глубь страны совершенно неизученная береговая линия. Здесь сотни ты-

---

[1] Замечание совершенно верное, но к нему надо добавить, что точность определений с самолета, конечно, много ниже, чем при прохождении пути по суше. — *Ю. Ш.*



Ричард-Эвелин Бэрд.

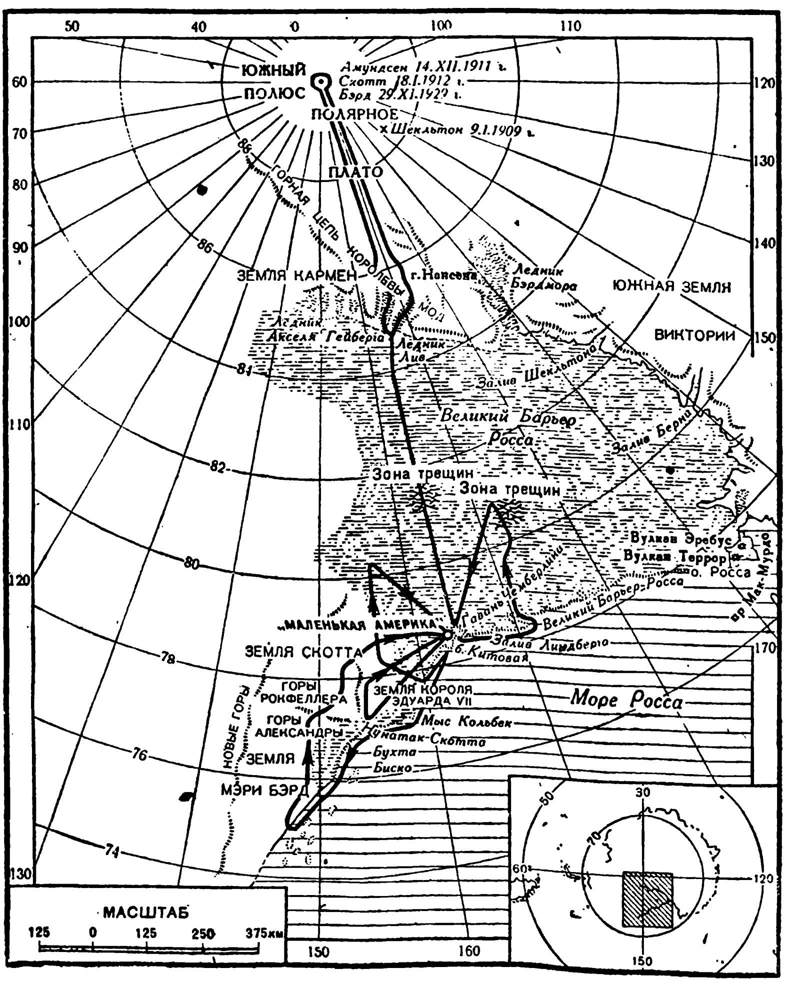
сяч квадратных миль представляли в географическом отношении настоящую «терра инкогнита» — пробел, в равной степени ненавистный как ученому, так и картографу. На юго-востоке находилась предполагаемая Земля Кармен, открытая Амундсеном во время его полярного похода и ожидавшая еще своего исследователя. За исключением тех троп, по которым прошли Шеклтон, Скотт и Амундсен и которые отстояли друг от друга максимально на 400 миль, а по мере продвижения партий все сближались, чтобы сойтись у полюса, на таинственное плоскогорье не ступала нога человека, оно было совершенно неисследовано. Никто не мог также сказать, что лежало за его пределами, между полюсом и морем Уэдделя. Все это представляло непочатый край для новых открытий».

В распоряжении этой широко задуманной экспедиции помимо богатого снаряжения имелись два моторно-парусных судна: «Сити оф-Нью-Йорк» и «Эленор Боллинг», четыре самолета, автосани, собаки, радиоустановки, аппараты для аэрофотосъемки и многое другое.

2 декабря 1928 г. «Нью-Йорк», «Боллинг» и крупное китобойное судно «С. А. Ларсен», зафрахтованное в Нор-

вегии, покинули Дунедин в Новой Зеландии, направляясь к морю Росса. Корабли были загружены до предела. «Мы работали как бобры, укрепляя грузы в трюмах и каютах. Внизу мы подобно крабам ползали через бочки и ящики. Хождение на обед являлось целым событием, так как палуба была настолько загромождена, что передвигаться по ней удавалось лишь, цепляясь за канаты и борта».

13 декабря суда подошли к ледяным полям, окружавшим море Росса. Решили перегрузить уголь с «Боллинга» на



Карта экспедиции Р. Бэрда 1928—1930 гг.

«Нью-Йорк» для того, чтобы «Эленор Боллинг» вернулась в Дунедин за новой партией угля. В течение двух суток перегрузили 87 *т* топлива и «Нью-Йорк» пошел буксируемый «Ларсеном».

23 декабря корабли вошли в спокойные и чистые воды моря Росса. Благодаря тому, что 2900 *км* «Нью-Йорк» буксировали «Боллинг» и «Ларсен», у парохода имелось достаточно угля, чтобы самостоятельно продолжать дальнейший путь к Китовой бухте.

25 декабря «Нью-Йорк» на 177° з. д. достиг Великого барьера, а 28-го вошел в Китовую бухту. «Наконец, мы достигли того таинственного места, о котором все время мечтали: залив, замкнутый во льдах, место, где судно может подойти ближе всего к южному полюсу. Земли не было видно. Мы прибыли сюда на две недели раньше Амундсена и по крайней мере на 16 *км* дальше к югу. (Китовая бухта имеет около 32 *км* в ширину от Западного мыса до Восточного мыса и приблизительно столько же в длину.) Линия берега залива образуется стенами барьера. Сам же залив наполнен льдом толщиною лишь в несколько метров, в то время как льды барьера достигают нескольких сот метров толщины».

Лагерь экспедиции разбили прямо на барьере в 20 *км* от стоянки корабля, в котловине, защищенной от ветров высоким снежным валом, окружавшим ее с севера, юга и востока. 2 января 1929 г. началась выгрузка.

На пароходе кроме 54 человек и 80 собак имелось 5,4 *т* авиационного газолина, 75 *т* угля, запас пищи для людей и собак на 15 месяцев, 1 самолет, огромное количество всякого снаряжения и частей стандартных домов. Все это на собаках по мере разгрузки перевозилось в Маленькую Америку (Литл Америка), как назвал Бэрд лагерь экспедиции.

При хорошем состоянии дороги собаки ежедневно делали четыре конца, т. е. проходили около 80 *км*.

Радисты наладили связь с «Боллинг», базой экспедиции в Дунедине и конторой в Нью-Йорке. Благодаря радио начальник экспедиции Р. Бэрд был всегда в курсе всех дел.

14 января «Боллинг» дала радиограмму о том, что выходит из Дунедина. Она везла сотни тонн всевозможных запасов для пополнения «Нью-Йорка», 34 *т* газолина и еще два самолета. «Между тем люди продолжали геркулесову работу. Они перевозили с корабля в Маленькую Америку все то, что могло создать на покрытом льдом континенте американский поселок с электрическим освещением, керосиновыми печами, с водоснабжением и вентиляцией».

Когда экспедиция еще собиралась в путь, американские газеты пестрели заголовками: «Экспедиция в миллион долларов! Великолепное снаряжение! Предприятие, стоящее баснословных денег!» Действительно, экспедиция была снабжена лучше, чем какая бы то ни было до сих пор. Вот перечень небольшой части того, что находилось в трюмах «Нью-Йорка»: 2 *т* ветчины, 2½ *т* конфект, 112 *кг* американского сыра, 1 *т* кур, 270 *кг* индейки, 500 ящиков яиц, 1 *т* молока в порошке, ½ *т* печенья, 1 *т* варенья, 15 *т* муки, 1200 кусков мыла для бритья, 1000 коробок талька, 8840 кусков туалетного мыла, 150 банок крема для лица, 60 бритв, 1200 гросс лезвий для безопасных бритв, 2¾ *т* кофе, 168 *кг* чая, 270 *кг* какао, 60 000 листов писчей бумаги, электрические стиральные машины, 12 бочек стирального мыла в порошке, 30 дюжин зубных щеток, 5 дюжин щеток для мытья рук, 5 дюжин головных щеток и многое другое.

Все это выгружалось на лед и на нартах перевозилось в лагерь экспедиции. Только самолет «Фэрчайльд» не разделил участи всех грузов — его собрали и привели в полную летную готовность здесь же на льду у корабля.

15 января Бэрд занес в свой дневник: «Сегодня мы полностью вознаграждены за все, что претерпели в течение своего 9000-мильного плавания из Соединенных Штатов. Мы совершили семь небольших полетов на «Фэрчайльде» и фактически положили начало нашей программе открытий...

Мы стартовали в 3 ч. 15 м. Воздух был чист, и примерно на 100 *км* была хорошая видимость. Из-за некоторой неровности припая лыжи шли толчками, но мотор в 425 *л. с.* разом поднял легкий груз, и тотчас же мы очутились на грани неизвестности.

Под нами расстилался к югу барьер, и куда бы ни падал взор, виднелся лишь снег, снег повсюду, только позади нас синезеленые воды моря Росса переливались и сверкали на солнце. «Нью-Йорк» казался игрушечным корабликом с торчащей на снегу черной зубочисткой вместо мачты. Оранжевые стены дома в Маленькой Америке едва возвышались над снегом, а самый путь — тонкая, неровная линия, проложенная во время многочисленных поездок на собаках, — извивался поперек барьера от лагеря к кораблю.

Отсутствие зрительной ясности от действия света на снег было чрезвычайно неприятно. Вместо горизонта вдали виднелось что-то расплывчатое. Управлять самолетом при таких условиях оказалось далеко нелегким делом.

Через несколько минут полета мы находились уже над пространствами, которых еще не видел человек: утесы барьера скрыли их от Амундсена и его спутников.

На западной стороне Китовой бухты, недалеко от гавани

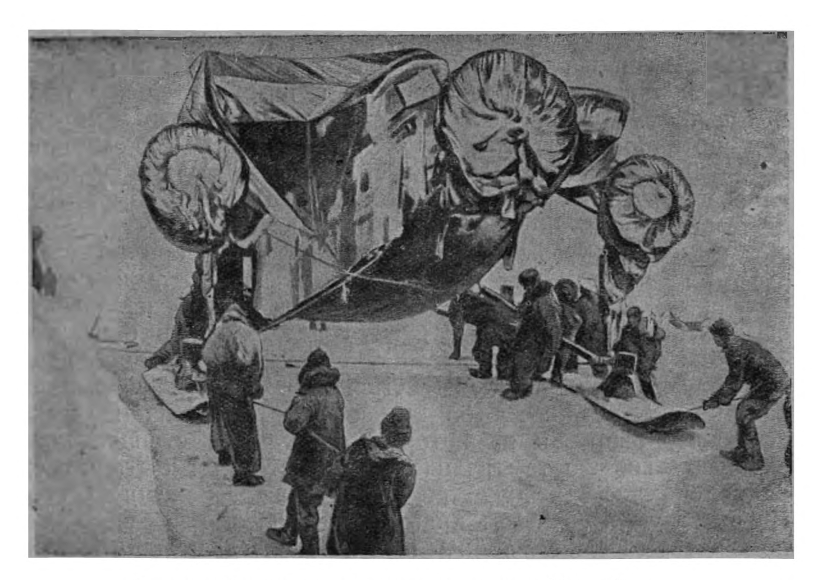
Флойда Беннета, мы обнаружили новую гавань, длиной приблизительно в 5 *км*. Компасы, вследствие близости магнитного полюса, показывали очень плохо наш курс. Это вызвало целый ряд воспоминаний. По невольной ассоциации вспомнились затруднения, которые претерпел Кларэнс Чемберлин со своими компасами во время кругосветного полета, и это навело нас на мысль назвать новую гавань в его честь гаванью Чемберлина.

Курс лежал на юг, под самолетом нескончаемой полосой тянулся барьер. В нескольких километрах налево виднелась обширная гряда торосов, пересекавшая барьер и простиравшаяся, повидимому, не менее чем на 35 *км* в длину. Это — лишнее доказательство нахождения здесь погруженной суши, препятствующей северным сдвигам барьера...

Сделав несколько километров в южном направлении, мы повернули назад и пролетели около 25 *км* параллельно краю барьера. Приблизительно в 50 *км* к западу от Маленькой Америки мы заметили небольшой залив, простиравшийся с севера на юг. Самолет полетел над ним. Устье залива с востока и с запада было обрамлено ослепительно белыми утесами, которые поднимались до высоты, превышавшей 30 *м* над водой. В этом месте ширина залива равнялась приблизительно 500 *м*. В расстоянии 1,5 *км* от входа начинался береговой припай, который с высоты полета казался ровным и гладким, как поверхность отполированного стола.

В нескольких километрах от кромки припая залив слегка суживался и изгибался на юго-запад. Для лучшего обследования этого образования мы немного снизились и вдруг обнаружили сотни тюленей, лежавших вдоль цепи торосов. Мотор, очевидно, производил невообразимый шум, ибо животные, точно сговорившись, все разом подняли головы и уставились на самолет. На мгновение залив оживился: по льду во всех направлениях замелькали черные фигурки; часть тюленей, спасаясь от невиданной гудящей птицы, скатилась в черные полыньи воды и исчезла. Но остальные, видя, что ничего страшного не произошло, остались спокойно лежать и, повидимому, снова погрузились в сон; во всяком случае нас они больше уже не удостоили ни одним взглядом.

Залив снова поворачивал на юг и через несколько километров клинообразно заканчивался. В этом месте он был забит громадными глыбами льда, треснувшими и разломанными, словно какая-то могучая рука с силой разбросала их вокруг. Далеко к югу барьер поднимался все выше и выше, пока, казалось, не достигал высоты в 70—100 *м*. Я назвал залив именем Линдберга.



Самолет Бэрда перед полетом к земле Мэри Бэрд.

Соблазн продолжать полет все дальше в поисках новых пейзажей был очень велик. Главная прелесть исследований с воздуха заключается в той скорости, с которой происходят открытия неизвестных пространств. Всегда кажется, будто что-то новое, быть может самое важное ждет тебя впереди за приближающимся горизонтом.

Но полярные области можно подчинить себе только терпением».

Бэрд приказал повернуть обратно. Но «на полпути к базе остановился мотор. Смит (пилот) безуспешно действовал насосом, затем, мягко планируя, направил самолет к барьеру. Предстоящая посадка не возбуждала в нас, выражаясь мягко, ни малейшего восторга. Поверхность льда была чрезвычайно неровной, и если бы мы повредили самолет, обратная дорога обещала нам мало хорошего».

Но машину удалось исправить и полет продолжался. «Когда мы приближались к бухте, условия видимости значительно ухудшились. Обволакивающая дымка — морской туман — затемняла поверхность бухты, а из-за обманчивого света, мерцавшего на снегу, было очень трудно определить высоту полета. Тем не менее Смиту удалось чрезвычайно ловко спланировать; он направил самолет к такому месту, где вода плескалась о кромку берегового припая, в нужный момент выровнял аэроплан и сел на лед почти без единого толчка.

В заключение не могу не сказать, что сегодня я чувствую себя вполне удовлетворенным. Мы привезли самолет из умеренного пояса, совершили с ним длительное плавание через тропики, собрали его и испробовали в полете над полярной областью, все это обошлось без аварии. В течение нескольких часов были обследованы 1200 кв. миль неизвестного пространства — пешеходу пришлось бы потратить на подобное путешествие много недель...

Самые интересные и наиболее важные открытия ожидали нас на востоке. За скалистыми аванпостами Земли короля Эдуарда VII и неясными очертаниями небольших гор Александры, которые Скотт успел заметить с палубы «Дисковери» в 1902 г., прежде чем натиск ледового пака отогнал его обратно, лежат тысячи и тысячи квадратных километров, которые были до сих пор недоступны человеческому взору, и на которые никогда не ступала нога человека. То, что там находится, представляет быть может наиболее увлекательную, до сих пор неразрешенную географическую проблему, хранящую ключ к разгадке главной антарктической тайны и являющуюся целью нашего прибытия на этот далекий суровый материк — проникновение туда, куда человечеству не удавалось еще проникнуть. В последние годы и Шеклтон и Амундсен направляли свои суда в сплошные ледяные поля, охранявшие берег, но каждый раз должны были отступать перед ударами пака.

«Эти неукротимые, страшные льды сильнее человеческой решимости», сказал Шеклтон, и это признание одного из самых решительных людей, когда-либо принимавших вызов природы, показывает, как яростно и неумолимо восточная Антарктика охраняет свою тайну. Теперь же окрыленные верой в самолет, мы пришли сюда, чтобы сразиться со стихией. Убежденный, что в небе лежит дорога к открытиям, я горел нетерпением доказать, что там, где наземный транспорт встретил поражение, — победит авиация».

Люди и собаки продолжали перевозить грузы в Маленькую Америку, где плотники уже заканчивали сборку второго дома. Работа велась круглые сутки, так как по радио «Боллинг» сообщила, что вскоре прибудет с углем и грузами. Нужно было скорее разгрузить «Нью-Йорк» и найти место для стоянки «Боллинг», чтобы оно находилось ближе к Маленькой Америке, чем стоянка «Нью-Йорка». С этой целью пять членов экспедиции поехали на небольшой моторной лодке. «Мы шли вдоль кромки припая, держа курс на восток. Шум мотора отдавался непрерывным эхом в утесах барьера. Подводные языки голубого льда касались корпуса судна, а большие отколовшиеся льдины

свободно носились по ветру и течению, затрудняя наш путь. Осторожно лавируя, мы дошли до такого места, откуда ясно вырисовывались утесы барьера, а также слоистая линия снега, темным поясом окаймлявшая их. По зазубренной неровной поверхности видно было, где откололись от нее большие куски, а в некоторых местах ледяные выступы зловеще свисали, напоминая о непостоянстве барьера. Не решаясь подойти ближе к берегу, так как барьер мог в любую минуту приветствовать нас опасным ледопадом, мы повернули шлюпку на юг, и на протяжении приблизительно 2 *км* следовали по полынье, пока не преградила путь стена крепкого берегового льда...»

В это время мотор лодки, который всю последнюю часть пути работал неисправно, окончательно остановился. Пришлось достать весла и грести к кораблю.

«Это оказалось настолько мучительным занятием, что мы снова попытались исправить двигатель. Мотор весело зажужжал и шлюпка направилась обратно по полынье.

Когда мы находились уже у выхода, один из спутников крикнул, что впереди, приблизительно в 500 *м*, показался плавник кита. Мы заметили многочисленные фонтаны сероватых брызг, которые то появлялись, то исчезали; затем из воды вынырнуло длинное, белое тело, за ним второе, третье...

Вскоре мы увидели зловещие, черные, треугольные плавники и уродливые морды; ошибки быть не могло — то были косатки. Хотя я не считаю себя нервным человеком и слабо реагирую на всевозможные страшные рассказы о поведении некоторых хищников, однако должен откровенно сознаться, что внезапное появление этих мерзких существ произвело на меня весьма неприятное впечатление, и я тотчас же ясно осознал, как непрочна и хрупка наша шлюпка.

По лицам товарищей можно было легко догадаться, что создавшееся положение их отнюдь не радовало.

Я был в это время у руля и решив, что осторожность порою похвальнее доблести, направил лодку к припаю, в надежде обнаружить удобный выступ крепкого льда, чтобы высадиться. В то же время я внимательно следил за приближающимися косатками, медленные, обдуманные движения которых зачаровали меня, как змея, говорят, зачаровывает свою добычу.

Они подплывали все ближе, ближе и над поверхностью воды то показывались, то исчезали их лоснящиеся жирные спины. Скорость, с которою плыли косатки, не сулила ничего хорошего, но успокаивала мысль, что они пройдут у нас за кормою, если будут держаться прежнего пути. Однако, когда расстояние, отделявшее нас от них, было

уже совсем незначительно, они вдруг быстро переменили направление и двинулись прямо на шлюпку.

Не испытывая ни малейшего желания познакомиться с косатками ни для научных наблюдений, ни в других целях, я стал поспешно искать места для высадки. Ближайшая кромка припая находилась от нас в 300 *м*, причем поверхность льда была чрезвычайно шероховатая и изрезанная. Однако в эту минуту любой кусок крепкого льда казался нам безукоризненным. Не дожидаясь распоряжения, Сеттон пустил моторную лодку полным ходом. Мы во весь дух неслись на лед, но косатки, которые, казалось, плыли вдвое скорее лодки, быстро нас догоняли. Я не мог отделаться от мысли, что один из хищников, вынырнув неподалеку от нас, опрокинет суденышко.

Косатки с каждой минутой заметно приближались, а короткое расстояние, отделявшее нас от припая, точно все возрастало. Наконец, корпус шлюпки наскочил на погруженный язык льда и резко ударился о кромку. В мгновение ока шлюпка опустела — убежден, что ни одна шлюпка в мире не покидалась так быстро, как наша. Вскочив на лед, мы обернулись: косатки уже находились не дальше 5 *м* от того места, где мы стояли. Еще один прыжок — и они поравнялись бы с нами. Мы поспешно вытащили револьверы — впоследствии я сообразил, что это был чрезвычайно глупый жест, ибо револьверные пули никак не могли удержать хищников от их недобрых намерений. Но косатки нырнули под припай и больше уже не появлялись».

В течение нескольких дней плохая погода не давала возможности совершать полеты. Наконец, 28 января тучи разошлись и солнце ярким светом залило льды. В несколько минут самолет был готов к подъему. Аварийное снаряжение на случай вынужденной посадки, — сани, радиопередатчики, газолиновая печь, одежда, пища и т. п. погружено. Самолет с трудом отделившись от земли, поднялся ввысь.

«Вскоре после того, как мы пролетели бухту, я увидел вправо от самолета, на расстоянии многих километров, несколько черных вершин, возвышавшихся над снегом, а за ними еще одну одинокую вершину. Я отметил ее на карте для последующего исследования.

К этому времени поверхность барьера начала постепенно подниматься, представляя собой сильно волнистую линию. Несомненно, под барьером находилась суша. По мере того, как барьер приближался к морю, он становился все более изрезанным и растрескавшимся, пока не переходил в сплошную массу трещин, занимавших громадную площадь. Они казались такими неприступными, что можно было с уверенностью сказать, что ни один путешественник,

как бы вынослив и ловок он ни был, долго не мог бы на них просуществовать.

Внезапно снежная вершина подняла свою белую голову, и кусок обнаженной скалы показался на севере. Это был нунатак Скотта. После того, как Скотт впервые увидел его в 1902 г., три человека из экспедиции Амундсена в декабре 1911 г. с невероятными трудностями дошли до этой одинокой возвышенности. Странное чувство охватило меня при мысли о том, что вот сейчас мы летим к этой точке со скоростью 3 *км* в минуту, между тем, как эти мужественные люди неделями бились, чтобы достигнуть ее; мы пролетели над нунатаком, и через несколько минут он скрылся из наших глаз, а они, измученные и продрогшие лежали в своей палатке застигнутые пургой.

Оставив нунатак позади себя, мы полетели над землей, которую до этого времени еще не видел человек, и при быстроте своего передвижения, производили обследования покрытых снегом пространств суши до 8000 *кв. км* в час.

К югу от нунатака цепь невысоких гор, тянувшаяся на юго-восток, вздымала вверх свои белые снежные вершины. Это была та горная цепь, которую Скотт назвал горами Александры. Они вряд ли превышали 500 *м*. Я с удивлением заметил, что северные склоны некоторых гор представляют обнаженные скалы; собственно говоря это были единственные осколки настоящей суши, окруженные нескончаемыми пространствами льда, обнаруженные с момента вторичного открытия нами о-ва Скотта...

Вскоре показалось типично антарктическое горное образование — гора, целиком покрытая снегом. Приблизившись к ней на высоте 1000 *м*, мы с удивлением обнаружили, что глубокая впадина, повидимому расщелина, отделяла эту возвышенность от Земли короля Эдуарда VII. Определить, доходила ли эта расщелина до уровня моря, разумеется, не представлялось возможным. Нам удалось лишь выяснить, что лед простиравшийся к северу от этого образования, был морским льдом...

Мы летели над ледяной поверхностью моря Росса. Вдруг... я увидел далеко впереди прекрасную горную вершину с выступающей обнаженной породой. Затем на южном горизонте стал постепенно вырисовываться целый ряд таких вершин. Всего мы насчитали четырнадцать гор. Это было наше первое серьезное открытие. Нельзя было не оценить того огромного преимущества, которое дает самолет современному исследователю — ведь сани Преструда прошли всего лишь в нескольких километрах от этой горной цепи, но вследствие ограниченной видимости ему не удалось ее заметить.

Мы приблизились к горам, летя на высоте в 1300 *м*. Это не была сплошная, структурно спаянная цепь, а скорее группа изолированных гор, одиноких и суровых, причем на многих выступали из снега куски серой породы. Самая северная вершина отстояла от нунатака Скотта приблизительно на 100 *км*. Нас поразило необыкновенно большое количество обнаженной породы, в противоположность нунатаку и горам Александры, где такого явления не наблюдалось. По мере приближения серый цвет породы видоизменялся, постепенно переходя в коричневую и черную окраску».

Так как бензин был на исходе, пришлось возвращаться в лагерь. «Картина неописуемой, незабываемой красоты сопутствовала спуску самолета. Вокруг нас царила глубокая тишина, нарушаемая лишь треском пропеллера. Утесы и склоны барьера излучали нежное сияние и переливались всеми цветами радуги. Неподвижные розовые и сиреневые облака украшали словно фризы, прозрачный свод небес. Айсберги сверкали на море, омытом золотом, а на западе исполинские горы поднимали к небу пурпуровые вершины в волшебном мираже.

Непередаваемое очарование легло на необъятные ледяные пространства. Я понял, почему Скотт, Маусон и Шекльтон упорно возвращались в эту далекую суровую и столь негостеприимную страну».

В то время, когда Бэрд еще находился в полете, к месту стоянки «Нью-Йорка» подошла «Эленор Боллинг». Члены экспедиции приступили к разгрузке корабля. Работа кипела круглые сутки и ознаменовалась катастрофой, которая только по случайности обошлась без человеческих жертв.

Из-за теплой погоды припай, к которому были пришвартованы корабли, начал трескаться. 29 января пять человек работали на льду, как вдруг один из них заметил трещину буквально у себя под ногами, «но прежде, чем он успел выговорить «лед взламывается», ширина трещины уже превышала метр. Тут все завертелось, закружилось в головокружительной поспешности среди абсолютной жуткой тишины. Без единого шелеста временная пристань вскрылась у края барьера, а затем громадное поле льда поднялось, зашаталось и рассыпалось на тысячи мелких кусков... Через минуту весь склон лавиной низвергся в море. Он оторвал часть барьера и разломал ледяное подножие на три огромных куска, изборожденных трещинами, тянувшимися параллельно барьеру.

Ближайший язык льда поднялся под напором сильнейшего давления и, казалось, что он вот-вот обрушится на судно. Однако лед постепенно опустился в море — и непосредственная опасность, угрожавшая кораблям, миновала»,

Но это было еще не все. 31 января послышался страшный треск. Бэрд в это время находился в своей каюте на «Нью-Йорке». «В один момент я очутился у двери. Еще не дойдя до нее, я знал, что случилось — барьер сломался. Я увидел дно закачавшейся «Боллинг»; не понимаю, как она не опрокинулась, когда гора льда обрушилась на ее палубу».

Несмотря на задержки, вызванные этими происшествиями, «Боллинг» разгрузили в пять суток, и 2 февраля она отправилась в Новую Зеландию.

Среди съестных припасов, которые доставило судно, оказалось двадцать ящиков апельсинов. «Странно было видеть, — пишет Бэрд, — человека расположившегося на льдине с тропическим плодом в руках».

Благоприятные условия для полетов в Антарктике очень редки. Только 18 февраля погода несколько наладилась и два самолета вылетели к нунатаку Скотта. «Печать безотрадности и разорения лежала теперь на море Росса. Поверхность его на много километров кругом была покрыта сероватыми полосами пловучего льда, между ними темная вода разводьев вырисовывала странные асимметрические углы. Это напоминало мозаику, выложенную рукой безумца.

На севере темное «водяное» небо указывало, что впереди открытая вода. Большая грозная туча медленно заволакивала горизонт, и мы с трудом различали смутные очертания барьера.

Приблизительно через час полета небо затянулось тяжелыми снеговыми тучами. Самолет набрал высоту и оказался над первым слоем туч, но увы, — над ним висел такой же второй слой. Пришлось менять курс полета к юго-востоку.

Вскоре мы пролетели над горами Рокфеллера на высоте около 1300 *м*. Возвышенностей оказалось больше, чем мне показалось при первом полете. Я насчитал не менее двадцати пяти горных вершин, причем на большинстве из них виднелись обнаженные породы.

Наибольшая высота гор, казалось, не превышала 600 *м* над уровнем моря. За исключением отдельных вершин, возвышенности были целиком погребены под мощным ледяным покровом, который заполнял и горные долины... Невольно создавалось впечатление, что вершины стараются поднять свои головы над вечными снегами. И в течение веков шла неизменная борьба, борьба между земной корой, стремившейся остаться нетронутой, и ледяным куполом, — остатком ледникового периода, — который постепенно надвигался на нее.

Долины были покрыты льдом и снегом и это смягчало и маскировало их очертания. Синие блики на льду около нижних склонов гор привлекли мое внимание и заставили

предположить, что подножия горных масс окаймлены на большой площади льдом — несомненно в результате летнего таяния. Эти яркосиние пространства замерзшей воды резко выделялись на фоне окружавшей их белизны...

Мы повернули на юг, где небо продолжало оставаться ясным, и летели до 80°30' ю. ш., рассчитывая увидеть горные возвышенности, которые по словам Амундсена, находились на 80° ю. ш. и являлись продолжением Земли Эдуарда VII, соединяясь с горами, тянущимися к северу от Земли Кармен. Однако ничто не прерывало монотонности барьера, только далеко на юге виднелось темное пятно, смутно вырисовывавшееся на горизонте. Была ли это амундсеновская земля? К сожалению, пришлось возвращаться, не обследовав его.

Пространство земли, тянувшееся к югу от гор, которым я дал название Рокфеллеровских гор, и на восток до 150 меридиана, я решил наименовать в честь человека, который в большей степени чем кто-либо другой, пробудил в современном человечестве интерес к исследованию Антарктики, — в честь капитана Роберта Скотта».

После четырехчасового полета самолеты приземлились в Маленькой Америке. Насколько условия экспедиции Бэрда разнились от предыдущих экспедиций, когда исследователи отправлялись на собаках и «оставались на льду в течение долгих унылых месяцев, не имея возможности сохранять какую бы то ни было связь со своими базами. Скотт и Амундсен, отделенные друг от друга всего 450 милями расстояния, терпеливо дожидались лета, чтобы предпринять поход к полюсу, не подозревая о действиях друг друга, словно их разделяли безграничные, океаны».

Приближалась антарктическая зима. Первый исследовательский сезон окончился. 22 февраля «Нью-Йорк» покинул стоянку и отправился на север в Новую Зеландию.

Зимовать в Маленькой Америке осталось сорок два человека. Они нисколько не задумывались о трудностях предстоящей зимы. Их положение было совершенно исключительным и не могло сравниться ни с одной зимовавшей в Антарктике экспедицией. Это объяснялось тем, что строительство и организация Маленькой Америки являли собой образец превосходной работы. По плану, разработанному еще в Америке, предусматривалась постройка пяти главных зданий, но так как три из них остались в трюмах «Боллинг», то получилось некоторое расхождение между планом и действительностью. Лагерю угрожала значительная скученность и ее предотвратили лишь тем, что для сооружения различных построек использовали и доски, и ящики и упаковочный материал.

Так, например, из частей ящика для самолета построили

мастерскую и склад для авиационных материалов. Другой ящик превратился в склад радиооборудования. Для физика Дэвиса плотник Гульд соорудил из всевозможных строительных отбросов, укрепленных латунными и медными гвоздями, лабораторию для исследования земного магнетизма.

Всевозможные пристройки возникли как грибы вокруг главного здания. Одной из них явился третий спальный домик, который должен был соединяться с механической мастерской, а на другом конце столовой построили фотолабораторию и оборудовали темную комнату.

Радиолаборатории отвели угол в управленческом здании. Электросиловая установка, помещавшаяся в мастерской, давала ток для освещения и радио. Так как главным потребителем энергии было радио, то для освещения пользовались бензиновыми и керосиновыми лампами. Электролампы находились у повара, у радиогенератора, одна в норвежском доме и две в фотолаборатории. Кроме того, сильная лампа на радиомачте служила маяком.

В Маленькой Америке были три основных здания: управленческое, столовая и норвежский дом. Первые два были собраны из секций в 0,9×2,4 *м*, причем каждая секция весила около 45 *кг*. Каждый дом, благодаря хорошей пригонке частей, мог быть собран в пять часов. Толщина стен равнялась 10 *см*. Внешняя обшивка состояла из крепких досок, затем шли два слоя бумаги, слой досок, слой изоляционного материала в 38 *мм* и, наконец, еще один слой волокнистой строительной стружки. Фасад был окрашен оранжевой краской. Самое замечательное в этих постройках было то, что они воздвигались без гвоздей, а балки, поддерживавшие здания, соединялись болтами, не выходившими наружу. Благодаря этому проводимость холода была доведена до минимума.

Из противопожарных соображений здания установили на расстоянии 200 *м* одно от другого. По той же причине запасы продовольствия и основные предметы снаряжения находились в разных местах лагеря.

Но не только противопожарными мерами была обусловлена такая система отдельных, далеко отстоящих друг от друга построек. «Наибольшее зло, — по мнению Бэрда, — преследующее исследователя во время полярной ночи, это однообразие его жизни... Нигде в мире оно не принимает такого мучительного и навязчивого характера, как на полярной зимовке. Жестокий холод и непрерывные леденящие ветры принуждают человека большую часть времени сидеть взаперти, в узких темных пространствах своего жилья, долгие, нескончаемые месяцы быть на глазах у своих товарищей, ибо уйти некуда. И неизбежно наступает момент, когда все темы для разговоров исчерпаны и выжаты, как лимон,

когда уже сам голос одного человека невыносим для другого, когда малейшее разногласие порождает глубокое, мучительное раздражение».

Располагая дома и помещения для работы на расстоянии друг от друга, Бэрд надеялся устранить необходимость пребывания на одном и том же месте и создать больше возможностей для физической деятельности членам экспедиции. Чтобы улучшить сообщение между домами были вырыты тоннели. Первый, на глубине 2 *м*, вел от управленческого здания к столовой. Из тоннеля шли ответвления в склады и мастерские. Можно было обойти все помещения Маленькой Америки, не поднимаясь на поверхность.

7 марта геолог Гульд вылетел на самолете к Рокфеллеровскому хребту для организации базы и производства геологических изысканий.

В тот же день 6 человек на четырех запряжках отправились для организации трех складов. Эти склады должны были облегчить путь большой геологической партии, которую намечалось отправить в будущем году для осмотра гор. Путешественники, несмотря на сильный буран, выполнили свое задание и 13 марта вернулись в Маленькую Америку.

Группа Гульда потерпела аварию. Гульд и его товарищи сначала поддерживали радиосвязь с лагерем. Даже 9 марта, в свирепую мятель, была получена от них радиограмма: «Все обстоит благополучно». Но затем сообщения прекратились. Через два дня молчания тревога охватила всех обитателей Маленькой Америки. Явилось опасение, что самолет при обратном пути разбился и вся группа погибла. Из-за плохой погоды нельзя было организовать поиски. Наконец, 20 марта Бэрд с пилотом Смитом и радистом Хансоном вылетели к южной части гор Рокфеллера. Через несколько часов они заметили слабый дымок и вскоре снизились на ровное место, где из флагов был выложен знак «Т», обозначавший «можно делать посадку».

Все члены пропавшей группы оказались целыми и невредимыми. Шторм разбил их аэроплан и испортил радиоприборы, поэтому они не могли ответить на вызовы радиостанции Маленькой Америки.

В два приема самолет Бэрда забрал членов геологической партии, и 23 марта все зимовщики были в сборе.

Приближалась зима. 1 апреля температура упала до—40°. «Дни становились заметно короче, а вечера длиннее. Это было самое прекрасное время нашего пребывания в Антарктике. По мере того как солнце все ниже описывало круг над горизонтом, превращаясь в матовый, негреющий красный шар, краски на небе становились все ярче и снопы лучей падали на холодную белизну барьера, окрашивая его всеми цветами радуги. Замерзший мир был весь в огне,

В последний раз мы видели солнце 17 апреля. Оно медленно проплыло по горизонту и остановилось на западе, точно прощаясь с землей, которую оно покидало на четыре месяца. Затем светило внезапно погрузилось за горизонт. В то же мгновение зарево охватило южный край небес, они засверкали зелеными, синими, красными и желтыми красками. Но это продолжалось недолго. Сумерки длинными серыми щупальцами стали охватывать барьер. Начиналось победоносное шествие полярной ночи, ныне единственного, нераздельного властелина необъятных ледяных полей... С бухты стали доноситься заглушенные взрывы и треск сжимавшегося от резкого холода льда».

По мере увеличения холода и темноты жизнь в лагере изменилась.

Ночью дежурный в шубе с капюшоном на голове подбрасывал уголь в печь, стоявшую в библиотеке. Только в одной этой печке поддерживался огонь в часы сна. Каждые полчаса дежурный выходил наружу, отмечал облака и проверял показания термометра и других записывающих приборов. В шесть часов утра он разводил огонь в кухонной плите и будил товарищей.

Главной задачей Бэрда во время зимы было создать такой режим, «при котором человек не мог предаваться излишеству ни в еде, ни в отдыхе, ни в работе». По мнению Бэрда «отсутствие определенного режима было причиной страдания многих зимовочных экспедиций. Без него стирается грань, отделяющая день от ночи, и в мучительном однообразии тянутся долгие, нескончаемые месяцы».

Ежедневно, несмотря на мороз, зимовщики гуляли по часу на открытом воздухе. Делались и более далекие прогулки. Так, несколько членов экспедиции, во главе с Бэрдом, решили осмотреть глубокие трещины в толще барьера. «Мы остановились, — пишет Бэрд, — у края одной из самых больших трещин, имевшей ширину около метра. На веревке опустили прожектор, но дна не увидели, так как трещина изгибалась под острым углом. Мне перевязали грудь веревкой и начали опускать вниз. Когда я достиг первого поворота, слишком туго затянутая веревка стала меня душить. Я закричал, что было силы, но шум бензинового генератора заглушал голос. Болтаясь над пропастью и не имея возможности упереться ногой в отвесные стены, я чувствовал, что сейчас задохнусь. Однако догадался несколько раз энергично дернуть веревку и товарищи поняли, что случилось что-то неладное. Меня вытащили на поверхность, поправили веревку и снова опустили.

Красоту этого спуска трудно передать словами. Под лучами прожектора огромные ледяные кристаллы, покрывавшие стены, горели бесчисленными блестками. На глу-

бине приблизительно 15 *м* я достиг дна. Я находился в небольшом гроте. Термометр показывал 26° ниже нуля.

Я ломом стал долбить лед под ногами, чтобы удостовериться, представляет ли он прочное основание или только мостик. Мне не удалось проникнуть глубже 30 *см*. На вкус лед оказался соленым, следовательно морская вода заполняла трещины в окрестностях Маленькой Америки. Повидимому лед здесь никогда не таял.

Я не мог оторвать глаз от ледяных кристаллов, необычайно больших и изумительно совершенных по форме. Эти антарктические цветы образуются из паров морской воды, которые поднимаются, сгущаются и замерзают. Отраженные лучи прожектора преображали эту зловещую трещину в сказочную пещеру, выложенную изумруднозеленым, голубым и красным прозрачным хрусталем.

Может быть покажется странным, что мы могли работать на воздухе во время полярной ночи. Обычное представление, что полярная ночь беспросветно темна, сильно преувеличено. Абсолютная тьма скорее исключение, чем правило. В самую темную ночь, 21 июня, когда солнце находилось в наибольшем отдалении, узкая алая лента освещала в полдень северный горизонт. Часто после сильного южного ветра темная полоска водяного неба, указывавшая на то, что море Росса свободно от льда, ярко выступала из окружавшей серой мглы. В июле, за исключением тех дней, когда небо было затянуто тучами, все увеличивавшаяся дуга света на небе предвещала медленно возвращавшийся день.

Южное антарктическое сияние появлялось почти каждую ночь и освещало небо чудесной иллюминацией. Это замечательное зрелище обычно начиналось вскоре после полуночи и часто повторялось в более слабом виде между шестью и семью часами утра.

Проявления южного сияния очень разнообразны. Оно бесконечно меняет форму и окраску. 4 мая мы присутствовали при изумительном зрелище. В семь часов утра широкие волнистые ленты протянулись по небу с востока на запад, окрашенные по краям в розовые и красные цвета, которые постепенно переходили к середине в нежнозолотистые тона. В течение нескольких минут ленты колыхались и дрожали, словно раскачиваемые невидимой рукой, затем они разорвались и яркое зарево разлилось по небу. 19 мая на небе встретились южное сияние, отсвет солнца и луны. Покинувшее нас светило, освещавшее далекие области земли, окрасило в бледножелтый цвет тонкую полоску у северного горизонта. На востоке красный пылающий месяц старался выбраться из туч, а с севера на юг струились разноцветные ленты южного сияния...

Когда же небо затянуто завесой туч, антарктическая ночь безнадежно черна. В такие дни выйти из дома — значит подвергнуть себя большой опасности. Световой сигнал на радиовышке всегда горел, но даже дружеское мигание этого путеводного огонька затемнялось падающим снегом».

Погода доставляла много хлопот и неприятностей зимовщикам. То стояли сильные холода, то температура вдруг повышалась до —10°, то внезапно падала до 50° ниже нуля. «В середине июня нас поразила теплая погода; это было неожиданно, так как тогда была как раз середина антарктической зимы. Влага, при температурах от —20 до —23°, образовала такие чудные ледяные кристаллы, что фотографы снимали их при вспышках, освещавших дома, радиобашни и антенны.

Вообще ни один фотограф не испытывал таких затруднений и не проявлял такой изобретательности, как фотографы экспедиции.

Необыкновенная конденсация при антарктическом холоде оказывала влияние на камеры и все научные приборы. Если книгу, полежавшую около холодной стены, открывали в несколько более теплой атмосфере, от нее шел пар, как от чайника. Если человек стоял при входе в тоннель, ведущий в дом, то его дыхание производило такое испарение, что весь дом казался в дыму.

Автоматические киноаппараты и фотокамеры переставали работать при 29° ниже нуля, так как благодаря холоду происходило сокращение пружин. Чтобы камера работала хотя бы в течение одного часа приходилось сначала нагревать ее над примусом, а затем выносить уже на воздух в капюшоне, держа около тела.

При морозе в 45° керосиновые фонари гасли, так как керосин замерзал. Изоляционная лента на телефонных проводах становилась хрупкой и легко ломалась. При температуре ниже 35° пленка рвалась и фотографам приходилось вставлять ее снова голыми руками. Пальцы прилипали к металлическим частям аппарата и можно было видеть не раз, как после исправления аварии кинооператоры прыгали от боли, пряча руки подмышки.

Табак, постоявший в коробке на полу барака, так смерзался, что его можно было выносить на ветер, не боясь, что он разлетится.

Проволоки, которыми были стянуты антенные столбы, натянулись как струны и ветер играл на них разнообразные мелодии. Для того, чтобы зажечь свечи под метеорологическими шарами — зондами приходилось их сначала согревать над примусом, так как фитиль не загорался.

Такие холода продолжались около двух недель. Однажды в полдень, в июне, ртуть опустилась до 57° ниже нуля.

Несмотря ни на какую погоду научно-исследовательские наблюдения, опыты и работы не прерывались.

Большую работу вел радиоотдел, который «являлся, пожалуй, наиболее ответственным и важным участком работ экспедиции. О степени и объеме деятельности отдела можно судить по тому, что у нас работали 24 передатчика и 31 приемник». Маленькая Америка, три самолета, три санных партии, базы, два судна были обеспечены радиоприемниками и радиопередаточными установками.

На самолетах радиосвязь поддерживалась на коротких и средних волнах. В случае вынужденной посадки экипаж самолетов мог наладить связь с базами и лагерем помощью особых аварийных радиоаппаратов. На каждом самолете имелся радиопеленгатор и направляющий радиопередаточный маяк. Благодаря радиопеленгатору, посылающему сигналы на средних волнах, с базы на самолет могли быть переданы указания о направлении курса самолета. При помощи же передаточного радиомаяка, посылающего сигналы в каком-нибудь одном направлении по желанию — на север, юг, восток или запад, радист или пилот имели возможность направить самолет обратно к базе.

Помимо чисто практической деятельности, радиоотдел вел непрерывную серию научных наблюдений над радиоусловиями в Антарктике. Совместно с Дэвисом (физиком) радист Хансон изучал соотношения между радио и магнитными условиями. Кроме того он производил опыты по исследованию слоя Хэвисейда, таинственной «зоны молчания», окружающей нашу планету и оказывающей огромное влияние на коротковолновые передачи».

Радисты Маленькой Америки наладили связь с отдаленнейшими уголками мира. Они беседовали с командой дирижабля «Граф Цеппелин» во время его кругосветного перелета, переговаривались со станцией, находящейся на горе Иванос в Гренландии, разговаривали с советской полярной станцией, зимовавшей на Земле Франца-Иосифа.

В течение зимы велась подготовка к отправлению трех партий: геологической, вспомогательной и южной.

Первые две должны были итти пешком. Последняя — вылететь к полюсу на самолете.

20 августа вернулось солнце. В сентябре холода стали менее жестокими.

15 октября вышла вспомогательная партия. Она устроила склады продовольствия и снаряжения для геологической партии и вернулась обратно.

Следом за вспомогательной 20 октября покинула Маленькую Америку геологическая партия, возглавляемая проф. Гульдом. Маршрут и план работ ее был разработан детально. Поход группы должен был занять три месяца, один

из которых предназначался для «наблюдений и сбора материалов об одной из самых важных и наименее известных местностей Антарктики».

На десяти санях геологической экспедиции разместили 2500 *кг* груза. Всякая мелочь была взвешена и все, что не являлось абсолютно необходимым для здоровья и безопасности людей и собак или для научной работы, было исключено.

Кроме припасов, которые везли с собой участники экскурсии, большая часть провианта, в особенности пища для собак, была доставлена вспомогательной партией на четыре устроенные ею склада.

На каждого человека полагалось около 1 *кг* пищи в день. Она состояла из пеммикана (мясной муки), бисквитов, масла, свинины, сгущенного супа, овсяной муки, сахара, молока в порошке, какао, чая, соли, шоколада и др. Был взят также противоцынготный лимонный порошок. В дороге еда приготовлялась на плите, устроенной вокруг примуса с двойной горелкой.

Собак в дороге кормили пеммиканом, сделанным по особому рецепту.

Путешествие Гульда и его товарищей было очень тяжелое. Они вставали в 6 часов утра и шли до 9 часов вечера.

Почти весь путь они проделали на лыжах. Без них участники экспедиции не смогли бы переходить через бесчисленные трещины, ямы и бугры.

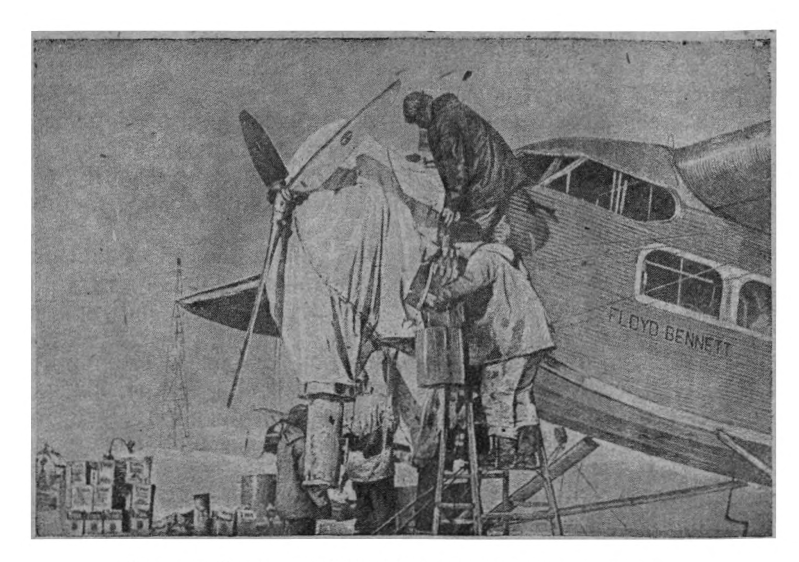
Как только геологическая группа покинула лагерь началось налаживание самолетов для полета к южному полюсу. Из ямы в снегу был извлечен фордовский моноплан «Флойд Беннет». Мороз в эти дни стоял отчаянный. Температура упала до —45°. Временами нельзя было работать в перчатках; люди мазали руки жиром и все же, при прикосновении к металлическим частям, обжигали их.

Для облегчения работы построили большой переносный барак из холста, натянутого на рамах.

Полет к полюсу отличался от других продолжительных полетов тем, что для него обязательно требовалась ясная погода. Полет оказался бы бесцельным с исследовательской точки зрения, если бы видимость была плохой. В дурную погоду самолеты не могли бы перелететь через высокие горы, окружающие полярное плато.

18 ноября был совершен полет для закладки базы.

Маршрут лежал по прямой линии от Маленькой Америки к леднику Акселя Гейберга, немного восточнее пути, которым шел Амундсен. Имелось опасение, что горы трудно будет узнать по описанию Амундсена, так как по соседству имеется много других высоких гор. К тому же Амундсен



Самолет Бэрда подготовляют для полета к полюсу.

видел их с земли, а с воздуха они могли иметь совершенно другой вид.

Во время полета фотограф Мэк Кинлей снимал своим аппаратом каждый сантиметр дороги, идущей вдоль Гросвеноровской тропинки. На расстоянии 240 *км* от базы самолет пролетел над опасной, испещренной расщелинами местностью, через которую пришлось проходить сначала вспомогательной, а потом геологической партии. Виднелись расставленные оранжевые флаги, которыми была отмечена извилистая тропа среди расщелин и ям. «Лишь фотографии могли дать представление о хаотической массе пропастей с ледяными глыбами по краям, веерообразных расщелинах и предательских ледяных мостах.

Скоро по правую сторону от самолета, — пишет Бэрд в своем дневнике, — мы увидели горы. Когда мы направились к ним, одна за другой стали появляться вершины. В конце концов горизонт с юго-востока на юго-запад обратился в одну громадную галлерею гор. Никогда не приходилось видеть таких суровых гор и такой великолепной картины. Мы летели насколько возможно точно по солнечному компасу, желая обязательно попасть прямо на ледник Акселя Гейберга.

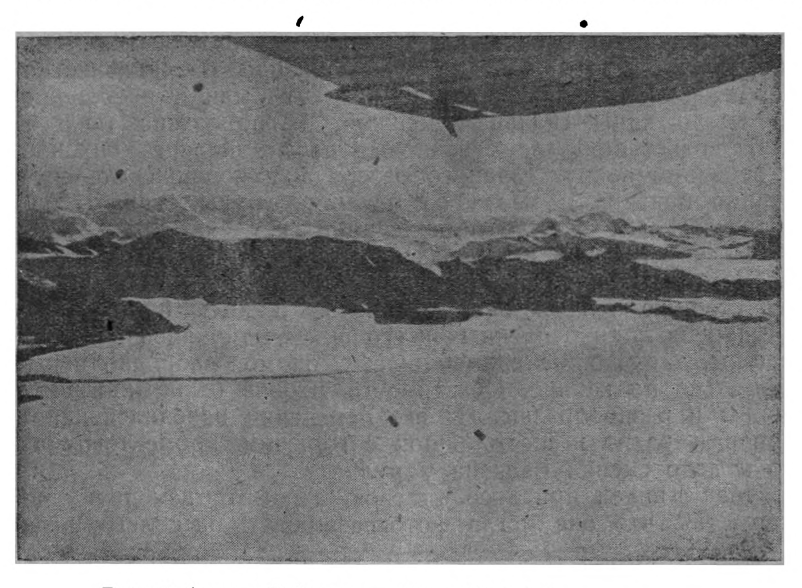
По всем направлениям были разбросаны колоссальные горы, но так как мы не узнавали ни одной из них — пришлось всецело довериться компасу. Если взятый курс был правилен, ледник Акселя Гейберга и гора Нансена должны

оказаться перед нами. Но перед горой, принятой нами за вершину Нансена, появилась другая, более низкая, с прекрасными стекающими по ней ледниками.

Решили приземлиться у ее подошвы. Это был один из рискованнейших моментов. Предварительно сбросив четыре дымовых бомбы для определения направления ветра и высоты мы стали снижаться. Наконец, самолет ударился о снег и остановился».

Быстро выгрузив тюки с пищей, банки с газолином и маслом, газолиновую печь и другое оборудование участники полета вылетели с базы, направляясь к Маленькой Америке. Приблизительно в 150 *км* от лагеря моторы внезапно отказались работать. Аэроплан быстро пошел на снижение. Благодаря искусству пилота спуск произошел благополучно. Авария, как выяснилось, произошла вследствие того, что все горючее было полностью израсходовано. Из лагеря на втором аэроплане перебросили газолин. Самолет «Флойд Беннет» снова поднялся в воздух и доставил всех участников полета в Маленькую Америку.

Итак, база у подножия гор была устроена. Теперь можно было приступать ко второму летнему заданию — полету к южному полюсу. Главной задачей полета являлось обследование и наблюдение с птичьего полета всего видимого пространства между Маленькой Америкой и полюсом. «Мы хотели зафиксировать фотографически каждый



Ледник Акселя Гейберга — вид с самолета.

километр из 2550 *км*, над которыми должны были пролететь. До того никто еще не делал такой длинной карты в течение одного исследовательского полета».

При обсуждении предстоящего полета пришлось составить проект снаряжения и экипировки, которую следовало взять с собою на случай вынужденного спуска. Трудности полета увеличивались еще и тем, что предстояло лететь в неизвестную страну с переменной погодой, с внезапно возникающими буранами и необыкновенными световыми условиями.

28 ноября в 3 ч. 29 м. самолет с Бэрдом, Мэк Кинлеем, Балкеном и Джюном вылетел к южному полюсу. «Наш путь лежал, — пишет Бэрд, — по меридиану маршрута упряжек[1]. Вначале мы летели, как в молоке, лишь на юге показался небольшой ободок голубого неба. Описав круг и через несколько минут вылетев из полосы облаков, мы попали под лучи яркого солнца, освещавшего впереди горизонт.

В 4 ч. 25 м. самолет пролетел над брошенным автомобилем на полозьях (вездеходом); это были остатки неудавшегося опыта применить автомобиль в Антарктике. Другие исследователи пробовали пользоваться пони, но до сих пор собаки и сани являются незаменимыми для полярных троп.

Если бы читателю удалось взглянуть в кабину нашего самолета — этого современного летательного средства, внесшего коренную революцию в полярные путешествия, то, мне кажется, его более всего поразило бы количество снаряжения, заполнявшего кабину. Тут были и небольшие нарты, и кипы спальных мешков, и громоздкие тюки с продовольствием, две бензиновые печки, шеренга бидонов с бензином вокруг главного резервуара, воронки для спускания бензина и масла из моторов, груды одежды, палатки и т. д. и т. п. до бесконечности.

Радиоустановка помещалась у задней переборки с левой стороны аэроплана. Джюн время от времени сообщал на станцию лагеря несколько слов о ходе полета. От наушников, прикрепленных к его шлему, тянулись длинные шнуры, так что, не снимая шлема, он мог свободно передвигаться по кабине. Обязанности Джюна были многочисленны и разнообразны. На его попечении находился киноаппарат, радио и шесть банок с горючим, кроме того, он то и дело сменял Балкена у руля.

Мэк Кинлей приспособил свою аэрофотосъемочную камеру так, что она могла фотографировать и с левой и с

---

[1] Т. е. пути, пройденному санями и лыжниками. — *Ю. Ш.*

правой стороны самолета. Позади моторов было совсем тепло. Но порою холодные порывы ветра проникали в кабину и тогда все ежились несмотря на меховые шубы. Когда небосклон очистился, снопы золотых лучей залили самолет. От рева моторов и треска пропеллеров стоял оглушительный грохот; чтобы услышать друг друга мы должны были неистово кричать. Навигационный стол, где я разложил свои карты, сообщался с кабиной управления посредством конвейерной ленты, по которой я передавал Балкену необходимые указания.

Такова вкратце обстановка нашего полета. Совсем иную картину представляла собой партия Амундсена, следовавшая восемнадцать лет назад по этому же пути. Стальные крылья, мотор и вертящиеся пропеллеры заменили водителей, собак и человеческие ноги. Амундсен был счастлив, когда ему удавалось пройти 45 *км* в сутки, а мы, чтобы выполнить свое задание, должны были покрывать в среднем 162 *км* в час. Нашими козырями являлись быстрота и комфорт, но эти преимущества уравновешивались большей опасностью. Малейший изъян в кусочке стали, соринка в подаче горючего, несколько часов сильного встречного ветра, туман или шторм — все обстоятельства, от нас не зависящие — могли разрушить самый совершенный план и свести на-нет все наши усилия.

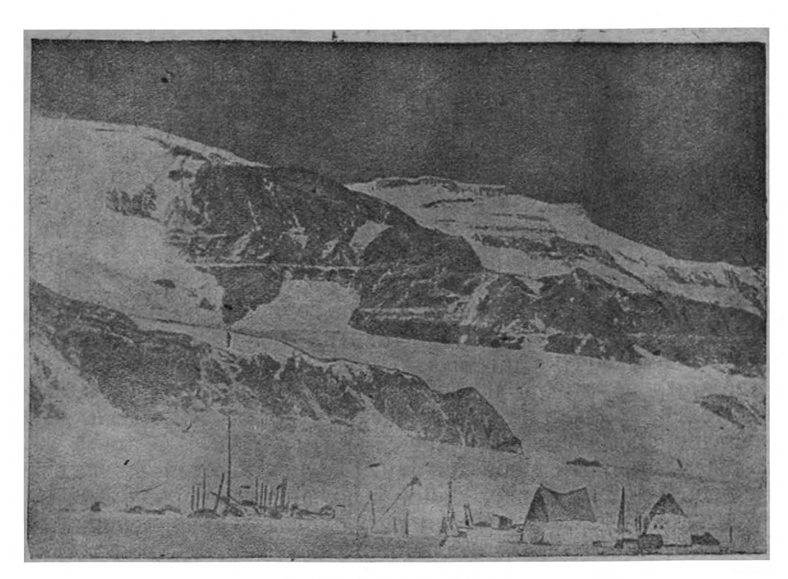
Однако мы об этом не думали — все наши помыслы были обращены к гигантам-горам, с которыми нам предстояло сразиться.

Перелетев над Долиной пропастей мы скоро увидели, яснее чем в прошлый раз, голубые потоки льда, низвергавшиеся с многочисленных ледников на барьер, и снегом одетые вершины гор, ослепительно сверкавшие на солнце.

Мы летели на высоте 500 *м*. Видимость была прекрасная. Все упорно смотрели на восток, а Мэк Кинлей фотографировал горизонт. Это было очень важно, потому что таким путем проверялись существующие карты. Достигнув 85° ю. ш., мы все еще не видели никакой земли ни на восток, ни на северо-восток, а также не было ни земли, ни гор по направлению к востоку, между 84 и 85°. Это означало, что большая часть Земли Кармен должна быть снята с карты и что границы барьера простираются на восток до неопределенных пределов. Благодаря этому открытию возникает вопрос о том — существует ли соединение между морями Росса и Уэдделя или нет.

Амундсен вполне естественно мог быть введен в заблуждение относительно размеров Земли Кармен ввиду необыкновенных миражей, которые временами бывают в Антарктике.

Наконец, впереди показались очертания горной цепи



Горы королевы Мод.

королевы Мод. Я снова обратил свой взор на восток в поисках признаков суши, но под нами до самого горизонта расстилался один лишь барьер.

В 8 ч. 15 м. вечера настигли геологическую партию — несколько темных точек вокруг двух крохотных палаток. Балкен снизился до 250 *м*, и Мэк Кинлей сбросил парашют, к которому привязал увесистый пакет, содержащий среди других вещей фотографии горной цепи королевы Мод. Парашют раскрылся, плавно упал на снег и мы увидели, как несколько фигурок подбежало к нему.

Балкен пустил мотор на полный газ: центральный мотор делал 1750 оборотов в минуту, а боковые моторы 1700 оборотов. Самолет готовился к длительной тяжелой осаде антарктических высот. Самолет неуклонно набирал высоту. Мы находились приблизительно в 100 *км* к северу от западного входа в ледник Акселя Гейберга и летели сверяя курс с солнечным компасом. Я наблюдал за движением стрелок на циферблатах высотомеров: 1000 *м*, 1200 *м*, 1400 *м*, 1500 *м*. Подъем продолжался.

Приближаясь к горам, Балкен повернул самолет на 30° к юго-западу, чтобы мы могли одновременно охватить взглядом ледник Акселя Гейберга и ледник Лив. Момент был критический. Какой из ледников избрать для перелета через горы, какой путь лучше? Мы выбрали ледник Лив, открытый Амундсеном и названный им в честь дочери

Нансена. Казалось, проход в нем шире чем в леднике Акселя Гейберга и не так высок.

Самолет летел на высоте 3000 *м* и в 9 ч. 15 м. достиг восточного края ледника. Мы так часто обсуждали этот перелет, что теперь, когда ледник-гигант стоял перед нами во всей своей обнаженной ледовой реальности, нам казалось, что мы очутились лицом к лицу со старым знакомым. Но мы приближались к нему с почтением, поднимаясь на полном газе все выше и выше...

Далеко впереди ледник широкой дугой спускался к юго-западу, на расстоянии 50—70 *км* исчезал из виду, неясно сливаясь с гладкой белоснежной поверхностью. Могло ли это быть полярное плато? Слева возвышалась гора Нансена, она тянулась к юго-востоку и заполняла горизонт. Мраморные стены горы Фишера и окружающее ее предгорье лежали справа, простираясь к юго-западу. Ледяная линия — граница ледника, в том месте, где он соприкасался с барьером, была отчетливо видна, но бездонные трещины, замеченные нами во время полета для устройства базы, теперь, вследствие большой высоты, казались незначительными узкими колодцами.

Ледник отвесно поднимался рядом порогов и террас, причем некоторые из них возвышались над самолетом. Эти ледяные потоки высотой от 700 до 1400 *м* поражали необычайной красотой.

Движение воздушных масс в ущельи заметно усиливалось. Мощные стальные крылья дрожали и самолет подбрасывало то вверх, то вниз. Стрелки высотомеров показывали 3200 *м*. Повидимому, рабочий потолок самолета был уже недалек.

В центре ущелья показался острый выступ скалы, напоминавший остров, возвышавшийся над потоками льда. Возможно, что это была одна из высочайших вершин гряды, которой в течение веков удалось удержаться над движением ледяных масс. Но в эту минуту мне было не до структурных особенностей гор; они меня интересовали лишь с точки зрения высоты нашего полета, и я с тревогой увидел, что, несмотря на усилия Балкена, нос самолета фактически находился на одном уровне с выступом скалы.

Мы все еще поднимались, но уже значительно медленнее. В разреженном воздухе тяжело нагруженный самолет плохо слушался управления. Казалось, мы не летим, а ползем по узкому ущелью, обрамленному с обеих сторон черными стенами Нансена и Фишера, более высокими, чем уровень аэроплана. Нос самолета то поднимался, то опускался, снова взлетая и опять падая. Надо было что-то предпринять. Ущелье было настолько узко, что самолет не мог в нем развернуться. Необходимо было увеличить силы

нашей птицы. Для этого пришлось выбросить 125 *кг* пищи. Самолет буквально подпрыгнул и через несколько минут мы поднялись на 150 *м*. Теперь самолет мог свободно одолеть ущелье.

Следующие несколько минут тянулись словно вечность. Мы летели по ущелью со скоростью 140 *км* в час, охраняемые слева грозными часовыми — черными стенами Нансена. Мало-помалу «Флойд Беннет» поднимался над ними. Белоснежным бесконечным тянулось к югу полярное плато. Наконец, горы остались позади. Мы победили. Впереди за горизонтом, менее чем в 500 *км* расстояния, лежал южный полюс. Было 9 ч. 45 м. вечера.

Достигнув плато, мы полетели на юг. Огромный хребет Нансена простирал свои морщинистые бока к небу. В право от него ясно выделялся сводчатый купол горы Рут Гэд. На фоне восточного горизонта показалась целая шеренга гор. Точной высоты я их не знаю (эти цифры будут установлены путем вычислений на основании фотографий Мэк Кинлея), но, повидимому, многие вершины превышают 5000 *м*. Одетые снегом, ярко блестя на солнце, многочисленные возвышенности тянулись на юго-восток.

Под нами, как на ладони, необъятно расстилалась панорама ледяной пустыни. Глядя на эти причудливые, разнообразные формации льда, можно было составить себе представление о ледниковом периоде. Здесь находилось ядро, центральная точка антарктического ледовитого покрова. Мы не знали, какой глубины он достигает — 300 или 3000 *м*. Но во всяком случае все похоронил под собой лед, за исключением отдельных высочайших пиков. В поисках выхода, под действием колоссального давления, потоки льда устремлялись через ущелье и пробирались к морю. Парад гор, гамма черных и белых красок, гиганты-вершины и глубокие впадины ледников, плато, простирающееся к иллюзорному горизонту — все это являло собой незабываемую картину.

От времени до времени Джюн сменял Балкена у руля. Балкен прохаживался по кабине, разгибая онемевшие члены. Никто из нас не думал об еде: бутерброд с мясом и несколько глотков чая или кофе из термоса вполне нас удовлетворяли. Трудно было поверить, что еще совсем недавно наиболее решительные и мужественные люди нашего века, пытавшиеся достигнуть далекой цели, Скотт и Шекльтон, шли по этому же плато по нескольку километров в день, мучимые голодом — жестоким, неумолимым голодом, который следовал за ними по пятам.

Между 11 ч. 30 м. и 12 ч. 30 м. горы на востоке стали постепенно исчезать. Вскоре после половины первого ночи вся цепь скрылась из нашего поля зрения, и плато неясной

линией слилось с горизонтом. Возвышенности справа давно уже пропали.

В 12 ч. 38 м. мы увидели солнце на юго-востоке на 21° выше горизонта. С помощью солнечного компаса я определил местоположение самолета. Мы находились на 89°4'5" ю. ш., или в 55,5 (102,7 *км*) милях от полюса. По вычислениям Амундсена, плато в этом месте опускалось до 3200 *м*. «Флойд» летел приблизительно на высоте 5000 *м*.

Итак, полюс, таинственная цель, был фактически уже на виду. Но я был настолько поглощен показаниями приборов, что не мог уделить ему ни одного взгляда...

В шесть минут второго я «поймал» солнце и вычислил положение самолета по солнечному компасу. «Флойд Беннет» почти уже достиг полюса, и в 1 ч. 14 м. по гринвичскому времени мы находились над южным полюсом.

Мы повернули направо и пролетели расстояние в 5—7 *км*. Если бы мы повернули направо перед тем, как достигнуть полюс, то можно было бы считать направление самолета западным, но, достигнув полюса, мы на самом деле повернули на север, потому что все направления у южного полюса ведут к северу. Затем мы сделали круг и снова полетели к полюсу. Новое направление самолета было южным, хотя оно шло под прямым углом к нашему предыдущему, которое тоже вело к югу. Из этого можно судить как трудно говорить о направлениях вблизи полюса. Например, как только мы снова пересекли полюс, после вторичного изменения курса, направление самолета, которое было южным, немедленно сделалось северным, хотя мы продолжали лететь по прямой линии.

Пролетев по этому же направлению приблизительно 10 *км*, мы изменили курс по диагонали и в 1 ч. 25 м. повернули обратно — к полюсу и Маленькой Америке.

Странное место эта воображаемая точка, именуемая южным полюсом. Все меридианы времени в ней сходятся. Несчастный человек, которого судьба забросила бы в окрестности полюса, оказался бы в весьма затруднительном положении: он совершенно не знал бы, как ему исчислять время. Солнце описывает круг на небе, оставаясь на одном уровне над снежным горизонтом и только слегка изменяет свое положение каждые двадцать четыре часа. Направления, как мы их обычно считаем, тоже ничего не говорили бы этому несчастному человеку. Направление его пути, за исключением севера и юга, заметно менялись бы через каждые несколько минут, и чтобы держаться одного и того же курса, ему приходилось бы итти не по прямой линии, а непрестанно колесить.

Когда мы на обратном пути оказались над полюсом, я открыл дверцу люка и сбросил американский флаг.

Джюн передал в Маленькую Америку следующую радиограмму: «По моим вычислениям достигли южного полюса. Бэрд».

Стрелки высотомеров показывали высоту в 4000 *м.* В течение нескольких секунд «Флойд Беннет» стоял над местом, где 14 декабря 1911 г. находилась партия Амундсена и где спустя 34 дня Скотт читал записку, оставленную для него Амундсеном. В честь этих замечательных людей мы сбросили флаги их стран.

Теперь лишь шум пропеллеров тревожил безлюдную ледяную пустыню, в центре которой лежал полюс. Гор не было видно. В сторону Маленькой Америки и влево видимость была хорошая, но справа, т. е. на востоке, горизонт был затянут тучами; поэтому, если там и находятся горы, как предполагают некоторые геологи, то увидеть их нам не удалось.

В 1 ч. 25 м. мы повернули обратно. Предстояло еще трудное дело. Нам необходимо было попасть к проходу в горах и найти базу у подножия гор. Время теперь двигалось страшно медленно. Горы, которые до того были чисты, теперь местами окутались облаками.

Через некоторое время влево от нас показался тот самый проход, по которому мы влетели на плато; ледник Акселя Гейберга находился несколько левее нашего направления... Вскоре самолет летел по ущелью. Через несколько минут Джюн приземлил «Флойд Беннета» на ледяное поле около горной базы.

Здесь мы взяли 900 *л* газолина и оставили 160 *кг* пищи для партии Гульда, чтобы дать ей возможность дольше пробыть в горах. Через час снова поднялись и в 10 ч. 10 м. утра спустились в Маленькой Америке. За 15 ч. 51 м. мы осмотрели площадь в 400 тыс. *кв. км.* Пири, для того, чтобы водрузить американский флаг на северном полюсе, принужден был находиться вне общения с цивилизованным миром 429 дней, а Амундсену для путешествия к южному полюсу потребовалось семь месяцев».

План работ экспедиции Бэрда предусматривал четыре ответственных задания: полет к полюсу, географическое и геологическое обследование горной цепи королевы Мод, летное исследование страны, лежащей на восток от Маленькой Америки и точную сухопутную съемку Китовой бухты.

Полет к полюсу удался; геологическая партия Гульда заканчивала обследование гор королевы Мод; съемка Китовой бухты проходила успешно. Оставалось выполнить последний пункт программы — заснять аэрофотокамерой открытую на восток от Маленькой Америки страну.

6 декабря 1929 года в 10 ч. 50 м. Бэрд с пилотом Паркером, Джюном и Мэк Кинлеем вылетели на восток. «Около полудня, — записал Бэрд в своем дневнике, — перед самолетом стали выплывать горы Рокфеллера. Мы увидели трещины, описанные в свое время Преструдом — они казались чрезвычайно широкими и глубокими. К югу от мыса Колбека материковый лед лежал неровными волнистыми пластами. Дальше к северу сверкавшая белизна снега граничила с меднокоричневыми тонами воды. Море слегка волновалось; кое-где ледяные горы плавали поблизости к изломам в барьере: очевидно недавно произошло их отделение.

Паркер продолжал набирать высоту, и в 12 ч. 27 м. мы находились на высоте 1700 *м* над нунатаком Скотта, несколько севернее его. Под нами расстилалась прекрасная панорама этих неизведанных пространств.

К северу материковый лед кончался ледяными языками необычайных очертаний, которые доходили до внешней границы припая. С высоты трудно было поверить, что эти пласты льда достигают 70 *м* высоты над уровнем моря. Под сильным давлением вышележащих масс они вдавались глубоко в море, причем от них откололись большие куски, которые образовали причудливые ледяные острова, изборожденные трещинами. За кромкой припая тянулась полоса мощного пакового льда. Пак был сильно взломан и, казалось, его удерживает на месте длинная протянутая рука мыса Колбека.

Как на ладони лежала под нами вся цепь гор Александры. Возвышенности были значительно ниже, чем мы предполагали. Вершины гор не достигали и 700 *м*.

Теперь мы летели над совершенно девственными пространствами... В 12 ч. 40 м. то, что мы искали, словно нехотя появилось на фоне прозрачного горизонта: сперва на несколько градусов вправо от нашего курса показались отдельные возвышенности, затем, по мере продвижения самолета, другие вершины стали выплывать одна за другою, образуя длинную горную цепь. Это было открытие первостепенной важности.

Внезапно между самолетом и новой горной страной показалась полоса чистой воды. Колесить вдоль береговой линии было бы слишком долго, поэтому мы решили направить аппарат по прямому курсу, т. е. через море, хотя это было весьма рискованным шагом, так как вынужденная посадка неизбежно окончилась бы катастрофой.

Когда самолет отдалился от побережья, я вполне отчетливо увидел, что пояс молодого припая соединялся с пловучими массами материкового льда. Припай сильно торосился; здесь и там виднелся разломанный купол ледяного

острова. Ширина кромки составляла от 45 до 90 *км*. Материковый лед кончался барьерообразным образованием с белоснежными скалами, местами достигавшими от 70 до 80 *м* в высоту. За ними ледяной покров полого спускался к востоку и югу.

Мы пересекли 64 *км* открытой воды, во втором часу достигли кромки припая и вскоре пролетели над 150-м меридианом — восточной границей британских владений в Антарктике. Мы летели со скоростью 185 *км* в час над пространствами, дотоле невиданными, неисследованными и на которые никто не предъявлял своих прав. Полет был насыщен своеобразной романтикой.

Восток постепенно раскрывал перед нами свою тайну. Того, что в течение многих лет не удавалось наземному транспорту, достигла теперь авиация. В 1 ч. 13 м. мы изменили курс слегка к северу. Возвышенности на востоке становились все внушительнее. Они тянулись к северу и к югу, насколько мог охватить глаз, представляя неровный серостальной оплот... За горами показалось белоснежное, приподнятое плоскогорье, составляющее, быть может, часть обширного плато, простирающегося от Южной Земли Виктории до полюса...

В 2 ч. 10 м. мы повернули на юг и снова полетели параллельно горам. Горная цепь простиралась на север, а некоторые возвышенности поворачивали на восток... Это была, несомненно, мощная горная цепь... Некоторые вершины безусловно достигали 3500 *м* высоты. Исполинский ледник прорывался сквозь преграду гор. Сверкая холодными голубыми красками, он возвышался между двумя серочерными стенами, а в центре его виднелась стройная темная вершина. Ледник напоминал гигантскую белую реку, текущую между ровными гладкими скалами... Из всех совершенных мною полетов ни один не был так полон интересными возможностями, как этот. На севере, востоке, юге и западе все было ново, неисследовано и загадочно. Тут беспредельно властвовала природа, творившая в таком грандиозном масштабе и с такой бесконечной мощью, что можно было только созерцать и поражаться.

Перед нашими глазами простиралась безжизненная пустыня, появившаяся в результате величайшего периода оледенения, какой только знала земля. Глядя на эти нескончаемые льды, я не мог себе представить, что Антарктика была когда-то теплой, плодородной страной, с мягким климатом, с растительностью и деревьями.

Какая тут таилась красота неукрощенной стихии. Над водой и погруженной в море сушей ползли громадные языки крепкого льда и снега, проникавшие во внешнюю кромку припая и заканчивавшие процесс колоссального

разрушения. Тут были ледяные скалы высотою в сотни метров. Я видел, как одна из таких скал рухнула в море. С птичьего полета она казалась маленькой льдинкой, бесшумно упавшей с игрушечной стены. А на самом деле тысячи тонн льда низверглись в одной страшной конвульсии.

Внезапно среди сплошных льдов появились странные озера чистой воды, казавшиеся бархатисточерными на неровном ледяном узоре. Я говорю озера, но возможно, что это были маленькие бухты или каналы. Причина незамерзания этих водоемов мне была непонятна: нельзя было предположить, что она явилась результатом таяния на материке, где температура воздуха редко поднимается над точкой замерзания. Скорее это могло произойти благодаря сильным донным течениям...

В 4 ч. 45 м. мы пересекли с севера гору Антарктический Маттергорн. Близлежащая местность была покрыта чудовищными трещинами. Они тянулись длинными почти правильными бороздами, а некоторые из них достигали более 70 *м* в ширину. Здесь и там чернели зияющие жерла глубоких колодцев и кратеров...

В 6 ч. 20 м. вечера «Флойд Беннет» снизился в Маленькой Америке. Наш восточный полет с географической точки зрения дал чрезвычайно интересные результаты. Доказано существование огромного пространства суши. Определены очертания побережья. Мэк Кинлей сфотографировал и снял на карту полосу барьера и берега на протяжении 730 *км*. Кроме того, выяснена береговая линия новой страны, открытой нами во время полета 18 февраля.

Фотографии Мэк Кинлея, дающие безошибочную и ясную картину льдов в 1929 г., служат наглядным примером точности современных методов исследования. Ценность снимков не ограничивается нашим временем; они будут представлять не меньший интерес для гляциологов даже спустя много десятков лет, так как по ним можно будет проследить те изменения, которые, несомненно, произойдут с течением времени в ледовых условиях Антарктики.

Открытие новой земли отчасти дает объяснение, почему все попытки проникнуть в эту часть Антарктики с моря неизменно оканчивались неудачами. При северо-западном ветре северная часть побережья, будь то архипелаг или суша, забивается льдом, который скопляется в колоссальных количествах. Я склонен думать, что где-то к северу от открытой нами земли находится архипелаг, питающий в этом районе пак. Только этим, мне кажется, и можно объяснить наличие здесь огромных масс льда...

Новые возвышенности я назвал горной цепью Эдселя Форда, а новой земле присвоил имя Земли Мэри Бэрд...»

Этим полетом закончились исследовательские полеты Бэрда в 1929—1930 гг.

Геологическая партия под начальством Гульда успешно вела свою работу. 20 декабря она достигла 85°27' ю. ш. и 147°30' з. д., откуда Гульд прислал радиограмму: «Окончательно выяснили, что никакой Земли Кармен не существует». Участники этой экскурсии вступили первыми на Землю Мэри Бэрд — американскую территорию в Антарктике. На обратном пути в Маленькой Америке они 25 декабря раскинули лагерь у горы Бетти, на которую некогда поднялся Амундсен, возвращаясь с полюса. Здесь Гульд обнаружил керн, сооруженный Амундсеном и в нем спички, жестянку с керосином и записку: «Достигли южного полюса 14 декабря 1911 г. Обследовали Землю Виктории и пришли к заключению, что Земля короля Эдуарда VII по всей вероятности не соединяется на 86° ю. ш. с Землей Виктории, которая тянется в виде огромной горной цепи на юг на 88° ю. ш. Прошли эту базу на обратном пути с южного полюса, имея с собой провизии на 60 дней, 2 нарты и 11 собак. Все здоровы. Роальд Амундсен».

19 января геологическая партия возвратилась в Маленькую Америку, пройдя 2737,5 *км* и собрав чрезвычайно ценный научный материал.

Съемку Китовой бухты сделали очень быстро. Таким образом план экспедиции полностью был выполнен.

19 февраля 1930 г. вернулось судно «Нью-Йорк» и в тот же день отошло обратно в Дунедин, увозя всех зимовщиков.

Так закончилась первая экспедиция Бэрда, собравшая огромный научный материал, обследовавшая и заснявшая около 400 тыс. *кв. км* суши, открывшая ряд горных цепей, ледников и вершин.

В ноябре 1929 г., когда Р. Бэрд готовился к своему, ставшему знаменитым, полету на южный полюс, Д. Уилькинс снова прибыл на о. Разочарования.

Вместе с ним, на пароходе «Вильям Скорсби» приехали пилот П. Крамер, пилот-механик А. Чисмен и участники прошлогодних полетов О. Портер и В. Ольсен.

Главной задачей экспедиции являлось обследование побережья Антарктиды в Тихоокеанском квадранте от Земли Грахама до Китовой бухты, т. е. от района, который он исследовал в 1928 г., до Маленькой Америки Бэрда.

Полеты предполагалось осуществить на самолетах с лыжами.

Разобрав зимовавшие на о-ве Разочарования аэропланы и погрузив один из них на «Скорсби», члены экспедиции отплыли к югу.

В середине декабря судно достигло о-ва Мельхиора, и 19 декабря Уилькинс совершил удачный пробный полет. Однако ни погода, ни лед не благоприятствовали дальнейшему. Лыжи пришлось заменить поплавками. Хотя подняться с морской поверхности, покрытой плавающими обломками льдин, было очень трудно, Уилькинс успешно справился с задачей и взял курс на юг. Но вскоре полет пришлось прервать и вернуться к судну из-за мокрого тяжелого снега.

31 декабря Уилькинс на самолете, пилотируемом А. Чисменом, снова поднялся в воздух. На этот раз полет прошел весьма успешно. Они достигли Земли Хэрста и засняли на карту 547 *км* береговой линии. Уилькинс проверил правильность географического положения Земли Шарко (открытой в 1910 г. Ж. Шарко). Летчики обнаружили, что она представляет собой остров, а не часть материка, как значилось на картах.

В карту залива Стефенсона, составленную в прошлую экспедицию, Уилькинс внес некоторые детали, незамеченные им раньше.

Невозможность воспользоваться самолетом на лыжах послужила Уилькинсу препятствием к выполнению намеченной программы. Лететь же над материком, не обезопасив себя на случай вынужденной посадки и не создав промежуточных баз и складов, было бы неоправданным риском.

Поэтому, совершив еще раз полет к Земле Хэрста, Уилькинс на этом закончил работы своей экспедиции.

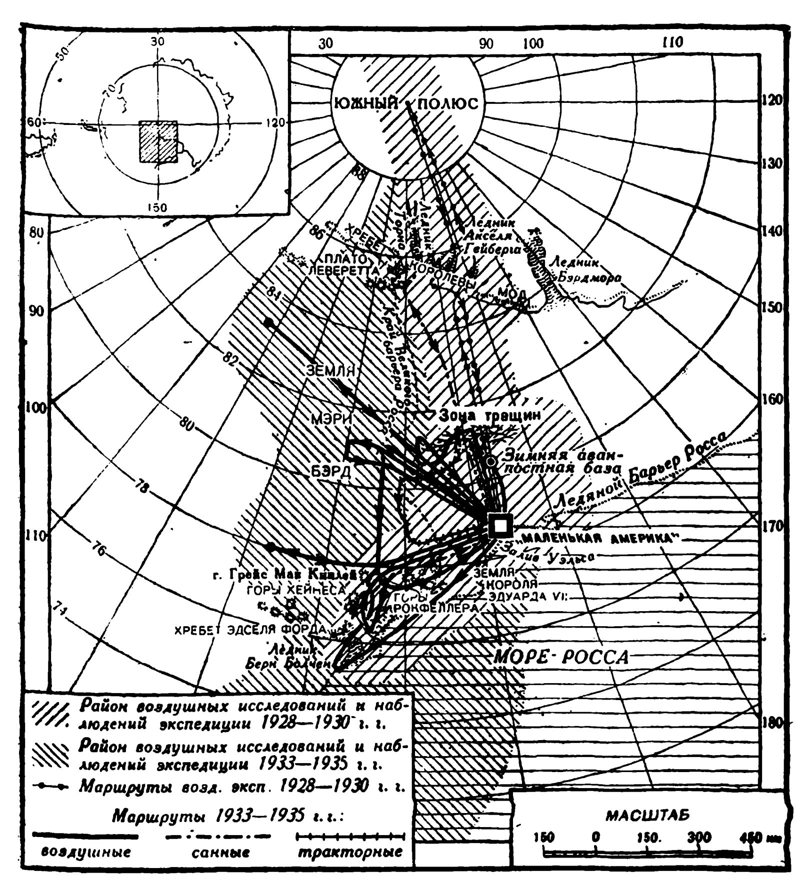
Все же, за два сезона ему удалось заснять огромную часть побережья Антарктики и Земли Грахама и тем сделать солидный вклад в географию полярного материка.

Экспедиция Ричарда Бэрда 1928—1930 гг. явилась своего рода подготовительной для второй, которую он организовал в 1933 г.

22 октября 1933 г. два судна «Джекоб Рупперт» и «Бэр-оф-Оклэнд» двинулись на юг, имея на своих бортах 120 человек, 4 самолета, 6 тракторов, 150 собак, провиант и снаряжение самого лучшего качества, какое только, по словам Бэрда, «удалось выпросить, занять или купить».

В задачи экспедиции входило помимо чисто географических разведок, изучение космических лучей на самых южных широтах, проведение цикла метеорологических наблюдений и, наконец, измерение толщины ледяного покрова на южном полюсе сейсмическим звуковым способом.

Из Новой Зеландии суда направились к месту, которое на картах отмечено пересечением Южного полярного



Карта второй экспедиции Р. Бэрда 1933—1935 гг

круга со 150-м меридианом. Здесь находится центр белого пятна, вдающегося в Тихий океан между 170 и 120 меридианами. «Где-то за этим пятном лежит самая длинная на всем земном шаре неисследованная береговая полоса. Со времен Кука и Беллингсгаузена бесчисленные путешественники пытались пробиться к этому берегу, но путь им, так же, как и Куку, преграждали поля непроходимого льда».

«Джекоб Рупперт» был мало подходящим судном для перехода сквозь паковый лед. Поэтому Бэрд решил войти на нем возможно дальше во льды, а затем совершать исследовательские полеты на гидроплане.

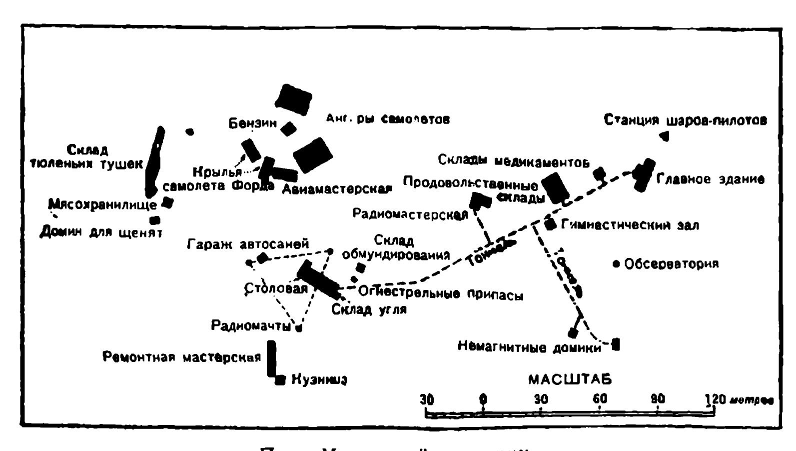
«Рупперт» с трудом достиг 66°45′ ю. ш. и 150°10′ з. д.

Бэрд приступил к полетам. «При первом полете, — пишет Бэрд, — мы почти долетели до 70-й параллели, т. е. более чем на 550 *км* южнее чем кто бы то ни был до нас, и всего за 480 *км* от берега Земли Мэри Бэрд. Повсюду, насколько хватал глаз, море было забито льдом».

Судно вновь попыталось пробиться сквозь льды. «Несмотря на огромные трудности, мы упорно продолжали подвигаться вперед, иногда двигаясь в неисследованных до нас водах. На 120-м меридиане путь к югу был загражден непроходимыми льдами, поэтому «Джекоб Рупперт» пошел к 116-му меридиану. Состояние льда и здесь не особенно благоприятствовало плаванию.

31 декабря пароход остановился на 70°05′ ю. ш. Отсюда 3 января 1934 г. Бэрд совершил второй полет, достигнув 72°30′ ю. ш. и 116°35′ з. д. На обратном пути из-за тумана самолету пришлось итти почти вслепую, пролетая метрах в 15 над вершинами ледяных гор, Только случайно полет не закончился катастрофой.

Повернув к югу, пароход опять вошел в неисследованные воды и поднялся до 69°50′ ю. ш. и 152°21′ з. д. Здесь был совершен третий полет. Придерживаясь 152-го меридиана, Бэрд достиг 71°45′ ю. ш. Этим полетом закончились операции «Рупперта» в восточном секторе и судно взяло курс прямо к Маленькой Америке. Но в феврале 1934 г. после того, как суда были разгружены, Бэрд на корабле «Бэр-оф-Оклэнд» отправился в новое плавание. Судно добралось в северо-восточном направлении до 73°05′ ю. ш., 149°30′ з. д. и только здесь было остановлено тяжелыми льдами. Тогда взяли курс на запад и дошли до 159-го меридиана. Таким образом этот рейс заполнил пробел между



План Маленькой Америки.

воздушными трассами предыдущих полетов и обследованным в 1929 г. побережьем Земли Мэри Бэрд.

Полеты и плавания на кораблях, а также произведенные впоследствии исследования полностью опровергли существовавшее убеждение, что в этом районе Тихого океана находится большая группа островов.

После прибытия судов в Китовую бухту началась, как и в первую экспедицию, лихорадка разгрузочных и транспортных работ. «Прямой путь от судов к Маленькой Америке преграждался непроходимыми торосами — поэтому проложили кружной путь, около 10 *км* длиной; в одном месте, через трещину в 3 *м* шириной был устроен мост из телефонных столбов.

Все запасы, а их было 500 *т*, пришлось перетаскивать по этому пути. В течение трех недель тракторы и сани днем и ночью сновали между складами. Один из самолетов, чтобы ускорить перевозку наиболее необходимого оборудования, сделал двадцать шесть перелетов. Это было тяжелое время. Люди работали так, что буквально валились с ног».

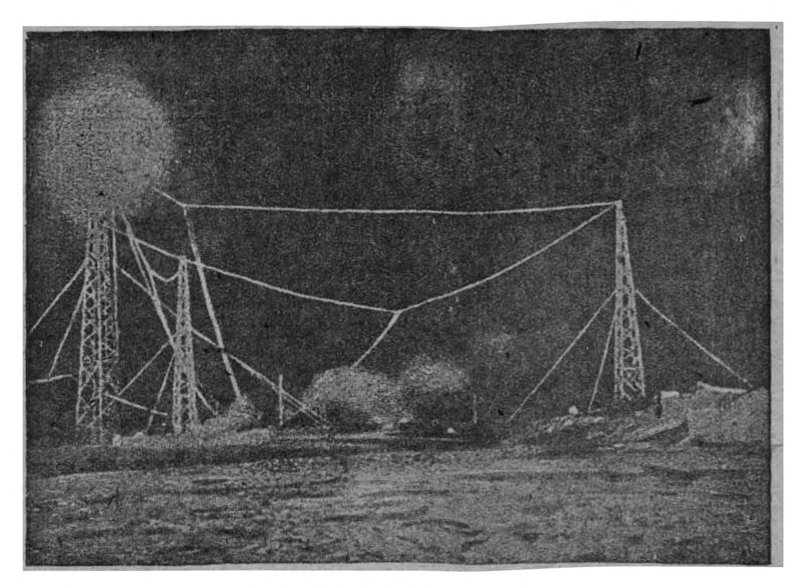
Вокруг Маленькой Америки строился новый городок. Новая Маленькая Америка представляла собой самое большое из всех до сих пор существовавших антарктических поселений. Здесь имелись: электрическая станция, приемопередающая радиоустановка, починочные мастерские, питомник для собак, амбулатория, больница, метеорологическая станция, молочная ферма с коровами, столовая на 28 человек, которая могла превращаться в кинозал и много других построек.

Столовая коридором в 6 *м* длиною соединялась с научным залом. Часть этого зала занимала библиотека. Дверь в перегородке вела в основное помещение научного отдела, где для каждого из научных сотрудников имелся отдельный стол. Посредине комнаты на особом столе находились инструменты для микроскопических исследований. Аппарат для изучения космических лучей помещался в покрытой сукном раме.

Узкий и низкий коридор вел из научного зала в радиостанцию и общежитие на шесть человек. Раз в неделю оно превращалось в радиостудию, откуда транслировались передачи в Нью-Йорк.

Другой низкий коридор вел в сводчатое помещение из двух соединенных между собой комнат, где жили научные работники экспедиции. В одной из этих комнат был расположен «тилтметер», прибор для измерения наклонного движения ледяного покрова.

Отсюда 24-метровый тоннель вел в небольшую пристройку, сделанную целиком из немагнитных материалов. Поме-



Маленькая Америка ночью.

щение нагревалось примусом. Посреди комнаты на особом помосте стоял магнетометр — прибор для измерения магнитного поля земли.

«Если не считать, — пишет Бэрд, — гибели самолета Фоккера при пробном полете, операции аппендицита у кинооператора Д. Пельтера, совершенной непосредственно после тревоги, вызванной пожаром, который грозил уничтожить наши хирургические инструменты, то можно сказать, что осенние приготовления прошли без особых событий».

1 марта 1934 г. группа из 6 человек под начальством А. Тэйлора отправилась на пяти упряжках для организации нескольких складов в направлении 79°56′ ю. ш. Склады должны были облегчить путь экспедициям в этом районе.

22 марта Бэрд на моноплане «Пилигрим» вылетел к месту строительства зимней аванпостной базы, отстоящей на 197 *км* от Маленькой Америки и расположенной на ледяном барьере Росса. Самолет стартовал при температуре —39°. На базе он выгрузил провиант и снаряжение. Бэрд также остался на стоянке.

Партия, руководимая старшим пилотом Г. Джюном (участником экспедиции 1928—1930 гг.), на тракторах добралась до базы.

Было вырыто углубление для небольшого сборного здания, остов которого и продукты были еще раньше доставлены сюда на четырех тракторах из Маленькой Америки.

Домик этот представлял собой легкую складную конструкцию. По внутренним размерам высота его равнялась 2,13 *м*, длина — 4 *м* и ширина — 2,8 *м*. По всей длине здания была устроена веранда шириной 1,2 *м*. Крыша веранды с трех сторон поддерживалась ящиками с продуктами; в ней имелся люк, через который можно было вылезать наружу в случае, если дверь занесет снегом и льдом. В крыше самого дома имелись два окна с армированными стеклами. Всего в доме, не считая двери, которая выходила на веранду, имелись 4 отверстия: одно — дымовая труба для керосиновой печи «Примус» и нагревателя, одно отверстие в 12,7 *см* в полу, соединенное с трубопроходом вентилятора, и два отверстия в потолке по 10 *кв. см* каждое для вентиляции.

На приготовление пищи, отопление и освещение дома в день расходовалось 4,6 *л* жидкого горючего. База была оборудована самой совершенной современной аппаратурой для автоматической записи ветра, температуры и атмосферного давления. Здесь же находились приборы для наблюдения магнитных явлений. Бэрд провел на аванпостной базе в полном одиночестве четыре с половиной месяца.

На время отсутствия Бэрда начальником колонии в 55 зимовщиков в Маленькой Америке был назначен д-р Т. Поультер, ведавший прежде научной частью.

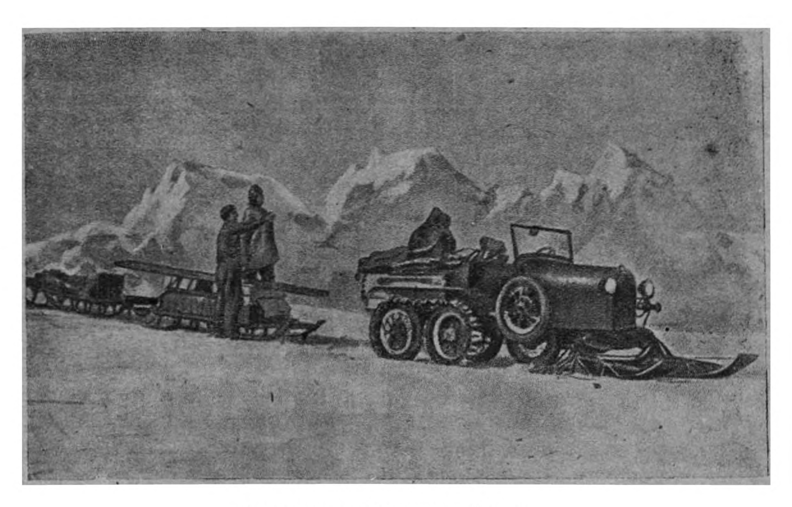
Сначала Бэрд регулярно по радио извещал оставшихся о своем состоянии, но затем передачи стали все реже и реже. Хотя тон их продолжал быть бодрым, Поультер, зная аккуратность Бэрда, заподозрил неладное.

В конце июля и в начале августа были сделаны три неудачных попытки сменить Бэрда.

При первой попытке группа Поультера шла по тропинке, которую отметила флажками еще прошлой осенью партия Тэйлора. Это в большой мере устраняло опасность падения в расщелины. Однако трасса почти целиком была уничтожена снежными буранами. После того, как спасательная группа Поультера оставила позади стоянку 30-й километр, ей приходилось тратить целые часы на поиски и откапывание флажков. Бури и непогода заставили прервать поход и вернуться в лагерь.

4 августа из Маленькой Америки вышел трактор, тянувший трое саней. Три члена экспедиции во главе с д-ром Поультером предприняли вторую попытку добраться до Бэрда. Группа отправилась из лагеря за 15 дней до появления солнца. В пути сани с продовольствием провалились в трещину глубиной около 25 *м*.

7 августа группа вернулась в Маленькую Америку с тем, чтобы на следующий день снова двинуться на юг. Но не прошла она и 5 *км*, как испортился двигатель трак-



Автосани экспедиции Бэрда.

тора и пришлось снова возвращаться обратно. В течение часа поломка была исправлена. Спасательная партия вновь отправилась в дорогу и 12 августа достигла, наконец, цели своего путешествия. Последние 13 *км* Поультер с товарищами шел руководствуясь светом самодельного маяка аванпостной базы. Бэрд прекрасно понимал, какую помощь может оказать маяк шедшим к нему товарищам. Он наполнил коробки из-под консервов газолином и, когда ему позволяли силы, зажигал их подвешивая на шесте.

Бэрд худой и ослабевший ждал у полуразрушенного домика и бодро приветствовал пришедших: «Привет, ребята, входите и грейтесь. У меня есть для вас горячий суп».

Оказалось, что еще в первых числах июня газы от керосиновой печки стали отравляюще действовать на Бэрда. Здоровье его настолько пошатнулось, что он был уверен в смертельном исходе и спокойно готовился к концу.

Кое-как починив печь и улучшив вентиляцию, Бэрд уменьшил количество вредных газов во время топки, и вообще старался топить возможно реже. В двадцатых числах июня он почувствовал себя лучше, но в июле положение снова ухудшилось. Об этом д-р Поультер говорит в своих воспоминаниях: «Мои наблюдения и некоторые замечания адмирала[1] Бэрда убеждают меня, что в первых числах июня и за две недели до нашего прибытия он перенес нечеловеческие страдания. Он был уверен, что

[1] В 1930 г. Бэрд, несмотря на то, что с 1924 г. формально состоял в отставке, получил чин вице-адмирала американского флота.

достиг предела своей выносливости. Он поступил согласно правилам полярников: мужественно доигрывал свою игру. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что он старался убедить нас в безопасности своего состояния, боясь, что мы будем пытаться добраться до него, при этом подвергнем опасности жизнь нескольких человек. Здоровье его значительно улучшилось, но пройдет еще много времени, прежде чем он вполне оправится.

На стене в домике Бэрда висела записка, датированная 15 июня, в которой он сообщал о написанных им письмах к различным лицам и указывал, где они хранятся.

Опасаясь, что трактор прибудет слишком поздно, он оставил на стене записку, уничтоженную при нашем появлении. Просто удивительно, как широко он вел все время научные наблюдения и как аккуратно их записывал, хотя физические силы адмирала были настолько истощены, что заканчивая дневные наблюдения, он уже не в состоянии был выполнять простейшие работы и с величайшим трудом вертел ручку генератора, дважды в неделю связываясь с радиостанцией Маленькой Америки.

Когда Бэрд почувствовал себя очень ослабевшим, он перенес все продукты в помещение. За исключением ежедневно производимых осмотров различных приборов, адмирал все время лежал в спальном мешке. Питался он исключительно консервированным молоком и мукой, томатами, ботвой репы и противоцынготным лимонным порошком».

Возвратившись в Маленькую Америку, Бэрд нашел членов экспедиции готовыми к выполнению намеченного плана работ. Группа Сипля собиралась провести первую научную экспедицию в глубь Земли Мэри Бэрд для изучения ее в геологическом и биологическом отношениях. Партия Брамхэлла и Моргана должна была отправиться на полярное плато. Целью их экскурсии являлось измерение сейсмическим методом толщи ледяного покрова в Антарктиде. Блэкберн с товарищами заканчивал подготовку к биологической экспедиции на хребет королевы Мод.

К концу ноября все группы покинули Маленькую Америку и приступили к работам.

Погода установилась. Можно было начинать исследовательские полеты. О задачах их Бэрд говорит следующее: «Первой из антарктических задач, поддающихся разрешению с воздуха, была проблема так называемого трансконтинентального пролива, разделяющего антарктический материк на две части. Эта теория опиралась на существование двух морей — Росса и Уэдделя, врезающихся в материк с противоположных сторон и образующих в нем как бы две выемки. Однако пока не было доказано существование или отсутствие этого пролива, нельзя было утвер-

ждать, имеем ли мы дело с одним континентом или с двумя.

Вторая задача до известной степени возникла из наших работ в 1929 г. При полете в северо-восточном направлении 6 декабря мы открыли к востоку от 150-го меридиана новую, гористую, покрытую льдом, землю, которую назвали Землею Мэри Бэрд. За хребтом, простирающимся у западной оконечности этой земли, мы видели множество горных вершин. Джюн и его товарищи, в этом году добравшиеся до горы Грэйс Мак Кинлей, подтвердили существование большой группы горных вершин на северо-востоке и установили, что плато тянется дальше к востоку.

Исследование Земли Мэри Бэрд представляло собой увлекательную задачу. Как далеко простираются эти горы в восточном направлении? Являются ли они одним из звеньев той Андийской цепи, которая была прослежена через весь материк до Земли Грахама? Загибается ли плоскогорье к югу, к хребту королевы Мод, чтобы соединиться с высоким полярным плато, или же оно образовывается где-нибудь, скажем, с северной стороны трансконтинентального пролива. Мы надеялись, что ряд полетов к узловым точкам позволит нам разрешить эти проблемы».

15 ноября Бэрд вылетел в первый полет из Маленькой Америки. Намеченный маршрут представлял собой подобие треугольника, основание которого соединяло Маленькую Америку с юго-западной оконечностью хребта Эдселя Форда, вершина треугольника должна была находиться на 81°51′ ю. ш. и 146°30′ з. д.

Этот маршрут был наиболее удачным, так как проходил через центр неисследованной области, «скрывающей загадку предполагаемого пролива»; трасса полета позволяла установить направление открытого Джюном плато, которое, по его наблюдениям, поднималось к востоку от Рокфеллеровских гор и проходило через Землю Эдуарда VII, Землю Скотта и Землю Мэри Бэрд; кроме того, полет по намеченному пути должен был окончательно разрешить вопрос: «является ли Земля Мэри Бэрд архипелагом, континентом вторичного образования, отделенным от основного материка проливом, скованным льдом, или же просто составной частью антарктического материка».

В самолете помещались пять человек. Вначале пролетели по юго-восточной части треугольника трассы, к его вершине, а затем повернули к северу и достигли хребта Эдселя Форда на северо-восток от горы Грэйс Мак-Кинлей на 146°27′з. д. и 77°30′ ю. ш.

Поднявшись над хребтом на 3300 *м*, летчики увидели огромное количество горных вершин. «Они тянулись на восток, — пишет Бэрд, — и казалось вероятным, что эти горы лежат у края материка, образуя звено Андийской цепи.

Самым интересным было то, что у вершины нашего треугольника, где полоса трещин, пересекающих 81 параллель, загибается и образует как бы застывший водоворот у предполагаемого основания плато, мы обнаружили резко выраженное понижение почвы. С помощью высотомера удалось установить, что высота местности составляет здесь всего 120 *м*, т. е. почти в десять раз ниже наибольшего, известного нам, возвышения плато. У нас были все основания предполагать, что если трансконтинентальный пролив существует, то он проходит здесь».

22 ноября снова был организован полет. Бэрду удалось достичь 83°05' ю. ш. и 119° з. д. Перелет дал важные результаты. Исследователи обнаружили «приблизительно на 85-й параллели между 110 и 115-м меридианами, группу вершин, вероятно являющихся продолжением хребта королевы Мод, расположенных километров на 300 восточнее известных до сих пор вершин этого хребта.

В нескольких километрах к юго-западу от понижения замеченного при полете 15 ноября, команда увидела начало плато, которое тянется непрерывно до вновь открытых ледяных вершин между 110 и 115 меридианами».

Чтобы окончательно разрешить вопрос о существовании канала, соединяющего моря Уэдделя и Росса, необходимо было исследовать территорию между 81 и 82-й параллелями к востоку от 147-го меридиана.

23 ноября Бэрд с четырьмя товарищами вылетел для осмотра этой области. «Мы повернули к востоку от того места, где 15 ноября заметили понижение. Когда на 140° долготы и 81°10' широты мы повернули обратно, то обнаружили повышение местности до 405 *м*. Летя обратно и измеряя высотомером высоту льда, выяснили, что в северной части района лед поднимается на 305 *м* и выше.

Итоги этого полета позволили сделать окончательные выводы. Давно отыскиваемого трансконтинентального пролива не существует. Плато Земли Мэри Бэрд тянется непрерывно от Тихого океана до хребта королевы Мод. Восточную границу ледяного барьера Росса удалось, наконец, установить по береговой линии этого плато. Структурное единство Антарктиды проверено; сомнение разрешено: Антарктида — единый материк».

Одна за другой, после предыдущих экскурсий стали возвращаться в Маленькую Америку пешеходные, санные и тракторные партии.

Группа Сипля, отправившаяся на собачьих упряжках к северному побережью Земли Мэри Бэрд проделала огромную и весьма успешную исследовательскую работу. Сипль и его спутники собрали более двух десятков образцов мхов и лишайников, покрывающих горные вершины в этом

районе. Геологические изыскания дали материал, благодаря которому есть основания предполагать, что горы Земли Мэри Бэрд являются промежуточным звеном в цепи Андийской складчатости (гряды), соединяющим Новую Зеландию с Антарктическим архипелагом. В породах геолог партии нашел руды свинца, меди и молибдена.

Геологическая партия Блэкберна совершила большой поход на трех упряжках к леднику Торна. Она поставила своей задачей сделать в этом районе геологический поперечный разрез хребта королевы Мод. В 290 *км* от полюса они обнаружили мощные пласты каменного угля.

Весьма значительны географические открытия, сделанные Блэкберном. Так, «к западу от ледника Торна перед крутым обрывом полярных плато замечены два высоких гранитных хребта и многочисленные холмы; к востоку же от ледника плато переходит в ряд ледяных «цирков», расположенных среди изверженных пород. Было установлено, что поток льда, вливающийся в ледник Торна и названный первой экспедицией Бэрда ледником Леверетта, не ледник, а покрытое льдом небольшое плато. Высота полярного плато у вершины ледника Торна всего 2100 *м*. Плато Леверетта, благодаря своему террасообразному строению, связывает низкое плато Земли Мэри Бэрд с полярным».

Благодаря тому, что в распоряжении экспедиции Бэрда имелась прекрасная аппаратура и новейшее оборудование, удалось провести целый ряд исследований и опытов, давших разрешение многих научных проблем.

Так, например, данные, полученные в результате сейсмического исследования мощности ледникового покрова, по мнению Бэрда, «заставят ученых отказаться от мнения, что прибрежный лед моря Росса морского происхождения. Во многих местах, где мы ожидали найти подо льдом воду, сейсмограф обнаружил наличие земли. Ледяной холм, возвышающийся в 24 *км* к югу от Маленькой Америки, оказался островом, вершина которого возвышается на 300 *м* над уровнем моря. Мощность слоя, покрывающего его льда равна тридцати метрам...

Наблюдения над космическими лучами, проникающими в земную атмосферу из мирового пространства, начатые еще на борту «Джекоба Рупперта», продолжались в течение всего плавания и вошли в повседневный обиход научной работы в Маленькой Америке.

Они подтвердили теорию, что космические лучи состоят в основном из частиц материи, несущих электрический заряд, обладающий большой пробивной силой...

Следует отметить, что экспедиции удалось прекрасно, многосторонне использовать самолеты, которые во время некоторых перелетов служили одновременно четырем це-

лям: открытию новых областей, картографической съемке, аэрологическим измерениям и измерениям возвышений местности. Кроме того, самолеты несли временами разведочную службу, намечая маршруты для саней и тракторов.

Экспедиция широко развила применение радио как орудия полярного исследования. Все исследовательские партии были оборудованы радиоустановками и через определенные промежутки делали по радио донесения на базу о состоянии погоды. Самолеты во время полетов поддерживали радиосвязь с Маленькой Америкой.

Пробыв в Антарктиде два года экспедиция Р. Бэрда в начале 1935 г. возвратилась в Нью-Йорк. Географические и научные результаты этой второй экспедиции Р. Бэрда весьма ценны. Площадь открытой области занимает, по грубому подсчету, 520 тыс. *кв. км.* Эту территорию Ричард Бэрд объявил собственностью США.

Число экспедиций в Антарктику с каждым годом увеличивается. Интерес к ней проявляют многие страны мира. И разве не знаменательны следующие две заметки, промелькнувшие на столбцах европейских газет: «В Мельбурне (Австралия) состоялся научный конгресс, на котором обсуждалась «будущность Антарктики». Полярный исследователь сэр Дуглас Маусон в своем сообщении констатировал, что вокруг южного полюса простирается плато размером в 10 млн. *кв. км,* покрытое вечными снегами. Маусон считает, что Антарктика богата ископаемыми, в частности углем и золотом.

Сэр Маусон предложил на конгрессе создать всебританскую «внутриимперскую» администрацию, которая объединила бы предприятия, созданные «в целях открытия и исследования Антарктики». Первым делом решено основать в важнейших пунктах фактории для экономической эксплоатации богатств Антарктики».

И вторая: «В связи с открытием норвежским нефтеналивным судном «Торшавн» новой земли между 80°45' в. д. и 67°50' ю. ш. и 73°00' в. д., 69°10' ю. ш. в квадранте Эндерби знаток Антарктики Аагаар решительно рекомендует, чтобы Норвегия без всякого промедления потребовала бы равенства в Антарктике и аннексировала все земли, лежащие между восточной границей Земли королевы Мод и западной границей Земли принцессы Марты».

Итак, наступление на Антарктику и ее раздел продолжаются.

Цена 3 р. 05 к.